

№ 3(55). 2022

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июнь 2023 № 3(55)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 911 863 0467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Кияков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 20 июня 2023 года. Тираж: 100 экз. Заказ № 1060.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Григорий Блехман. Уроки Сталина для тыла и фронта в период СВО	5
--	---

Проза

Наталья Советная. Кремень. Повесть. Завершение. Начало в № 1 и 2 – 2023	15
Михаил Поленок. Разведка боем. Рассказ	37
Александр Пылёв. Паломничество. Фантастический рассказ	41
Юрий Жекотов. Тарабанька с Сиреновой улицы. Рассказ	45
Эвелина Азаева. Усталость металла. Рассказ	50
Олег Рябов. Не люблю Париж. Рассказ	61
Николай Юрлов. Слезы луны. Из блогосферного дневника	73
Олег Черницын. Хамло. «Хлэб!». Рассказы	85
Михаил Турбин. Артистический человек. Рассказ	90

Поэзия

Александр Орлов. К освобождению Смоленщины. Стихи	101
Андрей Расторгуев. Он зреющее чувствует острее... Стихи	103
Валентина Коростелёва. Лети, душа! Стихи	106
Геннадий Рязанцев-Седогин. Путём зерна. Стихи	108
Олег Будин. Не угадать... Стихи	111
Ярослав Мальцев. «Люди искусственного интеллекта...» Стихи	113
Дмитрий Аникин. Наша Энеида. Стихи	115
Кристина Арзуманова. «Что с нами случилось?» Стихи	117
Елена Колесникова. В синем шаре хрустальном... Стихи	119

Поэтическая седмица

Игорь Тюленев. В родительском доме... Стихи. Быть в доме своём. Вступительное слово Александра Орлова	121
--	-----

Берега юбилеев

Станислав Федотов. Хочу светить, как лампочка. Стихи. К 85-летию поэта	124
Геннадий Сазонов. «Родина – это люди...» К 110-летию со дня рождения Александра Яшина, поэта, прозаика, фронтовика	127
Александр Лобанов. Мой великий друг. К 70-летию поэта Владимира Подлузского	133

Берега Памяти

Лилия Козлова. Героический прадед – полковник Ф. М. Сидоренко	147
Аркадий Мар. День Победы. Рассказ	149

Берега Новороссии

Алина Баева. Не бойся огня, он греет... Стихи	153
Юрий Хоба. Капитан медицинской службы. Рассказ	157

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко. Багратионовск – город русской славы	165
--	-----

Берега истории

Диалоги. Андрей Маруденко беседует с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским	169
Никола Р. Казански. Русская аристократия в XX веке	174

Берега прочтения

Анатолий Байборodin. Противостояние тьме. <i>О книге Александра Орлова</i> <i>«Купель покаяния»</i>	178
Елена Крюкова. Беспредельный простор. <i>О шеститомнике поэта и прозаика</i> <i>Александра Кердана</i>	183
Вера Сытник. Переключка между прошлым и настоящим. <i>О творчестве</i> <i>Натальи Советной</i>	193
Алла Ермилова. Грозное оружие Александра Грина	199
Валерий Громак. О сборнике «Антология стояния Донбасса»	201

Берега мира

Вадим Терёхин. Праздник весны и поэзии в Стамбуле	203
--	-----

Бережок

Валентин Баюканский. Слава, богатство и хлеб насущный. <i>Сказка о том, как добиться</i> <i>успеха в жизни</i>	205
--	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	208
---	-----

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Автор двенадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат двух международных и многих всероссийских литературных премий.

УРОКИ СТАЛИНА ДЛЯ ТЫЛА И ФРОНТА В ПЕРИОД СВО

5 марта минуло 70 лет с того дня, как Иосиф Виссарионович Сталин ушёл в мир иной. И едва ли не сразу стала всё отчётливей материализоваться широко известная мысль Шарля де Голля, высказанная им в 1966 году в Москве – у могилы нашего вождя: *«Сталин не ушёл в прошлое – он растворился в будущем»*.

Действительно, как показало время – наш единственный беспристрастный, а потому и объективный судья, – предсказание знаменитого лидера Франции оказалось пророческим.

И ещё де Голль сказал: *«Сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено»*.

В связи с тем что для нашей страны этот «момент истины» стал ощутим задолго до 90-х, ещё по мере правления Хрущёва, его острота в современной России усиливается едва ли не ежедневно. Поэтому **обсуждение выдержек из книги** известного военного писателя-историка Владимира Петровича Долматова «СТАЛИН. ГЛАВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ» (Издательский Дом «Комсомольская правда», 2018. – 456 с.) в нынешние очень непростые для России дни напрашивается само собой. Ведь **тактика и стратегия действий нашего военно-политического руководства в период нынешней СВО выглядит пока, мягко говоря, неубедительной ни на фронте, ни в тылу, поэтому и вызывает многочисленные вопросы, домыслы, споры, а нередко и недоумения...**

* * *

Теперь перейдём к самим выдержкам – в данном случае к текстам телеграмм Сталина в очень напряжённые дни первого года Великой Отечественной:

«Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танков на Челябинском тракторном заводе. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед Родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителем своего долга перед Родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами Родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далёком тылу прохлаждались и бездельничали».

Иосиф Сталин. 17 сентября 1941 года

Не прошло и месяца, как ЧТЗ полностью перестраивается для работы на военные нужды в три смены. Об этом докладывает Сталину директор завода Исаак Моисеевич Зальцман.

Через месяц – 20 октября 1941 года, когда немцы уже практически стояли на пороге Москвы, Сталин отправляет ещё две телеграммы в город Горький (ныне Нижний Новгород). Одну – директору завода «Красное Сормово» Дмитрию Васильевичу Михалёву и главному инженеру Григорию Ивановичу Кузьмину. Вторую – директору Горьковского автозавода Ивану Кузьмичу Лоскутову и главному инженеру Александру Марковичу Лифшицу.

В первом послании Сталин пишет:

«Нельзя далее терпеть, чтобы в момент серьёзной опасности для страны и столицы крупный завод в тылу срывал поставку танков (речь идёт о Т-34. – Прим. Г. Б.). Требую в ближайшие дни обеспечить выпуск не менее трёх танков в день, доведя выпуск к концу месяца до 4–5 штук в день.

И добавляет:

«Иначе будем судить вас как преступников, нарушивших свой долг перед Родиной».

А руководству Горьковского автозавода отправляет не менее требовательное и грозное, чем директору «Красное Сормово», послание, которое отличается ещё и более серьёзными цифрами (видимо, исходя из возможностей этого предприятия):

«Нужды обороны... требуют, чтобы ваш завод резко увеличил выпуск танков Т-60 и в ближайшие 2–3 дня начал выпускать по 10–13 (последняя цифра зачёркнута карандашом. – Прим. Г. Б.) танков в день. А к концу октября по 15–18 (последняя цифра тоже зачёркнута карандашом. – Прим. Г. Б.) танков в день».

К декабрю 1941 года все задачи, поставленные Главкомандующим, были выполнены. Причём заводы набрали такие темпы, что к марту 1945 года «Красное Сормово» выпустило уже 10-тысячный танк, а Челябинский тракторный завод – 18-тысячный.

* * *

10 декабря этого же 1941 года – через пять дней с начала очень тяжёлого контрнаступления Советских войск под Москвой – Сталин отправляет телеграммы уже руководителям **авиационных** заводов.

На заводе № 24 в Куйбышеве (ныне Самара) – директор Михаил Ефимович Железняк и главный инженер Анатолий Александрович Куинджи, а также на заводе в городе Молотов (ныне Пермь) – директор Анатолий Григорьевич Солдатов и главный инженер Аркадий Дмитриевич Шевцов получают от руководителя СССР телеграммы одинакового содержания:

«Немцы готовят новые бомбардировщики, скорость которых будет достигать 600 км в час. У нас должен быть достойный ответ. Настоятельно прошу вас в срочном порядке начать серийный выпуск надёжного мотора А-37 со 100-часовым ресурсом, начиная с января 1942 года (с таким мотором истребители-бомбардировщики достигали скорости полёта 655 км в час. – Прим. Г. Б.).

Заканчивается телеграмма так: *«Надеюсь, вы примете все возможные и сверхвозможные меры для быстрого решения этой проблемы. Жду ответа».*

Две недели спустя Сталин отправляет ещё две телеграммы: одну – директору Куйбышевского авиационного завода № 18 Матвею Борисовичу Шенкману, другую – директору Куйбышевского авиационного завода № 1 Анатолию Тихоновичу Третьякову. Текст один и тот же. Его тональность довольно жёсткая и даже угрожающая: *«Вы подвели страну... и Красную армию. Вы не изволите до сих пор выпускать Ил-2. Они нужны Красной армии теперь как воздух, как хлеб. Шенкман даёт по одному Ил-2 в день. Третьяков даёт МиГ-3 по 1–2 штуки. Это насмешка над страной. Если завод думает отбрыхнуться от страны, то жестоко ошибается и понесёт за это кару. Прошу не выводить правительство из терпения и требую выпускать больше Илов и МиГов. Предупреждаю в последний раз!»*

В итоге оба завода в считанные дни переходят на круглосуточную работу (в три смены), увеличивая выпуск Илов и МиГов в разы. Они стали самыми массовыми боевыми самолётами. Особенно немцы боялись штурмовиков Ил-2, которых называли «чёрная смерть». За время войны завод № 18 выпустил их 26 888 (!) единиц.

* * *

Вполне естественно, что Сталин обращает пристальное и постоянное внимание не только на выпуск танков и боевых самолётов, но и на все остальные сферы промышленной деятельности в Советском Союзе. Особенно в начальной фазе Великой Отечественной, когда требовалась быстрая и эффективная перестройка промышленности на военные и оборонные нужды как на фронте, так и в тылу.

Той же осенью – 15 октября 1941 года – первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Михаил Васильевич Кулагин получает от главы государства шифрованную телеграмму такого содержания: *«Сибирский округ должен дать к концу ноября 12 стрелковых дивизий. Госкомитет обороны просит*

Вас сообщить, в каком состоянии дивизии: вооружены ли, как идёт обучение, какие дивизии можно считать готовыми хотя бы для тыловых прифронтовых районов. Просим разбить дивизии на группы по степени их готовности. И каждые три дня давать сводку о каждой группе».

Из истории Великой Отечественной известно, что полтора месяца спустя, во **многом благодаря** именно сибирским дивизиям (а также уральским и горьковским танкам, куйбышевским самолётам) будет **решён исход битвы под Москвой**. Подробно об этом изложено в книге известного военного писателя-историка Сергея Егоровича Михеенкова «БИТВА ЗА МОСКВУ» (М.: Вече, 2019. – 400 с.). В частности, на её страницах автор пишет о **трёх фазах этой исторической битвы** и приводит периоды каждой из них: **первая фаза – оборонительная**: с 30 сентября по 5 декабря 1941 года; **вторая – контрнаступление**: с 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года; и **третья – наступление**: с 7 января 1942 года по 20 апреля 1942 года.

Такой результат впечатляет, поскольку достигнут **при полной мобилизации** всех сил и средств **как в тылу, так и на фронте**, что и привело в 45-м к окончательному разгрому врага не только на территории Советского Союза, но и оккупированных гитлеровской Германией Европейских стран.

Когда читаешь эти документы, зная уже, **в какой опасности находилось в тот период само существование русского мира**, невольно приходит на память знаменитое стихотворение Анны Ахматовой «МУЖЕСТВО», написанное как раз на тяжелейшем начальном этапе Великой Отечественной войны – в 1942 году:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

*Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое, русское слово.*

*Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки.*

Это стихотворение полностью отражает суть всего, что отстаивал Советский Союз в Великую Отечественную и что отстаивает Россия сегодня – в период СВО, а практически начиная с 2014 года. Ведь, по большому счёту, и в начале сороковых, и с 2014 года, когда Киевский режим попытался «загнать в подполье» русский язык и русскую культуру в целом, наша армия бьётся с объединённым Западом против бандеровской части Украины, руками которой НАТО ведёт полномасштабную войну на уничтожение Русского мира и отъём его геополитической составляющей.

Как использует Россия опыт Великой Отечественной в СВО

Поскольку сегодня Россия ведёт войну практически с такими же нацистами – современными фашистами в лице недобитой во время Великой Отечественной бандеровщины, которую всячески (деньгами, оружием, боеприпасами, наёмниками, организацией диверсий в нашем тылу, разного рода санкциями против РФ и материальным поощрением других видов вредительства со стороны «пятой колонны») поддерживают страны коллективного Запада, – сравнение с происходящим в первые годы начала сороковых напрашивается вполне естественно. Тогда ведь Советский Союз тоже противостоял практически объединённой Европе – её армии и финансово-экономическим ресурсам.

Больше того, такое сравнение очень полезно для поиска выхода из сложившегося ныне, мягко говоря, не радужного положения на фронте и в тылу. Ведь в самый грозный период войны Сталин нашёл выход очень быстро, что и обеспечило Советскому Союзу Всемирно-историческую Победу в Великой Отечественной.

Поэтому **невольно при сравнительном** чтении приведённых телеграмм лидера Советского Союза первое, что бросается в глаза, – это **огромная разница между дисциплиной и требовательностью** при Сталине и тем, что происходит в нашем тылу сегодня.

К сожалению, в наши дни такой дисциплины и требовательности, которые **подчинены единению тыла и фронта**, не наблюдается. А **без этого окончательная и безоговорочная победа невозможна**.

Ведь когда Отечество в опасности, такое единение является главным условием для **итогового** успеха.

Конечно, в подобные периоды государство обязано прежде всего обеспечить **эффективную работу** стратегически важнейшего для победы оборонно-промышленного комплекса – его переход на военные рельсы. Тут пример деятельности Сталина является эталонным именно потому, что всем известен результат Великой Отечественной.

* * *

Теперь немного подробнее об этом.

Сначала о наших фронтовиках. Они, как и советские воины в первой половине сороковых (и до полной, безоговорочной капитуляции гитлеровской коалиции в 45-м), являются гордостью страны, поскольку делают всё от них зависящее для победы над силами зла. Нередко и ценой собственных жизней, здоровья... Низкий им поклон.

А вот по поводу того, что происходит в нашем тылу, вопросов к военно-политическому руководству России немало. И прежде всего – к непозволительно либеральному состоянию в среде так называемых «мастеров культуры», поскольку в любые времена культура как таковая является **фундаментом** для развития остальных аспектов функционирования государства. Ведь именно **культура определяет и формирует духовную настроенность человека**, то есть политическую и нравственную позицию. В частности, её важнейший компонент – **чувство патриотизма**.

Тут-то у нас, мягко говоря, не всё в порядке.

Примеров тому тьма. Их встречаешь на каждом шагу ежедневно. Хотя издревле известно, что **остов культуры во все времена – это Слово**. Ведь, как гласит первая строка Евангелия от Иоанна («Новый Завет»): «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Эта мысль послужила истоком очень многих поэтических посвящений «Его Величеству Слову». В частности, выдающийся поэт Серебряного века Николай Гумилёв в одном из лучших стихотворений мировой философской лирики, которое он назвал «Слово» и считал для себя знаковым (1919), пишет:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине...*

Несколькими десятилетиями позже у советского поэта, журналиста, военного корреспондента Вадима Шефнера в стихотворении «Слова» (1956) зазвучат строки, которые К. М. Симонов назвал ударными:

*...Есть слова – словно раны, слова – словно суд, –
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.
Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести...*

Думаю, едва ли можно сказать лучше, потому что именно Слово является важнейшим компонентом, формирующим человека, поскольку оно создаёт для этого формирования главное – атмосферу в обществе. А чтобы само слово было верным, необходимым для достижения цели, к которой стремится общество или подавляющее его большинство, **необходима твёрдая политическая воля, которая зависит от личности, стоящей во главе этого большинства**.

* * *

При анализе состояния нашего тылового общества в период СВО отчётливо видишь следующую картину.

Подавляющее большинство людей современной России **хочет нашей победы** в войне с бандеровщиной. Однако, как выяснилось с самого начала наших военных действий, не все. И эту категорию явного меньшинства, **хоть и очень условно**, можно разделить на три группы:

1. **Пассивная прослойка гражданской гнили**, предпочитающая сейчас принцип «моя хата с краю», то есть пока *отсидеться и посмотреть, чья возьмёт*. А потом, с максимальной выгодой для себя, примкнуть к победителям, оставаясь при этом такой же *скрытой внутренней оппозицией*.

2. **Вредители, проявляющие осторожную активность**. Это очень хитрая категория внутренних и потому самых коварных врагов, поскольку они всегда **предпочитают бить в спину**. Причём исподтишка и именно в тот момент, когда удар абсолютно неожиданен. Такая шваль издревле зовётся «**пятой колонной**». Именно из-за неё так много недоумевающих вопросов к действиям нашего военно-политического руководства в тылу и на фронте. Причём не только сейчас. Так, 25 ноября 2022 года на встрече с матерями военнослужащих, участвующих в СВО, наш **президент признал ошибочным восьмилетний курс на возвращение Донбасса Украине** в рамках Минских договорённостей. Хотя уже в 2014 году было ясно, что путь Донбасса может быть лишь таким, как путь Крыма и Севастополя. Вряд ли кому-то непонятно, что **именно «пятая колонна» очень результативно потрудились и тут**, убедив главу государства принять тогда такое решение, которое очень дорого обходится сегодня России.

3. Есть и **категория людей интеллектуально инфантильных** – не наученных отделять «зёрна от плевел». Это в основном современные «недоросли», о «невинных шалостях» которых написал, в частности, в своей статье «О САМОМ СУЩЕСТВЕННОМ. ГРЯЗЬ И ЧИСТЫЕ ПОРЫВЫ» (сайт «Российский писатель», от 7.04.23 г.) поэт и публицист Александр Бобров. Там же, кстати, Александр Александрович написал и о двух других категориях современных «меньшевиков».

Поэтому у подавляющего большинства – современных «большевиков» российского общества, воспитанных старшим поколением, работы хватает. Ведь препятствия от осознанного или в разной степени невольного внутреннего врага встречаешь едва ли ни на каждом шагу.

Вот почему в СМИ так много сегодня информации о том, что **состояние в области культуры современной России в целом очень неблагоприятно**.

За примерами далеко ходить не надо. В частности, не так давно генеральный директор издательства «Вече», управляющий вице-президент Российского книжного союза, член правления Союза писателей России Леонид Леонидович Палько в беседе с корреспондентом Игорем Паниным (Литературная газета. 2023. № 12 (6877). С. 12–13) поведал следующее: *«Мы только что издали “Неотправленные письма” Олега Роя. Это – один из первых романов о специальной военной операции. (Олег Юрьевич Рой – известный российский писатель, сценарист, общественный деятель, член правления Ассоциации анимационного кино. – Прим. Г. Б.) Рой – видный автор, но порядка семи издательств отказались издавать “Неотправленные письма”. Министерство обороны обратилось к нам, мы быстро издали эту книгу (Изд. «Вече», 2023. – 320 с.). Но я удивился тому, что в одном московском книжном магазине её не стали брать. Это – один из крупнейших магазинов, он у всех на слуху. Товаровед отказался принимать книгу, поэтому я позвонил директору. Она ответила, что, наверное, это всё исходит из того, что Олег Рой в последнее время не очень хорошо продаётся. Книгу в итоге взяли, но сам случай показателен»*.

Не правда ли, и директор и товаровед явно относятся к одной из категорий современных «меньшевиков». **В конечном счёте – это ведь вредительство. Причём безнаказанное.**

Вредят и представители более высоких инстанций, от которых, казалось бы, можно было ждать действий противоположной направленности. В прошлом году, например, во время Всемирной книжной выставки-ярмарки на Красной площади председателю нашего Правления Николаю Фёдоровичу Иванову **стоило немалых трудов, чтобы в павильоне Союза писателей России звучали стихи, посвящённые СВО**. Причём это был **единственный павильон, где поэты могли читать такие стихотворения**. Потом наш председатель, опять же, подключив своих соратников из секретариата Правления СП России, инициировал процесс издания сборников поэзии (а затем и прозы) о СВО, добившись в Министерстве обороны выделения на это денежных средств.

Сейчас таких сборников уже семь. Хотя, **казалось бы**, такая инициатива должна исходить из кабинетов военно-политического руководства страны.

Именно Союз писателей России, преодолевая разного рода препятствия представителей «пятой колонны», коих в руководстве так называемого «культурного фронта» страны немало, организует **постоянные** поездки наших культурных «десантов» в госпитали прифронтовых с Донбассом областей – Белгородской, Ростовской, Курской, Брянской, а также в госпитали Донбасса.

Там наши «десантники» беседуют с ранеными и медицинским персоналом из добровольцев, привозят им письма родных, рисунки детей, читают свои стихи... Там же выступают и наши артисты разных жанров.

Такие поездки дорогого стоят, так как позволяют не понаслышке знать о происходящем на фронте – самим почувствовать состояние боевого духа наших защитников Отечества всех званий. Кроме того, что не менее важно, общение фронтовиков с группами наших «десантников», постоянно приезжающих к ним из тыла, даёт возможность и воинам **непосредственно чувствовать** наше тепло, единение и гордость ими.

Конечно, поступают на Донбасс и книги. Естественно, что бесплатно (!!!). Иначе и быть не может.

Тот же Леонид Палько в продолжение своего рассказа корреспонденту «Литературной газеты» Игорю Панину поведал следующее: *«Несколько лет назад было столетие комсомола (конец октября 2018 г. – Прим. Г. Б.). И я у себя в родном Новосибирском университете открывал читальный зал. Находясь там, принял звонок по телефону. Неизвестный номер. Женский голос в трубке: “Узнаёшь?” В такой момент в памяти любого человека начинают мелькать детство, юность, период вхождения в большую жизнь... Оказалось, это Вика Соколова, которая у меня была в факультетском бюро комсомола. 36 лет до этого мы не общались. А теперь она – начальник отдела культуры в Макеевке. Я ей сообщил, что вот прямо сейчас в родном университете дарю книги. А она попросила подарить и им, так как в Донбассе уже пять лет не было никакого снабжения. Естественно, обменялись контактами.*

Я стал проговаривать ситуацию с Министерством по чрезвычайным ситуациям – как доставить книги в ДНР. Сформировали пакет и отправили в первый раз 4,5 тысячи книг в Макеевку – по библиотекам и так далее; договорились, как и что. Я собрал команду людей. Поехали Николай Фёдорович Иванов, Сергей Николаевич Дмитриев, я и Святослав Юрьевич Рыбас (писатель-историк, драматург, почётный гражданин города Донецка. – Прим. Г. Б.), пригласили известных актёров – Юрия Владимировича Назарова и Людмилу Васильевну Мальцеву. По прибытии всё увидели своими глазами. Там, конечно, чистенько, аккуратненько, но видно, что были прилёты: разбитые окна, посечённые осколками стены. Явственно просматривается в лицах боль людей. Но они живут и не сдаются. Может, это весна подействовала, может, что-то ещё, но я очень проникся к этим людям; такие они откровенные и негибкие. Через полгода приехали снова...»

Необходимо отметить, что в этом году в серии «Библиотека Донбасса» вышла книга «ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ ДОНБАССА» (М.: Изд. «Вече», 2023. – 528 с.). Так что **Союз писателей России** и в этом – сегодня главном – направлении работает в полную силу, являясь, по большому счёту, **«центром кристаллизации» всех здоровых сил нашей страны.**

Участники каждой из таких поездок по прибытии обратно подробно рассказывают на регулярных секретариатах Правления нашего Союза об атмосфере и результатах встреч, при любом удобном случае рассказывают об этом в других аудиториях, а также публикуют отчёты в наших патриотических СМИ.

Например, в начале месяца на сайте «День Литературы» первый секретарь Правления СП России Геннадий Викторович Иванов представил краткий отчёт о поездке под Кременную в составе агитбригады, куда кроме него вошли поэт Виктор Фёдорович Кирюшин, вокальная группа Центрального военного округа Екатеринбурга, рок-группа «Демарш» из Москвы, автор и исполнитель православно-патриотических песен, лидер группы «ЕСЛИ» Станислав Бартенев и лектор Российского военно-исторического общества (к сожалению, кто именно, не указано). После выступлений каждого в своём жанре наши «десантники» из тыла беседовали с воинами, чтобы понять, что там и как на данный момент, и конечно, как всегда, дарили книги. В своём рассказе по возвращении Геннадий Иванов поведал следующее: *«Моральный дух у наших нормальный. Нет ни глупого гонора и нет никакого пессимизма. Чувствуется понимание, что война – это тяжёлая работа, и надо её выполнить. И добиться победы».*

С начала СВО таких поездок представителей нашего патриотического культурного сообщества немало. И как уже отмечал, они регулярны. Что, конечно же, является отчётливой характеристикой основной категории деятелей культуры в непростые для России времена.

Кроме того, есть немало людей, которые добровольно организуют сбор средств на гуманитарную помощь жителям Донбасса, а также для наших фронтовиков – на закупку тёплой одежды, обуви, бронежилетов, соответствующих военно-транспортных средств, тепловизоров военного назначения.

В частности, очень активен и результативен в этом известный политический обозреватель и эксперт, глубоко верующий христианин Сергей Александрович Михеев, который едва ли не ежемесячно приезжает на Донбасс, где его всегда ждут.

Честь, хвала и огромное уважение таким организаторам и сотням тысяч россиян, которые сразу на это откликнулись. Хотя такое положение дел является **не лучшей характеристикой нашего высшего военного ведомства**, а по большому счёту – **военно-политического руководства страны**, поскольку обеспечить фронтовиков всем необходимым – **обязанность государства**. Слава богу, добровольцы постоянно закрывают такие брешы. Иначе жертв среди наших фронтовиков было бы ещё больше.

Вряд ли, даже при самом сильном воображении, можно себе представить, что подобное положение дел на фронте могло бы быть при Сталине. Так же как и невозможно помыслить, что при Сталине **в нашем тылу** могло бы иметь место подобное тому, о чём, например, неустанно пишет наш видный публицист Александр Александрович Бобров, приводя всё новые факты действия «пятой колонны», которые уже явно отражаются на отношении к СВО нашей инфантильной категории людей, представляющих собой *«племя младое, незнакомое»*.

Это отражение стало особенно заметно, когда началась первая волна мобилизации. Немалое число молодых «защитников Отечества» (иначе, чем в кавычках, о них не скажешь) тут же, *«задрав штаны»*, побежали в страны ближнего и дальнего зарубежья. Конечно, в этот период вскрылась и недолжная работа в немалом числе военкоматов, которую только-только пытаются исправить. И тут опять вопрос к высшему военному ведомству страны и даже к военно-политическому руководству: ведь не с неба же к этим чиновникам-уклонистам разных категорий свалилось желание жить по законам «страусиной политики». Значит, суть знаменитой фразы Шекспира *«Не всё благополучно в Датском королевстве»*, к большому сожалению, **относится и к современной России**.

В частности, и поэтому вместе с Александром Александровичем Бобровым сегодня *«к штыку приравняли перо»* уже многие коллеги из Союза писателей России. Так, в последнее время прекрасный поэт и прозаик Светлана Николаевна Макарова-Гриценко предстала перед читательской аудиторией ещё и как очень хлёсткий, предметный публицист. То же могу сказать и о Василии Владимировиче Дворцове, Валентине Валентиновне Ефимовской, Александре Никитиче Севастьянове, Андрее Ильиче Фурсове, Валерии Васильевиче Хатюшине...

В этом отношении наш Союз показателен ещё и явной преемственностью поколений. Ведь так же с самого начала Великой Отечественной *«к штыку приравняли перо»* Александр Александрович Фадеев, Константин Михайлович Симонов, Александр Трифонович Твардовский, Михаил Аркадьевич Светлов, Андрей Платонович Платонов, Аркадий Петрович Гайдар, Юрий Васильевич Бондарев, Евгений Петрович Петров, Самуил Яковлевич Маршак, Илья Григорьевич Эренбург, Валентин Петрович Катаев, Михаил Александрович Шолохов...

К счастью, можно долго перечислять имена членов Союза писателей России, чья гражданская лирика сегодня адекватна серьёзным боевым единицам. Но ограничусь пока поэтами-фронтовиками: ушедшем на днях в мир иной Юрием Волком (Юрий Юрьевич Вологодский) – светлая ему память, и Алексеем Алексеевичем Шороховым, находящимся и ныне на Донбассе с оружием в руках. Стихи этих поэтов рождены от **непосредственно** пережитого в боевых действиях.

Имена остальных достойнейших поэтов, которых, к счастью, очень много, не называю лишь потому, что невольно могу кого-нибудь забыть и тем самым незаслуженно обидеть. Да каждый из них и так знает о моём восхищении их гражданской лирикой, посвящённой СВО, поскольку всегда откликаюсь комментариями на эти публикации моих уважаемых коллег.

Немало таких стихов с самого начала СВО опубликованы на сайте «Российский писатель», где и поныне, постоянно пополняясь, находятся там – в рубрике «РАТНОЕ СЛОВО».

С 2014 года почти постоянно находятся на Донбассе журналисты: военные корреспонденты «Комсомольской правды» Дмитрий Штешин и Александр Коц и потомственный офицер, а позже военный

журналист, специальный корреспондент ВГТРК Александр Сладков, а также его коллега по ВГТРК Евгений Поддубный. С 2022 года каждый из них едва ли не ежедневно освещает события, происходящие в зонах боевых действий. И каждый из них работал перед этим во многих горячих точках. Кроме того, информацию о происходящем в каждый текущий момент очень убедительно анализирует известный украинский дипломат, а с октября 2014 года – гражданин России, президент центра системного анализа и прогнозирования Ростислав Ищенко, который является постоянным гостем многих российских радио- и телеканалов, а также патриотических СМИ. Впрочем, можно долго приводить имена наших журналистов и аналитиков, чей труд помогает ежедневно оценить обстановку на фронте и в международной политике.

Ещё несколько лет назад основательница и главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко ввела в каждый выпуск раздел «Берега Новороссии», где регулярно публикуют свои произведения поэты, прозаики и публицисты Донбасса, а также жители других мест русскоязычного мира, кто поддерживает сражение наших воинов с бандеровщиной. Кроме того, свои впечатления от регулярных поездок на Донбасс Лидия Владимировна опубликовала в книге очерков «МОЙ СВЕТЛЫЙ, ГОРЯЧИЙ ДОНБАСС» (Красноярск: Изд. «ЛИТЕРА-принт», 2022. – 112 с.).

Кроме этого, 18 декабря 2022 года Лидия Довыденко организовала поездку небольшого литературного «десанта» в военно-морской госпиталь Калининградской области, где проходят лечение и реабилитацию раненые в СВО. Встреча была очень тёплой – писатели читали стихи поэтов-классиков и свои произведения, дарили авторские книги и свежий номер журнала «Берега», где многие публикации посвящены происходящему на фронте в период СВО. А автор и исполнитель Вадим Новожилов пел под гитару свои песни.

14 января 2023 года был издан коллективный сборник писателей России и Донбасса – 38 авторов – «Антология стояния Донбасса» под редакцией Лидии Довыденко, презентация которого прошла в Семёновском полку в Москве, в Доме офицеров Балтийской военно-морской базы и на других площадках.

Один из видных знатоков жизни и истоков творчества Ф. И. Тютчева, литературовед, зам. директора Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф. И. Тютчева Ольга Николаевна Горелая после поездки в Новороссию написала очерк «Непокорённый Донбасс», где поделилась своим ощущением от увиденного там и услышанного от местных жителей. Очерк был опубликован на сайте «Российский писатель» в сентябре 2021 года и имел широкий читательский резонанс.

Ольга Горелая приняла деятельное участие в подготовке выхода книги поэта-фронтовика Юрия Волка под названием «А завтра будет май». В частности, Ольга Николаевна написала предисловие к этой книге. К сожалению, поэт скончался прежде, чем книга увидела свет. Чуть позже на сайте «Российский писатель» вышла публикация Ольги Горелой «Мы жить обязательно будем» (Воин и Поэт Юрий Волк), которая имеет широкий читательский резонанс, поскольку благодарная память о Поступке, человеческих качествах и литературной одарённости этого Человека, уверен, не будет иметь срока давности.

Сергей Иванович Котьяло на сайте «День Литературы» в мае 2018 года опубликовал очерк из своей прифронтовой тетради, который назвал «Жёны-мироносицы». Привожу небольшой фрагмент: *«Завершила очередной этап литературно-историческая экспедиция “Донбасс – земля героев!” и акция молодых писателей России “Вахта памяти”. Молодые вернулись на Большую землю первыми. Старики остались выполнять свой гражданский долг: мотаться по окраинам линии соприкосновения, в Зайцево, например, по детским домам и интернатам, встречаться с военнослужащими, навещать раненых и обездоленных. Но сегодня я о мужиках ни слова не скажу, а только о женищинах...»* И дальше Сергей Иванович делится непосредственными впечатлениями с мест прифронтовых событий, где, если кратко, главное, что произвело очень сильное впечатление на участников писательской экспедиции, – великая роль женщин: матерей, жён, невест, сестёр... в широком диапазоне поддержки мужчинам и детям разного возраста на этой – ставшей с 1914 года огнеопасной – территории.

Вряд ли можно переоценить регулярные, острые, философски глубокие аналитические телевизионные передачи Никиты Михалкова под созданной им рубрикой «БЕСОГОН». В них известный кинорежиссёр, а ныне ещё и активный политический деятель-просветитель убедительно, на фактологической основе показывает «кто есть кто» и суть происходящего в течение всего периода СВО.

Замечательные песни написали наши поэтически одарённые музыканты и исполнители Ярослав Дронов (спенический псевдоним «Шаман») и Дмитрий Полторацкий. Эти песни – «Встанем», «Я русский», «Моя Россия» (Дронова), «Голубые береты», «Мы вернёмся с войны», «Спецназ» (Полторацкого) – в разных аудиториях России, и особенно на Донбассе и в Крыму, люди слушают стоя. Так же встречают и выступления группы «Любэ», где с момента создания этого музыкального коллектива солирует Николай Расторгуев, и аудиозаписи песен трагически ушедшего – убитого перед выступлением – в мир иной в 1991 году Игоря Талькова, которые звучат так, будто написаны сегодня.

Известный рок-музыкант Гарик Сукачёв в самом начале СВО, когда некоторые известные деятели культуры (Хаматова, Макаревич, Гребенщиков...) побежали из России, создал современную версию песни, написанной ещё в 1992 году лидером группы «Чёрный обелиск» Анатолием Крупновым: «Я остаюсь! Там, где мне хочется быть». В ней есть такие – наполненные патриотической глубиной – строчки:

*...Я здесь привык, я здесь как будто в строю...
.....
Я на ногах здесь так твёрдо стою,
А чтоб стоять, я должен держаться корней...*

Эту песню вместе с ним сразу же исполнили и продолжают под овации слушателей исполнять на многотысячных площадках для рок-фестивалей его товарищи-единомышленники – очень многие рок-музыканты, которые объединились с Сукачёвым в общую группу.

Такая реакция людей на духоподъёмные патриотические песни дорогого стоит, поскольку отчётливо показывает, что у подавляющего большинства из нас чувство Отечества не атрофировано.

А чтобы очистить наше общество от опасного для него меньшинства, вставляющего на каждом шагу в такой ответственный момент – период СВО – «палки в колёса», тоже есть **очень убедительный пример из Великой Отечественной**: созданная по инициативе Иосифа Виссарионовича Сталина структура под названием **СМЕРШ** (смерть шпионам), подчинявшаяся ему напрямую. Об истории её создания подробно изложено в книге «СМЕРШ 1943–1946 гг. Главные документы и оперативные материалы» (М.: Изд. «Комсомольская правда», 2023. – 368 с.), которую, основываясь на недавно рассекреченных оперативных документах из государственных и ведомственных архивов, в том числе из архива ФСБ, тоже написал военный писатель-историк Владимир Петрович Долматов. На её страницах, в частности, рассказывается, что **весной 1943 года решение создать организацию под названием «Смерш» принял лично Сталин**. Он же и предложил это название. Перед этим Сталин пригласил к себе в кабинет почти всех **начальников особых отделов** фронтов, армий и центрального аппарата; переговорил и выслушал соображения каждого, после чего сразу – 19 апреля – появилось постановление Совнаркома СССР: «*Управление особых отделов НКВД изъять из его ведения и передать Народному комиссариату обороны, реорганизовав в Главное управление контрразведки «Смерш»*». В этом документе Совнаркома чётко указаны задачи «Смерш»: борьба со шпионской, диверсионной, террористической деятельностью в частях Красной армии; борьба с антисоветскими элементами, проникшими в Красную армию; **борьба с предательством и изменой Родине**; борьба с дезертирством на фронтах. Кроме того, в обязанности «Смерша» входило пресечение прохода агентуры противника через линию фронта, а также проверка побывавших в плену и в окружении противника. Эта проверка, обросшая со времён Хрущёва и его приспешников лживыми мифами, длилась **не более двух месяцев**. После чего военные, не вызвавшие доказательных подозрений, отправлялись на фронт, а штатские – по месту их прежнего проживания и работы в тылу. Тех же, чья предательская вина была доказана, направляли в места заключения.

Свой «Смерш» был создан и на флоте, и в НКВД – для работы в пограничных, внутренних войсках и в милиции.

За весь период с момента создания «Смерш» обезвредил более 30 тысяч шпионов, более 3,5 тысячи диверсантов и более 30 тысяч террористов. Кроме того, **совместно с Генштабом «Смерш» создал систему дезинформирования противника в «скрытом эфире»**. К такой работе, в частности, привлекали агентов противника, явившихся с повинной, или арестованных после забрасывания на парашютах в наш тыл немецких военных разведчиков, освобождая их от уголовной ответственности. Масштаб такой «войны в эфире» впечатляет, поскольку от их лица передавались в Германию радио-

граммы о якобы планах действия нашей армии и флота в разных направлениях. Эти «сведения» составлялись «Смершем» настолько убедительно, что давали серьёзные результаты.

Кстати, мало кому до сих пор было известно, что Герой Советского Союза Марина Раскова, будучи командиром легендарного женского авиаполка, до самой гибели оставалась старшим оперуполномоченным авиаотдела «Смерша».

Одну из задач «Смерша» – **«борьба с предательством и изменой Родине»** – выделил жирным шрифтом намеренно, поскольку она очень бы не помешала нам сегодня по отношению к **нынешней «пятой колонне», которая наносит существенный вред во всех видах деятельности России** в период СВО. О чём, собственно, пишут и говорят во всех патриотических СМИ.

* * *

Резюмируя изложенные здесь факты и размышления, можно сказать следующее:

1. Сейчас, как и с первых дней Великой Отечественной, перед страной настал «момент истины». В Великую Отечественную лидер Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин сумел организовать на фронте и в тылу дело так, что все те огромные трудности, которые обрушились на страну в начальный период войны, были с честью преодолены. А сам Сталин был безоговорочно признан во всём мире Великим ещё при жизни.

2. Если сегодняшний лидер современной России **Владимир Владимирович Путин сумеет преодолеть неолиберальные сети, которыми усердно опутывает его «пятая колонна»,** и тоже, как во время Великой Отечественной Сталин, организовать на фронте и в тылу дело надлежащим для победы в СВО образом, **победа не только будет за нами, но и сумеем избежать многих, не относящихся к категории неизбежных, потерь наших фронтовиков.**

А телеграммы Иосифа Виссарионовича привёл в начале собственных размышлений для того, чтобы сопоставить действия Сталина и Путина в такие моменты, а также, что самое важное, – **результаты действий одного и другого лидеров.**

Для этого же привёл и краткое содержание другой книги Владимира Долматова, составленной из документов о «Смерше».

Больше того, разговор о результатах деятельности «Смерша» повёл ещё и потому, что **с каждым днём всё опасней для России становятся действия высокопоставленных чиновников от культуры, которая является важнейшей категорией, напрямую связанной с национальной безопасностью страны.** Поэтому вполне естественно, что нам сейчас остро не хватает структуры, подобной сталинскому «Смершу».

Дай бог, чтобы уроки Сталина пошли впрок нынешнему главе государства.

Мы же – члены Союза писателей России, каждый на своём месте, будем и дальше делать всё от нас зависящее, чтобы полная и безоговорочная победа в СВО, а также максимальное очищение нашего общества от «крыс» в лице «пятой колонны», всякого рода «уклонистов» и другой швали из мастеров «кукиша в кармане» наступили как можно скорее. Ведь от нас действительно многое зависит, поскольку слова замечательного поэта Василия Дмитриевича Фёдорова, написанные в 1955 году в стихотворении «Сердца»:

*Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг.
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя,*

не являются фигурой речи, а остаются истиной, проверенной ходом многовековой истории.

Проза

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и альманахах: «Литературная учёба», «Наш современник», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Берега» (Калининград), «Александръ» (Мичуринск), «Симбирск», «Петербургская литература», «Территория слова» (ЛНР), «Крылья» (ЛНР) и др. Участница многих коллективных сборников. Автор 16 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т. ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель Серебряного Витязя в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КРЕМЕНЬ

Повесть

Завершение. Начало в № 1, 2 – 2023

ГЛАВА 15

МАРАФОН

В береговую охрану Иван так и не попал. Пока призывники ожидали в военкомате «купца», он забрался на верхние нары и уснул. А когда проснулся, ребят уже не было. Теперь его направили в Петрозаводск, в войска противовоздушной обороны. Двое суток в пути, и вот он уже на месте – в отдельном радиотехническом батальоне, в хозяйственном взводе.

Когда до родителей долетела весточка, что служит сын старшим кинорадиомехаником, у Ефросиньи Ивановны отлегло от души: служба не опасная – крути в клубе кинофильмы, обеспечивай работу радио и музыкальное оформление танцевальных вечеров, которые периодически устраивались для военнослужащих, даже девчата приезжали из Петрозаводска. Ещё Иван был незаменимым художником, оформлял Ленинские комнаты, Красные уголки, стенгазеты, поздравительные листки, писал праздничные плакаты, готовил транспаранты. В дополнение ко всему на него возложили обязанности почтальона и каптенармуса¹.

В те дни, когда солдаты возвращались с дальних постов у границы с Финляндией, Хитько выдавал им коньки, лыжи, заряжал в самолично отремонтированный магнитофон катушку с музыкальными записями и, пока она крутилась, сам вставал на лыжи. Успевал пробежать круг в десяток километров. Возвращаясь, ставил новую катушку – и опять на лыжи. Самовольные тренировки не ускользнули от бдительного глаза капитана Туманова, отвечавшего за воспитательную работу в части.

¹ Должностное лицо в воинской части, ведающее хранением и выдачей имущества, продовольствия.

– Ефрейтор Хитько, вам вместе с рядовым Бояновым выпала честь принять участие в лыжных соревнованиях взводов. Побегите марафон на пятьдесят километров! – скомандовал капитан. И уже дружеским тоном добавил: – Выручай, Ваня, на тебя вся надежда!

Если бы на десять километров, на пятнадцать, даже двадцать, Хитько с радостью бы воспринял приказ, тем более что был уверен в себе, но на пятьдесят!

– Вы только не гоните сразу, берегите силы, главное – дойти до финиша, – наставлял Туманов, с сомнением глядя на невысокого, щупленького Ивана. По сравнению с плечистым, плотного телосложения Бояновым ефрейтор выглядел мальчишкой. «Ничего, пусть маленький, худой, зато жилистый да тренированный! – успокаивал себя. – Заменить всё равно некем».

– Дойти до финиша! Это приказ! Ясно?

– Так точно! – вытянулись в струнку лыжники. Десять километров Хитько проскочил незаметно, легко намотал ещё десятку, но тридцатый дался непросто. Руки-ноги работали автоматически, а в висках застучало: «Ещё двадцать! Не добежать. Сил нет. Задыхаюсь».

Боянов, красный, потный, даже пар от него, давно отстал, плёлся по лыжне, едва волоча окаменевшие ноги.

– Не сдавайтесь, мужики! – орали болельщики, оголив головы, не обращая внимания на мороз и ледяной ветер, размахивали шапками, словно флагами.

Ветер хлестал лыжников по побелевшим щекам, подкатывался под ноги, бил в грудь, возникал на пути невидимой стеной, через которую надо было пробиться, изо всех сил отталкиваясь от лыжни.

– Врёшь, не возьмёшь, – промышчал Иван сиверку, заворачивая на новый круг, – ещё и подсобишь, подтолкнёшь в спину!

Действительно, бежать по ветру стало легче, но силы всё равно покидали. Хитько перешёл на шаг. «Двигаться, двигаться! – приказывал себе. – Если остановишься, упадёшь, уже не встанешь. Надо идти!» Остался последний круг. Казалось, что голова отключилась, мысли, словно в тумане. Ваня не чувствовал ни рук ни ног. Они работали будто отдельно от него: взмах, толчок, скольжение, взмах, толчок, скольжение... Хитько не слышал ободряющих криков солдат, сознание словно не реагировало на них. С трудом пробился к нему и голос Туманова, протягивающего бумажный стаканчик с горячим кофе:

– Ефрейтор, глотни! – капитан побежал рядом. – Тебе же легче станет! Слышишь? Кофе глотни!

Хитько, не останавливаясь, подхватил бумажный стаканчик и только теперь почувствовал, понял, как пересохло во рту, как хочется пить. В два глотка осушил его, отбросил в сторону, снова вцепился освободившейся рукой в волокущуюся на ремне лыжную палку. Запыхавшийся Туманов пробежал рядом ещё несколько метров:

– Хитько, родной, ты уж держись, осталось всего ничего, всего десятка! Благодарность тебе будет за службу, родителям письмо лично напишу. Не подведи, солдат!

Иван не подвёл. Лишь преодолев финиш, рухнул на снег. Что было дальше, помнил с трудом. Радостные лица товарищей. Ликующий Туманов:

– Герой! Говорю же – герой!

Носилки. Санчасть.

Отлёживался неделю. На соседней кровати – Боянов. Он хоть и сильно отстал от Ивана, но до финиша тоже дошёл.

– Думал, сдохну! – хрипел простуженным горлом.

– И я! – хохотал Хитько.

Хитро косясь на товарища, Боянов вдруг заканючил:

– Мультик хочу! Вань, привези новый мультик в клуб! Порадуй душу детством.

Солдаты страсть как любили мультфильмы. И если Хитько не привозил из Петрозаводска очередную ленту, возмущённо бушевали, обещая пустить «кинщика» на мыло. «Откуда у взрослых мужиков – воинов! – такая тяга к сказкам? Загадка природы! – размышлял он в кинобудке, устанавливая бобину. – Будто малыми ребятами становятся, честное слово!» И сам прилипал к окошку, забывая о делах. Было что-то невероятно притягательное в оживших рисованных человечках и зверюшках, какое-то необъяснимое волшебство, от которого замирала душа, веселилось сердце. Так случается, когда листаешь альбом со своими детскими фотографиями и словно уносишься в те прекрасные дни, когда ощущал себя надёжно защищённым, окутанным родительской любовью и заботой, когда было светло и радостно.

И на лице расплывается добрая улыбка, в глазах сияют отблески детства, а душа, готовая обнять весь мир, широко распахивается.

– Дай только выйти из санчасти, так я тебе сразу два мультика поставлю – перед фильмом и после, – обнадёжил Иван. – Порадую твою душеньку детством!

Но человек предполагает, а Господь располагает. После санчасти Хитько по приказу командира батальона подполковника Чабана не в клуб направился, а на пост у знамени части. Задание это было посложнее пятидесятикилометрового марафона: на невысоком подиуме у военной святыни отстоять с винтовкой неподвижно два часа, затем по два часа отдых и сон и снова два часа у знамени. И так целые сутки. На посту что главное? Не шелохнуться и не заснуть. А в сон так и клонит! И спина от напряжения ныть начинает, и шея не в силах уже держать голову. Иван, когда оставался один, умудрялся подбородок рукой подпереть, для этого перехватывал правой винтовку чуть выше, у мушки. Но как только это ему удавалось, глаза тут же закрывались. А то и вообще удивительное дело: спал с открытыми! Зрачки закатятся под самый лоб, только белки наружу. Со стороны глянуть – страх божий! И вот спит человек, не слышит, не видит ничего. А если враг?

– А если враг?! – орал старший лейтенант, застав спящим на посту рядового Малахова, которого должен был сменить Хитько. – Ещё раз такое... Да по тебе не наряды вне очереди, по тебе гауптвахта плачет! Под трибунал отдам, как пособника врага!

Круглолицый Малахов испуганно моргал сонными глазами и не сразу понял смысл командирских угроз. Был он выходцем из дальних, северных краёв Мурманской области, нигде не бывал, ничего не видел, словно дикарь. Даже поезд, на котором до места службы добирался, стал для него открытием. Зато стрелок – первоклассный. И верный, надёжный товарищ, каких поискать. Долг, честь, жизнь воспринимал как понятия равноценные. И вдруг – трибунал! Такого позора его род не знал.

Смутное лицо Малахова вдруг побелело, как снег в тундре. А старший лейтенант кричал и кричал. Сержант не воспринимал его слов, он видел только шлёпающие мокрые губы и перекошенный рот, брызгающий слюной. В мозгу же застряло, словно осколок, страшное слово, проклятие, несмываемый позор – три-бу-нал!

Малахов никогда не был предателем, не был трусом, даже на росوماху, самого страшного зверя, мог выйти один на один. Он очень любил свою тундру, семью, оленей, море – тосковал так, что снились они ему каждый день. Он был готов отдать за них жизнь.

Старший лейтенант едва успел заметить, как рядовой открыл затвор и загнал в него патрон, и прежде, чем прозвучал выстрел, сбил солдата с ног.

– Ты рехнулся, Малахов? – прохрипел сдавленным голосом. – Стреляться вздумал? Ну, ты и тундра! – дрожащими руками он выхватил винтовку и только после этого вздохнул с облегчением: – Да, брат, теперь комиссий не оберёшься...

После такого события, всколыхнувшего всю часть, сонливость на посту как рукой сняло. Хитько стоял у знамени, вытянувшись в струнку, и сам удивлялся, что без напряжения и усталости таращит глаза все два часа очередного дежурства.

Он думал об Анечке. В последнем письме она сообщала, что живёт в Днепропетровске, снимает квартиру у хороших людей. Хозяйка Валя с мужем Сергеем выделили ей отдельную комнату, поэтому их шумные детишки совсем не помеха для занятий. Школа, в которой проходит учёба на секретарей-машинисток, недалеко, только дорогу перейти. И вообще Ане очень повезло, потому что устроилась подрабатывать на молочную кухню, которая тоже рядом. С утра до обеда выдаёт молодым родителям кефир с молоком и творожок. Потом на занятия. А по выходным с подружкой Ниной – в городской парк, где Дворец студентов и летняя танцплощадка.

Последние строки, о танцплощадке, почему-то взволновали Ивана. Представил Аню, танцующую с высоким красавцем-студентом, и в груди что-то больно заныло. Скорее бы домой!

ГЛАВА 16

ВСЕЛЕНСКИЙ МАСШТАБ

Шестнадцатое июня – особая дата в семье Хитько. В этот день, в 1963 году, впервые в мире в космос полетела женщина, советская женщина, Валентина Терешкова. Вся страна, ликуя, следила за её полётом на космическом корабле «Восток-6». Почти трое суток находилась на околоземной орби-

те легендарная Чайка, такой позывной дал ей главный конструктор советских космических ракет-носителей Сергей Павлович Королёв. Сорок восемь раз облетела она вокруг Земли и совершила посадку в Алтайском крае.

Но в тот день, когда свершилось это мировое событие, случилось ещё одно! О нём знали совсем немногие, только родные и друзья Анны Жаркой и Вани Хитько да студенты Витебского педагогического института, собравшиеся в комнате на втором этаже общежития, чтобы поздравить молодых с бракосочетанием. И хотя в стране ежегодно фиксировалось рождение более двух миллионов семей, для каждого жениха, для каждой невесты это событие обретало масштаб вселенского. Да и как же иначе, если браки совершаются на небесах?

Впрочем, молодые тогда совсем не задумывались над этим феноменом, они и в Бога-то не верили. Если космонавты вокруг Земли порхают птицами, так какое же и где там, в тёмном загадочном космосе, может быть Божье царство? Это теперь, когда обоим Хитько перевалило уже за восемьдесят, когда седина мудрости, словно пеплом покаяния, осыпала их головы, вдруг вспомнились слова материнских молитв, тепло благословений, а с ними пришли смирение, душевный покой и вера.

Тогда же, преодолев долгие шесть лет разлуки и редких встреч, они устремились друг к другу, чтобы уже никогда не расставаться.

Не успели за молодыми захлопнуться двери горисполкома, где проходила регистрация, как хлынул летний тёплый дождь, да такой сильный, что на дороге вздувались воздушно-водные пузыри, а мощные потоки шумели под стать рекам, спадающим с горных круч.

– К сча-а-а-стью-у! – перекивая шум ливня, обрадовал Толик Герасимов, дружок и земляк молодых, родом из Прудка, что сразу за Городком, на ленинградском направлении.

– Бррр! Мокро, зябко, – поёжился второй свидетель Лёша Кравцов, прячась под козырьком крыльца, и вдруг лукаво улыбнулся: – И так почему-то го-о-орько...

– Горько-о-о! – подхватил Герасимов, но, заметив, как зарделась Анечка, помилосердствовал: – Мы отвернёмся, а вы времени не теряйте – целуйтесь, пока ливень не утихнет. Такой дождь долгим не бывает.

Когда Лёша распахнул перед молодожёнами двери студенческой комнатки, грянула музыка. Это однокурсники раздобыли где-то новенькую радиолу «Весна» и пластинки к ней. Стены украшали поздравительные плакаты с яркими цветами, воздушными шариками и порхающими птичками, непременно парами. На подоконнике в большой трёхлитровой банке красовался букет сирени. Два сдвинутых вместе стола, накрытых чистой накрахмаленной простыней, заменившей торжественную скатерть, были заставлены скромными, но аппетитными кушаньями, над которыми изрядно потрудились девчонки. Теперь они весело щебетали, приглашая к столу гостей и героев дня. С любопытством и даже с некоторой долей девичьей зависти разглядывали невесту.

Светло-сиреневое платье с коротким рукавом и пышной юбкой подчёркивало хрупкость тонкой фигурки, такого же цвета шаль, наброшенная на плечи, создавала особый шарм женственности, русые волосы, длинные, густые, были собраны в причёску с буклями и украшены кистью сирени.

– Вот это, Ванька, ты невесту отхватил! – заорал с порога только что вернувшийся из армии, ещё в солдатской форме, Гена Шнейдер. – Краля! Всем красавицам – красавица! Ну, не будь жмотом, Ваня, разреши хоть потанцевать с такой! – И он галантно раскланялся перед Анной.

– А что! Успеем брюхо набить, – поддержал Толик, подбирая пластинку. – Начнём с танцев! Но сначала – вальс для молодых! – объявил торжественно и засмеялся: – Шнейдер, а ты становись в очередь, если позволят!

Он ещё не успел опустить иглу на пластинку с «Дунайским вальсом», как висящий на стене репродуктор сообщил, что первая в мире женщина полетела в космос, и спокойный голос Валентины Терешковой заверил страну: «Настроение бодрое. Самочувствие отличное. Я Чайка. Приём...»

– Ура-а-а! – хором грянули студенты.

– Ну, Хитько, – ахнул Лёша Кравцов, – дату свадьбы вам теперь вовек не забыть!

Комнатку молодожёны снимали крохотную: еле-еле поместилась узкая общежитская железная кровать и табуретка. У окна можно было втиснуть маленький столик, но его ещё следовало где-то раздобыть. Хитько решил поискать на барахолке, которая стихийно возникала возле стадиона по выходным. На этом импровизированном рынке можно было приобрести всё, что душе угодно.

– Глянь-ка, вон мужик со столиком! Уходить собирается. – Герасимов врезался в толпу наперерез продавцу. Иван торопливо пробирався за ним, не выпуская из вида его кудрявую шевелюру.

Столик был именно такого размера, как нужно, словно сделанный под заказ. Даже не столик, а тумбочка, потому что под столешницей имелись две полочки, закрывавшиеся дверцей. Это была самоделка, но хорошая, добротная, наверняка из материалов мебельной фабрики, которые каким-то образом перепали мастеру. И образ этот, видимо, был не совсем законным, оттого продавец нервничал, оглядывался, прищуренные глазки так и шныряли по сторонам. Едва деньги за покупку перекочевали в карман его штанов, как он словно растворился в толпе. Зато к Ивану и Толику уже уверенно приближался милиционер.

Герасимов, высокий, ладно скроенный молодой человек, не имевший проблем с богатырской силой, которой щедро наделила его природа и родители, подхватил тумбочку и рванул к трамвайной остановке. Хитко – за ним. Вот где с благодарностью вспомнились ему армейские тренировки! Друзья успели вскочить в трамвай, двери закрылись. Запыхавшемуся стражу порядка не хватило всего пары секунд. Он пробежал ещё несколько метров, барабанил по набиравшему ход трамваю, потом безнадежно махнул рукой, погрозил кулаком вслед и повернул в обратную сторону.

Через год Анна и Иван переселились в новую комнату, чуть более просторную, в доме 2-го Велюковского переулка. Однако хозяева сразу предупредили, что жить квартиранты будут, пока не появится ребёнок. Мол, своего шума и проблем хватает: зять, как напьётся, всё вешаться бежит. Залезет на чердак, петлю на перекладине приготовит и орёт благим матом. Как-никак тюрьма за плечами. «Ванечка, – кричит хозяйка, – Христом Богом прошу: посмотри, что он там, бестия пьяная? Ведь повесится, сволочина окаянная, что тогда?» Иван только голову в люк просунет, спичкой посветит, а над ним как загремит: «Куда суёшься, щенок? Сброшу поганца – костей не соберёшь!» Разве можно в такой квартире с ребёнком?

До многометровой, светлой семейной комнаты в общежитии института, который предоставил Ивану не только жильё, но и работу на кафедре, была ещё холодная засыпная времянка в конце Лучосы, за цыганским районом, и комната на Красноармейской, у Смоленского рынка. Бывало, пока домой доберутся, страхов натерпят.

Однажды дорогу преградила толпа пьяных подростков, один из которых размахивал пистолетом, тайком заимствованным у отца, служившего в органах. Хулиганы громили всё, что попадалось на пути: ломали заборы, крошили оконные стёкла, избивали прохожих.

И вдруг Аня, побелевшая, как та свадебная общежитская скатерть, сунула в рот два пальца и издала такой оглушительный, долгий, пронзительный свист, что Иван непроизвольно отшатнулся. Выждав паузу, девушка с наглой, развязной уверенностью крикнула:

- Вы что, малыцы, совсем оборзели? Своих не узнаете?
- Каких «своих»? – оторопели пацаны.
- Так с Красноармейской мы! Рядом живём.
- Свои! Свои они! – зашумела пьяная орда. – Пусть идут!

Лишь через многие годы Хитко наконец получили двухкомнатную на Дмитрова, совсем недалеко от вокзала. Жильё Анне выделил молокозавод, на котором работала. В этой квартире выросли их дети, здесь все они были счастливы и никуда отсюда больше не желали переезжать, хоть и поступали такие предложения.

...К рассвету дождь утих. Обрадованный такой переменой в погоде Иван Павлович, не включая свет, чтобы не разбудить супругу, спустил с постели ноги, нашарил ими тапки и неслышно выскользнул на улицу. С запада над деревней нависла тяжёлая, плотная, словно сбитая, туча. «Может, мимо пронесёт? – с надеждой вздохнул Хитко и перевёл взгляд на восток. – Вон как разгорается, просыпается солнышко-то!»

За домом, у задней стены под навесом, отыскал припрятанный с вечера горшочек с цветущим сиреневым гиацинтом, купленным накануне. Цветок так благоухал, что затаить его в хате не было никакой возможности: аромат выдал бы секрет с первых минут. А как же сюрприз?

Хитко знал, что этот день, шестнадцатого июня, Анечка, как обычно, ждёт от него букет привычных хризантем. Но он решил непременно удивить жену! К её любимым духам «DILIS», в поисках

которых рыскал по всему Витебску, добавил гиацинт, способный, если пересадить его в сад, радовать цветением и ароматом ещё многие годы.

В центре стола, на кружевной салфетке, аккуратно разместил подарки и тихонько, стараясь не скрипеть половицами, нырнул под одеяло. Замер, прислушиваясь, не потревожил ли Аннушку. На стене мерно тикали часы, а за окном снова зашумело: хлынул тёплый летний дождь, как в тот день, в шестьдесят третьем.

ГЛАВА 17

«СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ»

Сидя у вытопленной печки, прижавшись спиной к тёплым кирпичам, чтобы согреть уставшие кости, Иван Павлович листал газету. Брови его то сдвигались у переносицы, когда он хмурился, то ползли вверх, взлетая над дужками очков, когда удивлялся. И было чему. Газета сообщала, что в Испании наступила такая жара, от которой запылали леса и пожар вплотную подбирается к жилищам, а в Бангладеше из-за проливных дождей самый настоящий потоп с разрушением домов, сносом машин и даже гибелью людей. Недавно и на западе Кубы из-за наводнения и оползней погибли два человека, тысячи эвакуированы...

Кряхтя, Хитько поднялся с табуретки, глянул в окно. Дождь лил третьи сутки. Вода стояла на дорожках, в бороздах на огороде, в саду, во дворе. Без резиновых сапог не ступить. А прогноз погоды грозился дождями и ночью, и на следующий день, и на следующий месяц. Засуха этим летом точно не ожидалась. Но не зря же говорят, что нет худа без добра. Зато поливать не надо: земля напилалась так, что сыро стало даже в тепличке с помидорами.

Однако Анна Нифантьевна этому не радовалась, напротив – распереживалась: как бы не испортила рассаду фитофтора. В мае тепла так и не дождались, в июне залило, теперь не хватает для пущего страху только этой коварной растительной болезни, когда загнивают стебли и плоды. Кажется, дождю не уставала радоваться лишь трава.

– Погляди-ка на неё, – призывала Анна Нифантьевна мужа. – Прёт и прёт, как ненормальная! Торопится, пока ей свобода, знает, что под дождём драть её не пойду.

– А зачем драть? – Из закутка у окошка выглянул внук Миша, прибывший в деревню на отдых из Минска. – Как распогодится, так я покошу, уже и косу приготовил, бензином заправил.

Миша учился в спецшколе для одарённых детей. Мечтал стать программистом. На дедовой даче день напролёт у компьютера: программу по заказу бизнесмена, отца его друга-одноклассника, разрабатывал. Опыт какой-никакой имелся: первое место в конкурсе за работу «Виды телефонного мошенничества и способы защиты». Для семиклассника очень даже неплохо.

– Сначала бульбы с зелёным лучком поешь, косильщик, – потеплела бабушка. – Не приведи господи, ещё похудеешь, что я тогда твоим родителям скажу? Приехал к бабке пухленький, вернулся в Минск – худенький. Скажут, что замордовала работой. А тебя ведь не оторвать от компьютера. Экраном-то глаза попортишь, потом где возьмёшь?

– Горячей картошечки я с удовольствием! – Миша словно не услышал бабушкиного ворчания. – Всё равно сейчас Интернет плохой, грузит медленно, а то вовсе пропадает. – Он шумно потянулся, разминая застывшее без движения тело.

– Ага, – откликнулся дед Иван, – и новости не посмотреть среди дня: глушат телевидение прибалты. Это всё натовская работа! А вот, родные мои, что я в районке вычитал: в библиотеке намечается презентация сборника о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной! Прокурор будет освещать тему. Президент же подписал Закон о геноциде, чтобы сохранить память о погибших и чтобы никто не мог искажать итоги войны. Дело хорошее!

– Разве только одних белорусов уничтожали? – язвительно вставил Миша и снова невозмутимо принялся за картошку.

– Горе ты моё! – всплеснула руками бабушка Аня. – Ну в кого такой колючий? Ты же слушай внимательно: белорусского народа! А народ – это все! Дед тебе расскажет...

– Расскажу, расскажу как-нибудь, – буркнул Иван Павлович, перелистывая страницу, и вдруг засветился широкой улыбкой: – Вот это да! В Северодонецке аист соорудил на столбе гнездо, а из него свисает белая тряпица! Мол, детки тут, птенчики, не стреляйте, люди!

Миша заёрзал на табурете, его так и подмывало противоречить, спорить:

– Просто гнездо строил: волок на столб всё, что ему на глаза попадалось! А вы уж рады смыслы выискивать. – Он неожиданно замялся, словно засомневался в собственных словах: – Хотя... Попалось мне тут видео интересное... Сейчас покажу. – Включил телефон, отошёл к компьютеру, там, возле модема, лучше всего работал Wi-Fi.

На маленьком экране огромный медведь обнимал человека. Именно обнимал, не причиняя ему ни малейшего вреда. Тёрся многопудовой головой о грудь и спину священника, прижимал к себе лапами, не желая отпускать. Его маленькие глазки светились теплом и нежностью. Текст, сопровождающий видео, сообщал, что в румынском монастыре, где служат Богу всего два монаха, каждый день происходит такое чудо: из леса приходит медведь, чтобы обняться с человеком.

Поражённая увиденным, Анна Нифантьевна сначала торопливо перекрестилась на икону, потом заохала в изумлении:

– Точь-в-точь как к святому Серафиму Саровскому! К скиту, где он жил один, тоже приходил медведь. Из рук ел. Они дружили!

– Так русский медведь со всеми готов дружить! – подвёл итог дед и потрепал внука по светлым волосам. – Не трогай мишку, сам никого не тронет. А его восемь лет расстреливали! Деток его убивали, – переключился Иван Павлович на неутраченную боль.

Уже пятый месяц шла специальная военная операция. Тысячи беженцев из Украины приняла Беларусь. И не в бараки, не в халупы заселяла людей, иногда бежавших из родных домов в одних тапочках, без тёплой одежды, а в санатории, пансионаты, обеспечивая питанием, одеждой. Многим, желающим остаться в стране навсегда, власти предоставили добротные дома, работу, медицинскую помощь, детей определили в школы и детские сады, без всякой чиновничьей волокиты помогли оформить документы для получения вида на жительство. Планы заокеанских смотрящих на то, что между Россией и Беларусью произойдёт раскол, что народ возмутится войной и сметёт действующую власть, на смену которой придут те, кто готов за долларовую пайку шакалить в пользу американского хозяина, как это сделал президент Украины Зеленский, провалились.

Но самым знаменательным событием недавнего времени стало полное освобождение территории Луганской области в её исторических границах. Третьего июля Лисичанск и близлежащие посёлки, деревни были заняты военными Российской Федерации и Народной милиции ЛНР.

Еле сдерживая нахлынувшие чувства, Иван Павлович крепко обнял жену:

– Вернулись! Они вернулись домой!

Он радовался по-детски открыто, словно заново переживал победу сорок пятого. И как тогда, так и теперь радость смешивалась со страданием и болью потерь. Он искренно волновался за давно потерявшихся украинских друзей и учеников, вспоминал о них бессонными ночами. Губы его начинали еле заметно шевелиться, беззвучные слова взлетали под потолок, неведомым образом проходя сквозь крышу, улетали выше, за облака, к звёздам и дальше, в таинственную бесконечность.

– Господи, спаси, сохрани и помилуй нас и всех, кто на поле брани, кто под пулями и снарядами! – повторял слышимую от Аннушки молитву, без которой она не укладывалась в постель.

В одну из ночей вдруг надумал Хитко переоформить своего «опелька» на сына: «Случится что со мной, будут у ребёнка проблемы...» Пока мотался с Сергеем по конторам, времени хватило, чтобы вдоволь наговориться.

Оказывается, школьная знакомая сына, та, которая под Киевом, несмотря на военную обстановку, продолжала общение, однако тон её писем изменился кардинально. Она гневно обвиняла Россию в агрессии, а белорусов в пособничестве русским. «Снова воздушная тревога. Истребители летят с севера, значит, из Беларуси! Что происходит?! На телевидении лицемерное молчание. Всё скрывают. Как можно так жить? Как можно так изощрённо издеваться над целым народом? Восемь месяцев!!! Сколько будет продолжаться это паскудство?» – вопила она. И не хотела слушать про восемь лет украинских бомбёжек по Донбассу, про намерения ВСУ использовать «грязные» бомбы, про опасные американские биологические лаборатории на территории её страны, про нескончаемые поставки вооружения Западом и США, про продолжающиеся ракетные удары ВСУ по мирным городам Донецкой и Луганской республик, по русским Белгородской и Курской областям, про использование украинцами в качестве живых щитов своих же мирных граждан и про их расстрелы.

Она отвергала эту информацию, не в силах её переварить без риска истерической реакции. Зато общалась (Сергею показалось, даже с радостью) о нереальных цифрах погибших «оккупантов» и с ужасом – о каких-то фильтрационных лагерях, через которые, переживая невероятные страхи и страдания, якобы проходят несчастные жители в занятых Россией населённых пунктах Донецкой и Луганской областей. Украинский зомбоящик трудился без отдыха, бандеровские пропагандисты свою работу знали.

Эта несчастная женщина легко приходила в состояние жесточайшего отчаяния, стоило ей только услышать завывание сирен – всего лишь сирен! – и она тут же жаловалась со слезами: «Жить невозможно! Вышла во двор с собаками – пришлось сразу возвращаться домой, нервы не выдерживают!»

Сергей отвечал, оправдывая Беларусь, ведь точно знал, что белорусская армия не принимает участия в СВО. Доказывал: его малая родина обязана себя защищать! Для этого и ведётся подготовка к любым вариантам агрессии со стороны европейских стран-соседей. Но делал это слабо, без настойчивости и напора. Порой ему было неприятно читать злые слова о русских и России, в которой жил и трудился многие годы. Однако он молча проглатывал нарастающую обиду, потому что жалость к страдающим на территории Украины людям была сильнее. Его душа протестовала против войны. Ах, как хотелось ему, чтобы происходящее оказалось кошмарным сном! Чтобы можно было просто проснуться. И всё плохое бы исчезло.

С родителями Сергей старался не затрагивать украинскую тему. Его угнетали разногласия с ними. Он понимал, что, какими бы ни были их взгляды, это самые родные люди. Это мама и папа! Спорить, ссориться с ними не желал, хотя его очень раздражало, что всякий раз, когда разговор касался спецоперации, они вспоминали Великую Отечественную. «Ну при чём тут немцы и сорок первый год? – недоумевал Сергей. – Сейчас совсем другие времена и война совсем другая!»

И это была правда. Такой спецоперации не проводил никто в мире. И дело даже не в том, что приходилось противостоять странам НАТО и их сателлитам – более пятидесяти государств! – с современным вооружением, а в том, что малыми силами, при минимальных потерях Россия стремилась выполнить задачи максимально щадящими способами, чтобы уберечь мирное население. И те люди, у которых были открыты глаза и уши, видели, слышали, понимали это.

Изредка, когда внук, умаявшийся за день, сладко посапывал на диване, Иван Павлович ненадолго заглядывал в компьютер, засиживаться там не позволяли глаза. День назад внимание привлёк пост сербской девушки Даяны, и теперь мысли об этом не оставляли. Под снимком, на котором прощались русский отец-священник и сын-доброволец, девушка написала: «Он уходит воевать за свободу народа, за традиционные ценности, против извращений в культуре, за маму и папу, а не “родитель 1” и “родитель 2”, за мальчиков и девочек, а не лиц “неопределённого пола”, за право России жить на белом свете, за Православие!»

Что-то дрогнуло в душе, и, еле сдерживая подступившую к глазам влагу, Хитько коротко отстучал в комментариях: «Спаси Бо!» Уже хотел закрыть страничку, но неожиданно получил в личку ответ: «85 % сербов поддерживают СВО. И люди очень любят Россию! Наш президент Александр Вучич из всех сил старается не вводить санкции, но давление Запада огромное. Инфляция высокая, зарплаты маленькие, очень сложно жить сейчас в Сербии. Я работаю в институте, у меня хорошая должность, но зарплата 65 000 динар. Чтобы пережить месяц, сербу нужно 55 000 динар (еда и квартира). Значит, у меня остаётся только 10 000 (80 евро) на другие покупки. Это очень мало. Но мы не бросим Россию! Пусть мучают нас! Многие сербы готовы терпеть, даже воевать... Запад уничтожает семью, мораль, традиционные ценности... Знаете, наши женщины в церквях молятся за русских солдат. Они и наши спасители тоже...»

Хитько замер. В груди что-то словно пело, и ликовало, и рвалось наружу. Ещё раз перечитал слова Даяны и понял, что трогательная благодарность переполняет его, что ему нестерпимо хочется обнять эту девочку, этого далёкого родного человека, такую близкую душу!

Раздумывая над словами Даяны, Иван Павлович решил показать переписку внуку. В воспитательных целях. Вместе они стали искать нужную страничку. В это время на экране мелькнула реклама старых советских кинофильмов. Хитько успел прочесть: «Секретная миссия». Сколько раз он крутил этот фильм режиссёра Михаила Ромма в клубе военной части! Сколько раз, следя за сюжетом и зная всё наперёд, замирал в томительном волнении!

– Включи! Включи мне «Секретную миссию»! Я же её сто лет не видел, – неожиданно взмолился дед.

– Не вопрос! – сразу отреагировал Миша и оторопел: – Фу! Это же старое чёрно-белое кино. Будешь смотреть?

– Буду, внучек, буду! И бабушку позову...

С экрана гремел голос американского сенатора Аллена, высокомерного, с презрительным взглядом человека, планирующего хитроумный захват Европы сорок пятого года. Как раз накануне крушения рейха. Перед ним лебезили англичане и немцы, готовые пожертвовать своими странами, лишь бы получить допуск к жирному американскому пирогу. А советские разведчики, невероятно рискуя, делали всё, чтобы разрушить планы так называемых союзников, которые откровенно признавались, что специально долго тянули с открытием Второго фронта, чтобы дать возможность Германии разгромить СССР.

Иван Павлович словно превратился в слух и глаза. Снова ощутил себя киномехаником Ваней, прильнувшим к окошку кинобудки. И где-то там, в зале, сидели его товарищи, среди которых, как всегда, на первом ряду, Боянов, на последнем, как на наблюдательном пункте, капитан Туманов.

Ностальгические чувства так захлестнули Хитько, что он не сразу заметил и понял: фильм не только не устарел, но невероятно сегодняшний!

– Семьдесят два года со дня выхода на экран, а в мире ничего не изменилось! – приглушённо удивлялся Иван Павлович. – Один в один – нынешнее время! Даже фразы те же, что мы каждый день в новостях слышим.

Анна Нифантьевна, соглашаясь с мужем, возбуждённо отмечала:

– Вот, снова: «Россия во всём виновата!», «Россия должна исчезнуть с лица земли!».

Потрясённый фильмом, дед призывал внука:

– Миша, послушай, какими мечтами об уничтожении России, о разделе её богатств Америка и Запад жили и живут! Разве можно им верить? А про Германию как хорошо в фильме сказано: мол, есть две Германии, одна нацистская, вторая угнетённая. Так и про Украину можно: одна бандеровская, вторая – угнетённая!

Разбуженный громкими голосами рыжий взлохмаченный кот, дремавший на печи, соскочил с каптура и мягко приземлился на бабушкины колени. Она машинально погладила его, он замурлыкал, стал тыкаться мордочкой в ласковые ладони.

– Хитрюга! – заворчала на него Анна Нифантьевна. – Надо было тебя Рузвельтом назвать: тот ещё прохиндей был! В глаза: «Наша страна всегда будет рада поддерживать добрые отношения и искреннюю дружбу с Россией, чей народ, спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы», а сам фигу в кармане прятал! Россию они, оглоеды западные, проглотить хотят! Не по Сеньке шапка! Глотку не порвёте? Пузо не треснет?

Глядя на бабушку, гневную, раскрасневшуюся, с горящими глазами, Миша расхохотался:

– Бабуля, ты прямо как советская разведчица Марта!

– Неужели? – не без кокетства согласилась Анна Нифантьевна. – А наш дед, как разведчик Дементьев?

Кот, так и не дождавшись дополнительной порции молока, спрыгнул на пол и, обиженно задрав хвост, трусцой засеменил на кухню в поисках съестного.

– Только попробуй, Рузвельт, что-нибудь стащить, – пригрозила хозяйка вслед. – Метёлка за шкафчиком по тебе, шельма, уже давно плачет!

– Да, да, да, – поддержал Иван Павлович. – И Путин сказал, что «мы ещё ничего и не начинали», значит, его веник для бандеровского мусора тоже ждёт своей очереди!

ГЛАВА 18

В ЗАПАДНЕ

Случилось то, от чего бежал, скрывался Хитько все последние месяцы. И произошло это, наверное, из-за «Секретной миссии» и прочих впечатлений, накопившихся к тому времени. Они так всколыхнули душу, что Иван Павлович до утра не сомкнул глаз. Как ни молил, ни уговаривал, спасительный сон упорно не приходил, не являлся ни за какие коврижки. Зато воспоминания захлестнули, растревожили до самого сердечного дна, где было запрятано то, от чего бессознательно пытался спрятаться Иван Павлович.

Лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, на котором застыли отражённые окном неровные тени, похожие на силуэт леса за деревней. И вдруг закачалась высокая, возвышающаяся над остальными деревьями, разлапистая, растрёпанная ёлка, посыпался с её ветвей потревоженный снег...

– Спалили! Сгорели! Ой, моя мамочка-а-а! Ой, братик мо-о-ой! – Проваливаясь в сугробы, падая, снова вставая, к горящим амбарам бежала Тоня Хитько. Платок сполз с головы, волосы облепил снег, глаза почернели от ужаса и слёз. Она хватала воздух перекошенным ртом, выла и кричала, захлёбываясь словами.

Немецкие каратели, будто смертоносная машина, двигались от деревни к деревне, сжигая дома и людей, хладнокровно добивая тех, кому удавалось вырваться из пламени¹. Перепуганная Тоня вместе с соседями по хутору спряталась в лесу после очередного страшного известия о сожжённой Сечёнке и семилетнем Ване Черткове, который выскочил из горящей пуня и бежал, не разбирая дороги, голышом, потому что одежда сгорела прямо на худеньком мальчишеском тельце. От огня полопалась кожа и разошлись мышцы на груди, обнажив тонкие косточки рёбер. Очумевший от боли, он бежал и бежал, пока не свалился в снег, ещё живой, но уже покидавший этот безжалостный мир.

Ефросинья и соседка Сорочиха решили в лес пока не идти, переночевать вместе с детишками, старухой – матерью Сорочихиной, и их же коровой в одном из амбаров на краю деревни, у болота. Ванюшку, закутанного в платки и одеяло, Ефросинья закопала в солому – всё теплее, чем в сугробе на еловых ветках в двадцатиградусный мороз. Да и кто знает, заглянут ли каратели в их деревню, тем более ночью? А утречком можно и в лес. Так и порешили.

Проснулся Ванечка на рассвете. Мать трясла его, громко умоляя:

– Детка, уходить надо! Немцы!

Он выпутался из-под одеяла и, взобравшись на груды брёвен, сложенных у стены, прильнул к щели. Ещё далеко, по дороге от хат к лесу и амбарам, двигались еле заметные люди. Как мать умудрилась их увидеть? Каратели шли в белых масках, на лыжах. Рядом бежали овчарки...

– Шевелитесь быстрее! – торопила Ефросинья соседей. – В лес уже не успеем, но позади амбара – силосная яма. Бегите туда! Авось не заметят бесы поганые. – Она подхватила Ванюшку одной рукой и, поняв, что соседка не справится со старухой, детьми и коровой, другой подцепила маленького Колю, прижав его под мышкой, следом – пятилетнего Лёню, и выскользнула наружу.

Им повезло. Над силосной ямой за зиму ветром надуло огромный снежный козырёк, плотный и прочный, обледеневший сверху, потому крепко удерживаемый скрывавшим настом. Моля Бога, чтобы немцы не заметили, овчарки не учуяли, беглецы успели нырнуть в укрытие. Видимо, Господь их услышал, потому что даже ветер в это утро дул в сторону болота, поверх козырька, унося с собой человеческий запах.

Только теперь, зарываясь в снег, Ефросинья заметила, что одна Ванюшкина ножка без валеночка, уже побелела от холода.

– Ох ты, беда-то какая! – зашептала почти беззвучно, одними губами, стягивая с головы толстый шерстяной платок. – Сейчас, сыночек, спасём ножку твою. – Она прильнула к его маленькой стопочке, согревая её дыханием. – А теперь заматаем, закутаем платком. Он тёплый, платок-то, папка твой мне дарил, вот сберегла, вот и сгодился.

Она шевелила и шевелила губами, не замечая, что никто не слышит её слов, хотя ей хотелось заглушить, скрыть от сына те жуткие звуки, которые доносились оттуда, где только что возвышался над полем одаривший ночным приютом деревянный амбар. Немцы стреляли зажигательными пулями издалека и, убедившись, что пламя охватило постройку, двигались дальше, от амбара к амбару. Тот, за которым спрятались Хитько и обе Сорочихи с детьми, загорелся последним. Треск автоматных очередей, горящих брёвен, зерна, сена, лай точно взбесившихся овчарок, чужая громкая речь, под стать собачьей, зловеще гремели, казалось, над всей землёй...

– Спалили! Сгорели! – выла Тоня, вырвавшись из леса от сдерживающих её сельчан, как только каратели, свернув в сторону Телешово, скрылись из виду.

– Чего кричишь-то, дочушка? – устало окликнула её Ефросинья, выбираясь из ямы. – Живые мы покамест.

¹ По данным книги «Памяць. Гарадоцкі раён» (Мінск, 2004), в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в районе уничтожено фашистами 183 деревни, 35 из них не возродились. Однако вновь открытые сведения о геноциде белорусского народа позволяют говорить о не менее 300 сожжённых деревнях.

Возвращаться в деревню было нельзя: в хатах засели полицаи, они не ушли вместе с немцами. И в Хитьковском доме по-прежнему выпекался вражий хлеб.

Ваня целый день таскал еловые ветки, которые добывала Тоня, обламывая лохматые ёлки. Обколотые хвоей руки покраснели и чесались, но ребята не обращали на это внимание, ведь надо было успеть до вечера смастерить жилище. Ефросинья уже соорудила стенки шалаша. Теперь толстым слоем лапок следовало утеплить пол, чтобы не натянуло от земли воспалением лёгких. Еловое строение надёжно укрывало от ветра и снега, вот только от мороза не спасало. Днём грелись у костра, который укрыли в ложбине, чтобы не заметил чужой глаз. Ночью спали, тесно прижавшись друг к другу, иначе не выжить.

Продукты, захваченные из дома, закончились быстро, так и не утолив голод беглецов. Тоня с Ефросиньей отправились в Жаровщину, на торфяное болото, в поисках клюквы. Разрывали снег, выуживали замороженные ягоды, зимующие на застывших кочках. Старики подсказали, что можно варить шишки, пить их целебный отвар вместо чая. Выручала и Сорочихинская корова, хоть заметно отошала сама, питаясь лишь хвоей да прошлогодней травой и брусничником, отрытым для неё из-под снега заботливой хозяйкой. На таком рационе и морозе – какое молоко? Но всё-таки оно было, и Сорочиха делилась им с Фросиньими ребятами.

Шли пятые сутки лесной жизни. День начинался обычно: Тоня отправилась на болото за клюквой, Ванечка собирал хворост для костра, а Ефросинья раздумывала, чем накормить детишек. Она уже сложила в котелок шишки с брусничником и собиралась спросить у Сорочихи каплю молока, когда в шалаш заглянули дочкины подружки. Из-под платков, низко опущенных на лоб и обмотанных вокруг тонких шеек, поблёскивали глаза и торчали вечно красные от мороза носики.

– Мы в Дуброво – на разведку! Мамка же там осталась, проведем её, а то страх как соскучились! Может, съестного раздобудем и про немцев разузнаем. Тоня пойдёт с нами?

– За клюквой она. Скоро уже будет, подождите немного.

– Неее, торопимся! Если захочет, пусть догоняет.

Тоня сразу же рванулась по следам за подружками, очень хотелось попасть в деревню – живую, с хатами, печками, дымком над трубами, но через час девочка вернулась в лагерь.

– Боязно мне: дошла почти до Дуброво, а их нигде не видно...

В лес подружки так и не вернулись. Деревенские гадали-рядили, почему да отчего, пока Ефросинья не решилась на ночную вылазку к бане, где осталась баба Люба, по старости отказавшаяся уходить из деревни.

– Деточка ты ж моя, – причитала старушка, обнимая невестку. – Страхи-то якия! Не кажите вы из лесу носа, покуль тярпеть можате. Две дячонки да мамки прыйшли, дык их пахватали и з мамкай жа у пуне спалили!

– Ахти свет! – побелела Ефросинья и рухнула на скамью. – Это ж наши девочки! И Тоня с ними хотела...

Полицаи ждали. Они были уверены, что деревенские скоро вернутся сами, голод и мороз сделают свою чёрную работу. И действительно, уже через две недели разгорающееся багровое утро не добылось в лесном лагере двух человек, следующей ночью замёрзло ещё трое. Зима собирала смертную дань. И народ взволновался.

– Скоро все тут окочуримся!

– Чаго сядим-выжидаем? Мо, сядимся? Можа, не тронуть нас?

– Ага, мы ж не партизаны, видать жа, что адны бабы, старыя да рабятки малыя...

– Бабы, можа, у дярэуню? У хаты свае?

– Так и так – помирать выходит...

– У сваёй хатке-то лепей!

– Спалённых девочек забыли? – прижимая к себе Ванюшку с Тоней, вдруг взвилась Ефросинья. – К партизанам надо!

– Дзе ж их узять-то? – снова зашумели бабы. – Вяди, коль ведаешь куды, разумница якая!

Старики порешили ждать ещё: авось полицаи уйдут. Но в народе уже зародилось сомнение, забродило отчаяние, терпение же истончилось, иссохло даже у самых стойких и выносливых. Ещё через неделю лесной жизни беглецы с поднятыми руками вышли к деревне...

Тот же пёсеподобный полицай, который, желая угодить немцам, всякий раз приплясывал перед ними на полусогнутых ногах, теперь стоял, вытянувшись шестом, и, приподнимаясь на носках, свысока разглядывал сильно поредевшую толпу еле плетущихся крестьян – исхудавших, измождённых, замотанных в заиндевевшие одеяла и платки поверх шапок, ватников, пальто и тужурок.

– Что я вам говорил! – ликовал он, обращаясь к полицейской своре. – Вот они! Сами явились, готовенькие. А вы собирались за ними по лесам шарить. Да эти скоты от своего хлева дальше трёх метров не отойдут, возвратятся, как миленькие! На бойню покорно поплетутся, вот увидите, – добавил приглушённым голосом и приказал: – Всех в большую хату, ту, что на краю, там ещё дубок напротив, через дорогу. И запереть! Охрану поставить!

Хата, превращённая в место временного заточения, действительно была большая, но и людей оказалось немало.

– Потеснись! – покрикивал полицай Дроздов, загоня деревенских.

– Куды тясница-то? Як сялёдок у бочке – дышать уже няма чым! – пытались возражать старики.

– Не надышались ещё? В лесу, свежим воздухом? – деланно поинтересовался Дроздов и громко зароготал, довольный своей остротой.

– Людцы добрыя, а што ж з нами цяпер будзе? – запричитали бабы, когда дверь закрылась. – Только б деток малых не чапали!

Со двора шумно захлопнулись оконные ставни, гулко застучали молотки.

– Ой, Божачка! Яны нас тут замураваць, мабыць, вырашыли? – охнула старуха Поведёнчиха.

– Жыўём у гроб, – мрачно предположил кто-то из толпы и громко выкрикнул в сторону окна: – А до ветру нам як жа загадае?

– Под себя сходите, не паны! – снова зароготали снаружи.

– Дети же с нами. Детей пожалейте! – взмолилась Ефросинья, обнимая перепуганного Ванюшку. – Злыдни вы ти люди? – Но её вопрос потонул в общем гуле обречённого отчаяния. В холодной заколоченной хате, без еды и света, словно в адской западне, оказалось несколько десятков человек.

Как только снаружи стихли вражеские голоса, те из арестантов, кто был покрепче, принялись обследовать помещение в надежде обнаружить дополнительный выход. В первую очередь убедились, что из подполья выбраться на свободу не было никакой возможности: выкопать лаз за короткое время – идея бесперспективная. Выбраться через чердак? Но лестницу полицаи предупредительно вынесли, а чердачное отверстие заколотили толстыми досками. Окна и двери забиты, по периметру дома – вооружённая охрана.

Февральские ночи выдались на редкость морозными, и тёмное безоблачное небо, усыпанное яркими звёздочками, слепо глядело на приговорённую деревню огромным лунным глазом, туманно-белым, словно побитым бельмом. Длинные серые тени, падающие от хат и деревьев, как будто их живые души, ползли по хрупкому снегу к большому дому на краю деревни, к родным людям, изголодавшимся, мучимым жаждой, изнурённым нескончаемым холодом.

«Зачем, зачем мы вернулись?» – в который раз мысленно бичевала себя Ефросинья.

– Идти надо было в другие деревни. Рассеяться, и кто куда – к родне, к людям! – поделилась запоздалой догадкой с Меланьей Роговой.

Та только усмехнулась:

– Все мы задним умом сильны. Теперь-то что делать? Околеет тут...

Ефросинья опустила Ванюшку на пол:

– Детка моя, ты попрыгай, попрыгай, не стой на месте, иначе замёрзнешь, насмерть замёрзнешь. – Сама же стала трясти Тоню, уже впадающую в забытьё. – И ты, доченька, шевелись, родимая! Давай-ка с нами:

– Баба сеяла горох –
Прыг-скок, прыг-скок!
Обвалился потолок –
Прыг-скок, прыг-скок!

Баба шла, шла, шла,

– тут Ефросинья запнулась, потому что голодным напоминать про пирожок, который нашла баба, никак нельзя, но нужное слово тут же отыскалось, словно кто подсказал:

– Сапожок нашла!
Баба встала на носок,
А потом на пятку,
Стали русского плясать,
А потом вприсядку!

Застывшие на холоде, почти омертвевшие старики, бабы, дети сначала медленно зашевелились, затем попытались оторвать от пола примёрзшие к нему за пять страшных дней задубевшие ноги.

– Баба встала на носок, а потом на пятку... Баба встала на носок, а потом на пятку, – чуть задвигались бледно-синие губы. Сначала еле слышно, потом всё громче заиндевелая хата захрипела, заговорила, запела, неуклюже затопала, приговаривая: – Прыг-скок, прыг-скок! Баба сеяла горох...

Ефросинья грела-тёрла своими ладонями сморщенные сухонькие руки бабы Любы и уговаривала:

– Ко мне прижимайтесь, мама, не сдавайтесь, пожалуйста! Я Павлу обещала, что сохраню вас, уберегу. Вы ж меня не подведите, грейтесь, грейтесь – вместе выдюжим!

Любовь Ивановна с трудом подняла на неё выцветшие глаза, прошепелявила беззубым ртом:

– Боженьку просить! Только Ён адзин дапаможа!

– Вот и просите, мама, вы ж молитвы знаете, просите! Он вас-то услышит! А я заднюю дверь, что на болото выходит, за эти дни уже трошачки расшатала, – шепнула на ухо и улыбнулась одними глазами, в которых на мгновение вспыхнула надежда.

Баба Люба с трудом согнула руку и снова умоляюще посмотрела на невестку:

– Пальцы мне сложи, каб перахрыстицца, а то не слушаюцца зусим. – И запела сначала тихонько: – Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. – Но неожиданно голос её окреп, молитва полилась мощно и звонко: – Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...

Ванечка, ухватившись за мамкины руки, подпрыгивал зайчиком и, тяжело дыша, монотонно повторял простуженным голосом: «Прыг-скок, прыг-скок...» Его голова, замотанная толстым платком, покачивалась в такт словам, перед глазами мелькали и словно кружились мамины руки, и казалось уже, что это вовсе не они, а ломти свежее испечённого хлеба с хрустящей коричневой корочкой плывут и дразнятся дурманящим запахом, от которого стелется густой-густой туман. Веки его опустились, тельце обмякло, и он повис на материнских руках. Ефросинья с трудом приподняла сына, и в этот момент со двора слышался гул подбегжающей машины.

Стукнули дверцы кабины, немецкая речь резанула воздух, топот сапог полицаев, суетливо снующих во дворе, оглушил запертых в доме людей. Они замерли, прислушиваясь, ловя каждый звук, доносящийся снаружи.

– Ой, Божухны! Яны ж падпаліваюць нас! – догадалась Рогова и, пятясь к задней двери, потянула за собой детишек и Фросю.

Когда мощный гул от разгорающегося пламени, охватившего крышу, накрыл округу и едкий, удушающий дым вместе с огнём сначала взвился ввысь, а потом пополз внутрь дома, проникая во все щели, началась паника. Бабы и старики бросились к окнам, пытаясь проломить рамы и ставни.

Страшные вопли, дикие крики, плач перепуганных детишек сначала словно парализовали Ефросинью, оглушили так, что она не слышала выстрелы со стороны леса, не сразу поняла, что недалеко завязался бой и полицаи с немцами уже не до них, не до смертников.

Наверху трещала сжираемая огнём крыша, полыхали перекрытия, с потолка на людей посыпались огненные лохмотья и головешки...

Задняя дверь, расшатанная Ефросиньей, не сразу, но всё же поддалась её отчаянному упорству, две широкие доски вылетели наружу. В образовавшуюся щель уже вполне можно было протиснуться человеку.

– Дете-е-ей! – заорала она Роговой Меланье. – Детей выбрасывай! – И сама, подхватив Ванюшку, вытолкнула его в снег: – Беги, сыночек! Далее отсюль утайкай!

Ефросинья помогла выбраться бабе Любе и, лихорадочно высматривая среди метущихся, задыхающихся в дыму и огне односельчан Павлову сестру, истошно кричала срывающимся голосом:

– Аня! Аня Хитько! Сюда! Ребятёночка спасай!

Полыхающие обломки, горящие ошмётки, отлетающие от рушащихся балок и брёвен, падали в снег, осыпая его пеплом и огненными искрами, и он плавился вопреки воле мороза. Ванюшка припал к грязной лужице, торопливо, словно кто-то мог отобрать, стал хлебать талую воду обожжёнными губами.

– Ванятка! Живой! – окликнула его тётя Аня, прижимая к себе свою дочку и протягивая ему руку. – Давай помогу... И беги, беги к лесу, пока немцы не вернулись. Сейчас вся правда – в ногах!

– А мама моя? – упёрся малыш.

– И мама бежит, и баба, и Тоня... Кто спасся, все бегут, – тяжело дыша, уговаривала Анна.

Ванюшка недоверчиво покачал головой:

– А ваша Валя не бежит... Она спит?

Анна ещё крепче прижала к себе девочку и посмотрела на Ванюшку как-то странно: глаза у неё стали необычно огромными, тёмными, полными безумного отчаяния.

– Спит она! Да! Да! Спит! Дыма наглоталась... Сейчас подышит свежим воздухом и проснётся... А тебе бежать надо, пока в той стороне бой... Бежать!

...Иван Павлович подскочил с постели, его руки дрожали, лоб покрылся испариной, в груди, будто колокол, гулко билось сердце, он тяжело дышал. Не включая свет, вышел на кухню, ополоснул лицо и, опустившись на табурет, снова задумался.

Сорок стоп, вмёрзших в пол, обнаружили сельчане, разбирая пожарище. Как уцелели, не сгорели останки ног, если те, кому они принадлежали, превратились в пепел? Впрочем, и другие останки тел находили под обломками... Сколько людей тогда погибло?¹

Во дворе začínалось серое утро. Хитко достал бумагу, карандаши, устроился у окна. Один набросок, другой, третий... Рука вычерчивала кресты. В голове настойчиво стучало: «Памятник!» Надо сделать памятник всем, оставшимся там навсегда.

ГЛАВА 19

«ЯДНАННЕ»

За дачным домом, в летней пристройке, где хранились строительные материалы и художественные заготовки, Хитко отыскал свою давнюю работу. Вытащил на свет божий, прислонил к стене. Под солнечными лучами блеснула, засияла медная чеканка грандиозного панно размером чуть ли не по полтора метра в высоту и длину. Ещё в семидесятых взялся Иван Павлович за этот труд. Работал, доводя замысел до совершенства, долго, около года. Иначе не мог, потому что вчekanил в медь боль и память о родителях.

Когда отец Павел Ефремович вышел на пенсию, думал он, как все: «Поживу вольготно: на рыбалку, в лес, в кино, – всё чин чинарём!» Да замучили боли в желудке. От операции отказался: «Вот ещё! Моя Фрося получше всякого хирурга будет. Отварами, настойками, примочками – вылечит!» Друг Комлёв запряг коня, на телеге из больницы домой Павла доставил. Тут и Ваня подъехал, он в то время на последнем курсе института проходил практику во второй школе, где директорствовал Журавков. И пошли у сына с отцом разговоры душевные.

Всё о жизни. Да больше о войне. Про госпиталь тоже. Санитарок там не хватало, так отец, когда после ранения на поправку пошёл, сутками помогал тяжёлым больным: и судно не брезговал выносить, и кровавые простыни менять. Врачи даже благодарность ему объявили.

– Сплотила война народ наш, сынок. Ох, как общие страдания людей объединяют! Да если бы не всем миром: крестьяне хлебом, рабочие в тылу оружием, партизаны самоотверженностью, солдаты мужеством, – кто знает, выстояли бы мы тогда? Подумай, ведь против СССР открыто воевали Италия и Венгрия, Финляндия и Румыния, Словакия и Хорватия. К июню сорок первого артиллерией, танками, самолётами Германию снабжала вся Европа. Вся! А сколько иностранных добровольцев сражалось против нас на стороне Гитлера? Тысячи! Десятки, сотни тысяч! Даже нейтральные страны тайно помогали Гитлеру. Швеция, например, поставляла немцам для оборонной промышленности цветные металлы и сталь, Швейцария – железную руду. А нейтральная Испания отправила на советско-германский фронт... добровольческую дивизию!

¹ По данным Генпрокуратуры Беларуси, возбуждённой в апреле 2021 года уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период, на территории республики фашистами и их пособниками убито более трёх миллионов человек и сожжено 10215 деревень (данные на 11 ноября 2022 г.). Расследование продолжается.

– Союзники же у нас тоже были, – попытался возразить Иван скорее не для спора, а чтобы услышать мнение отца. – Ведь сильные же союзники! США, Англия, Франция – это тебе не Албания, не Дания с Люксембургом...

– Вот сказал! – раздражённо махнул рукой, будто комара гонял, Павел Ефремович. – Союзнички! Они спали и видели, как захватить лакомый кусок в Европе, если победит Сталин. Выжидали, пока погоним фашиста! Лишь тогда проснулись, когда испугались, что к обеду опоздают. А помощь их – по ленд-лизу, в долг значит! Нам ещё за неё платить и платить! ¹ – он на минуту замолчал, раздумывая, но тут же сморщился, застонал от боли.

Иван успел заметить, что когда отец увлечён, то мучительная болезнь вроде бы отступает, потому поспешил вернуться к разговору:

– Но ведь были у нас и настоящие друзья!

– А как же! Были, конечно. Монголия! Чем могла... Лошади, шерсть, мясо... – И добавил примирительно: – По правде сказать, американская тушёнка тоже, может, не одну жизнь от голодухи спасла... Но не это главное! Главное – наш советский народ! Все, как родня! Делились, помогали, последнее отдавали...

Вечером Павел Ефремович попросил куриного бульона, похлебал немного и, отвернувшись к стенке, уснул. В последний раз. Всего две недельки не дождался до радости – рождения Серёжки, внука, продолжателя рода Хитько.

«Вот так смерть и жизнь рядышком ходят, будто сёстры-близняшки», – думал Иван Павлович, разглядывая чеканку. А губы шептали уже складывающиеся строки:

...В песке прибрежном вязнут ноги,
Мгновенья вяжут жизни сеть...
О мир, прекрасный и убогий,
Ты равновесие и твердь!

Так соком брызжущие вёсны
И четвертованные сосны –
В одной реке,
Как жизнь и смерть.

Чеканка отливала червонно-медным светом и, казалось, была окутана таинственным, туманно-солнечным свечением. На выпуклом луче, исходящем от горячей звезды, отчётливо выделялась прочерченная многоговорящая надпись на белорусском языке: «У нашым яднанні – сіла!»²

Отцовские слова о единении, сплочении народа в годы Великой Отечественной не давали покоя Ивану Павловичу, пока не появилась на свет эта работа. На переднем плане он выбил наковальню, как символ величия труда. Рядом – рабочего, передающего выкованный меч человеку в рубашке с вышитыми узорами – белорусу ли, русскому, украинцу? – советскому человеку, вставшему на спасение Родины!

Хитько, в который уже раз, внимательно всмотрелся в защитника – похож! Похож на отца.

– Память тебе, папа, и всем воинам нашим во веки веков! – прошептал, перекрестившись, и оглянулся: не видит ли кто. – Вот привычка привязалась! – недовольно забурчал на себя. – Раньше-то всё прятаться приходилось: на людях крест на себя не наложишь, – донесут куда надо. Вот и теперь оглядываюсь. Видать, школьный урок крепко запомнился.

...Учительница математики встретила прогулявшего урок Ваню грозно: её широкие брови сдвинулись к переносице и, соединившись, стали похожи на чёрные крылья, нос с горбинкой и гневно раздутыми ноздрями превратился в птичий клюв, а глаза так вперились в ученика, будто хотели про сверлить насквозь. Ваня даже оглянулся, но за ним – никого.

– На какое кладбище? – допытывалась она до причины прогула.

– Мама сказала, что день поминальный, обязательно надо, – оправдывался Хитько, искренне не понимая, почему так сердится математичка. – Сначала в церкви помин заказали. А церковь-то в Витебске, на Марковщине! По понтонному мосту через Двину надо...

¹ Россия полностью рассчиталась с США только в 2006 году.

² «В нашем единении – сила!»

– В церковь? – побелела учительница. – Ты ещё и в церковь ходишь? Ну, Хитько... Больше тройки по математике не получишь, так и знай! Ишь, попёнок выискался, по церквям он...

«И ведь поставила тройку!» – Иван Павлович покачал головой, улыбнулся:

– Бог с ней! Она уж давно с Ним встретилась. Поди, во всём Там разобралась.

Солнце, спрятавшееся за облаками, снова показалось золотым своим краешком, и нетерпеливый луч скользнул по чеканке, отчего она вспыхнула, засияла, высвечивая уставшую женщину с серпом и пучком срезанной спелой пшеницы. Мать, сестра, дочь, Родина... Меч, хлеб, человек... Воин, хлебороб, рабочий... В единении – сила!

– Вот и пришёл твой день, творение моё! – Хитько попробовал приподнять панно, но тут же опустил. – Нет, одному никак. Отяжелела ты, что ли? – обратился к чеканке, словно к живой.

Из-за угла хаты показалась Анна Нифантьевна, всплеснула руками:

– Я думаю, куда ж ты запропастился? А он, глянька-ка, вытащил своё «Яднанне»! Сколько лет оно, почитай, в сараюшке простояло. Кто ни просил продать – ни за что! – Она встала напротив, залюбовалась: – Ох, красота-то какая! А женщина-то на маму твою Ефросинью Ивановну как похожа! Одно лицо, ей-богу!

– Так ведь мама моя работающая была, каких поискать. Всем труженицам – труженица! Попробуй-ка серпом поле жать! Это тебе не косилкой, как сейчас, а руками, со согбенной спиной, на ногах с утра до темна... Не зря с отцом передовики производства. До сих пор хранится фото с надписью: «Лучшие ударники колхоза “Чырвоны маяк” Хитько Павел и Ефросинья»¹.

– Я ж не спорю, Ванечка, – Анна Нифантьевна обняла мужа, прижалась щекой к его плечу. – Ты достойный сын достойных отца-матери. И за это тоже люблю тебя! Ох, всю жизнь люблю тебя, художник мой!

Хитько ласково чмокнул её в седые волнистые волосы и тяжело вздохнул:

– Сюда панно вытащил, а назад уже сил нет. Впрочем, и не надо. Скоро за ним приедут. Плёнкой бы только прикрыть на случай дождика.

Анна Нифантьевна подняла голову. Редкие белые облака, пронзительная синева, яркое солнце обещали ведро. Она посмотрела на мужа и только теперь взволновалась:

– Приедет-то кто? Неужели продать решился? Музей воинов-интернационалистов просил, ты не отдал, а теперь – кому?

– Витебскому не отдал, а своему, городокскому, подарю!

– Так нет в Городке музея интернационалистов, – растерялась жена.

Иван Павлович глянул на неё с удивлением:

– Что ты распереживалась, как ребёнок? Краеведческому музею! Завтра же семнадцатое сентября – День народного единства Беларуси!² Звучит красиво. И торжества в городе будут, концерт во Дворце.

Сюрприз с новостью удался, и Хитько светился от удовольствия.

– Ой, правда! – вспыхнули глаза и у Анны Нифантьевны. – Лучшего повода для подарка не придумать! А я-то, голова садовая, запомновала, что праздник. Когда в России День народного единства³, помню, потому что он как раз на Казанскую⁴, а у нас ведь только в прошлом году впервые отметили единение.

Ни Иван Павлович, ни Анна Нифантьевна ещё не знали, что через четырнадцать дней, тридцатого сентября, они станут свидетелями ещё одного грандиозного исторического единения. После референдумов в Луганской и Донецкой народных республиках, Запорожской и Херсонской областях в Кремле будут подписаны договоры о присоединении этих четырёх регионов в состав России. Исконные русские земли вернутся домой! И это станет победой, хотя война ещё не закончится.

¹ «Лучшие ударники колхоза “Красный маяк” Хитько Павел и Ефросинья» (бел.).

² Государственный праздник в Беларуси, отмечаемый ежегодно 17 сентября, учреждённый 7 июня 2021 года указом президента Александра Лукашенко. Праздник приурочен к годовщине польского похода Красной армии, начавшегося 17 сентября 1939 года, по итогам которого Западная Белоруссия вернулась в состав Белорусской ССР.

³ Российский государственный праздник, отмечаемый 4 ноября ежегодно начиная с 2005 года, установлен в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году. В этот день празднуется и День воинской славы России.

⁴ Празднование Казанской иконы Божией Матери установлено в 1649 году царём Алексеем Михайловичем в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 году.

ГЛАВА 20

КРАСНЫЕ

Год нынче выдался плодородный, щедрый. Закрома белорусские и российские полным-полнёненьки. Даже странным кажется, что где-то разговоры о грядущем голоде вовсе не пустые звуки. В Европах ценники на продукты и коммуналку не на шутку пугают народ, а в Беларуси впервые за долгие годы зафиксирована дефляция по итогам октября. Всё просто – запрещено необоснованное повышение цен. Система государственного регулирования! Удивительные вещи происходят в мире: Запад и США так давят санкциями Россию и Беларусь, что должно бы и не вздохнуть, а на деле – всё наоборот! Это они задыхаются, а мы полной грудью дышим! Вот как тут не вспомнить о Господе? Как снова не вспомнить предсказания святых о том, что восстанет Русь и расцветёт вопреки антихристовым козням?

Так размышлял Хитько, собирая в мешок сочные красно-зелёные яблоки, которыми была усыпана земля под отплодоносившими деревьями. Решил поделиться урожаем с друзьями и соседями по городской квартире. Одно яблоко задержал в руке, разглядывая с удивлением. По зелёной кожице плода пролегла ровная, жирная, красная полоса, разделив его на две части. «Будто кровавая рана, – неожиданно подумал он и зачем-то сунул яблоко в карман. – Вот так и по единому народу – кровью... Разделили... А яблочко-то всё одно яблочком осталось. Кожуру срезать – полоска исчезнет».

– Срежем шкурку-то? – спросил Иван Павлович, обращаясь к вездесущей вороне, внимательно наблюдающей за ним, и сам же ответил: – Конечно, срежем! Вон какая мобилизация¹ по всей России прошла, хоть и частичная, всего триста тысяч человек, но зато сразу высветила все плюсы, все изъяны. Теперь генеральная уборка в стране. А ребят мобилизованных не сразу на передовую, сначала подготовка на полигонах.

...Ночная тревога, разбудившая Ивана, мгновенно снесла его со второго яруса прямо на плечи Янкаускасу. Еле успел схватить сапоги с портянками. Так и помчался на построение верхом на товарище.

– Равняйся! Боевая тревога! Марш-бросок – десять километров! – скомандовал командир взвода Пащенко.

Рядом с Хитько пыхтели музыканты-мурманчане. Чуть бежали, задыхались, покраснелись, пар так и валил. Казалось, вот-вот и они свалятся. Слабаки! Сосиски! Ни подтянуться, ни через козла. Что с ними делать? Боянов скатку с плеча скинул на землю, раскрутил.

– Ложись, дохлак! Подведёшь всю роту, – рявкнул на самого обессиленного из отстающих.

Так и потащили друзья «сосиску», хоть у самих уже ноги заплетаться начали. А тут ещё команда:

– Ложись! Газы!

Натянули противогазы – совсем дышать нечем, а надо. Впереди старшина с дымовой шашкой. Попробуй снять защиту – закашляешься до заворота кишок. Ползут ребята, а в глазах пелена, в висках барабанный бой... «Гад же ты, Пащенко! Чего над людьми измываешься?» – стучит в их разгорячённых мозгах.

«Сам под берёзой устроился, с папироской и без намордника», – заметил рядовой Тесленко и, подхватив шашку, бросил её с ветреной стороны так, чтобы окурить ненавистного старшину.

– Ах ты, сукин сын! – взвился Пащенко, натягивая противогаз. – Три наряда вне очереди!

У озера, где заканчивалась десятикилометровка, первыми оказались Боянов и Хитько. Скопившийся в противогазах пот выливали на землю, как из ведра. Свежий ветер, ароматно пропахший озёрной водой, ласково обдувал их измотанные тела. Солдаты глотали его и не могли утолить жажду, чтобы надышаться вдосталь. Иван растянулся на берегу и, плюхнувшись руками и лицом в прозрачную воду, шумно хлебал её, фыркал, словно молодой жеребец, и снова хлебал...

Объявив благодарность отличившимся на марш-броске, старшина медленно прошёл вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица солдат. От него не ускользнули косые взгляды, холодные глаза, поджатые губы. Он громко кашлянул и вдруг заговорил изменившимся тоном, по-отечески тёплым и доброжелательным:

¹ 21 сентября 2022 года президент Владимир Путин объявил в стране частичную мобилизацию. Цель этой мобилизации: сформировать новые воинские подразделения и доукомплектовать имеющиеся для участия в специальной военной операции на Украине и территориях, вошедших в состав РФ.

– Небось, думаете, что злыдень я? Мучаю вас, несчастных горемык... Эх вы, дурьи башки! А как отцы ваши на фронте? В окопах зимой и летом, в грязи и холоде, под обстрелом смертельным! Вдруг и вам предстоит?

– Да после такой войны, что была, теперь уж никогда не будет! – подал голос Тесленко.

– Может, и не будет, – задумчиво отозвался старшина. – А если вдруг? Что тогда? Нет, ребята, готовыми надо быть. Вспомните ещё моё слово.

...Порыв ветра поднял с земли уже пожухлые листья, понёс по дорожке. Хитько проследил за ними взглядом и невольно поёжился: «Как в воду Пащенко глядел! Вспомнилось оно, слово его... Ну, ничего, даст бог, пронесёт беду мимо! Наша Беларусь вслед за Россией тоже поднакопившуюся грязь подчищает. Обороноспособность усиливает! Да как же её не усиливать, если Запад так и нагнетает, так и грозит. Польша руки потирает в предвкушении оттяпать у нас гродненские и брестские земли. Украина границу заминировала, мосты с белорусской стороны взрывает, забор строить собралась. Обещает нам устроить Крымский мост – 2¹.

Провоцирует! А Александр Григорьевич на совещании по безопасности страны заявил прямым текстом: «Доведите президенту Украины и другим умалишённым, если там они ещё есть, что Крымский мост им покажется цветочками, если только они прикоснутся своими грязными руками хоть к одному метру нашей территории».

Хитько приподнял мешок, оценивая свои силы: ещё до машины дотащить надо, – и крепко завязал шнуром. Обвёл взглядом сад – яблоч на земле словно и не убавилось. «Зимой не пропадём, и всем хватит: и людям, и зверюшкам разным, и птицам – расклёвывают яблочки они с удовольствием», – Иван Павлович подмигнул вороне, глаза его потеплели:

– Эй, ты, глазастая! Высоко сидишь, далеко глядишь, а известно ли тебе, что нынче белорусы будто опомнились: на земле всюду порядок наводить взялись – решили старую мелиоративную систему восстановить и каждый клочок освоить, чтоб не зарастал, как прежде, пустозельем? Земелька, кормилица наша, если к ней с лаской, никого голодным не оставит! Ох, дорого это крестьянской душе, великая ей радость от таких решений! А с современной техникой поля поднять, оживить – не проблема. Время такое. Время...

...Как успеть? Из школы в институт, из института в художественные мастерские... Домой приплетался Иван уже еле живой. С таким напряжённым графиком его хватило на полгода. Затем на семейном совете молодые Хитько приняли решение: учительствование в этом расписании лишнее, хватит преподавания на худграфе, хоть и жаль было оставлять собственноручно созданный школьный музей. Однако не в чужие руки передавал, а другу, художнику Саше Килессо, бывшему детдомовцу, в годы войны малолетнему подпольщику. С ним потом всю Белоруссию исколесил в поисках мастеров – резчиков, кузнецов, художников, гончаров... Такая ответственная задача была поставлена Академией наук перед преподавателями худграфа – изучение белорусского народного прикладного искусства, о котором в ту пору знали мало, и Домов ремёсел, Домов народного творчества, как теперь, в каждом районе тогда не было.

Хитько для самостоятельной работы досталась тема «Декор в народной архитектуре послевоенной Беларуси». А Семёнов Олег Иванович, товарищ по кафедре, выбрал себе тему, связанную с металлом: «Художественная обработка металла на территории Белоруссии с 13 по 18 век». Декоративные решётки, калитки, оградки, кресты...

– По району бы поездить – поискать, изучить, – озадачился Иван.

Семёнов тут же откликнулся:

– Не только по району. Бери шире – по области, республике! Только на чём ездить? Где денег столько взять?

Решение пришло быстро. В художественных мастерских они стали получать оформительские задания от организаций и учебных заведений, а заработанные деньги откладывали на покупку мотоцикла

¹ Взрыв на автомобильной части Крымского моста прогремел утром 8 октября 2022 года. На мосту взорвался грузовой автомобиль, пламя перекинулось на топливные цистерны проходящего по параллельной ветке железнодорожного состава. Обрушились два пролёта автомобильного полотна, железнодорожные пути получили повреждения на участке длиной более километра. Теракт был подготовлен спецслужбами Украины.

с коляской, который ещё требовалось где-то достать. Одновременно учились вождению, чтобы получить права. Когда нужная сумма была собрана, появился и нужный человек, обещавший организовать покупку в лучшем виде, для этого полторы тысячи рублей он передал знакомому с базы. Оставалось ждать.

Но мотоцикла всё не было. Его и сегодня нет. Человек с базы вскоре был арестован и сел, а мотоциклетные деньги бесследно исчезли. Что делать?

– Купим лошадь! – заявил Семёнов без тени сомнения. – За лето район объездим, а кормить её просто: навязал на травке, и пусть пасётся, пока мы декор изучаем.

Хитько с доводами Олега согласился. Теперь надо было узнать, где купить и сколько стоит, чтобы снова собрать деньги. И когда в кабинет заглянул лаборант Николай Марчик, друзья тут же приступили к нему с расспросами:

– Коля, дружок, ты всё знаешь, подскажи, где можно лошадь купить?

Марчик от неожиданности даже присел, его и без того торчащие во все стороны волосы будто дыбом встали:

– Лошадь?!

Семёнов и Хитько молча кивнули. А Николай вдруг расхохотался:

– Шутка такая? Я понял! Это вы так подколоть меня удумали – узнали, что родители мне «Жигули» подарили?

– «Жигули»?! – Хитько с Семёновым переглянулись, не веря своим ушам. – У тебя теперь машина есть?

Вопрос с отпуском для Коли ректор уладил быстро. Оплату бензина, технического обслуживания и работы водителя взяли на себя Олег с Иваном и присоединившийся к ним безотказный добряк Саша Килессо.

...Воспоминания о друзьях заставили больно сжаться сердце Ивана Павловича. Веранду к дому пристраивал он не для себя, а для Саши, чтобы тот мог летом отдыхать, не смущаясь, что стесняет хозяев. Только не пришлось ему. Первую пенсию отметил и больше не проснулся.

Гроб поставили в спортивном зале школы для слабослышащих, где преподавал Александр Яковлевич. Хитько провёл рядом с другом всю ночь, всю ночь проплакал о нём – скрывать слёзы было не от кого: сиротой Саша вырос, сиротой и остался.

И Олег Семёнов перед отъездом в Браслав, где выполнял заказ на художественные работы, заскочив на минуту в методический кабинет к Ане Хитько, огорошил с порога:

– Всё, Аннушка, конец мне приходит! Сегодня во сне ангелов видел...

Совсем худо ему стало в Браславе. А болел давно. Годы работы с металлом отняли здоровье: развилась астма. Без баллончика с лекарством жить не мог. А тут оно вдруг закончилось, нужен рецепт. Бросился Семёнов в Витебск, забежал в поликлинику – очередь на весь коридор. Подождал немного и решил бежать домой, на свой четвёртый этаж, где хранился запасной баллончик. Так и нашли Олега Ивановича – на полу, с протянутой к спасительному лекарству рукой...

А тогда, в далёких семидесятых, перед друзьями были открыты все дороги и тропки прекрасной Белоруссии. Почти в каждой деревеньке побывали, фотографируя, зарисовывая резные оконные наличники, чудо-крылечки, ворота да скамеечки, изучая мастерство самобытных гончаров, ткачей, кузнецов, художников-самоучек. Добирались до мест и на лошадях, и на лодках – сначала купили казанку с мотором, а потом построили на институтском дворе лёгкие катамараны. Ночевали в чистом поле и на речных да озёрных берегах, питались чем бог пошлёт: всё больше крестьянской простой пищей – бульбой да молоком, хлебом да салом с лучком, ухой из выловленной Сашей рыбки и приготовленной им же на костре. Мокли под дождями и просыпались с рассветом от птичьего пенья и ласковых солнечных лучей. Однажды подскочили в ужасе от мощного рёва, раздавшегося прямо над головами. Это корова просунула голову в открытое окно бани и, обнаружив вместо хозяйки незнакомцев, спавших кто на полу, кто на полке, замычала возмущённо и обиженно.

Снимки и рисунки из летних экспедиций друзей проиллюстрировали десятки статей и книг, которые издавались многотысячными тиражами¹. Сбранного за несколько лет материала с лихвой

¹ Основы мастацкага афармлення школы / А. Ф. Кавалёў, А. І. Сямёнаў, І. П. Хіцько. Мінск: Народная асвета, 1974; Мастацтва разьбы па дрэве: вучэбны дапаможнік для вучняў 7—11-х класаў агульнаадукацыйнай школы з мастацкім ухілам / І. П. Хіцько. Мінск: Беларусь, 1998; Декоративные наборы из соломки: учебно-методическое пособие

хватило не только на запланированные диссертации. По результатам работы комиссия Министерства образования в Москве присвоила Хитько звание доцента.

...Мешок с яблочными гостинцами для соседей занял своё место в багажнике, и Иван Павлович, окинув прощальным взглядом дачные владения, шутливо помахал вороне, уже перелетевшей с берёзы на старое дерево «антоновки»:

– Не скучайте, барышня, зимуйте благополучно. Даст бог, доживём до весны – ещё встретимся!

Ворона шумно взмахнула крыльями, приземлилась у крупного яблока, вызревшего до прозрачности, так что просвечивали гладкие, блестящие коричневые семечки, и с размаху ударила по нему мощным клювом.

На выезде из города Хитько заметил голосующую у дороги пожилую женщину, опирающуюся на трость. Обычно он не брал попутчиков, зная, что автобусы и маршрутки снуют между Городком и Витебском, как ткацкие челноки, но в этот раз почему-то притормозил. Женщина попросила довезти до Лужесно:

– Опоздала, сынок, по расписанию-то! А теперь жди битый час, да ноги-то уж не те... Спаси тебя Господи!

– Какой же я вам сынок? – засмеялся Иван Павлович, разглядывая попутчицу. – Мы с вами, поди, ровесники будем?

Женщина действительно была очень немолода, седые волосы выглядывали из-под тёплого шарфа, глубокие морщины располосовали лоб и окружили глаза, но они, уже чуть выцветшие, горели по-прежнему молодо и озорно.

– Ай-ёнички! Не разглядела! Решила, если за рулём, то молодой. Мой дед-то за руль уже не сядет. Я вот в деревне на могилках была. Там родители. Отец в партизанах. Мать в лесу пряталась. Сама-то не помню, в сорок пятом родилась. Рассказывали...

– А я довоенный. Помню.

Женщина оживилась, заговорила торопливо, словно боялась не успеть поделиться наболевшим с человеком, который обязательно поймёт и разделит её переживания:

– Вот кто думал, что мы снова до войны доживём? У меня внучка в Белгороде. Так ведь их там бомбят супостаты эти, фашисты бандеровские! По исконно российской земле бомбят. По мирным людям! На обломках ракет надписи находят: «Сдыхай, русня!» Это что ж такое делается? – запримечала она, а голос её подозрительно задрезжал.

Хитько испугался, что попутчица расплатится, поспешил перехватить инициативу, успокоить:

– Такая судьба, потому что Белгородская область на краю оказалась, у самой границы с Донбасом. Такая же судьба у нашей Беларуси: между Западом и Россией, как буфер, если здесь начнётся, то мало нам не покажется. Больше всех в Отечественную кому досталось? Нам!

– Это конечно, – согласилась женщина, – но ведь Россия обещала ответить, если только посмеют...

– Обещала. Грозила чем? Ядерным оружием! Грозила в надежде, что это отрезвит, – перебил Иван Павлович.

– Так ведь посмели! – голос у женщины снова задрожал.

– По-вашему, надо было начать ядерную? – возмутился Хитько. – Это был бы лучший и правильный выход? Вот сейчас долбанули укры по Польше, чтобы спровоцировать НАТО на полномасштабную войну, а в ответ-то – ничего! Не отважились натовцы применить пятую статью, боятся открытой войны с Россией. Вот и получается, что, пока всё не устаканится, пока не победим, приходится страдать... Хотя с террористами, может, ещё и после победы долго бороться будем. Бандеровцев после войны десять лет отлавливали, а они, сволочи, выжили, расплодились, как крысы... Но ничего, главное, что Господь с нами, значит, как бы ни бесился антихрист, победа обязательно будет нашей! Я-то ещё с той войны помню...

...Ефросинья на ходу набросила ватник, платок и, подгоняя Тоню, схватила Ванюшку за руку, с силой потащила за собой по рыхлому снегу:

по инкрустации и аппликации / И. П. Хитько. Витебск: ВГУ, 2005; Основы резьбы по дереву: учебно-методическое пособие / И. П. Хитько. Витебск: ВГУ, 2007; Технология резьбы по дереву: пособие для учителей экспериментальных школ: [7-й класс] / Н. А. Велишкевич, А. Ф. Журба, И. П. Хитько. Минск: НИО, 2000. И др.

– Скорее, детки, скорее! К Горбачёвым надо, у них погреб большой.

Взрывы сотрясали город. Уже совсем близко ревели советские танки, прорвавшие немецкую оборону. Многоголосье боя гремело, то приближаясь, то словно бы отдаляясь и редая. Треск пулемётов то утихал, будто тонул в густой снежной каше, то оглушающе грохотал, сливаясь с остервенелыми автоматными очередями. Наши части овладели северо-западом Городка. Танки стремительно пробивались к железнодорожной станции. Уличные бои разгорались у разрушенной церкви, в центре города...

Якова Петровича Ваня заметил ещё издали. Он хоть немного и побаивался соседа, но при встрече смотрел на него как заворожённый. Что-то было в облике этого человека сказочно-могучее, надёжное и доброе. Семидесятилетнего Горбачёва, учителя математики, трудно было назвать стариком: крепкого телосложения, с большими чапаевскими усами, которые любил закручивать, он больше напоминал лихого казака. Вот и теперь легко откинул тяжёлую дверь каменного погреба и, встречая соседей, помогал спуститься вниз.

– Прячьтесь, люди добрые, пока германец вас в живую изгородь не выстроил.

Баб и детей набилось со всей улицы Карла Маркса, Ваня успел приметить Прокофьевых и Шолоховых, остальных знал только в лицо. Прикинул, что собралось не меньше тридцати человек, а может, и больше, до того тесно было в холодном, тёмном убежище. А Горбачёв, наклонившись над подвальным проёмом, так что усы его отвисли и раскачивались на ветру, неожиданно предупредил:

– Вот что, бабоньки, я вас закрою, и замок повешу, и штабу накинута, и на ключ...

– Рехнулся, что ли? – завопила старуха из дальнего угла. – А если с тобой что случится?

– Типун тебе на язык! – зашушукали женщины.

– Без костей он у тебя, Лизавета!

– Сам-то как, Яков Петрович? – обеспокоилась Ефросинья.

– Укроюсь в бане, что на болотце. Не волнуйтесь. А замок, чтобы немцы не догадались. Сидите тихо! И вот ещё, – Горбачёв прикусил ус, – если со мной что... Стучите потом, кричите, наши услышат, откроют...

Дверь глухо стукнула, звякнул замок, подвал накрыла крошечная тьма. Бабы замерли, прислушиваясь к звукам наверху.

А наверху продолжался бой. Гудели самолёты, сбрасывая смертоносные гостинцы на немецкие укрепления, пулемётные очереди разрезали пространство трассирующими пулями, взрывы наизнанку выворачивали землю, гулко и часто трещали автоматы...

Когда со двора отчётливо донёсся топот ног и лязг затворов, по подвалу прошелестело:

– Немцы!

– Всё, бабы, прощайте...

Кто-то наверху сбил замок, откинул дверь. Свет, хлынувший в подвал, ослепил затворников. Щурясь, прикрывая глаза ладонями, они пытались, но всё равно не могли различить людей, склонившихся над ними, пока одновременно с металлическим щелчком затвора не прозвучало громкое:

– Кто такие?

И вдруг мгновенно оживший подвал словно прорвало:

– Красные! Это красные!

– Наши-и-и!

– Родненькие!

Рыдали, смеялись, голосили, кричали бабы. И Ваня тоже орал что есть мочи:

– Красные! Красные! Красные!

Хотя совсем не понимал, кто это такие – красные? Только чувствовал всем своим худеньким, маленьким тельцем, своим страдавшим сердечком, что произошло что-то необыкновенно радостное, счастливое, то, чего ждали все эти бабы, и дети, и мама, и он сам три нескончаемых, страшных военных года...

Хитко вёл машину и улыбался, глаза его светились, словно он заново пережил тот потрясающий момент освобождения двадцать третьего декабря тысяча девятьсот сорок третьего года.

– А учитель? – взволновалась попутчица.

– О, Яков Петрович ещё успел поучительствовать! В пятьдесят четвёртом его не стало. А тогда, в сорок третьем, считай, подвиг совершил, собой пожертвовал, ради женщин и детей, ведь в подвале прятаться надёжнее, чем в бане... А нам потом хватило всякого: голодали ведь. Я с другом Юркой на речке рыбу ловил. Горожанка наша была не то что теперь, глубокая! Даже налимы водились. Нащупаешь под камнями-корягами и гладишь, гладишь, а потом пальцами под жабры – хват! И тащишь из воды. Это летом. Зимой же по льду палками, камнями били, чтобы оглушить, а когда мины научились разбивать, тол нам в помощь. И самые вкусные в мире котлеты мне тоже посчастливилось попробовать!

Женщина удивлённо вскинула глаза, хотела что-то спросить, но Иван Павлович опередил:

– На квартиру к нашей хозяйке подселили двух медсестричек, так красноармейцы им здоровенный оковалок конины приволокли. Лошади на войне тоже ведь погибали... Ух, какие же это были котлеты!

Попутчица слушала, сочувственно кивала, вздыхала то горестно, то радостно. Из своего послевоенного детства она тоже помнила километровые очереди за хлебом и керосином, даже в баню – за тазиком и местом в бельевом шкафчике. Помнила керосиновые лампы и керогазы, телеги на улицах и конские яблоки на дорогах, которые мать просила собрать в ведёрко, чтобы добавить поросёнку в корыто, потому что в тех лепёшках было много непереваренного зерна. Но всё это происходило уже в свободной стране, когда надежда на будущее окрыляла и грела, а потому переносилось терпимо, с шутками да песнями. И пели так, как сейчас уже не поют...

До Лужесно оставалось совсем немного, но нахлынувшие воспоминания так захлестнули, что Хитько, захлёбываясь словами, всё говорил и говорил:

– Мать, бывало, напечёт сочней из картошки с мукой, а я их – к поезду. Гладишь, и копейка в доме. Отжили немного – шерсть с кожи слезла. Однажды выскочили из вагона солдатики, похватили пирожки. «А деньги?» – спрашиваю. «Деньги потом! Не жалея, пацан!» А мне и не жалко. Я нашим красным всё, что хочешь, готов был отдать!

Иван Павлович достал из кармана яблоко с красной полоской и протянул его попутчице:

– Кожицу обрежьте. Оно без неё сладкое – спасу нет!

Когда за женщиной захлопнулась дверь, он, оставшись один, вдруг не на шутку задумался, да не о чём-то обыденном, а о том, для чего он, Хитько, живёт на белом свете? Сестричка Тоня Богу душу отдала ещё в пятьдесят шестом. Потом отец. Когда работал в институте, ушла из жизни мама. Лучших друзей тоже уже нет... А вот он, Хитько, живёт. Зачем? Для чего учился, работал, любил, страдал? Может быть, для того Господь и одарил его талантом, для того и выжил он в тот страшный февральский день сорок третьего, когда фашисты сжигали его вместе с родными и соседями, чтобы теперь вдруг осознать своё главное предназначение. И конечно, оно не в том, чтобы молчать и скромно прятать боль под каменным спудом забвения из-за страха вновь пережить то, что, казалось, и пережить невозможно. Нет, именно этой болью, её мучительной силой он должен творить и творить до последнего своего дня, чтобы приумножить данное ему Богом и чтобы в веках сохранить память о страданиях и жуткой смерти безвинных земляков.

И он, Хитько, идёт к этой цели уже давно: сначала оформлял музеи, начиная с музея героя Великой Отечественной Миная Шмырёва, потом с другими мастерами изготавливал шкатулки для хранения земли из сожжённых с людьми белорусских деревень, которые были переданы администрации мемориального комплекса в Хатыни, теперь надо отдать должное землякам.

Дома Хитько развернул листки, захваченные с дачи. Это были наброски, эскизы фрагментов будущего памятника, который задумал создать на месте сожжённого дома. Теперь это как раз напротив школы. Кому, в первую очередь, нужны памятные знаки об историческом прошлом родного края? Конечно, детям!

– А ведь боятся! Ой, как боятся нынешние фашисты памятников советским воинам и всему советскому, русскому, православному! Сносят их по всей Украине, Прибалтике, Европе... А мы новые поставим! – раззадорился Иван Павлович, разглядывая эскизы. – Выходит, что и бронзовая память может стать оружием, которое помешает нацизму гадить в людских душах.

Проза

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1-го ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями.

Член РСП и МСП «Новый Современник», заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Номинант национальной литературной премии «Писатель года – 2022», лауреат конкурса МСП «НС» имени В. Пикуля за 2022 год. Автор 10 документально-исторических и художественных книг. Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», альманахах литературных объединений «Остров вдохновения» (Балтийск) и «Прибрежные волны» (Прибрежный). Написал более 20 историко-документальных военно-патриотических статей, опубликованных в газете «Красногорская жизнь» Брянской области.

Из наградного листа к ордену Красной Звезды (4.10.1943 г.): «В боях за н. п. тов... 3 раза скакал на широком аллюре к боевым порядкам противника и только на 3-м разе тот открыл огонь по тов... этим самым было уточнено наличие противника в с. Пепеловка».

(ЦАМО, Ф. 33, Оп. 686044, Д. 2301)

РАЗВЕДКА БОЕМ

Рассказ

Гвардейский кавалерийский полк занимал позиции в лесопосадке, готовясь к предстоящему наступлению. Впереди тускло просматривалась укрытая осенней мглой слабопересечённая местность с порыжевшими и давно не кошеными травами да разбросанными по полю зарослями кустарника. Обманчивое затишье нависло над нейтральной полосой. Противник, подтянув резервы, спешно укреплял оборону, маскируя скрытно размещённые новые огневые точки и опорные пункты.

Вот уже трижды, по приказу командира полка, разведчики ходили за «языком», но возвращались ни с чем, понурые, понеся потери. Был убит весельчак и любимец взвода гвардии сержант Кайсымов, двоих принесли тяжело раненных. Немецкие сапёры каждую ночь продолжали усиленно минировать все подходы к переднему краю, особенно в районе возвышавшейся над местностью деревней Пепеловка. На них и навалилась очередная разведгруппа.

Разведывательная рота располагалась обособленно, ближе к опушке, а коновязь уходила вглубь посадок. Разведчики, мрачные и неразговорчивые, с особым старанием занимались устранением мелких проблем воинского бытоустройства, ремонтом обмундирования и амуниции, чисткой оружия. Немного в стороне группа молодых кавалеристов сбрасывала накопившуюся горечь от неудач и потерь, с особым старанием отрабатывая элементы рукопашного боя и метая ножи.

– Командира разведроты к командиру полка! – доложил дежурный телефонист.

Поступивший приказ не был неожиданным, после сопутствующих разведчикам неудач все томи-тельно ждали дальнейшего решения командования.

– «Птицы» опять собираются о чём-то пощebetать, – попытался пошутить молодой кавалерист, но получилось это так неуклюже и не к месту, что он был буквально испепелён жёстким, не приемлющим шуток взглядом опытного разведчика. Иногда они позволяли себе по-доброму подшучивать над птичьим набором фамилий своих командиров, но сейчас было не время и не место.

Командир полка гвардии подполковник Скворцов задумчиво водил карандашом по карте, о чём-то мучительно размышляя. Его рука замерла на населённом пункте Пепеловка, сильно укреплённом

и находившемся на возвышении местности перед позициями полка. Добыть конкретные данные о противнике в нём и его огневых средствах не удалось.

– Присаживайтесь, Василий Иванович, – не ответив на приветствие, но уважительно предложил он вошедшему в блиндаж гвардии капитану Соколову. – Что думаете о сложившейся ситуации? – оторвавшись от карты и внимательно рассматривая подчинённого, задал вопрос Скворцов. В нём прозвучало и доверие к профессионалу разведки, и надежда с его помощью найти правильное решение задачи, поставленной командиром кавалерийской дивизии гвардии генерал-майором Петуховым.

– Предлагаю в очередной раз направить группу за «языком», – предчувствуя более тяжёлый вариант, доложил Соколов. – Для преодоления нейтральной полосы предусматриваю использовать складки местности вдоль ручья и сам ручей.

– Надеешься, что там нет охранения, а ручей не минирован? – с сомнением покачал головой командир полка.

Капитан, понимая справедливость высказанного замечания и чувствуя, что решение уже принято, молча ждал продолжения.

– Осталось два дня до наступления. Точных данных о системе огневых позиций на переднем крае противника в районе населённого пункта Пепеловка не имеем. Значит, в ходе предварительной артподготовки подавить их не сможем. Чем это грозит для полка?

Ответ на этот вопрос знал любой, даже только что прибывший необстрелянный красноармеец, поэтому в блиндаже повисла тревожная пауза.

– Разведка боем! – жёстко, как командир, но с болью, как человек, рубанул внезапно комполка. – Готовьте разведвзвод. Главное – вскрыть огневые точки. Через три часа доклад предложений.

– Есть! – привычно произнёс Соколов, чувствуя тревогу, но и облегчение – решение принято.

– Людей поберегите, – не выдержал Скворцов. Недовольный, что не сдержался, он неловко махнул рукой, опять тяжело присаживаясь за стол с разложенной на нём картой.

Возвращаясь в роту, капитан озабоченно, словно перелистывая страницы книги, перебирал в памяти лица подчинённых, примеряя их боевые данные к выполнению поставленной задачи и прикидывая, как обеспечить её решение с минимальными потерями.

У коновязей группа кавалеристов занималась лошадьми: чистили, подкармливали или просто, как с людьми, общались. Эта картина всегда грела сердце Соколова, он и сам был неравнодушен к верному другу – лошади, делившей вместе с хозяином все тяготы и невзгоды войны.

Его внимание привлёк гвардии ефрейтор Григорий Зарубин, возившийся у рыжей лошади в конце коновязи. Крепкий и хозяйственный Зарубин нравился ему своей надёжностью, немногословием и основательностью выполнения даже мелких поручений. Интуиция, закреплённая суровой практикой жизни, природное чутьё помогали ему успешно выполнять разведывательные задачи, за что и был уже награждён медалью «За отвагу». Его храбрость и хладнокровие не были показными, это были внешние проявления качеств его души, созревшей и закалённой. Но многим был он и непонятен своей излишней обособленностью от коллектива, некоторой замкнутостью в общении с другими. За это и получил от разведчиков кличку Угрюмый.

Григорий всё своё свободное время проводил с лошадью, названной им Рыжик, даже спал рядом с ней. И тайну свою – был верующим, доверил только боевому молчаливому другу, своей основательностью и норовом схожему с хозяином. Многие удивлялись его необычному поведению, но и уважали Зарубина за глубокую привязанность к бессловесному животному – верному спутнику многих из них на войне.

По мрачно-задумчивому виду командира бывалые разведчики поняли: что-то неладно. Кто-то, размышляя, тихо проговорил, как спросил: «Разведка боем?» – В его словах звучала надежда услышать опровержение. Все тревожно промолчали.

– Да, братцы, это не «языка» брать, – поскрёб за ухом пожилой седой кавалерист.

– Не гони лошадей, может, обойдётся? – прикуривая самокрутку, с надеждой и лёгкой бравадой произнёс его товарищ – молодой и безусый разведчик.

– Дай-то Бог!

– Командиров взводов, старшину – к ротному! – раздалась команда.

Разведчики сразу притихли, посерьёзнев. Ожидали решения своих командиров. Они хорошо понимали, что от этого решения зависят их жизни, но уже привыкшие к суровым законам войны, требующим в первую очередь выполнения поставленной задачи, ждали очередного непростого для них приказа.

- Что-то серьёзное намечается, – не выдержал один из них.
- Может, «языка» опять пойдём брать? – в голосе говорившего теплилась слабая надежда.
- Вовремя нужно было брать, – прозвучало с сожалением.

Каждый из них что-то не договаривал, ещё надеясь на лучшее, боясь спугнуть эту слабую надежду.

– Не ломайте понапрасну головы, для этого есть начальники, – шутливо, чтобы разрядить обстановку, бросил сержант. – Егор, доставай кисет. Что прячешь? Табачок у тебя отменный, сладкий, – похвалил он.

В его голосе с хрипотцой чувствовалось волнение, но солдатский кисет всегда приносил разрядку. Довольные разведчики потянулись к его обладателю.

Офицеры, кроме командира 1-го взвода старшего лейтенанта Свиридова, вышли от ротного. Они на ходу, молча и торопливо, прикуривали. Разведчики из 1-го взвода без слов поняли: их судьба решена.

От взгляда Григория не укрылись необычное поведение их командира роты после возвращения с командного пункта полка и тревога товарищей, да и чутьё он имел от природы звериное. Наряду с крестьянской простотой, многое в нём было от опытного волка-одиночки. Он быстро сообразил, какое решение принято командованием, а появление мрачного командира 1-го взвода подтвердило худшие опасения. Его руки нежно гладили любимого Рыжика. Сам же он, погружившись в тяжёлые размышления, даже не замечал, как бархатистые и тёплые губы лошади продолжали трепетно касаться его лица.

Наконец очнувшись и глубоко вздохнув, отрывая от себя что-то родное и близкое, он решительно направился к землянке капитана Соколова. Его медвежья мягкая походка не привлекла внимание даже опытных разведчиков, коротавших время у небольшого костра.

– Товарищ капитан, разрешите мне провести разведку? – без предисловий обратился он.

– Какую разведку и с кем? – Соколов понимал, что от таких гвардейцев трудно скрыть принятое решение, да оно уже и состоялось, но был удивлён инициативой именно Угрюмого.

Он даже вспомнил совет представителя особого отдела штаба дивизии: «Присмотритесь к Зарубину, не спешите брать в разведку».

Соколов как командир разведроты знал основные тяжёлые моменты прошлой жизни подчинённого, прибывшего из запасного стрелкового полка. Присматриваясь к нему как бывшему заключённому, он всё более удивлялся простоте и чистоте его души, облачённой во внешнюю сухость характера.

– Разведку боем, в одиночку, – спокойно доложил ефрейтор.

– Как в одиночку? Здесь даже взводом – надо обмозговать!

– Все мужчины – охотники, используем охотничий азарт врага.

– Докладывайте! – уже заинтересовался капитан. Выслушав Зарубина, он задумался. – Григорий Фёдорович, это же верная смерть! – сочувственно, не по-командирски вырвалось у него.

Уважительное обращение из уст командира и прозвучавшая в его словах тревога тронули Зарубина. К тому же он никак не мог привыкнуть к величанию по отчеству, с трудом воспринимая даже полное звучание своего имени. В родной деревне все его звали кратко и просто – Заруба, в лагере – Молчун, здесь же – Угрюмый, с чем он давно свыкся, воспринимая спокойно, как должное.

– А как же взводные разведчики? Славные ребята! В чём их вина? Погибать зазря никто не хочет, – делился своими мыслями ефрейтор. – Ничего, командир, живой думает о жизни, – успокоил он.

– Хорошо, доложу комполка, но времени мало.

Скворцов не сразу, но в надежде, как и Соколов, выполнить задачу и сохранить жизни разведчиков, разрешил попытать удачу – чем чёрт не шутит, однако в резерв приказал готовить взвод.

Мало кто обратил внимание, как тщательно ухаживал в этот вечер Угрюмый за своим Рыжиком, обхаживая со всех сторон, причёсывая и приглаживая. Затем таинственно нащёптывал ему что-то в ухо, а тот понятливо взмахивал головой и тряс гривой. Все уже давно привыкли к этим картинам, не удивляясь даже, когда лошадь и всадник вместе падали на землю, а потом так же согласованно были на ногах. Рыжик, привыкший к хозяину, сразу отзывался на его свист и даже без повода готов был днями ходить за ним. В конце дня, завершая подготовку, Григорий привычно дотронулся до спрятанного нательного крестика и мысленно прочитал молитву «Отче наш».

Зависшая серая дымка, лениво клубясь, медленно приоткрывала изуродованную взрывами и перекопанную людьми землю. Занималась бледная заря нового дня. Нейтральная полоса замерла, очерченная с обеих сторон зигзагами траншей и окопов, ощерившись огневыми средствами.

Капитан Соколов с тревогой и нарастающим волнением всматривался через окуляры бинокля, внимательно просматривая ничейное пространство перед ним. Наблюдательные посты, заранее вы-

ставленные им, также отслеживали изменения, фиксируя любые перемещения и действия противника. Мощная оптика, резко сокращая расстояние, переносила Соколова на линию немецкой обороны. Заметив мелькавших в ходах сообщения вражеских солдат, он понял, что начата смена нарядов на передовых постах, и подумал: «Пора!»

Фигура всадника, внезапно налётом вылетевшего с фланга вдоль нейтральной полосы на открытую местность, представляла собой дику и несуразную картину. Человек и лошадь, играя со смертью, неслись по обожжённой и израненной, но пока ничейной и страшной полосе, с обеих сторон которой их рассматривали в прорезь прицелов. Они были едины – всадник и рыжей масти лошадь, слитые в один сгусток живой энергии и дикого задора.

Нейтральная полоса молчала, притихнув. Головы фашистов в рогатых касках показались из укрытий. Обескураженный противник с интересом и любопытством, как острое представление, наблюдал за лихим наездником. Так жаждущие охотники, испытывая воздействие адреналина, со сладостной дрожью наблюдают за дичью, чтобы, насладившись властью над самой сутью жизни, нанести роковой удар.

Шашка, выхваченная твёрдой рукой конника, вылетела из ножен, полоска стали змеёй заискрилась в воздухе. Зарубин джигитовал лихо, с посвистом, бахвалясь и не скрывая этого, откровенно издевался над противником.

Из вражеских окопов раздался первый выстрел, кто-то уже не выдержал прямой насмешки.

– Эх, срубят ни за понюшку табака, – переживая, выдохнул какой-то кавалерист, сжимая карабин в руке.

– Не каркай! – шёпотом, боясь чем-то навредить Григорию, зло и грубо перебил его сосед у противотанкового ружья. – За нас старается, «живота не жалея».

– Поддержать бы огоньком «максима», было бы кстати, – нетерпеливо и с сожалением заметил 1-й номер станкового пулемёта.

– Не велено! – ответил хмуро сержант.

– Начальству виднее, – согласился 2-й номер «максима».

«Не напоролся бы на мины», – забеспокоился Соколов, нетерпеливо отслеживая противника. Его огневые точки пока молчали. Капитан начал уже тревожиться: «Вдруг замысел не сработает?»

Зарубин резко бросил шашку в ножны и лихо выхватил кавалерийский карабин. Нет, не зря он всю жизнь увлекался охотой да рыбной ловлей. Удачный выстрел карабина достойного стрелка, к тому же с близкого расстояния, обозлил противника, заставив перейти к ответным активным действиям. Громкий выстрел карабина уже не был продолжением прежней ребячьей забавы, это была открытая и опасная борьба с врагом, заведомо неравная дуэль.

В ответ хлётко ударили винтовочные выстрелы, за ними застрекотали автоматные очереди, дробью гулко застучал пулемёт. Противник распалялся, явно входя в азарт.

Скачущий широким аллюром всадник, кажется, был лёгкой мишенью, но его быстрое перемещение вдоль линии фронта требовало такого же мгновенного переноса точки прицеливания, значительно усложняя задачу.

Рыжик стлался вдоль земли, падал по приказу хозяина, использовавшего лёгкие складки местности, замирал и снова летел вперёд на виду у противника. Каждое падение вызывало восторг «охотников», а подъём – удивлённое ожесточение врага. Азарт, желание справиться со сложной и необычной мишенью расширяли круг стрелков. Это была смертельная игра в «кошки-мышки». Все понимали, что финал будет один. Даже у загнанного зверя есть надежда, здесь её не было, но разведчики втайне верили и ждали чуда.

Своевременные броски, повороты и падения подтверждали полное подчинение, уступчивость умной лошади ездоку и его левой руке, твёрдо ухватившей поводья: рука левее – лошадь вправо, правее – влево.

Гитлеровцы уже остервенели от наглости жертвы. Передний край засверкал вспышками выстрелов. Шлёпнулась с большим перелётом первая мина.

«Не выдержали и миномётчики, – обрадовался капитан. – Ключули! Сработало! Пора уносить ноги», – подумал он и дал команду: «Ракета!.. Дымзавесу!»

Григорий сначала не почувствовал, а затем ощутил неуправляемый карьер верного Рыжика – поводья выпали из повисшей левой руки. Изувеченная кисть обагрилась кровью, обрубки пальцев неестественно торчали в разные стороны. Вокруг падали мины... Земля беззвучно вздыбилась под лошадью...

Проза

Александр Пылёв

Александр Сергеевич Пылёв – родился в 1970 году в Воронеже. Окончил театральный факультет Воронежского института искусств по специальности «актёр театра драмы и кино». Служил в рядах Советской армии. Член Союза журналистов России, лауреат ряда творческих конкурсов по журналистике в области аналитики, публицистики и социальных проблем. Сотрудничал в качестве автора художественных произведений в жанре «радиорассказа» с Воронежской ГТРК, был заместителем главного редактора и главным редактором газет «Комсомольская правда – Воронеж», «Берег», «Экономика и жизнь – Черноземье» и др. В 1999 году стал соавтором книги фантастических рассказов «Сон разума». В 2005 году выпустил книгу рассказов «Конструктор миров», в 2023 году – книгу «Лиза против сил зла». Публиковался в журнале «Берега» (Калининград). Живёт в Воронеже.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Фантастический рассказ

Элан Фобс получил уведомление уже в клинике. Он был тут почти неделю. Врач говорил, что это просто обострение, но Элан понимал: его взяли сюда умирать. Наркотики только на какое-то время снимали боль в голове, а потом она объявлялась во всей своей страшной силе, останавливая сердце и пресекая дыхание: злокачественная опухоль мозга на своей последней стадии. Три операции за последние шесть лет так и не смогли отодвинуть смерть. Она пришла, и теперь ему оставались считанные дни.

Уведомление он ждал несколько лет, но, ирония судьбы, оно пришло именно теперь.

Главный врач клиники только грустно улыбнулся и покачал головой, когда Элан показал ему красочную распечатку из турагентства:

- Это невозможно.
- Но почему?
- Вы и полдня не протянете без наркотиков. А это путешествие растянется на полнедели, не меньше.
- Я готов перетерпеть боль! Я почти уже свыкся с ней...
- Вы умрёте раньше, чем доберётесь туда.
- Пусть так... Но она будет не такой глупой и пустой, что ли. Вы меня понимаете?
- Говорю вам, это невозможно!
- Я умоляю!
- В любом случае отпустить вас официально я не имею права. Есть только один способ...
- Бежать?!
- Я ничего не говорил вам. Между прочим, сегодня вечером сейф по чистой случайности останется открыт. Там вы найдёте наркотики. Немного, но на три дня вам хватит.

Элан сжал руку доктора:

- Вы сделали мою смерть счастливой!
- Не несите чушь... – поморщился доктор.

* * *

Пот обильно тёк по лицу. Чернота пульсировала в голове, выдавливая глаза. Руки дрожали от напряжения, с которым Элан сжимал поручни кресла, чтобы не потерять сознание. Уже давно было пора делать очередную инъекцию. Заряженный аппарат лежал в кармане, но инструктор турфирмы всё длил и длил свою нудную лекцию.

– Итак, основное, господин Фобс, – это полное молчание и никаких контактов ни с кем! – наконец закончил он, фальшиво улыбаясь. – Вам жарко, господин Фобс?

– Да... – Элан судорожно приготовился встать. – Жарко... Кстати, где у вас туалет?..

– Я провожу вас.

– Не надо... Где?

– В конце коридора.

– Спасибо... – Элан пошатнулся. – Я ненадолго.

– Простите, господин Фобс, но, может быть, вы вначале подпишете документы, и мы завершим официальную часть?

– Давайте скорей ваши бумаги! – почти крикнул Элан.

Он собрался с силами и быстро вывел, где полагалось, какой-то уродливый крючок.

– Всё?..

– Спасибо, господин Фобс! Завтра утром вы уже сможете отправиться в путешествие, а сегодняшнюю ночь, я думаю, проведёте, учитывая особенность вашего маршрута, в усердных размышлениях! – на одном дыхании проговорил инструктор.

Элан не дослушал его: резко встав, он бросился к двери.

Инструктор снисходительно усмехнулся и кинул подписанный Эланом лист в папку, в верхней части которой сверкали объёмные буквы:

«МЕЖДУНАРОДНАЯ КОРПОРАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ. Отдел путешествий».

* * *

Десять лет ждал Элан от них уведомление. Прошение о путешествии во времени он подал сразу после того, как их разрешили всем желающим.

Он заказал себе тридцать третий год нашей эры, Иудею.

Желание попасть именно туда появилось у него ещё в детстве, когда он первый раз прочитал Евангелие.

Элан не был в общепринятом понимании верующим человеком. Понятие «религиозный» не подходило к нему. Хотя он порой и чувствовал в себе то, что некоторые называют «Богом внутри». Элан бережно ловил это состояние, радовался, когда оно приходило, и грустил, когда подолгу не испытывал его.

Не один раз Элан всем сердцем порывался принять ту или иную веру, в которую его день ото дня вдохновенно звали сотни различных проповедников. Но первый же разговор с ними навсегда отворачивал его. У них всё было слишком просто и буднично: верь, не греши... А вопросы? Десятки вопросов, рождающихся в душе один за другим? Вначале некоторые проповедники пытались на них отвечать Элану, но постепенно он надоедал им. И в итоге он слышал от них один и тот же совет, который, кстати, окончательно охлаждал его: «Не мудрствуй, – говорили они. – Доверься Господу».

И тогда Элан уходил от них и вновь искал веру в своём сердце, читал Евангелие и завидовал тем, кто был в своё время рядом с Иисусом. Он недоумевал, как могли многие из них стоять возле него и не уметь отличить человека от Бога? Это ведь теперь, спустя тысячелетия, он вынужден мучительно размышлять, вчитываясь в строки древних рукописей.

Именно поэтому при первой возможности Элан обратился в корпорацию Времени с просьбой о путешествии в Иудею, и был поставлен на очередь. При этом Элану объяснили, что желающих воочию увидеть Мессию гораздо больше, нежели способны перебросить машины корпорации, и ему придётся долго ждать. Был, конечно, выход – внести дополнительную плату. Но сумма, которую тогда запросили за льготную очередь, была не по карману Элану. А позже, когда от него ушла жена, отсудив себе большую часть их скромных накоплений, когда его уволили с работы, а все оставшиеся средства ушли на оплату лечения, – рассчитывать и вовсе было не на что.

Впрочем, Элан уже почти перестал ждать. Иногда, увидев по информканалам счастливых путешественников, он даже думал, что это фальшивки и все перемещения во времени – сплошное надувательство. Тем более что побывавшие в эпохе Христа священники рассказывали о виденных ими чудесах Сына Божьего, а атеисты с улыбкой разводили руками и утверждали обратное.

И вот теперь Элан мог наконец сам всё узнать. И он узнает: уже завтра утром. Конечно, он не ошибётся. Он не может ошибиться. Элан сразу поймёт, кто перед ним: Господь или человек, пусть даже самых неординарных способностей.

Но это всё завтра. А пока впереди страшная ночь с кошмарами головных болей и фальшивыми наркотическими грёзами. А из-за них, словно из-за штормы, будет внимательно и строго подсматривать за ним его смерть...

* * *

Сотрудник корпорации, принявший Элана в древнем Иерусалиме, был небритым толстым евреем с остекленевшими, смотрящими в сторону глазами. Он молча снял с Элана энергоколлап, помог ему наскоро переодеться в здешнюю одежду и жестом пригласил к выходу.

- Вернётесь не позднее, чем через сутки! Иначе штраф. Ясно?
- Да, но... Но куда мне идти?
- Куда угодно, это не наша забота! – буркнул сотрудник корпорации.

И Элан пошёл туда, где было больше людей.

Он спешил настолько, насколько мог. Корпорация отводила путешественникам сутки, болезнь оставляла Элану несколько часов без наркотиков. Провести аппарат для инъекций было невозможно. Дотошные сотрудники корпорации тщательно следили, чтобы никакие предметы из их времени не оказались в прошлом или будущем.

Стараясь как можно лучше запомнить дорогу, Элан двинулся по узким иерусалимским улочкам. Впрочем, видневшиеся впереди горы были ему неплохим ориентиром: по ним, словно по своеобразному компасу, в корпорации его научили находить путь к Голгофе.

На холме было жарко и пыльно. Кроме того, привычно болела голова, и Элан никак не мог проникнуться тем чувством, которое, думал он, возникнет у него сразу по прибытии сюда: чувством грандиозности и возвышенности происходящего.

Навстречу Элану попала группа молодых евреев. Они о чём-то живо переговаривались, но, заметив его, замолчали и стали настороженно рассматривать.

– Иисус, где он? – спросил Элан, стараясь говорить с тем самым акцентом, которому учили его лингвисты корпорации.

Евреи почему-то весело засмеялись и стали наперебой объяснять ему дорогу.

– Спасибо! – закивал Элан и как мог быстро пошёл дальше.

Людей стало попадаться всё больше. Наконец, Элан оказался в толпе. Она гудела и улюлюкала. Людей было много, слишком много, чтобы свободно пройти сквозь них. Элан напрягал все силы, но их было явно недостаточно. От напряжения боль в голове резко усилилась.

– Господи, – бормотал Элан, – Господи, дай мне узреть Тебя!

И он прорвался.

Он стоял впереди всех рядом с широкоплечим римским легионером, сдерживающим небольшим копьём толпу.

Иисус уже шёл на Гору. Он был совсем близко. Уставший, потный человек с опущенной вниз головой. На свежих ранах запеклась кровь грязно-бурыми пятнами...

Элан пристально смотрел на Иисуса, пытаясь ухватить своим взглядом те его черты, которым потом веками поклонялись люди, – черты Бога.

«Покажи мне, что ты Господь наш... – судорожно думал он. – Посмотри на меня! Я должен знать это! Мне скоро умирать! Я всю жизнь мучился: кто Ты? Великий Учитель или Сын Божий? Дай мне напоследок успокоение!»

Иисус был всё ближе. Немоощный и печальный, Он не поднимал глаз и был как-то отрешённо спокоен.

Ничего не чувствовал Элан, глядя на Него: ни священного трепета, ни благоговения, ни великой радости...

Боль в голове становилась всё сильнее.

Он вдруг понял, что может сейчас, здесь, упасть и умереть. И никто не позаботится вернуть его обратно. Хотя не это страшно. Страшно, что он умрёт у подножия Голгофы, так ничего и не поняв, ничего не решив для себя.

– Господи... – прошептал Элан. – Ты ли это?.. Не мучай меня!

– Эй, старик! – услышал вдруг он. – Что ты раскудахтался? Не мешай смотреть!

– Я... – Элан вдруг понял, что к нему обратились на чистом английском языке. Он дёрнул говорившего за рукав. – Вы тоже путешественник?

– Ну да!

– Вы так громко говорите об этом! Нас же могут услышать. Вы не боитесь?

– Кто?

– Все эти люди...

– Кто? Они?.. – Мужчина засмеялся и толкнул своего соседа: – Эдгар! Этот старик решил, что ты древний иудей!

– Их здесь давно ни одного нет! Ни евреев, ни римлян! – сказал Эдгар. – Верно, Рони? Я уже десятый раз смотрю это представление с распятием, и знаю, что к чему. Местных жителей ещё лет пять назад отсюда выдворила корпорация. Они никак не хотели вести себя по сценарию корпорации. Для них Иисус был Бог! А нам нужно шоу позабавней, а не какие-нибудь там высокие материи! Иначе кто сюда пожелает попасть?

Несколько человек, растолкав охрану, бросились к Иисусу, осыпая его плевками, ударами кулаков и камнями. В толпе раздался смех. Эдгар выхватил из-под одежды видеокамеру и начал снимать эту сцену.

– Хорошо стараются! – ухмыльнулся он.

– За особо циничные издевательства корпорация неплохо платит путешественникам! – заметил Рони. – Кстати, старик, ты не хочешь дать Иисусу по шее? Неплохая сценка могла бы получиться!

Элан побледнел:

– Так все эти люди из нашего времени?..

– Все до одного.

Элан сжал голову. Боль стала нестерпимой. Всё вокруг просто плыло.

– А Господь... то есть Иисус... Кто он? Кто?

– Чёрт его знает, – усмехнулся Рони, старательно работая камерой. – Наверное, тоже статист корпорации. Или подставной, из местных. Нанять их ещё дешевле.

Элан напряжённо смотрел на приближавшегося Иисуса.

– А как было раньше, пока корпорация не захватила это время?

– Отстань, старик, – Рони оттолкнул Элана. – Откуда я знаю?

– Да-да, конечно... А вот я верю, что раньше было иначе. Совсем иначе! Господи! – крикнул Элан. – Я верю в Тебя, несмотря на этих статистов и их видеокамеры! Несмотря на то что я так и не увидел Тебя здесь! Иначе ничему нет смысла! Я верю – Ты был здесь!

Иисус поравнялся с Эланом и вдруг поднял голову. Он смотрел печально, но спокойно. Он чуть улыбнулся, и Его потрескавшиеся губы дрогнули:

– Радуйся, вера твоя спасла тебя... – прошептал Иисус.

– Так это Ты!!! – закричал Элан. – Господи, какой же раз они распинают тебя?..

Он вдруг почувствовал прилив давно забытых им сил. Настоящих, мужских сил. Он легко отпихнул Рони и Эдгара, опрокинул статиста-легионера и бросился к Иисусу. Он хотел коснуться Его израненного тела, его сношенных сандалий, той пыли, где прошёл Он.

Иисус с кроткой улыбкой обернулся к нему.

...И в это мгновение стражник ударил Элана в голову древком копья. Боль затмила сознание.

Падая в темноту, он услышал вновь: «Радуйся...»

Проза

Юрий Жекотов

Юрий Викторович Жекотов – родился в городе Николаевске-на-Амуре в 1964 году. Почётный работник образования РФ. Победитель Дальневосточного конкурса природоохранной журналистики «Живая Тайга» (Владивосток, 2011) и Всероссийского конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» (Орёл, 2012). Лауреат Международных литературных конкурсов «Славянские Традиции» (Крым, 2010 и 2014), «Согласование времён – 2012» (Германия), «Русский Stil – 2015» (Германия) и др. Член литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Член Международной гильдии писателей. Автор двух книг прозы.

ТАРАБАНЫКА С СИРЕНЕВОЙ УЛИЦЫ

Рассказ

– Когда-то геологоразведчики, как твой отец, были востребованы и заработанные деньги не считали. Всё было относительно сносно даже в начале разгромных девяностых – худо-бедно, но средств на латание семейного бюджета хватало. А потом всё к одному – накрылась российская геология медным тазом! И вот тут нужно было отцу заявить о себе, проявить предприимчивость, изобретательность. А он оказался неприспособленным и непрактичным, малахольным каким-то! Всё надеялся, что восстановится положение дел и позовут его на прежнее место работы. Ждите, как же! – пришло время, достаточно эмоционально поведала Наталья Валерьевна подростковой дочери о сложном этапе совместной жизни с её родителем. Только свидетелей подтвердить или опровергнуть достоверность рассказа рядом не было, весь он полностью остался на совести матери.

– Ты, Вика, как раз появилась на свет. Я на двух работах кручусь, а с отца как с гуся вода, вдобавок и к бутылке стал прикладываться. Устала я, издёргалась за несколько лет! И тут меня в командировку отправили в областной центр. Там я с нашим Дмитрием Сергеевичем познакомилась. Он тогда в городской администрации инспектировал вопросы строительства. Сразу было понятно: человек с головой, перспективный. К тому же видный, обходительный. А мне хотелось понимания, надёжного плеча, как женщине – чуткости и тепла, наконец! И Дмитрий Сергеевич не шуры-муры водил, сделал серьёзное предложение. Я и решила: достаточно мне одного ребёнка, тебя! Сколько можно нянчиться с твоим отцом! Ты как раз первый класс заканчивала. Дождалась я лета и переехала к Дмитрию Сергеевичу, стала строить жизнь на новом месте. Ну а дальше ты знаешь...

Рассказывая о прошлом, давала Наталья Валерьевна дочери советы и на будущее:

– Не повтори моих ошибок, Вика! Подростковая романтика – она быстро улетучивается! Восторженные взгляды, пылкие признания, букеты из ландышей и всё такое – на этом далеко не уедешь. Нужно с дальним прицелом себе пару выбирать, наперёд думать...

Виктория целиком и полностью одобряла выбор матери. К Дмитрию Сергеевичу – отчиму и второму мужу матери – она испытывала искреннее уважение. Дмитрий Сергеевич обеспечил семье достаток, по окончании школы помог Виктории поступить в престижный университет экономики и управления, а когда она начала организовывать собственный бизнес, познакомил с нужными людьми. В победном и многообещающем жизненном марше на собственную свадьбу Виктория родного отца пригласить «забыла», а, если честно признаться, постеснялась показывать его «приличным» людям. Конечно, какие-то воспоминания детства у Виктории остались, но за ненадобностью прятались они в далёких закоулках памяти и никак не напоминали о себе, кроме разве что прописанного по паспорту и всегда на слуху отчества – Матвеевна.

Со своим агентством ООО «Кадастр-Креатив» Виктория Матвеевна удачно вошла в бизнес. Заключение договоров по землеустройству с административными структурами и частными лицами, экспертиза и размежевание спорных участков, кадастровый учёт лесного фонда, решение других животрепещущих вопросов по организации эффективного использования земельных ресурсов приносили фирме солидный доход. Вяжущей и крепко пристающей к месту паутиной стали расползаться по краю филиалы агентства ООО «Кадастр-Креатив». Владелица преуспевающей фирмы относительно легко перенесла беременность. С помощью нянек-сиделок не испытывала особых проблем в воспитании дочери Насти. А вот с мужем не повезло, хоть и выбирала с «дальним прицелом», да, видно, плохо целилась, оказался он неисправимым бабником, волочился чуть ли не за каждой юбкой. Раз простила, второй, а потом решила: чем такая семейная жизнь, лучше пока никакой.

Родной отец Виктории откуда-то узнал номер телефона, время от времени звонил, тянул слова, сюсюкал, по голосу походил на изрядно выпившего человека, у которого изредка «под градусом» просыпаются родительские чувства. Так получалось, чаще звонил невпопад, когда дочь была занята по работе. Виктория отвечала сухо, дежурно, накоротке, лишь бы адресат поскорее отвязался. В очередной отцовский звонок была она по уши в делах, не в духе, раздражительно выпалила: «Матери жить не давал, а сейчас меня достаёшь?!» И оборвалось на несколько лет всякое сообщение с отцом. Виктория Матвеевна и не переживала: «А о чём тут тужить-печалиться? Велика ли потеря?!»

В следующий раз дед Матвей объявился на рождение внучки Насти (опять откуда-то узнал), обозначился переводом на полторы тысячи рублей. А потом взял добровольно на себя ежемесячную обязанность – слать переводы. Конечно, по его доходам – полторы тысячи рублей – может, и деньги, но по достаткам-капиталам Виктории Матвеевны сия сумма – просяное зёрнышко – курам на смех! И тут она не церемонилась. Взяла разом и отправила отцу обратно все полугодовые переводы, и от себя ещё столько же добавила. Пусть не утруждается! Попросил бы, так сама ему регулярную добавку к пенсии организовала. Но лично предлагать, уж извините, оставалась после рассказов матери обида на отца.

Дошла очередь до организации филиала ООО «Кадастр-Креатив» в родном городке. В садике, куда ходила Настя в дошкольную группу, объявили карантин, приходящая нянька не ко времени заболела, и ничего не оставалось – дело безотлагательное, взяла Виктория Матвеевна дочь в поездку с собой. Остановились они в лучшей городской гостинице «Бригантина». На следующий день было назначено заключение договора в нотариальной конторе на покупку, а заодно и ремонтно-отделочные работы в помещении, которое собирались переоборудовать под офис. Могла Виктория Матвеевна оставить дочь и в гостинице, повозилась бы та с любимой куклой. Но всё же гостиница – учреждение казённое. Мало ли чего. Тут и вспомнила Виктория Матвеевна отца. Повидаться лично хотелось не хотелось – сама не понимала, как-нибудь обошлась бы. Но всё-таки где-то чуть-чуть и совестились, к тому же шестилетняя внучка так и не видела дедушку ни разу, не по-людски же.

А в телефонном справочнике, в разделе «контакты», оказывается, и номер сохранился. Хоть и с маленькой буквы, но записано: «отец». И телефонный звонок, будто караулили, отозвались сразу:

– Да! Да! Алле!..

А потом образовалась пауза. Виктория Матвеевна не знала, как начать разговор, как обратиться. «Папа» – как-то язык не поворачивался. Отец от неожиданности тоже замямлил что-то невразумительное.

Наконец женщина нашлась:

– Добрый день.

И с другой стороны сразу подхватили, зачастили малоразборчиво. Твёрдые согласные произносились абонентом подозрительно мягко, а гласные звучали звонче обычного:

– Здравствуй, доча, здравствуй! Я вот тут, как бы, спасибо, что позвонила...

Виктория Матвеевна даже невольно поморщилась и насторожилась: «Ну что за слюнявый тон! Может, отец – алкоголик?» Спросила в лоб:

– Ты пьяный?

– Нет. Теперь не пью. Это горло! Операция была! Я всегда так говорю, – объясняя, отец старался как можно более чётко выговаривать слова.

Хоть и сомнение взяло, правду ли говорит, но разговор Виктория Матвеевна продолжила:

– Мы с Настей приехали. Остановились в «Бригантине». Ты не мог бы на час, максимум на два взять внучку? Мне нужно отлучиться. – Виктория Матвеевна поняла, что говорит казённо, будто со своим подчинённым и смягчила тон: – Не чужой же всё-таки.

– Конечно. Да. Да... – заторопился отец дать согласие, а то вдруг передумают.

– Сейчас такси возьму. Куда подвезти Настю? – спросила Виктория Матвеевна.

– Я там же. На Сиреневой улице. Не помнишь разве? – назвал отец адрес и тут же спохватился: – Зачем на такси тратиться? Сейчас подойду к гостинице. Тут недалеко.

– Да какие тут траты!.. – не успела досказать Виктория Матвеевна, как телефонный звонок оборвался, абонент уже поспешно собирался в пеший маршрут.

Виктория Матвеевна выждала минут пятнадцать, одела Настю. Когда они с дочерью вышли из гостиницы, на крыльце уже топтался давно утративший солдатскую выправку мужчина лет шестидесяти. Виктория Матвеевна его сразу узнала – отец. Среднего роста, худощавый, изрядно облысевший, с осунувшимся лицом, по своему одеянию напрочь игнорирующий веяния моды. На отце под стать серой невзрачной куртке, из которой выглядывал блёклый клетчатый шарфик, были надеты более широкие, чем нужно по размеру, чёрные брюки и такого же неброского цвета грубо сшитые, тупоносые туфли. «Не чета матери, которая и сейчас старается держаться в тренде и для своего возраста выглядит молодцом», – напросилось сравнение у Виктории Матвеевны, и всё же она призналась себе, что боялась увидеть и худший вариант. А здесь: и брюки отглажены, и туфли начищены, а главное – не разило от отца перегаром.

Дед Матвей неожиданно встал перед внучкой на колени, сказал лишь: «Настёна-Сластёна моя!» И шестилетняя Настя, обычно не доверявшая незнакомым (мама так учила, времена-то какие!), будто увидела неловкого и неуклюжего, но давно понравившегося ей мультяшного героя, каким-то непостижимым образом выбравшегося с экрана телевизора, не раздумывая, бросилась дедушке на шею. И опять перед Викторией Матвеевной предстала сложно объяснимая словами сцена...

– Ну, мы пойдём, – поднявшись, так и не отряхнув колени, отворачивал голову в сторону, пряча наворачнувшиеся слёзы, произнёс отец. Так и пошли, взявшись за руки, старый и малый жители русской земли, сильно похожие между собой, то ли походкой, то ли непосредственностью и открытостью, несколько раскачиваясь, будто сели они на некий хлипкий, но оберегаемый небом кораблик, который несут в счастливое будущее добрые попутные ветры. Виктория Матвеевна даже засмотрелась им вслед. Потом спохватилась, глянула на часы, заторопилась на деловую встречу.

Подрядчик попался дотошный, придирчивый, сумбурный: и то ему не так, и это не эдак, то настаивал на одной поправке, то на другой. Пока корректировали у нотариуса все пункты и параграфы договора, растратили времени больше намеченного. Но наконец всё утряслось.

Виктория Матвеевна вызвала такси, откинулась на заднем сидении, глубоко и облегчённо вздохнула, назвала адрес: «На Сиреневую улицу», и между прочим сделала вывод: «А всё же хорошо после серьёзностей и превратностей жизни попасть на улицу с таким приятным названием». На перекрёстке отпустила машину, решив пройти пешком.

Оправдывая своё название, улица Сиреневая утопала в цветочном море спокойствия и безмятежности. Фиолетовые, синие, белые, лиловые – скромные и нежные цветы наполнили этот уголок земли небесным светом и чистотой, бережно и ласково скрашивая ветхость и первобытность отдельных строений, где в основном доживали свой век старики. Виктория Матвеевна не была здесь «тыщу» лет, а теперь будто вернулась в давно минувшее время – в сказку, где, в отличие от городских безразличных к прохожим каменных многоэтажек, кокетливо выглядывали из-за сиреневых соцветий окошки в наличниках и горланили гимны весне и высокому солнцу задиристые петухи. Вон чудный дом, где ажурные причелины, старательно вырезанные мастером, подпёрли скаты крыши, а на другом бревенчатом строении, совсем приземистом, неведомая птица – охлупень-загорулинка – оберегом уселась на коньке крыши, высматривая на востоке гонца со спасительными вестями... Ноги сами привели к родному дому.

Ничего особенного, не краше других, а сколько разом тайных чувственных струнок задел он в женской душе! В стекле двух оконных рам, выходящих на юг, играют-искрятся золотые лучики,

ослепляют взгляд золотыми блёсками. Оградка выкрашена свежей изумрудно-зелёной краской. Из-за неё приветливо протягивает ветки пышный куст сирени. Виктория Матвеевна лишь тронула калитку рукой, и та, словно заждавшись, тут же отворилась, приглашая зайти вовнутрь. Во дворе чисто, прибрано, всему своё место: и трудолюбивой метле, и бочке под дождевую воду, и дровяной поленице. Виктория Матвеевна прошла по пружинистому деревянному настилу к входной двери, над которой не оказалось звонка. Женщина ткнула пару раз кулачком по дверной плахе, но никто не отозвался, потянула дверь на себя, и та без скрипа открылась. В сенцах за узорчатой тюлевой занавеской Виктория Матвеевна услышала залиvistый смех Насти и тут же голос отца (теперь хорошо узнаваемый), идущий откуда-то издалека, будто старинным преданием из глубины веков. «А подслушивать нехорошо», – сама себе в назидание с улыбкой подумала Виктория Матвеевна, но всё-таки не решилась прерывать сказку, в которую каким-то чудом попала.

– Идёт дальше Тарабанька. Смотрит: утёнок отстал от своей семьи, кричит жалобно, трепещет крылышками – зовёт на помощь маму-утку. И не знает даже, что к нему голодная лиса крадёт. Ещё немного, и схватит бедного утёнка! Но тут как забарабанит Тарабанька в свой барабан!

Вдруг и в самом деле в доме застучали. Только сразу объявились два барабанщика. Один колотил более ритмично, а другой в беспорядке рассыпал удары. «Так это же отец с Настей чудят!» – догадалась Виктория Матвеевна.

– Лиса даже подпрыгнула от неожиданности! Туда-сюда сунулась, а деваться некуда! Везде шум-переполюх, вот-вот её поймут! И давай лиса тикать-улепёгивать, только пятки сверкают! – Под смех внучки, которая на всякий случай ещё немного побарабанила, повёл отважного сказочного героя к новым приключениям дед Матвей: – Идёт дальше Тарабанька...

Виктория Матвеевна с удовольствием послушала бы продолжение истории про приключения Тарабаньки, но тут замурчал внизу, затёрся довольно об её ноги, хитро шурясь, большой рыжий кот. К приподнятому женскому настроению само собой напросилось у Виктории Матвеевны воспоминание: «Уж не тот ли самый кот, что “идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит”?» А «кот учёный», недолго думая, показывая дорогу в «лукоморье», нырнул под тюлевую шторку.

Отодвинув воздушную ажурную занавеску, женщина сделала два шага за «мурчалкой» и попала на кухню, добрую треть которой занимала высокая печь, а по разные стороны располагались две комнаты. Виктория Матвеевна лишь случайно глянула на ближайшую стену, её взгляд задержался, затем медленно поплыл дальше и дальше, у женщины даже немножко закружилась голова: «Боже мой, откуда всё это? Где хранилось? Как удалось сберечь?» Кругом в родном доме были расставлены и развешены её детские работы, выполненные в садике и в начальной школе, поделки и изделия, которые она сама рисовала, лепила, клеила, мастерила: снеговичок из папье-маше в малиновом колпачке, ёжик из кедровой шишки с плетёной корзинкой, бабочка из бумажных скруток, улитка из пластилина, рисунки с жёлтым цыплёнком и стеснительным мышёнком...

Вспомнила она и Тарабаньку, который сейчас, во время рассказа деда Матвея и по желанию Насти, свободно вышагивал по столу, по стене и везде, где хватало длины детской руки.

Вика хотела сделать зайца: старательно вырезала ткань, сшивала её, забивала поролоном... Но получилось какое-то непонятное существо с разными по длине ушами. Вика расстроилась и плакала. Успокоил и ободрил отец:

– Пусть это не заяц. Но у тебя получилось ещё лучше! Это самый настоящий Тарабанька. Да, да!

– Кто такой Тарабанька? – сквозь слёзы спросила Вика.

– Никогда и ни при каких условиях не унывающий Тарабанька! Стоит только ему застучать в барабан, и все невзгоды и неприятности отступают.

Тарабанька долго был любимой игрушкой Вики, к которой она наивно обращалась с просьбами, а то и просила срочной помощи...

Детские воспоминания Виктории Матвеевны прервал настойчивый голос Насти:

– А потом? Потом?..

Но дед Матвей замолчал, заметив дочь. Настя, увидев родительницу, подбежала, радостно протягивая игрушку:

– Мама, смотри, какой здесь живёт Тарабанька! Подержи немного. Он хороший!

Дед Матвей выглядел растерянным. Не знал, куда деть руки. Он забыл о времени, занимаясь с внучкой, и получилось, что очень скоротечно пробежали эти недолгие счастливые часы. Он не

знал, как отнесётся к его заботам-печалям дочь. Виновато приподняв плечи, вопрошающе смотрел на Викторию Матвеевну, понимая, что сейчас, наверное, Настю заберут, и неизвестно, когда они встретятся в следующий раз, не увидит он скоро и дочь, а годы уходят, и сколько их осталось, дождётся ли новой встречи...

Виктория Матвеевна, как и отец, желала многое сказать и не находила слов (а всё же яблоко от яблони далеко не падает). Виктория Матвеевна точно видела, как сочувственно с подоконника улыбается отцу пластилиновый мишка с добрыми жёлтыми глазами; ожила на серванте и уже плывёт на помощь деду Матвею бумажная царевна-лебедь с большущей короной на голове, и надо же, не узнаёт её; тянет, как гостье, красно-зелёное яблоко ёжик: «С одной стороны – кисло, с другой – сладко! Хрумкай хоть всё! Только не ругайся!» И уже в руках, вернулся после долгой разлуки и барабанит вовсю Тарабанька, гоня прочь всякие ненужные страхи и напраслины, прямёхонько попав в ритм её сердца, зовя за собой в расчудесную даль.

– А потом? Что будет дальше, дедушка? Дальше?.. – взобравшись к деду на колени, дёргала его Настя за рукав рубашки.

В глазах Виктории Матвеевны цветным калейдоскопом отражались счастливые картинки детства. Она вспомнила, что и это всё у неё было, как сейчас у Насти, только потом неожиданно оборвалось. Вновь завёл свои песни – замурлыкал у ног мудрый рыжий кот, а Виктории Матвеевне сейчас ничего не хотелось, кроме как на этой милой Сиреневой улице в родном доме лепить добрых медведей, отправлять в счастливое плавание лебедей, загадывать самые заветные желания и просить об их исполнении Тарабаньку... А ещё больше хотя бы на одну волшебную минутку стать такой же маленькой, как Настя, и оказаться в объятиях отца.

Проза

Эвелина Азаева

Эвелина Шамильевна Азаева – журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Являлась корреспондентом КП в этой стране. С 2018 года издавала газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, – «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах: «Берега», «Нева», «Дружба народов», «Наши современники», «Крым», «Байкал», «Огни Кузбасса» и др. Дипломант 1-й и 2-й степени литературного конкурса «Мгинские мосты» (Петербург, 2021 и 2022), лауреат премии РПЦ «Молитва» (2022), спецприз издательства «Вольный странник» (2022).

УСТАЛОСТЬ МЕТАЛЛА

Рассказ

...на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?»

Я говорю: «Марковна, до самых смерти!»

Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

*«Житие протопопа Аввакума»,
памятник русской литературы XVII века*

Рядом с домом, где проживает журналистка Лидия Сиверцева, – богатый район. С особняками за несколько миллионов. В Канаде всё именно так – район бедный, район средний, район миллионерский. Всё рядом, мирно сосуществуют. Друг с другом не смешиваются, но и не враждуют.

В России если простых людей поселить бок о бок с буржуями, возникнет недоумение и желание расследовать – а каким таким непосильным трудом нажиты палаты каменные? Потому элитные посёлки строятся вдалеке.

В Канаде этого вопроса ни у кого не возникает. Всяк сверчок знает свой шесток. Капитализм в стране не прерывался, и народ, восставший было в 1918–1919 годах, после российской революции, и затребовавший себе немало разных прав, по примеру русских рабочих, и получивший некоторые (но уже не помнящий, благодаря кому и чему), давно свыкся с тем, что есть он, народ, и есть какие-то малые проценты тех, кто в минуту получает столько, сколько простой человек в два года.

Богатые канадцев не раздражают. И есть в этом смирении некая обречённость. Дескать, кто мы и кто они? Они всегда были, есть и будут. И всё, что нам остаётся, – тянуться за ними.

К этому призывает и телевидение со своим культом успеха. Дескать, крутись, инвестируй, вкладывай туда и сюда, и тебе тоже будет счастье.

Люди инвестируют. Те, у кого есть деньги. И действительно получают прибыль. Но до настоящих буржуев им далеко. Там дело тёмное – какие были инвестиции. И были ли вообще. Те секреты – как делаются многомиллионные, миллиардные состояния – никто со страниц газеты не откроет. А потому рядовому гражданину, жаждущему роскоши, остаётся читать книжки, написанные такими же, как он, небогатыми авторами, про «поверь в себя».

Сиверцева едет мимо богатого района и вспоминает, как она однажды решила свозить туда тётю, приехавшую из Томска. Хотела показать ей дворцы. Но вскоре им на хвост пристроилась машина, потребовали остановиться. Вежливо спросили, что им тут надо. Поездить не запретили, но уже расхотелось. Получилось, будто она заехала на бал чужой жизни и её вежливо спросили, какого чёрта...

А ведь это обычная городская улица. И никаких писанных правил, что по ней нельзя ездить, – нет.

И Лида, которая в конфликте красных и белых всегда была за белых, вдруг подумала по-пролетарски, глядя на все эти башенки и кованые ворота с золотыми листьями: «Да чтоб вы все сдохли! Недобитки».

Была ли это зависть? Нет. Это была обида трудящегося. Она, Лида, окончила университет и много работает. Честно, с душой. И если на её улицу забредёт бомж, она не будет выяснять, что он тут делает. Он имеет право идти по этой улице и дышать этим же воздухом. А тут надо же, она отравила богатеям воздух выхлопом от своего «Шевроле». Они боятся, что она им... что? Взорвёт? Нагадит на парковке?

– Поехали, поехали, – трясла за плечо тётя. Она испугалась охранников.

Лида уехала, но настроение было испорчено, и она думала по дороге о том, что в СССР тоже была знать, но жила она на тех же улицах, что и все люди. Да, в центре города. Но там жили и рядовые граждане... Знать ходила с ними по одним тротуарам. Квартиры её были побогаче (но не в разы, как сейчас!), но улицы и воздух у неё с народом были общие. И никто не пристраивался в хвост, если ты шла, например, мимо Дома на набережной. А если кто из руководителей слишком возносился, его пропесочивали в парткомах и в фельетонах. Не задирай нос перед народом! И генсеки, когда их спрашивали о любимом блюде, традиционно говорили про жареную картошку, гречку и борщ. Чтобы народ видел, что они не оторвались.

Как всё изменилось потом... Ельцин был первым, кто ответил, что любит суши. Лида тогда, в 90-е, питаясь в основном макаронами и хеком, думала: что за суши такое? Хотя бы кто вокруг сказал, да никто, как и она, не знает.

Лида ещё на втором курсе заочного журфака, в восемнадцать лет, получила урок на эту тему – как от народа не отрываться. Хайрулла Касымович Ахметжанов, первый редактор, рослый, широкоплечий, красивый казах, добрый и справедливый, вызвал как-то с вопросом, почему она не ответила на письмо чабана.

– Вот, жалоба пришла, что не ответил ему политический отдел газеты.

– Ой, – закатила глаза юная творческая интеллигенция, – дурак какой-то... Что попало написал... Там не на что отвечать.

– Это что ещё? – вскипел Хайрулла. – За каждым письмом – человек! Если он написал в газету – значит, доведён! Значит, чиновники отопнули и только на журналистов надежда! А красиво написать не может, так он животновод, он и не обязан! Ты должна разобраться и написать красиво! Если есть о чём. А нет – так ответить ему. И ласково! Потому что он в тебя верит!

Лида запомнила урок на всю жизнь. И никогда больше не оставляла писем без ответа. Даже когда переехала в Канаду, поселилась в Монреале и открыла газету на русском языке, и время уже стоило денег, она отвечала и на письма, и на телефонные звонки. И выслушивала порой по часу-полтора, и утешала. Потому что «за каждым письмом – человек»!

* * *

– Ты знаешь, что в районе, где богатые, проживает сын Сихулашвили? – сказал знакомый рекламный агент и устроитель массовых мероприятий Исаак Лернер. Через месяц у него в русском районе Монреаля будет проходить фестиваль «Русский Самовар – 2005». Он его каждый год устраивает, собирает спонсоров, приглашает артистов из России, и сейчас через неё, Лиду, хочет познакомиться с семьёй Сихулашвили.

– Сделай с ним интервью, заодно Расскажи о нашем фестивале, – просит Лернер. – Может, отец приедет, выступит.

Лида обещает.

Сихулашвили – известный грузинский танцор. Любимец советского народа. При его появлении на лицах расцветают улыбки.

Страна распалась, и Грузия повела себя неожиданным образом. Стоило Москве ослабнуть, как бывшая братская республика бросилась в объятия более сильной державы. Да ладно бы только бросилась, но она постоянно лягала Россию, плевала в её сторону, будто ничего хорошего меж ними и не было. А ведь не просто было! Было такое прошлое, что нигде и никогда Грузии больше такого времени, таких даров – материальных и духовных – не взять...

Ах, как любили грузин в СССР! Лида читала, что однажды провели опрос на тему, какая нация в стране самая популярная. Вышло, что грузины. Они были – как любимый ребёнок. Красивый, благородный, вспыльчивый. Этот ребёнок говорил с милым русскому сердцу акцентом. Он проповедовал красивые истины – что старых надо уважать, женщину – боготворить и надо быть верным в дружбе...

Русские верили, что грузины именно таковы. Радостно вскрикивали вслед за ними: «Генацвале!», и, не зная грузинских слов, насвистывали мелодию «чито-грито». И признавали Пиросмани художником – чего не сделаешь ради дружбы? И даже прощали грузинам фильмы студии «Грузия-фильм».

Москва выискивала в Грузии таланты и делала из них звёзд. Где был бы Сихулашвили, если бы не Москва? В лучшем случае в тбилисском театре. А может быть, плясал бы на деревенских свадьбах. Москва же сделала из него мегазвезду. Его снимали в фильмах, он ездил с концертами по всей стране. И везде его качали на руках, пели дифирамбы, кормили-поили бесплатно, вручали дары...

Так он провёл жизнь. Сегодня это лысый старик с редкими зубами.

Лида, как и все зрители, думала, что он такой же добрый, как в кино. И была уверена, что это политики вбивают клин между народами, а на самом деле не может быть, чтобы грузины были против русских, чтобы не помнили, что вместе воевали и как богато, изобильно жили в советское время. Она с мамой приезжала в Грузию по турпутевке в 1980 году, и обе были удивлены тем, что простые люди живут в двухэтажных домах, похожих на дворцы культуры. У них в Томске жили куда беднее. Частные дома – одноэтажные. И полки магазинов не ломились от изобилия. Не голодали, разумеется, но и не роскошествовали, как в тёплых республиках.

Хотя чему удивляться, думала Лида, повзрослев. Ещё Монтеस्कье говорил, что империя – как дерево. Если ветви слишком разрастаются, они отнимают жизненные силы у ствола. Вот и в СССР советская власть с самого начала «поднимала окраины», сыпала туда много, и лучшее. Обездоливая центр. Чтобы были верны. Чтобы подтянулись до уровня России во всём. И так с тех пор и продолжала Россия сыпать... В Грузии, как потом написали газеты, было самое большое по Союзу количество машин на душу населения. Москва понастроила там курортов, обеспечив местное население лёгкими деньгами.

А вон что получилось...

Сожрано и забыто.

Лида верила, что Сихулашвили, конечно, скучает по СССР, где у него была прекрасная творческая жизнь, что благодарен русским. Ведь как не любить народ, который тебе рукоплещет, который до сих пор принимает тебя с распростёртыми объятиями, несмотря ни на какие политические заявления Тбилиси?

* * *

Исаак снабдил Лиду телефоном сына Сихулашвили, и она договорилась с ним об интервью. Точнее, Шота передал трубку какой-то женщине, видимо жене, и та, внимательно выслушав Лиду, узнав, что Сиверцева является корреспондентом популярной российской газеты в Канаде, благосклонно согласилась принять её в своём доме.

Дом оказался в том самом богатом районе. Когда Лида пришла, шли строительные работы. Рабочие мостили камнем пространство перед дворцом, а около них стоял в спортивном костюме Шота Сихулашвили. Надсматривал.

Это был высокого роста и средней комплекции мужчина лет двадцати семи. С хорошей фигурой, безвольным лицом и ярко-синими «зенками» на нём. Так Лида про себя называла глаза, которые ничего не выражают. Просто смотрят. Приборы видения.

Шота с журналисткой поднялись по широкой витой лестнице наверх.

– Познакомьтесь с Соней, – предложил мужчина.

Лида вошла в комнату с высокими, или, как называют их в Канаде, кафедральными потолками. Потолки были украшены панно – как в Эрмитаже. Под ними – золотая лепнина. Пол – мозаика из паркетных досок. Такое Лида тоже видела в Эрмитаже.

Никакой мебели в помещении не было, кроме трёх кресел у окна и столика.

Одно кресло занимала полная маленькая женщина с невнятной причёской. На лице – ни грамма макияжа. При том что женщина не из красавиц. Одутловатое лицо, большие, смотрящие пристально, остановившиеся глаза. Стёртые брови, малозаметные ресницы. Усики над верхней губой.

Рядом с ней Шота смотрелся как витязь в тигровой шкуре рядом с этой самой шкурой.

Но лицо у «шкуры», в отличие от него, было волевое.

– Софья Владимировна, – представилась женщина, которой на вид было лет тридцать пять.

В Канаде нет отчеств. И русские тоже их не используют в разговоре. Потому представление себя по имени-отчеству означало, что собеседница требует особого к себе уважения.

Лида догадалась, что хозяйка дворца – Соня.

Шота суетился вокруг неё. Он даже не начинал говорить, пока она разглядывала Лиду. Курила и смотрела на журналистку оценивающим взглядом. Потом кивком разрешила приступить к интервью.

И из Шоты полилось...

В рассказе о его детстве выяснилось, что он не рос с золотой ложкой во рту, не был мажором, а терпел невероятные тяготы русской оккупации. Что папе и маме приходилось в поте лица трудиться, чтобы купить кусок сливочного масла. Что грузин притесняли, не давали им пробиться...

– Да что вы такое говорите? – возмутилась Лида. – А Думбадзе? Данелия? Брегвадзе, Гвердцители, Бокерия? Да Сталин, в конце концов? Где ещё, какой страной мира руководил грузин? Это как так вас притесняли, если министром иностранных дел назначили Шеварднадзе?

Шота продолжал бухтеть. Он не смотрел на Лиду, а как заведённый повторял то, что, видимо, давно заучил. Сообщил, что всегда мечтал стать лётчиком, но еле поступил в Московский авиационный институт, его не хотели принимать, и конечно, из-за национальности. Но отец подключил связи, и приняли. А потом преподаватели его ненавидели, и в итоге отчислили, как будто бы за неуспеваемость и пропуски занятий, а на самом деле из великорусского шовинизма. И вот так в России везде – издевательство над нацкадрами, затирание их в угол, резюмировал Шота.

При этом оказалось, что со школьным образованием он успел полгода поработать в российском министерстве торговли, потом год в крупной российской энергетической компании. С тех пор он больше не работал, так как искал себя. И сейчас не работает, поскольку «помогает жене контролировать стройку». Шота очень рад, что СССР распался и он смог свободно выехать в Канаду, найти там свою любовь и жениться. А Россия – да провались она пропадом.

Он сказал просто:

– Её дни сочтены.

Лида была поражена открытием: получается, это было в семье Сихулашвили всегда. С его, Шоты, детства. Пламенная русофобия. Дети высказывают то, что скрывают родители. И никто, никто в России не знает, что у народного артиста СССР в доме такие настроения...

– Но разве Грузия не жила богаче России в советское время? – спросила.

– Вы ленивый народ, – ответил безработный Шота. – Не любите трудиться и не умеете. Потому вы бедные...

– А вы кем сейчас работаете?

– Жене по стройке помогаю.

Лида молчала. В голове всплывали картинки советского прошлого: как мужчины в больших кепках продают у метро зимой гвоздики. По бешеной цене. И мандарины. Продаёт уставшим людям, наломавшим спины на заводах и фабриках, возвращающимся из НИИ и университетов. Вспомнились и криминальные хроники девяностых: об этнических группировках квартирных воров, об оргпреступности, ворах-барсеточниках...

Если она вывалит сейчас всё это, будет скандал. Но должен же кто-то остановить витязя в ослиной шкуре?

Она взглянула на Софью Владимировну. Та ответила взором, полным неприязненного любопытства. Она была в разы умнее своего спутника жизни. И ей было смешно. Она не принадлежала ни

к большому народу, от которого в минуту беды почти все бежали, ни к малому, предъявляющему претензии. Ей было наплевать на обоих.

Соне было забавно видеть, как журналистка глаза-то выпучила. А чего, спрашивается, хотела? Похвал Рашке, глупых мантр про дружбу народов? Дура. И все они болваны там, в России... Не умеют распорядиться деньгами и человеческим ресурсом. Вот она, Соня, Шоту использует по назначению. Он, конечно, недалёк. Но она его не для финансовых операций нанимала. А он именно нанят – спит с ней за канадский паспорт. И не просто спит, а слова ласковые на ушко шепчет...

Он, может быть, думает, что после того, как получит документы, сбежит. Но не тут-то было. Соня, помогая ему заполнить анкеты на иммиграцию, так как сам он английского не знает, в некоторых местах наврала. Потому что Канада лишает людей гражданства в одном-единственном случае – когда они обманули при получении вида на жительство. Канадцы этой малой лжи сейчас не раскроют. Но в будущем Соня всегда сможет держать Шоту в своих пухлых ручках. Попробуешь сбежать – и я расскажу властям, что ты соврал в анкетах.

Подлю, вы считаете? Нет. Предусмотрительно.

Софья познакомилась с Шотой во время гастролей его отца в Монреале. Парень ей сразу приглянулся – не красавец, но глаза васильковой голубизны, и голубиный взгляд – кроткий. А главное – фигура хорошая. Для неё – подарок. Софья отдавала себе отчёт в том, что она не красавица. Женщина не могла найти себе пару и по другой причине – своего богатства. Мужчины, увидев её красный «Феррари» или побывав в строящемся замке, сразу говорили: «Какая ты красивая! Как я тебя люблю!», и она устала от этого. Среди русскоязычных эмигрантов равного себе по состоянию, да ещё такого, чтобы нравился, она не видела. Канадцы на неё не обращали внимания. Спать с пронырливыми мужчинами, обладающими канадской паспортной, вообще было опасно – такие могли оттяпать часть имущества. По канадским законам, пожилые некоторое время под одной крышей, так уж считай семья, и сожитель – даже не муж – может претендовать на половину. Потому подвернувшийся под руку Шота был подарком судьбы. Вида на жительство у него нет, полностью в её руках. Захочет Соня – сделает ему канадскую паспортину, захочет – в любой момент позвонит в министерство иммиграции, скажет, что он женился для получения вида на жительство, и его в два счёта депортируют.

И он тоже это знает. Отрабатывает. Никогда Соня не просыпалась такой счастливой, на такой заросшей волосами мужественной груди. Шота не лез не в своё дело – не расспрашивал о финансовых делах, а готовил блюда грузинской кухни, варил кофе, присматривал за рабочими и устраивал небо в алмазах по ночам. Он был всегда готов, и это при её насыщенном графике являлось просто спасением. Иногда она приезжала домой на полчаса, злая оттого, что в бизнесе что-то шло не по плану, а возвращалась на работу отдохнувшая, посвежевшая. И уверенная в себе.

Дураки вы все, – думала она, затягиваясь сигаретой, и поглядывая на журналистку. – Людей надо использовать по назначению. Ты же не прикуриваешь от гвоздя? Одни созданы для труда, другие для секса, третьи – для того, чтобы руководить. Надо понять, кто для чего, и не нарушать инструкцию к применению.

А русские нарушили. Хотели всех осчастливить. Но как, как ты можешь сделать из торговца на рынке учёного или шахтёра? Кремлёвские, мля, мечтатели. Заставили дехкан на пианино играть, ещё и спасибо ждут. А надо уметь читать инструкцию к применению. Она у каждого человека на лбу написана. Как и у каждого народа.

...В современном мире такие мнения, как у Сони, считаются фашизмом, но поскольку книг она не читала, как и газет (кроме статей о финансах), то не знала о себе этого любопытного факта. Скажи ей, что на воротах немецкого концлагеря было написано то же, что у неё в голове, – «Каждому – своё», она бы искренне удивилась.

Тем временем разговор её супруга с журналисткой уже превратился в перепалку. Он ругал Россию, она – защищала. Дошли до вопроса о Чечне. Шота говорил, что Москва – оккупант, что правильно Грузия боевиков лечила и ютила у себя.

– И Басаев был прав, когда захватил школу в Беслане? – спросила Лида.

«Хех, вот куриная голова, – усмехнулась Соня. – Думает, задала прямо опупенный вопрос и Шота сейчас пойдёт на попятную».

– Да, прав. А что ещё ему оставалось делать? – спросил Шота. – Вы оккупировали Чечню, вы убивали мирное население.

- Дети погибли!
- Это Путин виноват.

Журналистка молчала. Она не знала, что ей делать: встать и уйти прямо сейчас? Она так требовательно посмотрела на Соню, что та решила вмешаться.

– Давай ты лучше расскажешь свою родословную, – предложила Шоте. – Это для интервью куда лучше будет, чем споры.

– Мои предки были князьями, – начал тот.

И вдруг журналистка ухмыльнулась.

– Почему вы смеётесь? – холодно спросил Шота. – Папа много раз говорил об этом в интервью, вы не читали?

– Нет, просто я вспомнила слова Гоголя о князьях на Кавказе. Понимаете, тут такое дело... С кем из ваших ни поговоришь, у половины предки – князья.

– Что сказал Гоголь?

Соня даже перестала курить, ей было интересно.

– Я не буду, вы обидитесь, – пошла на попятную журналистка.

– Не обидимся! Говорите! – приказала Соня.

– Он сказал: «На Кавказе всякий подлец, помыкающий двумя другими подлецами, уже именуется князем», – произнесла Лида.

Повисла мёртвая тишина.

– Может, конечно, ему приписывают эти слова, – уронила в тишину Лида.

Она уже понимала, что интервью не состоялось. Всё превратилось в склоку. И эта усатая жаба всё время смотрела на неё злобно. Она видела, что её невольник глуп. И видела, что это знает Лида. И Соне было неприятно, что её избранник глуп в глазах другой женщины. Это означало, что она, Соня, спит с дураком.

Сначала, соглашаясь на интервью, Соня хотела посмотреть, как Шота будет вести себя с другой женщиной – не будет ли заигрывать, хотела и узнать мнение о нём умной дамы, журналистика всё-таки интеллектуальная профессия. И вот эксперимент провалился. Шота не заигрывал с гостьей, но с самого начала зарусофобил, и это было неразумно. Ведь интервью с ним могло выйти в Москве. Непонятно пока зачем, но могло бы понадобиться. Соня знала, что иногда нужно делать что-то, что не несёт явной прибыли, но может сыграть на неё в будущем.

Журналистку можно было прикормить, приручить, но Шота поволол не в ту сторону, и гостья время от времени взглядывала на Соню с недоумением. Мол, как ты терпишь *это* возле себя?

Как-как... Тебе хорошо, ты стройная, блондинка, – думала Соня. А у меня волосы по всему телу. Вплоть до лица. Светлые, издали не видно, а вблизи заметно. А мужчины – они вблизи. И приходится всю жизнь делать эпиляцию рук и ног – аж до самого не хочу. И по бокам лица... И эта эпиляция всё равно видна, если мужчина близко. И фигуру не сохранишь – работа сидячая, из офиса в машину, из машины в офис. Благосостояние-то – оно вот таким упорным сидением в кресле делается. Мозг и железная задница – залог успеха.

Однако, как ни странно, журналистка вдруг сделала вид, что не обиделась. Она тепло попрощалась, разулыбалась и сказала, что принесёт готовое интервью на одобрение через два дня.

Соня с интересом на неё взглянула. Хм... Ну ладно, посмотрим.

Она подала журналистке руку, а на Шоту даже не взглянула. Он ещё своё получит.

* * *

Через два дня Лида стояла у высоких, кованых, в завитушках ворот. На них даже был вензель «SK» – Софья Кишиневская.

Лида позвонила заранее, и теперь Шота бежал к воротам открывать. Они поздоровались весело, как друзья. В Шоте было хорошо то, что он незлопамятен. У него всю жизнь, как сетовали родители, в одно ухо влетало, в другое вылетало. И в этом было его счастье. В том, что не заморачивался. Поэтому что, если бы заморачивался, не смог бы жить с Соней.

Лида вошла в комнату и сразу отдала распечатанное интервью хозяйке дома. В России она не заверяла ни у кого интервью, разве что если брала его у представителя ФСБ. А тут, в Канаде, где журналист постоянно находится под угрозой судебных исков, лучше материал дать на подпись.

Однако на этот раз она знала, что интервью не одобряют. Потому что Лида написала всё как есть. Как было. Все свои вопросы и все его ответы. И если в разговоре всё смотрелось просто нехорошо, то на бумаге это была катастрофа. После такого интервью артиста Сихулашвили возненавидела бы вся Россия. Тайное стало бы явным.

...Соня читала и хмурилась. Потом, дойдя до конца, она подняла лицо. Оно было растерянным и гневным.

– Нннет! – выдохнула. – Мы не даём разрешения это печатать!

Шота взял листок и пробежал по нему глазами.

– Я не согласен!

– Ну вы же всё это сказали.

– И что? А печатать – не согласен.

– Ну и ладно, – улыбнулась Лида.

Она оставила на столе листки и ушла.

Она шла к машине и думала, что впервые в своей жизни писала всего для двух людей. Не для миллионов российских читателей, а для этой парочки: некрасивой женщины и её альфонса. Для сына неблагодарного танцора. Для глупца, который кусает дающую руку.

Лида создавала зеркало, в которое эти двое могли бы посмотреться.

Да, она потеряла впустую время. Не получит оплаты. Но иногда, чтобы люди хоть что-то о себе поняли, нужно не сказать им, что они неправы, а просто записать их прямую речь и подсунуть под нос.

«Русские – лентяи», – сказанное сгоряча на пьянке и сказанное в газете – совсем разные вещи. Особенно, если в газете указать, что произносит это мужчина, работающий резиновой куклой.

«Боевики были правы, когда взяли в заложники детей» выглядит погано и вслух, но в газете – это атомный взрыв. Причём в какой бы стране ни вышло. Даже в Канаде, где боевиков в 90-е называли мягко «повстанцами» (rebels) и «борцами за свободу» (freedom fighters), такое невозможно напечатать.

Лида вышла за кованые ворота и подумала, что сейчас хозяйка дворца всыплет Шоте по пятое число. А потом он искупит вину в постели, и Софья Владимировна улетит на седьмое небо. Где и положено быть таким богатым женщинам хоть иногда. Ведь рискует Соня, где-то воруя и кого-то намахивая. Не верилось, что такие состояния приобретаются честным путём. Тем более эмигрантами.

* * *

Через несколько лет танцор Сихулашвили расчехлился. Такое па выкинул, что его возненавидела вся Россия. Старик подумал, что денег он накопил, недвижимости накупил и более ему ничего от Москвы не надо. Ан потом оказалось, что надо, и он предпринял было несколько попыток оправдаться, да не был прощён. И тогда танцор через российские газеты послал россиянам несколько проклятий. И ответно был проклят навек.

* * *

Потом Лида надолго забыла о Грузии и её жителях. В Канаде они ей не встречались. Был момент в 2008 году, когда её газета в российско-грузинском конфликте заняла пророссийскую позицию, ей вдруг начала звонить незнакомая женщина и с сильным акцентом ругаться: «Вы все алкоголики и проститутки! Как вы смеете оправдывать российскую агрессию?»

– А ничего, что мы русская газета? – спросила Лида.

Эк, привыкли... В 90-е годы российские «демократические» газеты всегда выступали на стороне всех, кто против русских. И видимо, «все» к этому привыкли. Самое страшное было в Чеченскую войну, когда московские СМИ, в ту пору сплошь либеральные, давали репортажи с мест мясорубки. Армию своей страны холодно называли «федералы» (а в газетах даже проскальзывало и «педералы»), саму Россию – «эта страна», а террористов – бородатых дядек, отрубавших головы 19-летним солдатам, исподволь превозносили. Интервью брали у наёмников из Саудовской Аравии. Из интервью следовало, что русский народ должен быть за саудитов и спонсируемые ими отряды. Ежели он умён и честен. А коли дурак, то пусть переживает за «федералов». Но тогда он будет нерукопожатен...

Русский и чеченский народы теряли свою молодёжь, детей, а уральский алкаш пил, и олигарх Бабуинский открыто финансировал бандформирования – на глазах у всей страны передавая чемоданы налички прямо перед телекамерами, якобы для выкупа солдат. Пишущая «демократическая» братия бесновалась в восторге от происходящего. Одна из таких бесновашек, журналистка Панько, прославлявшая боевиков, однажды попала к ним в плен, была изнасилована, подвешена за руки и за ноги умирать, и только случай в виде ненавистных «федеральных» военных спас её.

...Женщина продолжала звонить Лиде в газету, склонять редактора, и Лида бросала трубку. Она, тем не менее, не перестала покупать хачапури в грузинском ресторане «Колхида» в пригороде Монреалья. Думала, что не все же такие безумцы, как звонившая или Шота. Нельзя винить весь народ во взглядах отдельных личностей. Есть ведь и хорошие грузины.

Но было странно, что после перестройки из Грузии не доносилось народного голоса. Что мы-де против своих политиков, хотим дружбы с Россией, помним всё хорошее. Вы, мол, нашего Мишико не слушайте... Никогда нигде Лида Сиверцева не встречала грузинской ностальгии по СССР. Из Средней Азии такие голоса доносились постоянно, в Молдавии несли самую большую Георгиевскую ленту. А из Грузии – ничего не было.

Однако Лида верила, что народ не виноват. Напоминала себе: вон полководец Багратион, умирая, говорил детям: «Помните, вы – русские!» А Сталин? Пил за русский народ, восхищался им. Сражался за СССР на международной арене. Бил внутреннего врага. Много можно рассуждать о репрессиях, но факт остаётся фактом – Иосиф Джугашвили был лидером русского народа в самое трудное время, победил вместе с ним в войне и оставил ему право вето, помогающее России до сих пор, атомную бомбу, спасающую Россию по сей день, и поднятое после Гражданской войны, а потом и после Великой Отечественной народное хозяйство. В «сталинках» народ до сих пор живёт.

А Яков Джугашвили? А боевой лётчик Василий Сталин? Неспрятанные и неспрятавшиеся дети честного отца. И Цискаридзе вон, балерун, как хорошо, патриотично в отношении России всегда высказывается. Значит, не все такие, как Шота.

* * *

Вскоре в офисе редакции появился молодой человек красоты необыкновенной. Это было лицо, от которого глаз не оторвать. Матовая, чистая кожа, прямой нос, большие тёмные, газельи глаза, мужественная недобритость идеально слепого скульптором лица.

Лицо назвалось Тенгизом. Он сказал, что ему посоветовали обратиться к ней, к Лиде, с его огромной проблемой.

Лида слушала проблему и любовалась. Вот откуда, оказывается, взялось слово «ненаглядная красота». Действительно, глаз не отвести.

Он о своей неотразимости знал и, как выяснилось, страдал от неё. Речь Тенгиза была бурной, эмоциональной, с сильным акцентом и активной жестикуляцией.

– Понимаете, я красивый. Я не хвастаюсь, просто знаю...

– Не стесняйтесь. Это очевидно.

– Так вот, я постоянно влипаю в ситуации! Ещё в армии было, нас везли из одного города в другой, и мы спали на вокзале. Я вдруг проснулся и вижу, что на меня какой-то мужчина смотрит. «Ты, говорит, такой красивый, просто картина». И тут нет никакого гомосексуализма. Просто вот так всегда все люди, любого пола, на меня реагировали.

– Верю.

– Я приехал в Канаду по рабочей визе с другими ребятами-грузинами. Подал документы на получение вида на жительство. И понеслось. Тут какое-то общество бешеных одиноких женщин! Они рвут меня на куски! Они угрожают депортировать, если не дашь!

Лида едва сдерживалась, чтобы не засмеяться. Тенгиз хмурил брови, очи сверкали негодованием, он возносил руки к небу, словно прося у него защиты. И это были идеальные мужские руки, как у статуи Давида.

Далее он поведал такую историю. Однажды, на свою беду, он повстречал 15-летнюю распутницу. Девочку, у которой формы были как у взрослой и которая не стесняла себя ни в чём. По его словам, она буквально влезла на него, как коала на дерево, а он не мог сопротивляться, так как её феромоны лишили его сил.

Тенгиз и лихая несовершеннолетняя Илона Ласкина любили друг друга самозабвенно – в парках, в мотелях, в лифтах и т. д. А потом Тенгиз снял квартиру в том же многоквартирном доме, где жила Илона, и она утром, вместо того чтобы идти в школу, спускалась этажом ниже и проходила другую школу.

Так они неистовствовали полгода, пока обман не раскрылся. Мама Илоны пришла предъявлять Тенгизу претензии и пугать заявлением в полицию. Однако его виноватое прекрасное лицо произвело на сорокалетнюю маму такое воздействие, что она решила не заявлять в полицию, а вовсе даже наоборот – стала отправлять дочь в школу, а сама заявлялась к Тенгизу с тарелкой пирожков и в пеньюаре.

– Вот, принесла домашнего, – говорила, смело проходя в квартиру и усаживаясь на диван. Закидывала ногу на ногу и призывно смотрела.

Тенгиз понял, что выхода нет, обидеть женщину – значит попасть в руки полиции за совращение несовершеннолетней, и стал окучивать и эту грядку. Илоне он, разумеется, не сообщал. А мать делала всё, чтобы помешать встречам дочери с Тенгизом. Запретила их.

Её подвела болтливость. Марина Ласкина решила похвастаться сестре своей сексуальной жизнью. Точнее, она выглядела такой счастливой, что Мила, сестра, заметила это и осведомилась о причине сияющей ауры.

Марина всё рассказала. Миле захотелось посмотреть на прекрасного Ясона. Ровно так же, как сестра, в один скверный для Тенгиза день, она объявилась на пороге его убежища разврата. И уже через две минуты разговора дала понять, что хочет большой и светлой любви и что его шаг назад будет приравняться к побегу. Она ведь знает, что он спит с несовершеннолетней. Более того, она паралигал¹ – подкованный в составлении заявлений человек.

– Я не знаю, что мне делать! – обхватив голову, говорил Тенгиз. – Скажите мне! Она изнасиловала меня! И это длилось несколько месяцев! Я спал с тремя!

– Вам не понравилось? – сдерживая смех, спросила Лида.

– Нет! У неё волосы по всему телу! Как у меня. Но у меня тёмные, а у нее светлые. Руки с вот такими волосами!

Он показал пальцами длину в полтора сантиметра.

Лида расхохоталась. Это ж надо, сколько в Канаде волосатых баб.

– Простите меня, – повторяла она, смеясь. – Просто вы так жарко обо всём этом говорите, я никогда не слышала ничего подобного...

– Так мне ещё приходилось врать всем трём, что они у меня единственные, и делать всё, чтобы они не пересеклись!

Тенгиз сидел, вытаращив глаза от возмущения и раскинув руки, как бы говоря: что это? Что происходит в этом мире, где беззащитного грузина может изнасиловать любая канадская паралигальша? И это – цивилизованное, демократичное общество?

– О`кей, а что дальше? – придав лицу серьёзное выражение, спросила Лида.

– Дальше было хуже. Мама и тётя Илоны взревновали меня к ней. Они поняли, что я люблю только её. Догадались, что мы встречаемся. И стали следить, чтобы она ко мне не бегала. Мы не виделись два месяца. А потом встретились в лифте. И у нас случился секс. И представляете, лифт останавливается, двери открываются, и мы с Илоной видим этих двух – маму и тётю.

После этого меня арестовали. Но... я не дурак... я когда был у Илоны дома, выкрал её дневник. На всякий случай. И этот дневник меня спас. Там она описала, сколько у неё было мужчин. И сделала график, в котором отмечала, кто и как всё делает, ставила им оценки, записывала размеры членов... Следовательно, когда прочитал, а писала девочка на английском, сказал мне, что она шалава и что меня отпустят. И меня отпустили. За недоказанностью. И теперь мы снова с Илонкой встречаемся. Но тайно от двух мегер.

– Так в чём проблема?

– Они грозят, что напишут в министерство иммиграции и меня депортируют.

– И что я могу сделать?

– Не знаю. Посоветуйте.

¹ Паралигал – профессия в англоязычных странах. Паралигалы, не имея высшего юридического образования, являются помощниками юристов и выполняют часть их функций.

Лида посоветовала расстаться с Илоной и переехать в другой город. А мегерам сказать, что вернулся в Грузию. Чтобы им не было смысла куда-то писать...

– А как получите канадские документы, так и вернётесь к Илоне. Она уже подрастёт и сможет выйти за вас замуж.

– Она не дожётся. Распутная.

– Вы удивляете меня.

– Спасибо, что выслушали.

– Не отчаивайтесь. Ваша красота со временем поблекнет, и вы сможете жить нормальной жизнью, годам к семидесяти, – пошутила Лида.

Тенгиз грустно кивнул.

– Я понимаю, вам не хочется жить в Грузии – маленькая страна, негде развернуться. А почему вы не поедете в Москву? – спросила.

– Что вы такое говорите! – всплеснул руками Тенгиз. – Что я забыл в Москве? Там одни...

– Алкоголики и проститутки, – подсказала Лида.

– Я не то хотел сказать, – смутился Тенгиз.

– До свидания, мне пора закрывать офис. Я подумаю, что можно для вас сделать, – сказала Лида, в эту же секунду решив, что делать для него ничего не будет.

Но правило «за каждым письмом – человек» сработало и тут. На следующий день, после долгих раздумий, Лида позвонила паралигалу Ласкиной, которую знала лично как рекламодателя и оставила на автоответчике суровое сообщение, что «я к вам прекрасно отношусь, но поступила жалоба... и мы обязаны отреагировать... Может быть, этот человек преувеличивает, но вы знаете, как в Канаде такие вещи называются... Сексуальный харассмент... Получается, что вы, паралигал, запугиваете подающих на статус иммигранта, пользуетесь служебным положением и принуждаете... Ещё раз: ничего личного, исключительно из заботы о вас... Потому что, если вы не прекратите встречи с известным вам лицом, мы вынуждены будем обратиться с жалобой в вышестоящие органы и вы потеряете лицензию. А после мы опишем в газете этот случай всем паралигалам в назидание».

Лида на самом деле не обязана была предпринимать никаких мер. Это в СССР газета, партийный орган, была обязана. А тут частный бизнес. Хочет – слушает редактор Тенгиза, помогает ему. Не хочет – не слушает и не помогает. Но вряд ли Ласкина это знает. Её дело – сочинять липовые истории для тех, кто хочет получить вид на жительство в Канаде. Писать, что их в России преследовали за национальность, религию, сексуальную ориентацию. В работе СМИ она ничего не понимает.

Лида теряла рекламодателя, то есть деньги. Но думала так. Допустим, Тенгиз – русофоб. Но значит ли это, что его можно насиловать? Нет. И потом, какой же он русофоб, если явился за помощью в русскую газету? Но самое главное – «за каждым письмом – человек». Если Тенгиз пришёл к ней – значит, верил, надеялся. Лиду всегда, всю жизнь трогало доверие людей к журналистам, народная вера в существование неподкупных, смелых, режущих правду мастеров слова. Рушить эту веру – всё равно что отобрать конфету у ребёнка.

Через месяц Лида позвонила Тенгизу и узнала, что его утомлённые чресла отдыхают от секса. Сёстры Ласкины отвязались, а с Илонкой он расстался, застукав её со своим приятелем.

* * *

Лида лежала в постели и перечитывала одну из любимых книг – «Я, Бабушка и Илларион» Нодара Думбадзе. Книгу лиричную, светлую и полную юмора. Книгу, от которой многие в СССР ещё больше полюбили грузин. Лида привезла с собой в Канаду целый чемодан любимых книг, и Думбадзе был среди них.

Так бывает, что один человек, который правильно себя ведёт, может привлечь любовь миллионов к своему народу. Думбадзе – привлёк. В его книгах грузинские парни уходят на фронт, погибают, и все герои его повестей – благородны и благодарны. Честны и великодушны. Милы и забавны.

Солгал он, приукрасил? – думает Лида про писателя. – Или глаз любого человека устроен так, что свой народ видишь безгрешным? Или он написал правду, и грузины именно таковы, а сейчас просто «обострение отношений»?

И может, когда-то две страны снова станут друзьями?

А с другой стороны, оно нам надо? Какая нам польза, кроме мандаринов?

Лида вдруг почувствовала, что очень устала и глаза закрываются. «Самое тяжёлое, когда хочется спать – это веки», – написал Думбадзе. Но тут не просто спать хочется. Есть такое понятие, как усталость металла. А русские, считает Лида, это металл, сталь, нержавейка. Но она тоже может устать. От вечного предательства. От бесконечной миссии прощать, помогать...

Усталость металла. Лида её периодически испытывает. Когда читает неприятные новости о поведении бывших советских республик или стран Варшавского договора. Больно душе. Обидно.

Но имеем ли мы право уставать, – думала она. – Нет, не имеем. Мы империя, были, есть и будем. И как только наберём силу, к нам снова приблудятся все... И скажут, что «мы не хотели, нас заставили». А мы сделаем вид, что поверили, потому что так полагается империям.

«А завтра новый рейс, и я опять его возьму...»

Если поступить иначе, ты станешь удельным княжеством. И тебя сотрут в порошок. Величия не прощают.

Но надо намотать опыт на ус и не валить уж так-то всем вокруг от своих щедрот... Своих сперва накормить и приодеть. Вон англичане совсем не так вели себя в Индии, как русские в своих «колониях». И ничего, индийцы эшелонами едут в Британию и Канаду – зла не держат. И уважают богатство и силу Британской империи. Хотя им британские сахибы ногу выставляли – ботинки чистить. А русские сына грузинского сапожника на трон усадили. Не пренебрегли.

И нате вам...

Сожрано и забыто.

А всё ж смешно, как похожи судьбы Грузии и её отдельных представителей – Шоты и Тенгиза, – думала Лидия. – Не в красоте счастье, – хохотнула уже почти сквозь сон. – Ну и ладно, не наше дело. Бог зря испытаний не посылает, ни людям, ни странам.

Что касается русских, думала Лида, то в физике есть понятие не только усталости металла, но и его выносливости. Усталость – это когда постоянные напряжения меняют свойства металла и он разрушается. А русские, они разве меняются? Нет. Выходит, этой стали свойственна выносливость металла.

А значит, «ино ещё побредём»...

Проза

Олег Рябов

Олег Алексеевич Рябов – родился в 1948 году в Горьком. Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектно-институте начальником снабжения, в Облкниготорге – товароведом, в оперном театре – дежурным электриком, на мясокомбинате – заместителем директора, в типографии – тоже каким-то начальником. Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году. Первая книга, повесть о войне «Письма отца», вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах: «Наш современник», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Север», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Невский альманах», коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Лауреат конкурсов «Ясная поляна», им. Шукшина «Светлые души» (Вологда), лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии», трижды лауреат премии Нижнего Новгорода в области литературы. С 2002 года член Союза писателей России. С 2011-го – член ПЕН-клуба. Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Указом президента РФ награждён медалью Пушкина.

НЕ ЛЮБЛЮ ПАРИЖ

Рассказ

«Не люблю Париж! – Это не моё», – эту фразу я услышал от моего доброго старого товарища Юры, объехавшего полмира и умеющего отдыхать, которому я похвастался, что впервые побывал в Париже. Он был не только уважаемым, но и достаточно состоятельным человеком; как пример тому, могу доложить, что из двух «Майбахов», которые тогда ходили по нашему городу, один принадлежал ему.

Наблюдая его за рулём, я понимал, как важно научиться вальяжно водить такую машину: мой друг не обращал внимания на светофоры, двойные разделительные полосы, регулировщиков и посты ГАИ. Он никогда не превышал установленной скорости, но если уж какие-то инспекторы задерживали его на этих постах, то он останавливался и подолгу мог с ними беседовать на самые посторонние темы, обязательно спрашивая о здоровье их родственников и с готовностью платил штрафы. Точнее, он просто давал им денег с просьбой передать привет начальству в ранге не ниже генерала. А на простой вопрос о том, кто ему выдал такие регистрационные номера, а номера у него были замечательные, мой друг наивно отвечал, что их ему просто-запросто у них в ГАИ и выдали. После чего умные инспекторы денег у него всё же не брали, а уважительно козыряли и желали счастливого пути.

Я хочу сказать, что этот мой товарищ любил и до сих пор любит всё самое хорошее и качественное, добивается этого и на этом строит всю свою жизнь. А в Париже, куда он со своей милой и замечательной супругой Танечкой заехал на несколько дней по пути домой с Лазурного берега, они, не задумываясь, зашли в какое-то центровое кафе и попросили всего-навсего бутылку хорошего шампанского и кисточку винограда.

– Когда мне был выставлен счёт за это удовольствие в восемьсот евро, я просто удивился, – с неприятной гримасой доложил мне друг, – у меня в подвале коробка этого французского шампанского «Поммери» стоит. Мне друзья в подарок прямо из Франции как-то раз по случаю привезли, а тут восемьсот евро. Не люблю я Париж – дорого там всё!

Лично для меня как для обладателя первой формы допуска секретности, которая была неприятным родимым пятном для многих жителей нашего закрытого города, до поры до времени Париж был недостижимой мечтой, небесным облаком, миражом. Будучи в командировках в Москве или

Ленинграде, в Риге или Одессе, мы, носители неизвестных нам самим секретов, должны были сами же и следить, чтобы в кафе или ресторане к нам не посадили за столик какого-нибудь иностранца. Мой товарищ по перу и носитель этого тяжкого бремени секретности Боря Бейненсон написал ещё в советские годы замечательное стихотворение «Мне никогда не быть в Париже».

Но как судьба играет: уже в новое время и даже уже после того, как я впервые побывал в Париже, встретил я случайно Борю на Мытном рынке в овощных рядах, где мы с ним оба покупали лук и морковь. Я радостно приветствовал его, напомнил, что он пятнадцать лет назад брал у меня книжку Вересаева «В тупике», которую до сих пор не вернул, и доложил, что побывал в Париже. Боря посмотрел на меня с обречённостью и печалью:

– Книжку, конечно, я должен разыскать и тебе вернуть, – пробормотал он с некоторым сомнением в реальности исполнения, – а вот в Париже мне всё же так и не побывать. Как поэт я когда-то этот факт напроорочил сам себе.

– Что так? – спросил я.

– А работаю я сейчас в Федеральной кадастровой палате в Москве и являюсь носителем таких секретных секретов, что, по моему мнению, таких носителей вместе с проводами на пенсию надо сразу же расстреливать. Ведь я же знаю, сколько стоит вся моя Родина, за сколько можно её при желании продать вместе с Волгой и Байкалом. А ещё я знаю, где есть несколько десятков гектаров ничейной земли прямо на границе с Финляндией, и их тоже можно купить, в смысле – продать. А самое главное, и это уже шёпотом и по секрету, все эти знания позволяют мне прогнозировать планы Кремля, о которых в Кремле ещё даже и не предполагают. Вот так!

– А что, вообще-то хочется в Париж, Боря?

– Да нет, уже и не хочется.

Вот так кончаются поэты!

Не уверен, но иногда кажется мне, что любой художник, поэт, драматург, артист, любой творческий человек хочет попасть в Париж! И не один раз за свою жизнь! Из легенд и сомнительных фактов созданная аура этой художественной, литературной и артистической Мекки заставляет сюда стремиться все творческие души. И не мифические д'Артаньян и капитан Мегрэ, киногерои Жана Маре и Бельмондо манят со щемящей болью их всех сюда. Не сомнительная слава «родины всех революций» с реками крови, в которых тонули французские обезглавленные короли, дворяне и крестьяне, не развенчанный Наполеон и не разбившаяся принцесса Диана, а Дягилев с Лифарем, слившиеся в сомнительной страсти, Ахматова с Модильяни, уличённые в кратком романе, Хемингуэй и Цветаева, якобы работавшие в одном и том же кафе над своими гениальными текстами, и, конечно, ночной Пляс Пигаль с красными пещерами порока, и вращающиеся крылья Мулен Ружа, и мазня сотен бездарных художников, сидящих с мольбертами на Монмартре и продающих тут же за гроши свои «шедевры» – вот тот сомнительный магнит.

Нет – не Лувр!

Не Лувр притягивает в Париж людей с творческой жилкой. Больших музеев, с гигантским количеством собранных в них шедевров, с которыми невозможно ознакомиться даже при всем желании ни за день, ни за неделю, ни за месяц, на свете много. Я спрашивал у русскоязычного экскурсовода в Лувре и, скорее всего, представителя третьего поколения первой волны эмиграции: «А есть ли у вас Шишкин и Левитан?» К его глубокому сожалению, он впервые слышал о таких художниках. Из русских мастеров живописи он знает только Айвазовского и Коровина, но их тоже нет в Лувре: не доросли. А узнав от меня, что Кандинский, Малевич и Татлин тоже русские, он очень удивился и, по-моему, не поверил мне.

Не «Джоконда», к которой я остался абсолютно равнодушен, манит сюда людей искусства. Не на что там смотреть: в бронированном застеклённом кожухе, защищающем картину, всегда вы увидите отражение висящего напротив шедевра Паоло Веронезе «Брак в Кане Галилейской». А сам портрет Моны Лизы и не рассмотришь толком – на открытках всё выглядит куда симпатичнее.

Честно сказать, хотя я редко с кем делился за последние годы этим впечатлением, мне показалось, что этот шедевр заряжен отрицательно. Слышали что-нибудь про энергетику произведения искусства? Так вот: после очень кратковременного общения с Моной Лизой я чувствовал себя в физическом плане разбитым и сразу же ушёл из музея.

Вот могила Леонардо, бережно хранимая, на меня произвела хорошее впечатление, настолько она скромна: расположена она в маленькой часовенке Сен-Юбер замка Амбуаз на высоком берегу над

Луарой, и нет к ней никакой очереди! Я даже подобрал на память камешек с земли, в которой лежит гений, и пылится он на моём стеллаже рядом с моими любимыми книгами.

В первый раз я получил гостевую визу во Францию в качестве гонорара за сомнительно выполненную работу. В самом начале 90-х группа «Рено» оформляла своё представительство в Нижнем Новгороде, и какой-то наш местный, но ответственный, а возможно, даже государственный человек порекомендовал этим французам обратиться за помощью ко мне: хотелось им оформить офис нового представительства в русском национальном стиле. Совершенно не представляя себе серьёзности задания, с которым ко мне подъехали господа из Парижа, я посоветовал французским дизайнерам поставить в приёмной офиса вместо кресел три старых сундука с музыкой и покрыть их медвежьими шкурами. А дальше: донца пялок, хохломские братины и рыбацкие наборы из Семёнова, настенные панно из Городца, домотканые половики и подстилки. Я разошёлся и расфантазировался.

Я даже не мог подумать, что моя болтовня будет принята всерьёз. На следующий день французы встретились со мной и сообщили, что идея моя им понравилась. Они убедительно попросили меня помочь им приобрести три хороших больших сундука, на которых можно было бы сидеть, и три медвежьих шкуры. Я всё нашёл – им повезло. По ходу дела я объяснил французам, зачем в сундуке играет незатейливая, но тревожная мелодия при повороте ключа – конечно, для того, чтобы хозяин, который после обстоятельного обеда задремал на втором этаже в своей опочивальне, услышав её, сразу же проснулся и забеспокоился.

Договор я с французами не заключал и идею оформления помещения высказал между делом, а отблагодарить моим новым друзьям меня очень хотелось. Я, не задумываясь, сообщил им, что хочу в Париж. Притом я сказал им, что мой брат физик-теоретик по договору читает лекции в парижском университете Сорбонна и может мне выслать гостевое приглашение. Французы оказались очень ответственными ребятами и, сняв с меня все заботы по оформлению визы, так постарались, что через две недели я уже был в Париже.

Первую пару дней жил я у брата, который снимал небольшую квартирку почти в центре Латинского квартала на улице Паскаля. В день приезда, встретившись с ним вечером, я доложил, что за день выпил в разных кафе на набережной три чашки кофе и каждый раз платил за него двадцать франков. Брат строго отругал меня, сообщив, что попить кофе можно у стойки, и это обойдётся в пять франков. Так я впервые столкнулся с официальной оплатой удобств и услуг, которой у нас в стране практически ещё не было, и мне это не понравилось – чаевые мне нравились больше.

Потом я на неделю снял угол у старой-престарой старухи в том же доме, где жил брат, но этажом выше: так было нам всем удобнее, потому что я с неудержимой страстью бросился за впечатлениями и болтался по Парижу и день и ночь. У этой старухи, так же как и у брата, спал я на полу, на всё том же самом братнином надувном матрасе. Будучи бывшей учительницей русского языка, плату за проживание деньгами моя хозяйка отказалась с меня брать, пожелав заниматься со мной русским: я должен был каждый день по часу разговаривать с ней по-русски. Но на этом выиграл и я сам: старуха согласилась поводить меня по ночному Парижу и показать остатки старинных королевских замков четырнадцатого века в районе Марэ.

Ночные прогулки со страшной ведьмой, удивительно плохо говорящей по-русски, по тёмному туманному средневековому городу – это мой первый Париж. Мне тогда ещё показалось, что моя хозяйка специально не выходит днём на улицу, чтобы не смущать прохожих, которые будут непременно останавливаться, чтобы посмотреть на безобразное и притягивающее взгляд её лицо: люди любят подсматривать за всякими уродствами. И когда своим скрюченным пальцем она указывала мне на тёмные окна, подсказывая, что вот там жила миледи де Винтер, а в окнах над нею жил Виктор Гюго, то у меня голова начинала кружиться. А старуха уже тянула свою руку куда-то в сторону острова Сите, где во тьме угадывался собор Парижской Богоматери, и вещала: «А вот там – дворец Ротшильдов, наших парижских Ротшильдов. Только сегодня почему-то окна не горят – наверное, опять уехали к своей родне в Англию».

Неделю у старухи я не прожил. Мой брат уезжал домой, в Россию, и старуха тоже заявила вдруг, что уезжает куда-то к родственникам.

Несмотря на то что я всего несколько дней провёл с братом, он успел меня предупредить, чтобы я никогда не ездил в определённые районы, где компактно проживают арабы, и он мне их перечислил, а также чтобы я не носил мою любимую красивую фланелевую куртку с надписью

«СССР» на спине, которую мне подарил знакомый тренер сборной страны по фристайлу – могут побить.

Я срочно бросился искать себе жильё в гостиницах. Эти грязные и тесные микрогостиницы Латинского квартала ошеломили меня ещё и несопоставимыми с их убожеством ценами, пока я не понял, что для местных проституток цена не имеет такого уж большого значения.

Мне пришлось выучить по-французски одну фразу, которую я помню до сих пор – «*je cherche une chambre pour moi*», что должно было означать, что «я ищу один номер для себя». Не знаю, как меня понимали служащие этих крошечных странных учреждений, но номер я для себя нашёл. Комната была площадью не больше шести метров с раковиной, тумбочкой и кроватью – всё! Удобства и душ были общими и находились в конце коридора. От моего окна до стены соседнего дома было метров пять, не больше. Зато голуби с узких карнизов и с провисающих проводов регулярно слетали на мой широкий подоконник, чтобы проявлять свою галантность по отношению друг к другу и заниматься любовью, и это радовало.

Во внутреннем дворике моей гостиницы, куда я регулярно попадал, чтобы пройти на соседнюю улочку, в продовольственный магазин за булочкой, сосисками и бананами, которыми я питался каждый день, существовало непонятное сообщество, членов которого я бы назвал просто алкашами, но, может, это были апаши или клошары – не знаю. Только каждый день они требовали у меня с утра десять франков, один из них просто протягивал мне руку, я клал туда монетку, и он без улыбки, очень серьёзно зажав её в кулак, уходил. Меня предупредили, что в Париже можно пить вино по цене от тридцати франков за бутылку и дороже, но мой подопечный умудрялся обходиться вином за десять.

А почему я выбрал для себя такой режим питания – объясню. Первый и последний раз в своей жизни я зашёл перекусить в «Макдональдс» в Париже и отравился там какой-то дрянью – больше я никогда в «Макдональдс» не заходил, ни в одной стране мира. Личный опыт подарил мне это железное правило. Хотя многие мои друзья считают, что этот вид общепита – настоящая палочка-выручалочка.

Ещё очень любопытную загадку я сам себе загадал, на которую не мог долгое время ответить и которую мне расшифровал снова брат. Первым местом, куда мне хотелось попасть в Париже, было кабаре «Мулен Руж». Я помнил, что знаменитый американский бандит Аль Капоне пытался заполучить к себе в Чикаго это варьете, чтобы оно украсило его день рождения, предлагал миллионы, но не сумел – «Мулен Руж» работает только в Париже. И вот после того, как я там побывал и увидел самых шикарных женщин в мире на службе, я стал обращать внимание на парижанок. Увы – глубокое разочарование посетило меня! Но, возможно, это разочарование, вызванное ожиданием, возникло на пустом месте, а истина справедливее и красивее.

Во всех маленьких магазинчиках, тех, что называются «в шаговой доступности», в которых я обслуживался: в булочных, овощных, продовольственных, я сталкивался с местными жительницами, домашними хозяйками, которые спустились из своих квартир, чтобы сделать необходимые покупки. И вот они стоят с сигаретами в руках, разговаривают между собой, как и наши русские голубушки-соседки, но... Одна – в бигуди, кое-как заправленных под платок, другая со спущенными наполовину гольфами, третья в расстёгнутом домашнем халатике, и хорошо видны и её синий бюстгальтер и такие же синие трусы...

«Как же так?» – задавал я себе не раз в те дни вопрос. А где же знаменитые и неотразимые своей свежестью, своим очарованием парижанки? Почему они позволяют себе в таком непотребном, неприглядном, неряшливом виде выходить из дома? Тут было не очарование, а полное разочарование. А кто же те красивые женщина на бульварах и на набережных? Я видел, как они выходят из дорогих авто, как им открывают швейцары двери в дорогие отели. Кто они?

Да это туристки и женщины лёгкого поведения.

А настоящие парижанки – они вот такие, и они не собираются приукрашивать себя обманчивой ложной красотой, подводить помадой губы, карандашиком глаза, припудриваться, специально как-то одеваться – всё это удел и ремесло девушек из «Мулен Ружа». Парижанка на улице хочет выглядеть так и вести себя так, как она ведёт себя дома. Этим парижанки в корне отличаются от наших русских домашних хозяек, которые два часа готовы потерять перед зеркалом, припудриваясь и подбирая кофточку, чтобы сходить в магазин за картошкой.

Определённый парижский тип мужчины в малиновом или даже жёлтом пиджаке, с шёлковым ярким платком на шее, который я выделил для себя в свой первый приезд, меня тоже не порадовал.

Этих мужчин в ярких пиджаках или в «брюках в полосочку» я встречал в парижских жилых кварталах на каждом шагу, и таким своим прикидом они также резко отличаются от наших утренних небритых русских ребят, обречённо стоящих в домашних тапочках, застиранных трениках и выгоревших майках у ближайшей пивной. А вот в последующие свои приезды в Париж я как-то потерял его из виду, этого классического, по моим меркам, парижанина.

В общем-то, и некоторые другие картинки, смутившие меня, находили в устах моих оппонентов довольно сомнительное объяснение. Под землёй, на станции метро, прямо рядом с остановкой поезда лежит пьяный парижанин в своей собственной блевотине, и никого это не смущает. А через несколько дней я вижу такого же спящего пьяницу на тротуаре, в пяти метрах от входа в мою гостиницу, и опять это никого не волнует. Брат объяснил мне, что эти свободные люди живут в свободной стране и ничего не нарушают: они имеют право ходить, сидеть и спать на тротуаре, потому что тротуар не частная собственность, а муниципальная, общая, а они не шумят, не буянят – им так нравится жить.

Чтобы с этими комментариями к увиденным парижским картинкам покончить, скажу, что «Муллен Руж» меня потряс напором своей эротики, безудержной, но безопасной. Я бывал и в Большом театре, и в Мариинском и видел работу театра Баланчина «Нью-Йорк Сити балета», но ни разу ещё мне к тому времени не приходилось видеть настоящее эстрадное шоу.

Правда, через несколько дней я уже несколько поостыл. В Тургеневской библиотеке, этом «русском клубе» Парижа, куда я зашёл, чтобы просто отметить, неожиданно попал на выступление Сергея Сергеевича Аверинцева: он читал свои стихи. После выступления я ещё имел возможность обсудить с ним возможность издания на русском языке книги Жеребцова «История цивилизации в России», к которой он готов был написать предисловие и быть редактором издания.

Сергей Сергеевич предварительно предупредил нас, слушателей, что цикл стихотворений, который он будет читать, написан им с предполагаемых позиций средневекового монаха-схоластика, его средневекового мировоззрения, и надо этот момент постараться учесть. Психология, информационный багаж, эмоциональный набор, возможности выбора личной позиции у среднестатистического человека в разные века очень сильно отличались, и это надо понимать, когда ты пишешь литературное произведение, связанное с другой исторической эпохой.

На этом же вечере я встретился и познакомился с некой молодой и приятной дамой. Она была по происхождению русской, работала в каком-то парижском издательстве и занималась переводами начинающих поэтов с французского на английский и наоборот. Звали её Лена. Так вот, Лена была в ужасе от состояния современной стихотворной школы Франции:

– Если эхо великой французской поэзии начала двадцатого века от Артюра Рембо через Гийома Аполлинера, Блеза Сандра и Поля Элюара ещё и докатилось до нашего времени, то это только эхо. Потому что все тексты современных стихоплётов не только на подстрочнике, но и в первобытном естественном авторском состоянии представляют собой набор банальных зарисовок:

«Я поехала к бабушке в деревню, она сварила варенье из абрикосов. Это очень вкусно». Вот такая поэзия. Я понимаю, что мне, современнице Пастернака, Ахматовой, Бродского, носителю их языка трудно – есть с чем сравнивать.

Ещё интереснее в информационном плане оказалось то, что Лена некоторое время работала в кабаре «Фоли-Бержер», а вот пять лет назад вышла замуж, родила дочку и живёт с мужем-французом в Париже.

После вечера, уже на улице, по пути к метро, я задал Лене смущавший меня вопрос про обнажённых в кабаре девушек. Моя новая знакомая рассмеялась:

– На нас было всегда такое количество грима, туши, пудры и прочей косметики, что и клочка чистой кожи не оставалось, мы были, скорее всего, похожи на рыцарей в латах. Ни о каком смущении не могло быть и речи – это были не мы!

Был я после, уже через несколько лет, и в другом шикарном кабаре «Лидо», но никакого восторга и повышенного возбуждающего впечатления у меня не осталось – так, показалось, что всё это я уже видел. Да так оно и было. В этом, наверное, отличие произведения настоящего большого искусства, которым можно наслаждаться много-много раз и всю жизнь, повторяя встречи с ним, от великолепной шикарной поделки, разобрав которую, можно понять, как она сделана.

Может, я не люблю Париж потому, что сразу встретил здесь очень много новых для меня явлений, которые не смог сразу понять и принять. Хотя я, например, сразу понял, почему одни и те же

кроссовки, одной и той же фирмы и в одинаковых упаковках стоят в стандартном универмаге «Тати» пятьдесят франков, а на блошином рынке Монтрё я видел их в такой же фабричной упаковке за пять франков. Но мне как брату профессора кроссовки на блошином рынке за пять франков было запрещено покупать – я обязан покупать товары в торговом центре «Тати». А вот в элитном магазине на Елисейских полях, в который я заглянул случайно, просто гуляя от безделья, где журчат по художественно оформленным домашними растениями желобкам искусственные ручьи и летают попугаи, а меня бросились обслуживать сразу три барышни, предлагая и соки, и кофе, я сразу разглядел в витрине такие же кроссовки, в такой же упаковке, но уже за двести пятьдесят франков, и их уже должен был покупать господин Березовский.

Так решается поддержка малообеспеченных слоёв населения. И своё место в обществе каждый должен сам для себя уяснить. Если человек с высокими доходами ищет возможность купить товар или услуги так, чтобы сэкономить, то у него ещё пока есть проблемы, и он не готов жить в нормальном буржуазном обществе. Человек с высокими доходами не имеет права покупать товары с социальными скидками, потому что количество их ограничено! Но ещё очень долго наши состоятельные русские граждане будут искать, «где дешевле», нужно время, чтобы наше социалистическое общество по-настоящему расслоилось. В Париже с этим строго. Брат мне сразу пальцем показал магазин, в котором я должен буду покупать подарки для супруги и для дочерей.

Мне вспомнился случай, когда моя больная мама попросила меня съездить в специальную социальную аптеку и купить ей лекарство, которое она там уже заказала по телефону. Я сел за руль и поехал на другой конец города. Зайдя в ту, указанную мне, аптеку для больных и нуждающихся пенсионеров, увидел я на скамейке с сидящими и ожидающими своей очереди старухами, мою пожилую знакомую, соседку по дому. Я только что, этим утром, дал ей пятьсот рублей на лекарства: у неё не хватало, и она честно призналась мне в том и попросила.

Она со мной поздоровалась.

Как же мне было неудобно!

Я развернулся и вышел. Купил я лекарства маме в нормальной аптеке, пусть и значительно дороже.

Раз я заикнулся про блошинный рынок, то хочу сказать, что там я столкнулся ещё с одной моей проблемой, которую мне не удалось исправить при всём желании. На этом блошином рынке Монтрё я как старый букинист поинтересовался у одного из торговцев книгами ценой на лежащее у него на раскладке прижизненное издание Дюма «Записки врача» 1852 года в чудненьком сафьяновом переплёте с приятными иллюстрациями. Спросил я по-английски, на что продавец выхватил у меня книгу из рук и засунул её в коробку, отвернувшись демонстративно от меня. Я выругался по-русски матом, предварительно обзвав продавца идиотом. Продавец обрадовался и заулыбался, услышав русскую речь.

– Ты русский? – спросил он у меня по-русски.

– Русский, – ответил я.

– А я армянин, но мы, французы, не любим, когда у нас здесь говорят по-английски. Мы не любим англичан. Ты не говори по-английски, говори по-русски, кто-нибудь да поймёт.

Книжку я не купил, хотя она была очень дешёвая – сорок франков, это – восемь долларов.

Посещение кладбища – дело интимное. Я, впервые приезжая в какой-то город, считаю своим долгом посетить местное кладбище и базар. Это точки, в которых живёт правда, они всегда честно расскажут тебе о жителях этого города. На кладбище и дворник, и генерал, если не в возможностях, то уж в своих чувствах равны.

Пока я не побывал на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, я не мог понять выражение «Париж – русский город». И в этом меня не мог убедить ни наш Александр Третий, который подарил Парижу самый красивый мост через Сену, ни наш Александр Первый, который, в 1814 году войдя в Париж, велел своим казакам не трогать шедевры Лувра и, упаси бог, не растаскивать их по своим деревням. Пусть тут стоят и висят, наши русские люди всегда смогут сюда приехать и полюбоваться.

Так вот – про кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Удивило меня и даже поразило живыми, яркими, сочными красками надгробье Нуриева, выполненное в виде восточного ковра по проекту его друга Энцо Фриджеро, и постоянно меняющиеся фотографии танцора на надгробье, которые приносят поклонники. И ещё многое что! Но ведь я видел и трогал руками и надгробье Тимура в Самарканде, и надгробье Хеопса, а тут что-то заставило

меня о нём задуматься, об этом кладбище. Нет! Не огромное количество белогвардейцев, этих русских солдат, оставшихся здесь навсегда: это их судьба, в судьбе любого солдата заложена глубокая возможность упокоиться навсегда в чужой земле. А вот тысячи моих соотечественников, которые мечтали улечься в родную землю, а нашли последний приют здесь... Вот что меня поразило.

Я сидел на мраморном краешке могилки Ивана Алексеевича Бунина и грустил.

Курил и грустил.

И Бунин, и Галич, и Мережковский, и Андрей Тарковский – они все мечтали о Родине.

Мимо проходила дорожная женщина, эдакая здоровенная колхозница-дойрка-мордовка лет тридцати, она тащила за руку десятилетнего сына и грязно ругалась по-русски. Мальчик с кругленькими, близко поставленными глазками, очевидно, был болен – солнечный ребёнок. Женщина ругала ребёнка чуть-чуть нежнее, чем мужчину, который плёлся за ними, рассеянно поглядывая по сторонам. Мужчину она просто поливала! Тот не обращал внимания.

– Ты русский? – внезапно спросила она у меня, остановившись.

– Да, – ответил я, не ожидая этого внимания.

– Понимаешь, я десять лет за ним замужем, и он за это время не выучил ни одного русского слова. Ничего не понимает! – она вновь обернулась на своего мужа и вновь грязно по-русски обругала его.

– Понимаю, – ответил я, хотя и ничего не понял.

Конечно, Сен-Женевьев-де-Буа – это не Париж, а в Париже каждый день восстания, пикеты, забастовки, демонстрации: то против бомбардировок Югославии, то «жёлтые жилеты» требуют убрать камеры-регистраторы с дорог. Когда я уезжал из Парижа, жители города опять протестовали, не помню точно против чего – может, против расстрела Белого Дома в Москве, а может, против войны в Алжире, которая закончилась к тому времени уже давным-давно.

В день перед отъездом я снова, по непонятному для меня до сих пор внутреннему зову, забрёл в Лувр. Посетить зал, где висела Джоконда, я даже не смог – мне плохо стало уже при одной мысли об этом. А вот прилетев в Москву, прямо из аэропорта я поехал к моему другу Юрию Паркаеву в Староконюшенный переулок и, конечно, поделился с ним всеми своими парижскими впечатлениями. Но особое место я уделил своему неудачному общению с известным произведением гениального Леонардо.

Что удивительно – Паркаев вспомнил и рассказал мне, как он тридцать лет назад, выстояв многочасовую очередь в Пушкинский музей, попал на просмотр привезённого в Москву шедевра; портрет Моны Лизы он видел. И так же, как и у меня, после встречи с работой великого Леонардо у него долго болела голова. И удивительно, что Юра так же, как и я, объяснил этот эффект больной головы пресловутой отрицательной энергетикой, и никакого чуда кроме неё в картине нет. В тот вечер, который мы с ним удачно провели в ресторане ЦДЛ, он пообещал мне никогда не ездить в Париж. И действительно – после той нашей встречи он почти каждый год стал ездить летом в Италию.

* * *

Я как русский человек никаких зарокать давать никому не стал – Чехов не рекомендовал этого делать русским людям. И вот спустя несколько лет, в преддверии какого-то очередного юбилея, моя супруга озвучила мне своё единственное желание: в качестве подарка на день рождения она хочет получить поездку в Париж. Желание любимой женщины для нормального мужчины – закон.

И вот мы в Шереметьевском аэропорту стоим в очереди к регистрационной стойке за Аликом Кохом, бывшим председателем комитета по управлению государственным имуществом всей России. Этот когда-то сильно неуважаемый всей страной человек находился к тому моменту незначительного, но довольно тесного нашего общения в очереди уже под следствием, что наводило меня на мысль, что он решил просто слиться навсегда из страны, и, как оказалось впоследствии, был я не прав. Алик довольно экспрессивно разговаривал с кем-то по мобильному телефону, которые только-только начали входить в моду, быстро вытесняя примитивные пейджеры.

А уже после обеда мы заселились в отель «Гран опера» – это в самом центре Парижа, как и хотелось моей супруге. Отельчик был плохенький, но хотелось ей в свободное от централизованно запланированных экскурсий время побродить по старым улочкам и набережным Парижа: у неё уже целый план таких маршрутов и мероприятий был составлен.

Была ранняя весна, каштаны ещё не зацвели, но уже всюду зазеленели, и в воздухе этой парижской весной просто пахло. Мы бросили свои вещи в номере и спустились в вестибюль гостиницы, где должны были встретиться с нашим будущим гидом. В ожидании его мы вышли на улицу, чтобы просто всеми лёгкими вдохнуть этот парижский воздух. По проезжей части улицы тёк ручей, я бы даже сказал, что это была небольшая речка: где-то прорвало канализацию, точнее – засорилась она где-то. Это проблема всех старых городов с изношенной системой подземных коммуникаций, вот такие речки из фекалий вдоль тротуаров. В нашем родном городе тоже эти речки регулярно текут, и с ними борется городской «Водоканал», а может, и ещё какие-то серьёзные службы. Любопытно, что эти канализационные стоки везде пахнут одинаково, и совсем не каштанами.

Запомнился мне этот парижский пахучий поток невесёлой сценкой для зевак. Прямо на наших глазах, прямо перед нами, выйдя из такси на другой стороне улицы и переходя её, попытался перепрыгнуть этот вонючий ручей (не поверите!) господин Борис Березовский. И не получилось у него – не перепрыгнул. Березовский прыгнул, недопрыгнул, вступил одним ботинком в ручей и выругался. Стоящие возле входа в отель туристы поаплодировали Березовскому. Через пару минут мы могли его наблюдать сквозь стеклянную витрину уже сидящим в ресторанчике нашей гостиницы. Он оживленно жестикулировал и даже махал руками, что-то объясняя своему собеседнику.

Чтобы покончить с этим немаловажным аргументом, поясняющим мою нелюбовь к Парижу, надо отметить ещё два мелких штриха, случившихся с нами в тот день и на следующий.

Безумное количество гуляющих с хозяевами собак. Все парижане выводят своих питомцев гулять в одно время, и все собаки гадят в это время прямо на тротуар. Есть хозяева более-менее стыдливые, и тогда они ходят с совочком и пакетиком, убирая за своими братьями меньшими. А большинству парижан на этот факт наплевать – они платят налог за своих домашних тварей, и власти должны сами заниматься решением этой проблемы. Решают, но не всегда успевают, и иногда так вляпаешься, что приходится возвращаться домой, в смысле – в номер гостиницы, чтобы переобуться.

Злил меня этот фактор сильно. Я даже иногда стал присматриваться к парижанам, гуляющим с собаками: любопытно стало – какие они.

Вот идёт крупная негритянка (очевидно, что прислуга!) с огромным псом: то ли кавказец, то ли сенбернар, телёнок какой-то – не разбираюсь я в этих породах, но весу в нём под сто килограммов есть. И в негритянке сто килограммов есть, и даже больше, при росте сто шестьдесят. Это же надо видеть, как они друг друга презирают и даже ненавидят и смотрят в разные стороны. Она в сандалиях на босу ногу, курит сигарету через длинный мундштук, а пёс батон в пасти несёт, багет этот французский, метровой длины, перегораживая им половину тротуара, и картинка вырисовывается совсем комичная. Батон он собирается съесть, и вот они, и пёс и негритянка, выбирают место поуютнее для такого важного процесса.

Да что же я про собак-то? А то, что вступил я в тот вечер в то, во что вступать не следовало.

А ещё – на следующий день было Вербное воскресенье, и мы с супругой пошли на службу в храм наш православный Александра Невского. Вручил мне во дворе при входе в храм какой-то любезный мальчик вместо вербы веточку незнакомую. Говорит, что самшит. Стоим мы на службе в храме – народу прилично, но не тесно, не толкаемся. А только всё равно наглец один нашёлся: прёт, раздвигая локтями людей, куда-то прямо к царским вратам, словно чего там забыл. Жену мою толкнул. Я его обозвал шёпотом – уж не буду говорить как! А он обернулся с извинениями, и я увидел, что это Собчак. Да-да, Анатолий Собчак. И он также в тот момент находился под следствием.

Все они, что ли, которые под следствием, в Париж едут?!

И ещё один любопытный факт я выяснил для себя в тот день. Прямо напротив нашего православного храма Александра Невского располагается маленький антикварный магазинчик, и о нём надо вспомнить, потому что...

Вечером я спросил у нашего гида по поводу парижских знаменитых антикварных магазинов и лавочек и получил от него немного смутивший меня ответ, наполненный удивившими меня фактами. В Париже около полутора тысяч антикварных магазинов, причём только два из них торгуют русской стариной: иконами, фарфором, книгами, картинами. То есть все эти легенды про бешеный спрос на русские иконы за границей – голое враньё: русские иконы тут никому не нужны, так же как и русская живопись, и русские матрёшки. А вот африканскими деревянными масками торгуют пятнадцать магазинов, а почтовыми марками – триста!

Конечно, посетили мы и букинистов на набережной Сены, поковырялись в их железных ящиках. Сразу поняли, что это клуб, в котором интересно присутствовать лишь при условии, что ты всех знаешь или тебя все знают и тобой интересуются. А так... Ничего любопытного в этих ящиках металлических нет, кроме наборов полупорнографических открыток и игральных карт. Купил я, смеясь ради, на память маленький рекламный буклет, оформленный в стиле «пин-ап». Есть что-то общее с нашим плакатным стилем «сов-арта» шестидесятых.

От лёгкой на первый взгляд и ни к чему не обязывающей болтовни с Никитой Струве в магазине русской книги я получил куда большее удовольствие, чем от этих букинистических ящиков.

Потом мы поехали по их французским деревням замки смотреть: есть очень солидные, а некоторые – так себе. Наш Шереметевский в Юрине на Волге и даже Воронцовский в Крыму (хотя он и послабее) могут потягаться с этими французскими. Только вот дёрнуло же наших туристов, и мою супругу в том числе, попить их местного французского домашнего вина, пару кувшинов которого в какой-то деревне щедро выставил на стол хозяин местной харчевни, где мы обедали. Я мудро не стал этого делать, помнил наказ опытных людей – не пить в Париже дешёвых вин, а вот все мои коллеги по этому туру, я думаю, навсегда прокляли французское гостеприимство и французские домашние вина. Хотя кто-то мне сказал, что у них, у французов, просто желудки другие.

Моя супруга зареклась.

Заметил я ещё, что население Парижа меняется очень резко. Если буквально пять или шесть лет назад мой брат перечислил три пригородных района, где компактно обитали арабы и которые посещать не следует, то в этот наш заезд гид предупредил, чтобы мы по вечерам вообще по маленьким улочкам не бродили – бывают случаи, что арабы балуются и можно остаться без кошелька или без зубов. Агрессивность их повысилась. Так и сказал. Арабы – ладно, но он нам не сказал ничего про забастовки и демонстрации, а Париж бурлил. Несколько дней по центральным улицам нельзя было пройти – парижане возмущались бомбардировками, которыми НАТО подвергло Югославию. Я подумал о сознательности парижан и о том, что если бы вышел у себя в Нижнем Новгороде пикетировать такое событие, то меня бы за сумасшедшего точно приняли.

* * *

Опять снился Париж: катаемся на лодочке по озеру, мы с моим добрым знакомым, главным библиофилом страны, на вёслах, а мужик какой-то на корме сидит и нами командует. Я этого мужика не знаю, но Библиофил мне на ухо сказал, что это московский министр культуры. И вот проплываем мы мимо пристани маленькой, даже дебаркадером не назовёшь, а на пристани вывеска «Париж». Всё!

Уже потом я сообразил, что мы все трое самым непосредственным образом земляки.

Кто меня сосватал на Парижскую книжную ярмарку поехать – не знаю до сих пор. Просто в списках делегации себя увидел, когда мне этот список прислали. А потому ни подготовиться, ни отказаться не имел возможности – непонятно, кто меня туда включил и кому я там нужен, да и уровень делегации такой, что тут не откажешься. Просмотрел список членов делегации: весь цвет литературы современной России – даже перечислять не буду. Даже неловко оттого, что в такой компании оказался, стало – ни я ни с кем не знаком, ни меня никто не знает. Хотя один земляк есть. Решил я держаться к нему поближе, чтобы какой-то важный момент не упустить.

Поселили нас всех в приличном отеле наконец-то, в центре, рядом с храмом Святой Марии Магдалины. Из окна номера видны красные крыши Парижа, постельное бельё идеальное, бар забит спиртным, замысловатой французской выпечкой, телевизор работает, холодильник тоже.

Я сразу же хотел пойти на выставку северского фарфора – в планах такое было. Но Земляк мой подавил меня своей активной настойчивостью и, захватив с собой московского писателя Илью, мы пошли в гости к Ване Соллогубу, замечательному молодому, но уже зарекомендовавшему себя как талантливый русскому парижскому художнику. С Ваней была договорённость, и он Земляка ждал.

Когда вам исполнится семьдесят, не пытайтесь получить удовольствие от прогулок по городу с молодыми сорокалетними, спортивного склада мужиками – только трата здоровья и никакого удовольствия. Я не рассчитал своих сил, когда согласился на их маршрут. Сначала мы в темпе поднялись от гостиницы к храму Сакре-Кёр по каким-то незнакомым крутым улочкам, выкурили там по сигарете и побежали по ступенькам вниз. Ваня Соллогуб должен был дожидаться нас где-то тут на ступеньках.

Я не ожидал от моих друзей такой безалаберности в смысле договорённости о встрече. Но Ваню мы встретили. Он сидел на бетонном парапете в полугоре от храма, с каким-то безразличием обнял нас всех троих и заявил, что ждёт уже час.

Мы купили вина, за полчаса добрались до Ваниной мастерской, где Земляк с Ваней стали обсуждать его, Земляка, недописанный портрет, Илья пить вино, а я их всех фотографировать. Ничего интересного в мастерской этого русско-французского художника я не разглядел и не выяснил, кроме того, что он, оказывается, является прямым наследником Оболенских, Лопухиных, а также писателей Михаила Осоргина и Бориса Зайцева.

А ещё от Вани я с удивлением узнал, что его любимая книга – «Война и мир», но читал он её на французском языке! Разговаривать по-русски всех этих наших бывших русских родители учат, и сами дома все по-русски говорят, а вот читать их учили в школе и только по-французски! Ну, может, ещё по-испански.

В общем – портрет Земляка был пока не готов, и ему придётся приезжать в Париж ещё раз. Мы с полчаса вполне серьёзно обсуждали возможность проведения персональной выставки Вани в Нижнем Новгороде, хотя со временем идея эта как-то сама умерла.

На следующий день, уже на книжной ярмарке, я познакомился и с родителями Вани, и с его сестрой, которая приехала на автобусе из Швейцарии, где она работает в каком-то издательстве. Я всем им задавал один вопрос и получал один и тот же ответ: да, разговариваем мы по-русски, а читаем русские книги на французском.

Утром меня очень рано разбудил Земляк, он вошёл в номер какой-то помятый, заспанный и озабоченный:

– У тебя ничего нет пожрать? – спросил он.

Я был немножко шокирован, потому что знал о существовании такой болезни, а точнее, даже не болезни, а такого врождённого недостатка, как приступы агрессивного голода. Это как ломка алкогольная, наркотическая или никотиновая – самочувствие паршивое.

– Да нет, – ответил я, – а в кафе, внизу?

– Нет, там до семи закрыто. Я у тебя в баре чуть-чуть пошуршу, а ты давай поднимайся ко мне в номер, я тебя жду.

Он открыл бар и рассовал по своим карманам все шоколадки, печенинки и пузырьки с водкой, коньяком, пепси-колой и пивом. В общем, вытащил из бара всё и ушёл.

Я не торопясь сполоснул холодной водичкой лицо, натянул джинсы, какую-то майку, тапочки и пошёл к Земляку: он жил прямо надо мной этажом выше, но номер у него был попросторнее, да ещё и с огромным балконом. Это был не балкон, а свободный выход на какой-то очень большой участок крыши. С неё хорошо просматривалась значительная часть Парижа, точнее, крыш Парижа.

Кроме меня и Земляка, в номере оказалось ещё несколько человек, значит – Земляк не болен, а виновником всей суматохи был неряшливо и, может даже, несвеже одетый молодой мужчина лет двадцати пяти. Его звали Алики, он сидел и доедал мои шоколадки и кексики, запивая их водкой из маленьких бутылочек. Земляк сидел рядом с ним на кровати, и они вполголоса, но очень агрессивно что-то обсуждали.

Сначала мне показалось, что вся эта компания сидит тут, в номере у Земляка, с вечера, но очень быстро понял, что ошибаюсь, потому что он подтолкнул ко мне какую-то маленькую пухленькую дамочку никак не выше полутора метров ростом со словами:

– Девочка, вот у него всё спрашивай, а нам с Аликом не мешай – нам поговорить надо о серьёзных вещах, а не о Славниковой этой твоей. Старик, – это Земляк уже ко мне, – это хорошая журналистка из популярного парижского культурного еженедельника, поговори с ней, она хочет у тебя взять интервью.

И эта тридцатилетняя плюшка сразу прилипла ко мне:

– Ох-ох-ох, расскажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к творчеству Ольги Славниковой? Вы действительно считаете её одной из лучших писателей современной России? Где она живёт? Как она работает? Что у неё за семья?

Мне пришлось напрячься: я не знал, что это за журналистка и как с ней себя держать, – я ведь мог и Земляка подвести своими неразумными сентенциями! Я решил вести себя деликатно и предупредительно.

– Дорогая, – ответил я пухленькой журналистке, взяв покровительственный тон, – я не знаком с Ольгой Славниковой, я ничего не читал у неё, и я не уверен, что она лучший писатель современной России. Я даже не знаю, пишет ли она что-то сейчас. А она ведь в нашей делегации. Ты уже встречалась с ней?

– Да, я уже взяла у неё интервью, и мне хотелось узнать ещё и ваше мнение о ней.

– Дорогая, к сожалению, у меня нет мнения о Славниковой – я не знаком с её творчеством. Я даже не знаю, о чём она пишет.

Выручил меня один солидный прозаик, лауреат самых главных российских премий, который, так же как и я, случайно оказался в номере у Земляка. Думаю, Земляк у него с утра пораньше тоже из бара вытащил все пузырьки, а потом так же пригласил его в гости. Лауреат за руку буквально вытащил меня на крышу покурить:

– Дружище, перестань с ней общаться – толку от неё никакого. Скажи лучше, ты уже встречался с Мишелем?

– А кто это такой? – удивился я.

– Ты что? Мы все через Мишеля прошли! Это, пожалуй, самый интересный для начинающих русских литературный агент. Издательство «Галлимар» полностью доверяет ему. Тебе надо.

– Познакомь меня с ним, – обрадовался я.

– Завтра. Нет – прямо сегодня, отсюда же мы все едем на салон. Он там обязательно будет.

Мы пожали друг другу руки, рассчитывая, что один из нас, а может, и оба мы пойдём к себе в номера, но мы оба остались. Ушёл незванный гость Земляка.

Земляк вкратце рассказал нам историю Алика, его фамилию я точно не помню, но она звучала как-то совсем просто и в корне у неё была Москва: то ли Московкин, то ли Москвичёв – не важно. Важно, что он, член партии национал-большевиков, по заданию «деда» ещё с двумя пацанами совершили когда-то какую-то акцию и был впоследствии за эту акцию заочно приговорён нашим российским судом на пять лет и объявлен в федеральный розыск. «Дед» обещал помочь, выручить, спасти его, но, видимо, забыл про пацана, и вот – он уже полтора года сидит в этом проклятом воюющем Париже и живёт с клошарами чуть ли не под каким-то мостом. Документов никаких, денег нет – ни обуться, ни одеться, ни пожрать. Как он попал сюда, в Париж, я не стал спрашивать, но что-то защемило у меня внутри.

После завтрака вся наша делегация, а это человек пятнадцать (по фамилиям не перечисляю – боюсь кого-то позабыть, а писатели народ ревнивый и мстительный), направилась на заказном автобусе на знаменитую Парижскую книжную ярмарку. Тысячи, нет – десятки тысяч квадратных метров под крышей, сотни стендов различных издательств со всех стран мира: Бразилия, Кения, Венесуэла, Вьетнам, Алжир и ещё какие-то страны, о существовании которых я не догадывался. А главное – я не представлял, что там тоже кто-то пишет книги и кто-то их там ещё и читает!

У многих стендов идут перманентные автограф-сессии. Причём в очередях за автографами стоят по пятьдесят или по сто человек – и это не предел, и для таких очередей, как в аэропортах, сделаны специальные коридоры из лент, натянутых на невысокие металлические стойки. Но главное, что меня поразило, это очень большое количество писателей – чернокожие женщины в возрасте около сорока лет; именно к ним и выстраивались эти безумные очереди за автографами. Что это за писательницы-негритянки, я так и не понял, и объяснить это явление мне так никто и не смог.

Разыскать что-то или кого-то конкретного в этом безумном столпотворении без квалифицированной помощи было невозможно, и я болтался без толку битых пару часов, пока судьба не направилась сама мне навстречу. Я искал необходимого мне позарез литературного агента Мишеля. Он родился в Париже ещё до войны и чувствовал себя в этом муравейнике как рыба в воде, а потому по-умному надо было мне просто сидеть на нашем родном российском стенде и ожидать.

Между двумя самыми большими выставочными стендами, это стенды Индии и Бразилии, по центральному коридору навстречу мне шёл, улыбаясь, человек с моей книгой «Когиз» в руках. У меня в руках тоже была моя книга «Когиз», которую я планировал подарить этому великому литературному агенту.

– Я вас ищу, и узнал я вас издалека, господин наш будущий автор, – начал он на чистом русском языке, но с заметным акцентом, пожимая мне руку, – давайте где-нибудь присядем, выпьем кофе и поговорим о наших делах.

Мишель очень ловко провёл меня между какими-то драпировками или шторами, и мы оказались на территории большого кафетерия, и нам даже удалось усестись за каким-то столиком на два полужоуанных топчана. Кофе был паршивый, но не ради кофе мы здесь встретились.

Говорил мне папа, чтобы я никогда не хвастался и даже просто не сообщал малознакомым людям о своих связях, друзьях, близких – забыл! Буквально на первой минуте нашей встречи, только-только мы уселись за стол, я спросил у Мишеля, а не знаком ли он с Рене Гера, знаменитым парижским антикваром и коллекционером русского Серебряного века и русского зарубежья, который заезжал как-то раз ко мне в Нижний Новгород – его привозил ко мне Сергей Чуянов, наш местный журналист. Мне хотелось бы побывать у него в гостях здесь, в Париже, если Мишель поможет мне с ним встретиться. Я мог заметить, но почему-то не придавал значения этому явлению: во время моего краткого спича-вопроса лицо Мишеля наливалось, наливалось и наливались краской. А когда я замолчал, он встал из-за стола и, отложив мою книгу, заявил:

– Рене Гера – это самый дрянной человек в Париже. Это единственный человек в Париже, которому я не желаю здоровья. А вам, господин автор, я желаю успехов, – с этими словами Мишель развернулся и ушёл.

Так закончилось моё знакомство с великим литературным агентом. К слову сказать, с Рене Гера я вновь встретился лет через пять у нас в Нижнем Новгороде на каком-то книжном форуме, и я спросил у него про великого литературного агента Мишеля, попросив передать ему привет. Реакцию Рене я представлял, но не в таких красках. Рене Гера отозвался о Мишеле в таких терминах, которые я не рискну приводить в этом тексте. Но главное – по-моему, после этого разговора мои отношения с Рене Гера тоже были навсегда испорчены.

Результаты моей встречи с Мишелем были таковы, что я уже мог спокойно ехать к себе домой, в Россию.

Даже приём всей нашей писательской делегации в российском посольстве, а это – хрусталь, мрамор, бронза, барокко и приглашённое высшее русско-парижское общество, не смягчил мою печаль от этой встречи с Мишелем, на которую я возлагал надежды. Тем более что там, в посольстве, Земляк познакомил меня с великим писателем-эмигрантом Витей, который всегда издаека мне казался эдаким образцом аристократизма или, по крайней мере, интеллигентности, а на самом деле оказался обычным пьяным русским мужиком, чем очень разочаровал меня. Он плохо себя вёл, а когда он ещё и по-барски пригласил всю писательскую компанию плюнуть на посольство и поехать с ним допивать водку в ресторан, я просто сел в такси и поехал в гостиницу.

Я был не одинок в своём решении, но кафе в гостинице было уже закрыто, а есть хотелось. И вот мы с главным редактором одного из центральных столичных изданий решили пойти куда-нибудь перекусить или просто попить кофе.

Мы потом пересчитали по пальцам – обойдя наш квартал в поисках кафе, где можно было просто попить кофе, что зашли в одиннадцать заведений, и все они были забиты под потолок; они были забиты арабами и неграми, которые оборачивались на нас, как только мы входили. И если мы задерживались даже на минуту, в воздухе просто начинало отчётливо пахнуть агрессией и адреналином, как на молодёжных танцплощадках шестидесятых годов после десяти вечера.

Убив на поиски легендарного парижского кафе час, а может, и чуть больше, мы вынуждены были воспользоваться услугами вьетнамского ресторанчика: варёный рис, грязные, только что выловленные каракатицы, креветки, осьминоги и пепси-кола. Говорят, что все эти морские деликатесы ежедневно на самолётах привозят прямо из Вьетнама – ещё вчера они плавали в Южно-Китайском море.

Приехав домой, в Россию, я тут же слёг на две недели с сальмонеллёзом в больницу; сальмонеллёз – болезнь грязных продуктов.

Не люблю Париж.

* * *

Сегодня снова снился Париж – тёплый вечер, я сижу на веранде маленького кафе на набережной Сены и прислушиваюсь, как кто-то вдалеке поёт: то ли Жильбер Беко, то ли Ив Монтан – знаю, что поёт, но ничего не слышу.

Проза

Николай Юрлов

Николай Алексеевич Юрлов – красноярский литератор и публицист, выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького, работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, а также собственным корреспондентом газеты «Гудок». Автор многих книг, в том числе «110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара». Победитель профессиональных конкурсов «Журналистская Россия», «Сибирь – территория надежд», лауреат «Российского писателя» за 2016 год в номинации «Критика». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», альманахах «Енисей» и «Новый Енисейский литератор».

СЛЁЗЫ ЛУНЫ

(Из блогосферного дневника)

Самолюбие, которое слишком часто греется, со временем закипает и превращается в качественно новое состояние – многогрешную гордыню.

Афоризм

Однажды на чужбине Бунин как-то проговорился: мол, нет ничего лучше дневников, всё остальное – брехня, но возводить это заявление мэтра в абсолют я бы не решился. Есть у меня подозрение, что причиной столь неожиданного высказывания стал предмет воздыханий писателя-изгнанника. Дневник любимой ученицы чем не повод для комплимента, а истина это или просто красное словцо, – попробуй теперь разберись.

Но вот уже наш брат раздувает из этой фразы литературного слона, подводит под него смысловую базу: ах, дневники, дневники, в блогосферный век они и есть настоящая проза!..

Не у всех и не всегда, а только, видимо, у больших писателей лист бумаги становится тем самым безыскусным инструментом, с помощью которого можно заглянуть в тайники своей души. В известном смысле они могут оказаться даже потёмками, потому как чего только бумаге не доверяют. Опять же если брать литературных звёзд солидной величины, можно многое узнать такого, что покажется мелким, что не заслуживает внимания или выдаёт подробности, которые вовсе не для публикации.

В чём ценность дневника Льва Толстого, для меня, к примеру, вопрос: только ли в том, что у Маши пахнет изо рта? Для чего же автор заставляет нас думать о гигиене ротовой полости, видимо, и впрямь сильно запущенной в XIX веке даже у представителей дворянства? Но проблема гнилых зубов в личных записях властителя русских дум – это ещё полбеда...

Помню, не меньшее изумление вызвали у меня небезызвестные дневники Юрия Нагибина: маститый советский писатель изливал свою душу бумаге на протяжении целых десятилетий. И так основательно промочил исписанные листы, что сушить их не пересушить. И ладно бы они касались собственной биографии, сумбурного и параллельно-последовательного сожительства с женой и тещей!

Но только в этот порочный круг в записях о Михайловском оказались вовлечены и Пушкин, и старушка Осипова с дочерьми, и дворовые барышни-крестьянки, и воспетая поэтом Анна Керн. Всех сдал с потрохами Юрий Маркович в своих откровениях и даже принимающую сторону заповедника в лице Семёна Гейченко не пощадил. Гулять так гулять!

Бумага, конечно, всё стерпит, она любую исповедь примет на свою идеально чистую поверхность. Но толерантность того листа обманчива, ведь судить о написанном будет читатель, а он, как известно, не Господь Бог и озвученный грех вряд ли простит. Вот и меряй, писатель, семь раз, прежде чем

сесть за дневник: славу Юрия Олеши этот скользкий литературный жанр точно не принесёт. А вреда наделает – будь здоров!

Всё так, но, готовя свои дневниковые записи для «Берегов», я абсолютно никого не слушал. А вот что именно из моего послушания на практике получилось, пусть теперь оценит читатель...

Лапти

(Чем не сапоги-скороходы?)

Из века в век твердили и сейчас ещё твердят, что, мол, Россия лапотная. А ведь лапти – самая удобная обувь для ноги. Простолюдины в Европе, между прочим, в деревянных обутках щеголяли.

И что с их ножками-ноженьками стало, только одному ортопеду, пожалуй, известно... А в наших простеньких обутках – да хоть полмира можно обойти: у русских лаптей мессианская миссия!

Не чета

(Рекомендательное)

Если кто-то собирается к нам в гости (по доброй ли воле, или по казённой надобности), настоятельно рекомендую изучить вдоль и поперёк путевые очерки Чехова, отправляемые им из далёкого края в Санкт-Петербург, к Суворину. Они небольшие, по-детски непосредственные, полные дорожных открытий: европейскому читателю знать надобно, что *«Сибирь есть страна холодная и длинная. Еду-еду и конца не видать!»*

И что только после Енисея начинается вся красота сибирская с её бескрайней тайгой и лесистыми горами, идущими внахлест, бесконечной чередой друг за другом, с ложбинами и распадками, полными какой-то особенной таинственности...

Тайга настоящая, черневая, с высокотравьем во весь человеческий рост, она не чета обычному смешанному лесу среднерусской полосы!

Загадка жизни

(Одна памятная дата)

Был в России День благодарения Сибири, государственный праздник, который официально отмечался с 1881 года (если по новому, григорианскому стилю, то восьмого ноября). Но лишили, понятное дело, сибиряков и этого торжества.

А вот право на выкачивание богатств оставили за собой, и по-прежнему «Сибирь как колония», о чём твердил ещё истинный её патриот Николай Ядринцев в своей блестящей работе.

Нынешние власти вообще переплюнули всех предшественников: раздербанили Сибирь-матушку по федеральным округам. Теперь бывшая Тобольская губерния – это уже Урал, а прежняя Якутская область – это Дальний Восток. Вот она, география Садового кольца в сугубо невском представлении!..

Но особенно преуспел Егорушка Гайдарушка, когда публично заявил, что право на жизнь в Сибири имеет лишь стокилометровая зона вдоль Транссиба, а всё остальное – только вахтовый метод. Впрочем, сей человек никогда не умел «разрешать загадку жизни», а только такие люди, способные это сделать, как утверждал Фёдор Михайлович Достоевский, «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются».

Укоренились здесь и мы – стало быть, знаем (не мог же классик ошибиться), как быть с этой таинственной загадкой!

На качелях с поползушкой

(Этюд)

Пора листопада, когда осень славно трудится под Левитана, преображая с каждым днём живописное полотно тайги. И лишь ветер не может смириться с потерей этой драгоценной позолоты, закручивая опавшие листья в вихре прощального танца «бабьего лета», поднимая их вверх, точно

пытается вернуть к деревьям, на законное место. Может быть, это и есть те самые «пляски осенние», что когда-то привиделись Поэту?

...Я обедаю на Перевале, в природной столовой на Столбах, и делюсь с поползушкой своей со-сиской. Отложил на краешек, пусть остынет. Мясо птичка давно заприметила и теперь только и ждёт, пока за столиком не окажется никого – иначе спуститься с сосны не рискнёт.

Поползень, поползушка – нечто среднее между дятлом и синицей. С лесным «доктором» эту пташку роднит необычайная ловкость, с которой пернатая акробатка перемещается по деревьям, зависая вниз головой и ловко отработывая задний ход.

Как дятел, она добывает длинным клювом разную короedную живность и может сосредоточенно долбить больной ствол. Разве что стука на всю округу не услышишь, всё очень камерно и ювелирно у поползушки. Сама потому что кроха.

Наблюдаю за поползушкой и осторожно перемещаюсь в спортгородок, где обычно тренируются альпинисты, а сейчас качается на качелях восторженная девочка. Вверх-вниз подлетает, и сердце с каждым разом у неё замирает – от счастья, я думаю. Золотистые лучи играют в осенней кроне, на блестящих стальных цепях, и качели на Столбах мне кажутся по-настоящему солнечными...

Найдётся ли ещё место на земле, чтобы солнышко так приветливо нас качало и при этом благодарно пела поползушка? «Фью-фью-фью», – звучит её весёлая песня, птичке тоже захотелось на качели к ещё тёплым покамест лучикам!

Буран

(Набросок с натуры)

Есть такой колоритный глагол, характерный для диалектов северорусской полосы, – «буранит». Вчера буранило.

Обещанный с утра дождь на Перевале превратился в мокрый снег: крупные хлопья сыпались беспрерывно, так что в тайге попряталась всякая живность. Даже белки не промышляли, традиционно попрошайничая в заповеднике, – боялись промочить зимнюю шубку.

Уже сгущались сумерки, когда над распадком всё-таки появился крылатый хищник и хриплым, но жалобным голосом, точно малый ребёнок, раза три прокричал. То ли сожалел, что не видит никаких объектов каждодневной охоты, то ли удивлялся по-детски безмерному обилию пушистого снега.

А вместе с птицей (похоже, что она из породы ястребиных) дивился и я: зачем же ехать куда-то в заоблачные дали – в саянские горы, которые в шаговой доступности, тоже пришла мягкая, почти европейская зима...

Видение

(Аналогия)

В заснеженном парке, среди деревьев, ещё с ночи преображённых обильным куржаком, я встретил огромного дога, которого хозяйка заботливо укутала в тёплые одежды; издалека, на фоне ослепительной белизны, пёс сильно смахивал на коня, потерявшего своего рыцаря в Ледовом побоище.

Сколько их тогда бродило на поле брани, этих лошадей, укрытых в латы, с белёсыми попонами, с прядающими, настороженными ушами, и, как знать, может быть, именно такими и были последние мазки княжеского триумфа при сдаче уцелевших псов-рыцарей в русский плен?..

Кануны

(Миниатюра)

Возле рубленой часовенки, что стоит на берегу таёжного ручья, зацвела верба. Пока выборочно, только на самых кряжистых стволах, которые никак не назовёшь обычным кустарником, настолько высоко они устремили свои жилистые ветви, обрамлённые как будто для изящества серебристыми барашками. Купола, верба, небосклон – всё купается в лучах солнца, а его сегодня за городом даже с избытком.

По меркам сибирской весны, верба зацвела слишком рано, но ведь там, в небесной канцелярии, чётко знают, где и когда, в какой даже час, – Вербное воскресенье же скоро!

Чистую лазурь, без единого облачка, высоко над моей головой чертит реактивный лайнер, разрезая небо и стирая наспех сделанную подпись.

Я смотрю, как она вслед за самолётом медленно растворяется в вышине, исчезает как белый дым; кажется, что чья-то очень чистая душа пролетела, сделав видимым для нас, грешных, свой нательный крестик.

Дикие часики

(Тайга весной)

Как я ни торопился, а всё же не успел к нужному сроку: в горах уже отцветает прострел. Теперь ему на смену спешат дикие фиалки; золотистым колером они украсили унылую подстилку берёзовых рощ, что вплотную подступили к северному склону Торгашинского хребта. Взобраться же на самую вершину фиалки не торопятся, да им и незачем: под покровом молодой листвы не так сильно палит солнце, влаги достаточно и цветкам вольготнее.

Мне, равнинному человеку, нежно-жёлтые венчики посреди берёзового леса и сухих валежин больше напоминают обычные лютики. И первое, что тут же приходит на ум: лютики – это фиалки, которые однажды спустились с гор, а теперь, оказавшись в унылых таёжных низинах, тоскуют по былой высоте.

Возможно, именно поэтому красивый цветок напитался ядовитым, поистине «лютым» соком, а убери столь вескую причину, и растение разом поболеет, резко изменив свою судьбу. И тогда можно будет без опаски брать его в букет, как и ту душистую черёмуху, запах которой чувствуется за версту, пока Мокрым логом не одолеешь наконец-то долгий подъём...

Черёмуха и дикая яблоня цветут всюду и в других лощинах, но с вершины хребта бесполезно вглядываться в палитру весенней тайги в надежде увидеть в ней пышную белизну: единственный цвет – бесконечная зелень, уже создающая маскировку для осторожной живности. Правда, рельеф очень разный. Как будто в давние-предавние времена кто-то долго трудился над его созданием, а потом терпения не хватило, занятие пришлось прекратить и в сердцах всё раскидать, точно пазлы, изрядно надоевшие. Кто это был? Может, царь Енисей, своенравный властитель Саян? Но даже эта ландшафтная «незавершёнка», горные перекаты огромного моря тайги впечатляют!

На вершине хребта с раннего утра усердствует ветер. Накануне в процессе упорной работы ему удалось обрушить довольно крепкую берёзу, согнутую в дугу майским снегопадом у самого входа в лощину, и его порывы готовы приняться за иной, более ювелирный труд – с корнем вырвать ещё цветущий прострел и поднять над каньоном эти крохотные парашюты с их ворсистыми стропами. Но хрупкий, почти невесомый прострел, облепивший южные склоны, далеко не единственный первоцвет на альпийских просторах Куйсумских гор.

Я нагибаюсь, чтобы пощупать руками редкие для середины мая гвоздики – до глубокой осени эти миниатюрные «часики», пристроившись где придётся, даже на камнях, будут радовать глаз человека.

Мне понятен этот указующий сигнал диких гвоздик: время цветочного сезона в Саянах начинается отсчёт!

Зинзивер

(Песня крохотной птахи)

Человек есть существо многоэтажное, сказал однажды русский философ, который по воле божьих властителей был выдворен на чужбину. Он, конечно, имел в виду не только природную сложность, но и многоуровневый характер личности, её верхние этажи и нижние – сознательное и подсознательное. Но с ростом больших городов разве не пророчески звучат слова мыслителя насчёт этажности?

В каких только высотках не живёт нынешний человек: пять и даже девять этажей – это, можно сказать, никакая не высота. Ей на смену пришли небоскрёбы, их всё больше и больше в каждом

городе; всё в этих строениях пригнано как надо, никаких щёлочек не найдёшь между блоками и, стало быть, не поселишься в них, если тебе суждено появиться на свет божий крохотной птицей...

Я думаю об этом часто, когда слышу голос пернатого соседа, что поселился где-то наверху моей лоджии. Сольным пением эти звуки не назовёшь – не поют в гнездовьях городские птицы, осторожничают, скрывают от глаз людских своё жилище, и правильно делают: много опасностей сулит близость с человеком. Возможно, именно поэтому, по причине недостаточного распева, владельца самой маленькой квартиры в большом многоэтажном доме я по ошибке принимал поначалу за воробья. А в итоге им оказался белощёкий «зинзивер» – так в народе называют большую синицу. Тут, я думаю, удивятся знатоки русской словесности: да это же крылатый герой поэта, считавшего себя самым Председателем Земного шара!

«Цу-ить, цу-ить», «дзин-дзи», – выводит на верхах мой зинзивер, когда уже впорхнул в жилище и отдыхает от трудов неустанных в поисках скудного прокорма. Я стараюсь теперь не сильно «фонить» в квартире: пусть не пугается птица, пусть ей будет в этих скрытых апартаментах хорошо. И ещё, конечно, возникает одно неперемённое условие в связи с моей синичкой-жиличкой, но уже скорее от Экклезиаста:

«Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твоё, и крылатая – пересказать речь твою».

Чистый понедельник

(Об эталонах)

Жизнь продолжается, несмотря ни на что – ход жизни (*Curriculum vitae*) никто не отменял...

С умилением наблюдал, как мылись в луже талой воды голуби и голубки, чистили свои пёрышки со всей основательностью, точно они тоже знают, что сегодня Чистый понедельник – первый день Великого поста.

Птицы были так заняты своим купанием, которым одарил месяц март, что ни один из голубей не воспользовался возможностью, чтобы грациозно похорохориться перед голубками, – на все ухаживания по случаю банного дня объявлен мораторий.

Я глядел на эти птичьи купания, и мне вдруг тоже захотелось водных процедур. Что там эта ванна! Хорошо бы в русскую баньку, как делали наши предки, а потом, после парной, соизмерить свои помыслы с эталоном вечной чистоты, предложенной нам Христом.

Но «не убий», «не укради», «не желай дома ближнего твоего» – эти его заповеди более всего даются нам с трудом, и я с тревогой гляжу в ночное окно, где ранним утром на небосклоне начнёт всходить кровавый Марс...

Дипломат

(Житейская история)

Ехал я как-то Московским трактом. С двух сторон его обступили лесные великаны: ёлки высокие, сосны разлапистые, всё в белых одеждах. Снег отовсюду – мелкий, неукротимый, он валит и валит с неба, бежит позёмом впереди тебя...

А попутчиком моим оказался машинист-кочегар силовой установки, дающей в отдалённое сибирское село тепло, стало быть, и жизнь. По дороге он достал термос, а когда открыл его – запах густой заварки оказался настолько сильным, что мог бы пробудить каждого, кто задремал.

– Чай девятилетний, – сказал мой кочегар и при этом пояснил, почему его напиток именно такой: – Вот уж девять лет, как «завязал»...

Его рассказ о прошлой жизни, как он боролся с похмельем и пил напропалую целых три года, принимая по два литра самогонки ежедневно, иначе бы и лопата, швыряющая в топку уголёк, выпала из рук, меня, конечно, удивил. Подумать только, какие в нашей глухомани живут и здравствуют богатыри! И ничего-то их не берёт, никакая нынешняя зараза! Составители той самой книги рекордов, где вы?

Но ещё больше поразило увлечение кочегара. Чтобы рядом с языкастым пламенем, способным пожирать всё, что ни клади, жизнь стала веселее, а скука надоедливая больше не мучила, он решил перейти на чифирь и как бы между делом выучил назубок столицы всех государств. Их нынче на белом свете столько, что и путешествия моего не хватит, если все перечислять, да ещё и комментировать каждую победу кочегара.

– Вот какая столица в Мозамбике? Ну что, лапы вверх? А в Кабо-Верде?

– Кабо – вверх!

В зимней дороге всегда приходит в голову какая-нибудь мысль. Как же без мысли-то? А здесь она была такова: вот если экзаменовать кочегара на чрезвычайного и полномочного, то ведь наш дипломатический корпус получит ценного работника. Не нами же сказано, что кадры, овладевшие техникой, решают всё. А кочегар мой за девять трезвых-то лет ей в совершенстве овладел, да и в Кабо-Верде белого человечка заждались...

Комок на асфальте

(Смерть и выводы об этом)

На пешеходной дорожке, почти вплотную примыкавшей к продуктовому киоску, среди старых клёнов, закатанных в асфальт, я чуть не наткнулся вчера на шерстяной комок, у которого отошла, расползлась ниточка. Но это была крыса с длинным хвостом, она замерла без движения, затихла как вкопанная, и первое, что я подумал: смог ли бы с ней справиться мой бобтейл, которому бы наверняка эта схватка далась нелегко, ведь лишился он у меня верхнего, рабочего клыка...

А потом я отогнал эту мысль, потому как увидел, что крыса умирает, и каждое движение даётся ей тяжело; она завалилась даже на бок, подмяв под себя хвост, но была ещё в состоянии вернуться на четыре лапки и глядела на меня осознанным взглядом, точно говорила: «Смотрите, люди, я умираю, и это сделали вы, и только через вас пришла моя смерть...»

Крыса – это символ. С какого такого корабля современности она побежала, и где искать нам этот «Титаник» среди армады плывущих пока ещё судов? Конечно, я с таким выводом никак не согласился и двинулся от умирающего комочка на асфальте дальше, своей дорогой.

Крыса – тварь умная, и, живя рядом с человеком, она всё про нас знает, хорошо изучила наши повадки и наверняка осведомлена, что на миру и смерть красна. Остановимся пока на этом...

Слезинка

(Созерцание девочки)

В городском автобусе я видел слезинку ребёнка. Это была маленькая девочка с косичками, в русых хвостиках у которой были вплетены белые мотыльки – возможно, похожими запечатлёнными ангелами мы увидим их в райских кущах, если сподобимся к созерцанию доселе невиданного и радостного, должно быть, события.

Слезинка уже проделала на щеке дорожку, но всё ещё была объёмна и чиста, и весьма кстати подходила для этой, казалось бы, избитой на сто рядов метафоры: «чиста, как слеза». Если чиста, то именно у ребёнка, подумал я, потому как детские помыслы бывают поистине чисты.

И ведь более всех именно малые дети радовались въезду Господа нашего в град Иерусалим, и, в отличие от взрослых, они не кричали потом: «Распни его, распни!» – не предавали за обещанные монетки Иисуса Христа.

Девочку тянет за руку бабуля, на следующей остановке им выходить, а я всё ещё наблюдаю за слезинкой. Скоро её безжалостно размажут по лицу: если не девочка, так хладнокровная бабуля – жизнь слезинки ребёнка бывает слишком уж коротка. В противном случае можно и впрямь убедить народ в несовершенстве этого мира, где как будто из-под земли выскакивает торговый зазывала с мегафоном и кричат во всю Ивановскую для созерцателей вроде меня о том, что Чистый четверг и чистые скидки во всех балаганах.

Радение лету

(Что-то вроде оды)

Ни одна социальная революция, какой бы она ни была: пролетарской, в кровоподтёках, или же бархатной, но в воровских перчатках, – не делает людей равными, как этого великолепным образом достигает туризм. Но именно пеший, прогулочный, хайкингом ныне именуемый в угоду нашим извечным недругам.

Здесь, «на лоне счастья и забвенья», люди разных возрастов, имущественных положений, вероисповедания и природных дарований, как умственных, так и физических, становятся участливыми и благожелательными друг к другу. Как будто мы уже построили новое общество, общество будущего, не хуже райского...

Особенно отзывчивы на этих пеших прогулках фемины, поющие радость наступившему лету. Жаль только: коротко оно в Сибири, и не продлишь, не пролонгируешь удовольствие, заключив на паритетных началах союз с небесными силами об этом радении...

Вечная подружка

(Солидарность с планетой Земля)

В день полного лунного затмения, фаза в фазу, я шёл по скошенному лугу, вкушал запахи разнотравья, слушал рулады потревоженных косовицей кузнечиков и ждал обещанную по такому случаю грозу. Но по-прежнему было ясно, лёгкие облака группировались только на западе – казалось, ничто не предвещало дождя.

Он возник ниоткуда, и сколько бы я ни всматривался, сколько бы ни искал происхождение дождя, ничего на небосклоне не нашёл. Потому-то мне и подумалось, что это был не просто дождь, а прокали с космической высоты слёзы Луны. Это она в силу естественных обстоятельств вошла в земную тень и там, в других точках планеты, куда уже нагринула ночь, просматривается в виде тревожной картины – кроваво-красный диск, больше похожий на воинственный Марс.

Что предвещаешь ты нынче, вечная подружка Земли? Это твои просторы романтики дальних странствий окрестили Морем Изобилия, а сопредельное Море Кризиса придумал, конечно, нехороший человек, чтобы свои нерешённые проблемы вывести как можно дальше, на околоземную орбиту. А может, ты и за спутницу свою решила заступиться и ради космической солидарности вместе с ней всплакнуть? Ей-то с обществом потребления земных благ живётся труднее всего...

Редкие капли дождя, посетившие окрестности губернского города N в день затмения, конечно, не дали мне ответа и не смогли напоить живительной влагой этот уголок земли на великом пространстве Сибири, но пролились они, думаю, не зря. Сочинил же я для чего-то эти «Слёзы Луны»...

Философ

(Рецепты мужского здоровья)

Встретил старого знакомца, служившего когда-то по ведомству, на котором, говорят, вся Россия держится. Должность он занимал немалую, генеральскую, но сила непреодолимых обстоятельств заставила его потерять интерес к жизни. А когда такое случается, то ищут замену и находят её, как потерянную истину, – в вине.

Стал он человеком перманентно пьющим и, естественно, философствующим. Вот сегодня говорил про здоровье мужиков, которое совершенно предсказуемо. Это у женщин вечно всё не так, а сильный пол можно легко просчитать. Даже к доктору не надо наведываться, а при ковиде и прочих напастьях это и вовсе становится неактуально.

– По бабам не ходишь – простатит, – глаголил он, разложив всё по полочкам, и только что пальцы не загибал. – Водку пьёшь – печень...

Он как-то упустил про сердце, отчего сердце-то у мужика может забарахлить, но я догадался – от работы, когда ушёл в неё с головой, окунулся по шее, точно страус.

Хоть немного пообщаешься с перманентно пьющим и сам, глядишь, каким-нибудь философом станешь. А если не философом, то человеком очень догадливым, ну и мудрости достаточно хватанувшим.

Напевы

(О песнях вещей)

Знаю одну даму, которая в бытность свою маленькой девочкой пела песню «Ах, Коля-Николаша...».

Пела везде, где только детской душе было угодно: дома, в общественном транспорте, говорят, и в школе тоже, а в садик она совсем не ходила, законченной индивидуалисткой росла. И напела – суженый-ряженный объявился, и, как водится, звали его Николаем.

Знаю одного мужа, который в ванной, во время водных процедур, систематически пел «По диким степям Забайкалья». И тоже напел на свою выю: тот самый край, который теперь у нас совсем переиначили (к Дальневосточной округе уже отнесли), предстал во всей красе хребта Яблонowego и дикости местных нравов. Речь-то в песне шла о бродяге, судьбу свою проклинавшем...

Знаю одного литературного героя, который по воле Юрия Карловича Олеши до сих пор поёт по утрам в клозете странные песни без мелодии и слов с непонятным испусканием звуков «та-ра-ра». Логика исторических событий в России такова: напоёт себе этот колбасник Бабичев не что-нибудь – револьверные выстрелы тридцать седьмого.

Но вы не пугайтесь: что бы из того ни случилось, смело пойте, коли сердце просит. И даже не сомневайтесь: вас непременно оценят. Если не здесь, то в ином измерении, где всё видят и всё про всех знают, всю подноготную. Там не ограничиваются слепыми прослушиваниями и воздают каждому по его спетым песням!

Махорка

(Из записок некурящего)

Войну, конечно, я не помню (это сколько же нужно пожить на белом свете, чтобы помнить её?), но я помню махорку, войне сопутствующую, входившую в солдатский паёк, а человек, который знает, что такое махорка, по праву может быть отнесён к редчайшей категории людей нашего времени, это уж точно – последние из могикиан.

Помню, как крупка набивалась в самодельный кисет, расфасованная в тонкие бумажные пакетики на табачных фабриках, а потом от неё дико кашляли наши отцы и деды. Она была намного сильнее «Беломора» – самых крутых папирос сталинской поры боевого калибра 7,62 миллиметра. Сохранились даже народные предания, что с махоркой можно было вести победоносную войну против насекомых: тараканов и клопов, и ни один из них, закалённых суровой советской действительностью, не выдерживал натиска, познакомившись с этим убойным табачком. Махорку сворачивали в самокрутки, на эти цели шла преимущественно партийно-советская печать, но «Огонёк», к примеру, уже не годился – там использовалась другая бумага, и заядлые курильщики это знали. А вот газетная, желтеющая на следующий день после выпуска, приходилась в самый раз!

Можно сказать, махорка и партийно-советская печать были сёстрами-близнецами, и я это понял, когда поработал с архивными материалами победного сорок пятого года:

«Махорка – трудоёмкая, но очень важная культура, – призывала в середине мая, в разгар весеннего сева, районная газета «Сталинец». – План посадки её должен быть выполнен безусловно каждым колхозом».

Я живо представил себе этот колхоз, который в условиях Сибири пытался всё же вырастить затратную агротехническую культуру, спущенную по разнарядке, как потом, следуя указаниям товарища Хрущёва, будут спускать в немыслимых масштабах и кукурузу, «царицу полей». Перед моими глазами возник и горе-редактор, который по ходу дела уже догадывался, что его писанину деревенские мужики пустят на раскур. Любопытства ради ему, конечно, хотелось бы узнать, а набивает ли махоркой трубку сам товарищ Сталин. Но это была крамольная мысль, и гнал её уцелевший от чисток боец идеологического фронта как можно дальше, абсолютно уверенный в том, что никакая внешняя изоляция нам не страшна, если страна – единый большой колхоз, производящий у себя дома всё, ис-

ключая разве что атрибуты буржуазной моды – пресловутые колготки. Да и зачем они неутомимым советским труженицам, которых партия, наш рулевой, не сегодня-завтра бороздить безбрежные просторы Вселенной позовёт?

Пони и нищий

(Где ты, Неразменный рубль?)

Возле автобусной остановки стояла привязанной к перилам маленькая лошадь, на которой обычно катают малолетних детей. Она была совершенно одна – девица-индивидуалка, нещадно эксплуатирующая четвероногую рабыню с утра до вечера, особенно по выходным, куда-то делась, и самое добродушное и миролюбивое животное в беспокойстве прядало ушами. Взгляд умных глаз точно говорил: пусть уж лучше поскорее явится хозяйка и снова мне придётся поработать, чем неясность и одиночество!

А в ожидании худшего, от чего животное абсолютно не застраховано в людном месте, маленькая лошадь слегка пригнула заднюю ногу. Пони была, конечно, без подков (до того ли девице-то, да и где сейчас настоящие кузнецы?), и копыта у животного, украшенного для антуража красной попоной с седлом и жёлтой опушкой, кое-где поизносились, но даже и в этом ущербном виде лошадиное «оружие возмездия» вполне бы себя оправдало.

Я с умилением рассматривал пони, которая с рождения, едва вскочив на ноги, уже усвоила одну простую истину: нас не трогай – мы не тронем, а затронешь – спуска не дадим. Без хозяйки-то к кобылке, пожалуй, и не подойдёшь, чтобы покормить хотя бы хлебом, овсом-то я нынче не богат...

И пока я наблюдал за пони, за мной, оказывается, тоже наблюдали. Это был городской нищий, ещё относительно чистый, не утративший правил приличия, где-то даже интеллигентность во внешнем облике, потому как очень уж вежливо, с пожеланием доброго дня, обратился за помощью, полностью уверенный, что вот этот человек не откажет: лошадок-то вон как любит...

Я протянул ему сотку (её должно было хватить на жирный чебурек, а на его покупку нищий и просил), но потом всё-таки пожалел. Пожалел, что это не тот Неразменный рубль, который, сколько его ни трать, всё равно он остаётся у тебя и можно уже ничего более на улицах не просить, а богатство так в руки и поплывёт, прочь отогнав нужду...

Птица счастья

(Настроение)

...В тот день я был особенно счастлив, но понимал одну простую вещь: чтобы счастье от тебя не ушло, нужно сделать доброе дело.

Тогда я купил овсяных хлопьев и высыпал их на плитку перед служебным входом в магазин, дабы оградить птиц от идущих прохожих. Через минуту появились голуби, но летели они не к тем вкусным кучкам, которые и должны были их притянуть, а к моим ногам – птицы могут быть благодарными.

Я смотрел на моих сизокрылых друзей и думал, что каждый из них и есть птица счастья, а не та, о которой когда-то, ещё в прошлом веке, пел досточтимый маэстро Гнатюк.

Моя землячка

(Как послание с далёкой родины)

В заветном местечке моего отдохновения, где лиственницы плотным ковром устлали сырую землю золотистыми иголками, я встретил серую ворону и точно получил весточку с далёкой родины. Не водится этот вид на востоке Сибири, никогда практически не залетает, и как же ты, сизо-чёрная голубушка, оказалась там, куда заносит нелёгкая только твоих смоляных сородичей, кого многие по незнанию принимают за мудрых вóронов-долгожителей? Но вóрон звук издаёт булькающий, а ворона каркает: во всё воронье горло, если верить дедушке, известному нам по школьному курсу седовластному баснописцу.

Помню, как я осчастливился, когда увидел серых ворон, подъезжая поздней осенью к Ишиму; в поисках добычи они скакали на тоненьких ходульках по станционным путям. И это был первый

сигнал, что Урал уже скоро, а там, глядишь, и моя Вятка покажется. Но ни тогда, ни теперь ничего съестного у меня под рукой не оказалось, и я не смог порадовать пернатых землячек, да и нынче только глазел, как холодный ветер, задувая, топорщил серую птичью грудку, как будто хотел подарить мне на память маленькое пёрышко и тоже, вместе с вороной, приглашал в дорогу.

«Почему люди не летают, как птицы?» – эта риторика трагической героини, сравнимая с вопросом принца датского, звучит в России уже полтора столетия. Наш человек научился летать на аэропланах разных конструкций, но так и не изобрёл для себя крылья, подобно ангельским, заплечным, чтобы можно было уложить их в рюкзачок и при случае бесшумно и прямо с места подниматься ввысь и устремляться в далёкое путешествие, куда глаза глядят и куда душа пожелает.

Если такая левитация когда-либо случится (а она, я уверен, произойдёт!), то это и сделает человека свободным, перемещая его удивительным образом в воздушном пространстве. И что нам тогда какая-то ворона, каждый ощутит себя настоящим орлом, а то и вовсе гигантским кондором, взмывающим высоко-высоко и парящим над просторами бескрайнего Отечества.

Продолжатель

(Чья новация-то?)

Современные историки непомерно превозносят роль Столыпина, делая из него великого реформатора, забывая о том, что всякие реформы выходят боком для России-матушки. Но даже переселение в Сибирь не было новацией Петра Аркадьевича, поскольку ещё в 1889 году столь грандиозное начало этому делу положил император Александр Третий.

Переселение народов на казённые земли восточных окраин государства Российского было жизненно необходимо как обеспечение строительства Великого Сибирского пути – самого масштабного не только в отечественной, но и во всемирной истории инфраструктурного проекта. Не превзошли ведь до сих пор!

Старт великому заселению Сибири – и уже не за счёт ссылки и каторги – дал русский царь-богатырь, а председатель кабинета министров его наследного сына это начинание лишь продолжил. Как ни крути, но такова правда Истории, и её никак не поместишь в пресловутый «стольпинский вагон», в котором тряслись по Транссибу двадцать лет спустя после царского указа переселенцы второй волны, выехавшие из центральных губерний...

Пыль времени

(Ошибаются всё-таки летописцы)

Для новой документальной книги листал подшивку тридцатилетней давности одного крутого большеформатного издания, которое, помнится, очень кичилось могуществом печатного слова. Кичилась им и пишущая братия, повторяя, точно мантры, нужные идеологические установки.

Абсолютное большинство из всего того, в чём летописцы минувшей эпохи своих читателей увещевали, не выдержало проверку временем. Новоявленный царь Россию не возродил (он даже урезал её в границах), рынок и демократия нас не сделали свободными, а раба из себя мы выдавливаем так долго и основательно, что, того и гляди, от этих маленьких капелек может ещё один потоп случиться, даже сильные мира сего на своих персональных ковчегах далеко не уплывут...

И, придя к этой мысли, я долго мыл руки, пытаюсь смыть наносную пыль времени, но никак не решался спросить себя: а на моих-то ладонях разве не остались невидимые песчинки минувшей эпохи, микронные доли которых глубоко, теперь уже, возможно, и до конца дней, врезаются в линии одной-единственной – моей жизни?

Писатели и толкователи

(О сновидениях человека)

Литературные критики мало чем отличаются от медиумов – толкователей снов. Одни пробуют объяснить бессознательное, а другие пытаются постичь тайны творчества, навязывая читателю то,

чего в сочинении даже близко нет. При этом у толкователей хорошо получается дурачить не только публику, но и озадачивать всех, кто сражён Морфеем или подсел на Пегаса.

И всё-таки как заманчиво самому оказаться в одной из этих ролей, а то и двух сразу, как это произошло в случае с Алексеем Ремизовым, который одним из первых начал доказывать связь русской литературы с характером сновидений и толковать их в творчестве наших классиков. И потом долго, до конца жизни, остался верным столь необычному хобби, отводя в «дневниках мыслей» им, ночным видениям, страницу за страницей. И даже в самую трудную пору, в период немецкой оккупации Парижа и страшной нищеты в жизни писателя, находил возможность отметить между воздушными тревогами («алертами», как у автора) наступление нового и трудного этапа в творчестве, когда «что-то снится, но не помнится». Пожалуй, это и была настоящая драма престарелого эмигранта, который уже определённо был готов захлопнуть дверь, ведущую к культурным тайнам блистательного века.

У меня на данном жизненном этапе тоже со сновидениями не слишком густо. Но вот приснилась тут как-то лиса: она тёрлась возле ног, ластилась как преданная собака и как пёс неистово залаяла, точно предупреждая о чём-то. А предостерегала рыжая бестия от обмана – это я и без сонника понял, куда давно уже дал себе зарок не заглядывать, чтобы не тешить проклятую нечистую силу, дабы она (перефразирую несколько Ремизова) моим конституционным строением не завладела.

И ведь точно: в тот же самый день меня пытались обмануть по-крупному, имущественно (на то он и рынок, чтобы обводить вокруг пальца всяких там околословесных лохов!), но не поддался я.

Так что есть нам польза от игривой лисы-лисоньки, приходящей порой в сновидениях, и «взвизгивающего» (укладка локонов такая!) кудесника русского слова Алексея Михайловича Ремизова!

Бредень

(Сличая прошлое с настоящим)

Господа нигилисты, сотрясатели устоев, так обожествляли народ, что, чувствуя свою вину перед ним, оказали ему медвежьёю услугу, вовлекая в ряды бомбистов самых разных его представителей. И если литературный Рахметов спал на гвоздях, то вятский мужик Степан Халтурин его переплюнул. Устроившись краснодеревщиком в Зимний, в ущерб своему же здоровью он спал на динамите, чтобы однажды царский дворец взлетел на воздух. Даже на искусство, которое, как потом выяснилось, принадлежит всё-таки народу, террористу было наплевать...

Беда Степана в том, что он хоть и вышел из народа, но вместе с нигилистами так и не понял, что именно в поисках счастья и лучшей доли будет полезно народу. Вряд ли этот народоволец читал «Войну и мир», где классик уже обозначил грядущую перспективу устами своего героя с идеалистическим именем Платон: «Счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету...»

Бредень революции для человеческого общества абсолютно губителен, улов здесь блеснёт лишь на первых порах, а потом вода становится не столько мутной, сколько ужасающе кровавой.

Нынче мы живём опять же в небывалое для России и всего мира время – эпоху искусственно созданного капитализма, конструкция которого крайне зыбка, потому как происхождение капиталов чрезвычайно таинственно. Чтобы схватиться за бредень, теперь не требуются даже господа нигилисты – достаточно одного Интернета, он лучше всякой партии «распропагандирует» массы, которым уж точно надоело жить по-старому.

Но вся проблема нашего непонятого царства-государства в том, что и жизни по-новому, исправляя те же ошибки приватизации некогда общенародной собственности, никто предложить не может и не хочет. А когда нет идеи, тогда и голова не работает, и у народа остаётся одно – инстинкты, и без того раздутые самой же властью: обогащайся кто может и как может!

Вот и получается, что в модели либерального устройства России, предложенной демократами в ходе «тихой» революции в 91-м, уже заложена атомная бомба. Кто это сделал? Только не Ленин!

Тушёнка на привале (Похвальное слово «Завтраку»)

Вкусовые ощущения всё-таки самые сильные, они настолько прочно внедряются в подсознание, что вряд ли оно с ними распрощается. Какой-нибудь инсулиновый дедуля, возможно, и не вспомнит, в каком году на свет появился, а запах пшеничной водки, пропущенной под малосольный огурчик, будет преследовать его до гробовой доски.

Уже и государства того нет, а я помню запах ржаного хлеба, испечённого бабушкой в русской печке, мне не забыть аромат, исходящий от «слоников» производства Иркутской чаеразвесочной фабрики, и вкус «Завтрака туриста», аппетитно вскрытого на привале, – всё это никак и ничем не перешибёшь. И как бы ни пыжились господа-товарищи, утверждая, что только резиновые галоши и производил тот самый Союз, меня на этой «демократической» мякине не проведёшь. И агитировать за преимущества строя, который только и делает, что гонит для прибыли избранных мира сего «незабываемый» суррогат всего и вся, меня тоже не надо.

Я приму и эту, и любую другую общественную формацию, но лишь в том разьединственном случае, если вдруг откажут вкусовые рецепторы – только им можно абсолютно доверять, обдумывая своё житьё-бытьё!

Барабанная трель дятла (Программное)

По тропинке, идущей к Серебренниковскому ручью, среди зимней тишины леса, которая при полном безветрии может показаться несколько настораживающей, я услышал стук дятла и долго не мог понять, где же трудится он, бедолага, больной на голову от непомерных усилий.

Взгляд искал птицу на верхушках деревьев, но там его и в помине не было: вкалывал чёрно-пёстрый санитар почти у самого основания раскидистой берёзы. Да так неистово усердствовал на своём рабочем месте, что летела в разные стороны в совокупности с жёлтой трухой даже береста... Дерево лечат – щепки летят!

Позволю себе заметить, что лесной «доктор» отнюдь не случайно выбрал для себя белоствольную берёзу. Она для него тоже некий символ заболевшей родины, дятловой страны обитания.

Вот какая птица может и должна стать национальным образцом исполнения своих обязанностей для всех нас – дятел! Лечить, в срочном порядке лечить ствол, иначе не дотянет он до весны, не пойдут по нему живительные соки из землицы-матушки, пока сидят внутри внутренние разрушители, разные жучки да паучки!

И только я удалился на почтительное расстояние, как среди молчаливых сосен, не шумящих нынче своими верхушками, услышал другой звук – барабанную трель. Её издавал уже другой дятел: у них так принято – с приближением весны ударять по сухому сучку и, по законам физики, резонансно обозначать свою территорию, напоминая о том, что ради будущего потомства надобно дятлам трудиться. Весь световой день, разве что ночь не прихватывая.

Похоже, и нам, следуя этому благому примеру, стоит ударить в набат, чтобы начать чистить пока ещё живое национальное древо. Потом просто поздно будет...

Проза

Олег Черницын

Олег Анатольевич Черницын – родился в 1956 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Служил в Советской армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в Органах внутренних дел. Лауреат премии «Национальный Олимп». Неоднократно печатался в журналах «Берега», «Тобол» (Курган), «День и ночь» (Красноярск), на порталах «Православие.RU» (РПЦ, Москва) и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества, Минск). Произведения переведены на азербайджанский, английский, сербский языки. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе ОЕВФ «Open Eurasian – 2016» (Лондон). Финалист конкурса сказок Литературного института им. А. М. Горького в 2020 году, в этом же году издана книга его сказок. Автор книги прозы «Без ретуши». Живёт в Екатеринбурге.

ХАМЛО

Рассказ

Отвечая хаму хамством, мы освобождаем его от дискомфорта одиночества.

Грамм хамства перевешивает килограмм вежливости.

В самом приподнятом настроении я возвращался с дачи домой. На любимой волне звучала красивая музыка, в автомобиле было тепло и уютно. В начале октября темнеет рано, и город скоро поглотил меня в свои сумерки. Таяли контуры домов, и только окна-светлячки выдавали их присутствие. Два дня назад я вернулся из паломнической поездки по православным храмам и монастырям нашего края и всё ещё был под впечатлением увиденного и узнанного. Очистился душой и телом – наверное, так можно было определить мои ощущения после той поездки. К тому же путешествие было специально спланировано в венец золотой осени, а это на Среднем Урале более чем нечто... Словом, я переживал те самые не частые моменты в жизни, когда всё было очень и очень хорошо...

Неожиданно сзади раздался продолжительный звуковой сигнал, и через секунду круто тюнинг-ованный автомобиль обогнал меня, дерзко перегордив дорогу. Благо удалось вовремя среагировать и затормозить. Дальнейшие события не заставили себя долго ждать – из спортивного авто выпало что-то квадратоподобное и решительно направилось ко мне.

«Не было печали, так черти накачали», – промелькнуло у меня в голове. Неприятно вспомнилась телепередача «Дорожные войны»: разборки, потасовки, разбитые машины...

Дверь моей VOLVO резко распахнулась: квадратная мужская фигура, короткая причёска. Объёмная куртка и брюки не позволили в темноте сразу угадать представительницу прекрасного пола. То, что оказалось женщиной, было малого роста, поэтому наши глаза оказались на одном уровне.

– Ты чо?! – взвизгнул квадрат лающим фальцетом.

Это, пожалуй, было самое приличное из последующего бурного монолога, который вряд ли опубликовала бы даже самая смелая и независимая пресса... Я не ханжа, но услышанное привело меня в кратковременное замешательство. Что уж говорить о моей интеллигентной «шведке»... На мгновение представилось, что откуда-то из подворотни на меня напала взбесившаяся дворняга и того гляди вцепится в мягкие места.

Может быть, я тоже применил бы пару-тройку лихих словесных оборотов (чтобы знали, что мы тоже *могём*), но передо мной стояла женщина – какая-никакая, но женщина!

Расшифровав услышанное в свой адрес, я понял, что общий смысл претензий был прост: *не видишь – Я еду! Дорогу мне, дорогу!* Излив свои эмоции, квадрат замолчал, вероятно, ожидая моего ответного слова, дающего повод для каких-либо дальнейших действий – наверняка неадекватных и чреватых для меня. Но, к его сожалению, я не был расположен к диалогу, тем более в таком стиле, и упорно молчал. Во-первых, я действительно был безукоризнен перед Правилами дорожного движения. Во-вторых, сработала инерция хорошего настроения. Мне просто стало досадно от случившегося, и я равнодушно, скучно и с грустью смотрел в расстреливающие меня глаза возмущённой, глубоко оскорблённой «дамы».

Сколько я держал эту театральную паузу – минуту, две? В итоге психанувший квадрат, со смаком выдал свой последний аккорд, наделив меня определением, за которое в некоторых кругах лишают жизни, минимум – языка... Злобно захлопнув дверцу моей окончательно смущённой «шведки», ночная незнакомка заскочила в свой автомобиль и скрылась, оглушив меня рёвом форсированного двигателя.

– И «чо» это было? – спросил я своё отражение в зеркале заднего вида. Отражение недоумённо пожало плечами...

Как ни странно, я не испытывал никакого волнения и чётко осознавал, что поступил верно, не опустившись до уровня автомобильной хамки. «Хамство, оставшееся без ответа, захлёбывается самим собой» – к месту вспомнился мне мудрый афоризм.

Но какова! Как налетела – «с ходу, с лёту, с повороту!». А вдруг бы я был не простым смертным, а, к примеру, полковником ФСБ? Или депутатом какой-нибудь думы? Или...

– А мне пофиг! – словно бы донёсся до меня визг квадрата...

Поставив автомобиль в гараж, я не спеша брёл домой. Окончательно стемнело, наступившая темнота располагала к размышлениям.

Как всё непостоянно и непрочно в этом мире... Ещё каких-то полчаса назад я был полон восторгами и радостью жизни: очарованием золотой осени, светлыми воспоминаниями о душеприятном путешествии, стихами Есенина, звучащими в те дни в честь юбилея поэта отовсюду – и вдруг всё это осталось где-то в стороне и не со мной...

«Как в душу плюнули! Натоптали, нагадили! Ведь только очистил её, отмыл, простирал!» – подумалось мне тогда.

Вдруг захотелось принять душ – долгий, холодный.

И ещё одно не давало мне покоя: где я уже встречал это хамло? Какие-то лица и события вихрем вертелись в голове, но я никак не мог вспомнить...

Да, конечно! Встречал, и не единожды!

Встречал. В регистратуре нашей районной поликлиники. Где ярко размалёванная девица с явно еле-еле полученным средним образованием, почувствовавшая некое своё превосходство над обществом, громко прихлёбывая чай, кричала в окошко-амбразуру: «Нет талонов! И не будет! Чо непонятного? Талон ему...»

Встречал. На рынке. Разудалую торговку китайско-турецким ширпотребом из проржавевшего контейнера. В стёганных ватных штанах и объёмном засаленном пуховике, в перчатках с оголёнными пальцами (чтобы удобнее считать деньги), не к месту вызывающе унизанными дорогими перстнями.

– Умер Максим, ну и х...р с ним! – позировала она перед коллегами-реализаторами и покупателями, демонстративно согреваясь очередной порцией спиртного. – Эх, греет! Как под мужичком поробила!

– Слышь, Верунчик, плесни и мне, а то у меня от холода матку свело! – без оглядки на окружающих вторила ей соседка по торговой точке.

– Ой, Верочка! Ой, бедовая! Дай-то боже тебе жениха хорошего! – заискивала перед «миссис рынка» какая-то старушенция, явно надеявшаяся на персональную скидку.

Встречал. В Турции. Росейских барышень, разморённых жарой и местным спиртным сомнительного происхождения, с орущей на весь пляж привезённой с собой магнитолой. Дико горланивших припев «Владимирского централа», в упор не замечающих соплеменников по отдыху.

– Утони, коза! Будешь ещё учить нас жить! – досталось девушке с ребёнком, решившейся призвать певиц к порядку. Прилетело и нам, поддерживавшим смелую мамочку...

К месту вспомнился случай, рассказанный гидом при моём посещении Парижа. Приключилось это на Вандомской площади, знаменитой не только своей бронзовой колонной, воздвигнутой ещё Наполеоном I, и фешенебельным отелем «Риц», но и бутиками известнейших ювелирных фирм. В один из них и ввалилась разгуливающая, хорошо подвыпившая компания российских туристов, внёсшая с собой хаос и кавардак, никоим образом не соответствующие этому элитарному заведению. Наши сограждане атаковали и чуть не снесли прилавки, умудрившись облить их баночным пивом, тыкали пальцами в эксклюзивные шедевры, орали наперебой, требуя показать товар лицом. Рисуюсь и стараюсь перешеголять друг друга, они реально намеревались прикупить «брюликов и чёрных жемчугов» на весьма внушительную сумму.

В разгар вакханалии в бутик зашёл француз, которому ничего не оставалось, как прижаться к стене и наблюдать. Далее всё произошло неожиданно и непредсказуемо – элегантный менеджер заведения категорически объявил туристам, что обслуживать их не будет и попросил покинуть помещение. Это прозвучало как гром среди ясного дня...

– Ты чо, мусью, нюх потерял?! Без работы хочешь остаться?! Мы налом платим! Не ссы, получишь на чай!

И только заявление менеджера, что он вызывает полицию, охладило пыл «крутых» покупателей.

Мораль? Просто-напросто менеджеру бутика важнее было сохранить лицо заведения перед постоянным покупателем, изредка приобретающим здесь подарки для своих жены и дочери, пусть даже всего на сотню евро, чем упасть в его глазах, обслуживая залётных хамов, одуревших от привалившего шального «бабла». Невзирая на явно упущенную выгоду...

– Да уж! – как говаривал незабвенный Киса Воробьянинов.

– Да уж! – с досадой вторю я ему сегодня. – Совсем беда, когда нувориш по сугубо своему личному пониманию уверует, что олицетворяет собой высший круг общества, при этом не потрудившись подняться на более высокую ступеньку своего духовного и нравственного уровня. Вот уж, действительно, – из грязи да в князи (будучи сам из рабочей семьи и начав свою «карьеру» со слесаря, прошу корректно понимать это народное выражение). Хотя правды ради надо сказать, что номинантом на непочётное звание «Заслуженное Хамло» могло бы стать и немалое число представителей нашего общества, считающих себя его элитой...

Сколько же перестроек нужно пережить нашей стране, чтобы изжить такой порок, как хамство? Сколько разработать и принять новых школьных программ? Сколько потратить нервов, получить синяков? Сколько должно смениться поколений?.. Когда же наконец наука изобретёт чудо-препарат под названием «Хамовит»?

А может, извините, плюнуть, махнуть рукой от безнадёги и не замечать *этого*? Надеть розовые очки, облачиться в черепаший панцирь, или просто-напросто стать своим этому сообществу?

– А ни фиги! Перебьётесь! – вновь раздалось эхом визжание квадрата.

Многое ещё легло на ум относительно случившегося со мной этим вечером и поиска рецептов искоренения такого отношения человека к человеку, как хамство. И, доведя свои размышления до искреннего сожаления о некогда отменённых дуэлях, влиянии Октябрьской революции 1917 года и лихих 90-х на неожиданно взволновавший меня вопрос, я незаметно оказался у своего подъезда. А, придя домой, я всё-таки принял долгий бодрящий душ и засел, чтобы написать всё это.

Зачем?..

«ХЛЭБ!»

Было это в середине 90-х годов уже прошлого столетия. Подзабылись анекдоты про перестройку и ускорение. Со сменой одного амбициозного лидера на другого, не менее себялюбивого, и распадом СССР перед новой страной стояли новые задачи, главной из которых была задача выжить. Выжить России, выжить её народу. Экономика трещала по швам, Госплан приказал долго жить, ранее могущественные министерства оказались недееспособными, канули в Лету партийные съезды и пленумы. Внезапное исчезновение «больших» денег из оборота породило бартерные отношения – нелепые

и дикие для некогда мощной во всех отношениях страны, которые определялись примерно так: ты уголь – тебе стройматериалы, тебе металлопрокат – ты бытовую технику, ты водку – тебе тушёнку. Это я рассказываю для тех, кто не застал те «весёлые» времена...

Вместе со страной выживало и малое предприятие, в котором в то время я работал одним из руководителей. И хоть оно и имело статус государственного, по сути, государству оно было по барабану. Как говорится, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих!». Пожалуй, это был лозунг каждого предприятия, каждого колхоза, даже, как ни парадоксально, каждой воинской части. И наш тоже. В условиях общего хаоса нужно было организовать стабильное производство, сохранить коллектив и обеспечить реализацию своей продукции, желательно, за «живые» деньги. А для этого надлежало налаживать связи с «державшимися на плаву» её потребителями как в России, так и в бывших республиках СССР.

С этой целью и прибыл к нам «в гости» коммерческий директор таджикского колхоза-миллионера. Сам приехал, чтобы лично познакомиться с возможным поставщиком и увидеть товар лицом. Дородный мужчина лет пятидесяти, ухоженный, одетый с иголочки, пользующийся элитным парфюмом, с золотой печаткой с бриллиантом на мизинце. Два полных рабочих дня он добросовестно посвятил осмотру нашего производства, согласованию сроков поставки и, конечно же, выбиванию лучшей стоимости. По завершении дел гость попросил сопроводить его на железнодорожный вокзал, чтобы приобрести билет для своего дальнейшего следования. Я вызвался стать его провожатым, что, в общем-то, было логично: я курировал приезд уважаемого заказчика, принимал активное участие в подготовке контракта.

В хорошем расположении духа, ведя непринужденный разговор, мы прибыли на вокзал и направились к билетным кассам. Вдруг мой спутник остановился, переменялся в лице и с криком: «Хлэб! Хлэб!» – бросился под ноги спешащих граждан. Не понимая, что произошло и почему он кричит, я первым делом поднял из грязной жижи (а дело было в конце марта) его светло-коричневый, под цвет дублёнки, натуральной кожи кейс-дипломат, чтобы разношёрстная привокзальная публика часом не прибрала его к рукам. В это время наш гость подобрал что-то с мостовой, повернулся ко мне, и в его руках я увидел краюху хлеба, простого серого хлеба. Он держал её в ладонях на вытянутых руках как что-то очень-очень ценное. Солидный импозантный мужчина с ломтем грязного хлеба...

– Олэг! Да это же хлэб! Хлэб! Как же так?!

Не знаю, кто и что мог подумать об этой сцене, но мне стало не по себе. И вот по каким причинам.

Я вдруг реально осознал, что преспокойно, с чистой совестью прошёл бы мимо этой краюхи, если бы был один. И это я – в прошлом занимавшийся «коммунистическим воспитанием молодёжи», я – отец двоих детей!

Мало того, поймал себя на мысли, что моей первой реакцией на произошедшее было желание предложить гостю бросить «это дело» и двинуться дальше!

Меня охватил стыд. Жгучий, пробирающий до последней косточки. Мне действительно стало стыдно, очень стыдно. За свой народ и прежде всего за себя...

И надо же было откуда-то взяться этой осьмушке! Будь не столь многолюдно, её давно бы склевали вечно голодные воробышки или голуби или схарчила какая-нибудь собаченция. А тут на тебе – такая оказия!

Наш приезжий стоял с вытянутыми руками и смотрел мне в глаза, словно вопрошая: «Что же вы творите, люди добрые?!»

А я должен был ответить ему за себя, за всю Россию-матушку. Но ответить было не-че-го! И, смотря куда-то под ноги, я, как ученик, не выучивший урок, невнятно пробормотал себе под нос: «Да, бывает ещё... Бывает...»

Гость же молча смотрел на меня: недоумение, возмущение, укор – всё смешалось в его глазах. Видимо, поняв, что более благоразумного ответа не услышит, он, бормоча что-то, направился к зданию вокзала, не опуская рук и держа хлеб в ладонях. Видели бы вы, как он нёс эту краюху! С уважением и трепетом, как пригоршню ледяной родниковой воды к пересохшему рту под раскалённым таджикским солнцем, дорожа каждой каплей спасительной влаги. Подойдя к парпету здания вокзала, он бережно положил хлеб, обдув его и обтерев белоснежным носовым платком...

Потом мы долго молчали, думая каждый о своём. Постепенно разговорились, но о случившемся не вспоминали.

Расстались добрыми друзьями, а впоследствии и контракт был выполнен качественно и в срок. Немало времени прошло с тех пор. Вспоминает ли тот случай мой таджикский знакомый? (Да был бы жив!) А я вспоминаю. И каждый раз при этом меня опять и опять разъедает всё тот же стыд. И страх. Страх перед тем, что случилось с нами и что ещё может случиться. Почему, почему народ, не понаслышке познавший массовый голод в тридцатые годы с миллионами человеческих жертв, карточную систему на хлеб, осьмушки и полушки Великой Отечественной войны, переживший блокаду Ленинграда с его Дорогой жизни и Пискарьевским кладбищем, может топтать хлеб в грязном уличном месиве?! А ведь голод не обошёл и мою семью: самой заветной мечтой моей прабабушки во время войны было в полный рот откусить простого чёрного хлеба и досыта накормить им детей!

Всем нам со школьной скамьи прививали уважение к тяжкому труду селянина-хлебороба:

Хлеб – всему голова!

Каждую крошку – в ладошку!

Хлеб – наше богатство!

Кто из людей моего поколения и старше не помнит эти лозунги, призывавшие со страниц газет, стен столовых и кафе, звучавшие из уст государственных деятелей? Или попривыкли мы к ним, «глаз замылился»? Знали, да забыли? Верно заметил кто-то: «Запомнить трудно, забыть легко!» А что же говорить о «поколении пепси и чипсов»?

Но почему не забыл тот успешный и далеко не бедствующий таджик-коммерсант, бросившийся в грязь за куском хлеба, чтобы спасти его от попиранья? Помнит своё босоное детство в многодетной семье в далёком горном кишлаке? Кстати, так же как и я, «сделанный» в СССР! Или это генетическая память инстинкта самосохранения и выживания, унаследованная от предыдущих поколений его народа, познавшего голод и лишения? А наша-то где?..

Честно говоря, позавидовал я тогда восточному гостю. Его нравственности и верности памяти о том, о чём забывать нельзя. По-хорошему позавидовал. Искренней белой завистью и со скрытым восхищением. С таким же восхищением я наблюдал за уважительным отношением к старикам в южных республиках бывшего СССР, в Китае. За тем, как чтут свою культуру мигранты, заполняющие Россию и Европу.

Так почему *это* произошло с нами? Трудно мне ответить на этот вопрос в полной мере, да это и не цель моего рассказа. Сыты стали, одеты-обуты? Каждый укрылся в собственной толстостенной раковине? Горя давно не было – большого, на всех? (Да и не дай бог!) Но чтобы его не было, нужно включить память, не терять свои корни и кровную духовную связь со своей историей и друг с другом!

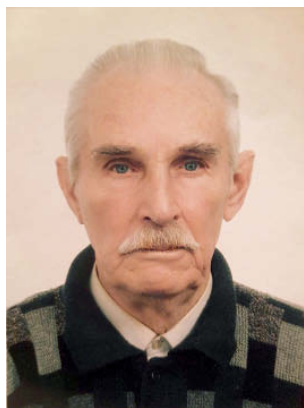
* * *

Много раз я рассказывал эту историю своим друзьям, родственникам, детям. Придёт время, внукам поведаю. Честно, всё как было. Как их дед опозорился (чего греха таить!) на той привокзальной площади. И каждый раз это будет исповедью и покаянием за мою непростительную забывчивость о святом. А ещё благодарностью тому заезжему таджику за урок – *урок нравственности*. И наверное, до конца своих дней, как напоминание о чём-то очень важном, я буду слышать из далеких 90-х его крик: «Хлэб! Хлэб!»

Проза

Михаил Турбин

Михаил Леонидович Турбин – родился в 1941 году в Ливнах Орловской области. Служил в армии. В 1968 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, потом учительствовал, работал в правоохранительных органах и в системе пассажирского автомобильного транспорта. Член Союза писателей России с 1996 года. Публиковался в журналах: «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», «Проза», «Наши Современники», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Роман-газета», «Форум», «Невский альманах» (С.-Петербург), «Новый Енисейский литератор», «Воин России», «Славянин» (Харьков), альманахах «Русское поле» и «Орёл литературный». Автор семи сборников стихов и двух книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды», награждён Золотой Есенинской юбилейной медалью Московской областной писательской организации. Живёт в Орле.

АРТИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Преображался, загадочным человеком делался Зиновий Павлович в день получения пенсии. Выходил из квартиры на лестничную площадку и блаженно вытягивал вверх руки, – тянул их к потолку всем своим долговязым корпусом до тех пор, пока на стене от падающего из окна света не появлялся, по его мнению, «призрак отца Гамлета». Добившись нужного сходства, удовлетворённо бормотал:

– Вижу, вижу, ты уже здесь и ждёшь расплаты за злодеяния...

После чего шёл на базар покупать дешёвые куриные лапки. На переходе останавливался у светофора и громко спрашивал у горожан-пешеходов, какой горит свет, красный или зелёный?

– Слепой, что ль? Видишь, стоим, ждём зелёный! – недовольно говорил кто-нибудь в ответ.

– А вы не сердитесь. Я – дальтоник, мне что ни свет горящий, то Божий, зовущий вперёд, а вы тут как вкопанные стоите, ничего не понимаю...

Темнит Зиновий Павлович, никакой он не дальтоник. Очки обычные, возрастные – плюс три диоптрия. Это утренняя пенсия чуть согрела душу и заговорила она о чём-то своём.

На базаре, в мясной торговой палатке, он внимательно рассматривает куриные лапки, словно драгоценный клад, прежде чем купить и сунуть в авоську. Стоящая за ним в очереди интеллигентного вида старушка не скрывает своего любопытства:

– Вы, извините меня, птичьи ножки берёте для холодца или для супчика?

В мозгах его что-то лихо щёлкнуло, напустил на себя таинственный вид, резко заявил, словно услышал неуместный вопрос:

– Я – вегетарианец!

Продавщица информирует:

– Для кошек и собак тоже берут!

– Нет у меня животных! – уточняет он.

На этот раз сказал чистую правду: никогда не держал в квартире ни кошек, ни собак.

– Позвольте, – волнуется старушка, – я не понимаю цели вашей покупки: если не для еды, то зачем они вам? Извините, конечно, за любопытство...

– Они нужны мне для научных целей. Так сказать, ради познания истины, но объяснять это непосвящённым людям несколько затруднительно, впрочем...

Тут Зиновий Павлович оглядывается, что-то прикидывает в уме.

Ему бы взять авоську и идти за следующей покупкой, скажем за луком, нет же, на глазах превращается в вальяжного учёного мужа со снисходительной улыбкой на лице. Стоит, ждёт, чтобы вокруг него собрались хотя бы пять-шесть слушателей. Потом, словно нехотя, «уступает» просьбам любопытствующих, устраивает короткую импровизированную лекцию:

– Вам, должно быть, известна фамилия советского учёного, знаменитого антрополога, археолога и скульптора Герасимова Михаила Михайловича. Теперь он многими забыт, а в середине прошлого века его знал каждый школьник. Михаил Михайлович активно занимался восстановлением внешнего облика ископаемых людей и некоторых известных исторических личностей по их скелетным останкам. Это, надо сказать, трудная, кропотливая работа, связанная с математическими измерениями и расчётами. Он сумел воссоздать былой внешний облик Ивана Грозного, флотоводца Ушакова, хана Улугбека... Благодаря ему мы знаем, как выглядел, например, мальчик из эпохи неолита. Сегодня Герасимову было бы намного проще производить необходимые расчёты с помощью современной техники, того же компьютера, но – увы, не дожил.

Вы спросите меня: при чём здесь моя покупка? Отвечаю: это же богатейший материал для воссоздания внешнего вида, во всей былой красоте, курицы или петуха! Меня интересуют породы этих птиц. Дело в том, что на кожаном покрове лапок кур имеются неповторимые узоры. Извольте лично взглянуть и убедиться в справедливости моих слов... Видите эти рисочки-насечки? Так вот, их у меня имеется огромная коллекция, собранная за последние пятнадцать лет! Я работаю день и ночь с разными породами куриных лапок, завезёнными к нам со всех уголков мира. Строю компьютерные графики, рассматриваю под микроскопом костяное строение и их кожный рисунок. Анализирую, строю графики, сравниваю, переношу данные на электронный накопитель. Что же получается? Вы думаете, нас кормит исключительно своя, Орловская Нарышкинская птицефабрика? Ошибаетесь, ох как ошибаетесь! На днях я представлю научной общественности нужные материалы. В них – свидетельство о мировом заговоре против России с целью истребления местных пород, хорошо прижившихся в нашей полосе кур. Многое должно заинтересовать следственные органы и паразитологов. Я имею в виду массовый падёж птицы в последние годы. В моём компьютере заложена доказательная база. Я сделаю сенсацию. Мы ещё посмотрим, кому в этом мире быть, а кому не быть!..

Зиновий Павлович не просто на одном дыхании выкладывает это слушателям, нет, по ходу своей импровизированной лекции он, как и положено солидному учёному, глубокомысленно «экает» и «бэкает», и у присутствующих сомнений не возникает – перед ними знаток своего дела, крупный учёный.

Закончив гневно речь, Зиновий Павлович тут же спохватывается и с авоськой величественно покидает изумлённых слушателей. Дальнейшие вопросы ему ни к чему – достаточно произведённого эффекта. И если бы у него спросили, для чего он так убедительно врёт, то не смог бы толком объяснить. Скорее всего, отделался бы шутливым разъяснением: «Удовлетворяю общественный запрос!»

Странности на этом не кончаются. Зиновий Павлович от базара идёт к трамвайной остановке, и, когда переполненный трамвай распахивает двери, он аккуратно стоит, пропуская выходящих пассажиров. И надо же: женщина средних лет, с тяжёлой сумкой, не удерживается на ступеньке. Зиновий Павлович потянул было руки, чтобы помочь ей, но мгновенно передумал, даже посторонился, чтобы она не зацепила его. Женщина падает на асфальт, тут же поднялась с гневным упрёком в его адрес:

– Тоже мне, мужчина называется! Мог бы поддержать...

Конечно, мог бы. Но у него своя логика:

– Извините, я как-то помог такой же женщине, а она мне: «Ишь, воспользовался, обхватил ручищами, жену свою лапай!..»

Возвращаясь с базара и купив по дороге бутылку дешёвого вина, Зиновий Павлович на лестничной площадке своей квартиры вновь пытается на стене изобразить тень отца Гамлета, но свет падает уже с другой стороны, и он сокрушённо бормочет:

– Пусто, пусто, батюшка Гамлета! Нечего делать в этом бессердечном мире. Сходил на базар – улетели десятки рублей. Как жить? Жди, скоро встретимся...

Мало кто знает, что он вегетарианец, но, опять-таки, странный: мясо не ест от пенсии до пенсии, но в день её получения устраивает себе «разгрузочный день», точнее вечер: покупает килограмм куриных лапок и бутылку красного вина. Отваренные лапки охлаждает. Потом грызёт их, запивая вином. Это он называет «скатиться с горки для очистки». Наутро просыпается с опухшим лицом и спешит к холодильнику, чтобы извлечь пакет холодного кефира. Пьёт его, а спустя некоторое время бежит в туалет.

На этом «мясоедство» заканчивается до следующего месяца.

В его двухкомнатной квартире полно книг по радиотехнике и электронике, но он ими не интересуется с тех пор, как завод развалился. К тому времени он уже вышел на пенсию. Как бывший инже-

нер, полгода поработал в образовавшемся акционерном обществе на территории родного завода, но вскоре убедился: никаких новаций у новых хозяев не предвидится, разве что таковыми можно считать всевозможные способы хищения остатков оборудования огромного заводского цеха. Этого он не мог вынести. Ушёл. Старым друзьям так и сказал: «С жуликами мне не по пути!»

Как-то разговорившись со старым заводчанином, Яшей Марковичем, он понял, что половина знакомых евреев давно перебралась на жительство в Израиль. Остальные готовятся туда же, и он советует ему последовать их примеру. Зиновий Павлович, несмотря на то что после смерти жены остался один, – детей у них не было – решительно отказался:

– Да ни в жизнь! Это же насквозь религиозное государство. Какой из меня иудей?

– Остаток жизни проживёшь по-человечески. Мир посмотришь, а не понравится, опять вернёшься, российское гражданство за тобой остаётся. Что тебя здесь удерживает? – удивлялся Маркович.

– Всё! – резанул Зиновий Павлович. – От Брестской земли до Камчатской! Это же мой мир. Я ещё не успел хорошенько посмотреть Урал, почти не был в Сибири – всё больше отдыхал на Кавказе да в Крыму. В короткие командировки ездил на заводы: то в Казахстан, то в Белоруссию...

– Израиль – наша историческая родина. Не чувствуешь зова крови?

– Не чувствую! – честно признался Зиновий Павлович. – Не кочевой я человек – осёдлый. Знаешь, что чувствую?

– Что? – вяло уже поинтересовался Яша.

– Стыд и боль! Какой телеканал ни включу, какую газету ни возьму – всюду я на переднем плане в компании себе подобных. Всех подмял этот я – наглый, напористый, будто один знаю, как надо жить. Задаю себе вопрос: почему я самый-самый умный? И отвечаю, даже не задумываясь: у меня в руках все основные финансовые, экономические и политические рычаги, за исключением военных, где традиционно без меня обходятся, но эти ребята смирные, привыкшие слушать старших...

– Что ты этим хочешь сказать?

– То же, что и Эдуард Тополь... Ага, вижу по глазам, ты понял, что он имел в виду! Но это он ко мне обращался, а не к вам. Вы люди честные, неимущие, почти гои-изгой, а я к загребушим рукам своим всё прибрал. Мне в России хорошо – я здесь главный!

– Понёс чепуху и бред, словно коммунист ярый. Ты же им никогда не был! И потом, какое нам дело до олигархов с их рычагами власти? Если они ухватились за них, пусть себе управляют, но без нас. Мы не несём ответственности за происходящее в этой стране. Мы хотим жить спокойно, нормально, без политики. Ты всё же подумай о выезде, не лезь в чужие проблемы, решай свои...

Зиновий Павлович пошёл, недоумевая: как это у него с языка слетели слова, которых он Марковичу не собирался произносить? Потом успокоился, говоря себе: «Пусть не зарывается; ещё неизвестно, во что это выльется. Разве я не вижу, как демократическими нитками к русскому туловищу пришивается еврейская голова? Впрочем, голова эта издревле мечтает управлять человечеством... Сколько раз объяснял разным марковичам, что я – Соловьёв – русским себя чувствую – и никем иным!»

Раньше он странным не был. Судьба Зиновия Павловича резко изменилась, когда он попал под влияние Ларисы из бывшего заводского конструкторского бюро. Она, после смерти его жены, не оставляла Зиновия без внимания. И до дома провожала, и в гости заходила, поскольку дружна была с покойницей. Лариса – грудастая холостячка с рыжей причёской и серыми насмешливыми глазами. В молодости часто ходила в турпоходы, а с распадом СССР стала увлекаться спиритизмом, потом учением старца Иванова. Круглый год – по утрам и вечерам – ходила босиком вокруг домов своего микрорайона. Где-нибудь в безлюдном месте останавливалась, вытягивала ладони в сторону солнца и «подкреплялась» его энергией. Летом принимала холодный душ, зимой купалась в проруби с единовверцами. Энергии накопила – хоть отбавляй, а мужчины, как сговорились, – обходили стороной, не брали в жёны, хотя внешне она была не хуже других. Что-то настораживало кандидатов в мужья. Возможно, не ощущали в ней спокойного постоянства. В подтверждение этому, например, ей стало тесно в рамках учения бородатого старца. Прослышала как-то от московских подруг, что появился в Красноярском крае некий проповедник с божественным огнём в груди по имени Виссарион. К нему, говорили они, начали стекаться люди духовного поиска со всей России для совместной жизни в ладу с природой. Едут целыми семьями разных специальностей: от профессоров с учёными степенями до рядовых школьных учителей и библиотекарей. Даже обеспеченные москвичи вдруг начали продавать своё недвижимое имущество и отправляться в таёжную глухомань. Там они принялись возводить

новые жилища, чтобы стать членами общины Церкви Последнего Завета. Не по нраву пришёлся им нынешний торгашеский мир, несущий, по их мнению, гибель человечеству.

Лариса так красочно нарисовала картину новой жизни, что он подумал: «И впрямь страна движется в пропасть. Любопытно было бы взглянуть на этого Виссариона!»

Зиновий Павлович поехал с Ларисой в Москву на встречу с новым мессией. Тот как раз приехал в столицу для очередного разъяснения сути своего учения. Выяснилось вскоре, что к нему трудно попасть, надо ждать очереди. Наконец дождались, встретились.

Это было самое скверное время в жизни страны. Москвичи тогда едва очухались от порохового дыма танков, бивших по Парламенту. Недоумённое и что-то затаённо-отчуждённое читалось на их лицах; редко-редко проступало самодовольство. Москва как никогда выглядела замусоренной, неприветливой, чужой.

Встреча с Виссарионом прошла на окраине, в обыкновенной двухкомнатной квартире многоэтажного дома. Когда они вошли и поздоровались, то почуяли в его больших глазах лучевое тепло доброжелательности. Он усадил их за стол, зажёл свечу, заговорил первым:

— Я знаю, что вы пришли ко мне со своими сомнениями. Даже за это вас люблю. Я дам вам Путь, а всё остальное зависит от вас. Если пойдёте по нему с умом, то упрётесь во Тьму, а если будете руководствоваться сердцем, то придёте к Свету и рассеются все ваши сомнения. Вы познаете Сущее, что составляет тайное и явное, видимое и невидимое. Мирской глаз сегодня помутнён соблазнами: пустыми речами и заманчивыми вещами... Надо уходить из лукавого мира. Надо строить новый Иерусалим по велению сердца. Я выбрал для этого место в Сибири, в районе озера Тиберкуль и горы Сухой. Каждый день к нам прибывают люди. Молятся и строятся, помогают друг другу жить. Знаю: будут уезжать обратно люди слабые духом, не выдержав испытание трудами. Я их не осуждаю. Такое случается с человеком, взвалившим на плечи ношу не по силам. Не думайте, что Путь лёгкий. Нет, нет, уверяю вас в обратном, и говорю: подумайте трижды, прежде чем сделаете окончательный выбор. Спросите себя, можете ли отказаться от прежней жизни?

А теперь расскажите о себе...

Лариса тогда ушла от проповедника восхищённой, да и Зиновий Павлович почувствовал в душе радостный прилив необъяснимых сил. Вокруг суежилась холодная многомиллионная голодная Москва, затеявшая масштабный хаос и безжалостно ввергнувшая в него необъятную страну.

Они возвратились в Орёл сторонниками Виссариона. Всю зиму готовились к переезду, наконец продали свои квартиры и уехали в Красноярский край, в неизвестную им деревню Журавлёво.

Старанием Ларисы быстро купили за небольшую цену ещё крепкий деревянный дом с мышиными окнами. Зиновий Павлович перегородил его пополам, сделав два отдельных входа — для себя и для Ларисы. Чувствовалось, что она этого не хотела, но Зиновий Павлович, не испытывавший к ней мужской тяги, предпочёл спокойное одиночество. Его римский нос смотрел влево, когда она стояла справа, и наоборот. Он давно считался стойким однолюбом, а после смерти жены и вовсе стал походить на грустного лебедя, потерявшего лебёдушку. Лишь огород при доме сделался общим местом их труда, и они с удовольствием принялись возделывать его, чтобы обеспечить себя на предстоящую зиму продуктами. Лето выдалось тёплым и дождливым. До поздней осени ягоды, грибы манили их за околлицей. Мёд и молоко в райцентре стоили намного дешевле, чем в Орле, а вот устроиться на работу было почти невозможно — деревни заполнились сторонниками Виссариона. Людей с разными специальностями хватало: и столяров с плотниками, и электриков со слесарями. Искали себе место компьютерщики, врачи, учителя, артисты и музыканты. Безработные виссарионовцы в основном трудились на своих земельных участках, так же как и они.

Неугомонная, вездесущая Лариса быстро перезнакомилась со всеми соседями. От неё он узнал, что Виссариона местные знают как Торопа Сергея Анатольевича. Ранее он работал участковым инспектором милиции. Получил среднее образование, женат, имеет четырёх детей. Ему 33 или 34 года. Местные относятся к нему по-разному: пожилые люди не одобряют его кипучую проповедническую деятельность, из-за которой, считают они, «всё вокруг истоптано, житья не стало». Молодые же посмеиваются: «Нам всё равно, Христос он или нет, а для житья у нас мест на всех хватит». Сторонников мессии среди местных жителей, по словам Ларисы, мало.

Зиновий Павлович одобрительно кивал:

– Всё правильно, как говорится, нет праведника в своём Отечестве. Пора нам, Лариса, в Черемшанках побывать, начинать приобщаться к общему делу...

Поехали, нашли знакомых москвичек с мужьями и детьми. Те переехали раньше них и уже начали возводить большой дом из кирпича с хозяйственными постройками и гаражом. Привезли с собой пианино, телевизор, магнитофон и книги – на целую библиотеку. Москвичи и их соседи были полны планов по созданию школы, аптеки, медпункта, независимых от местных властей. Лариса даже позабывала, что поспешила с жильём в Журавлёве. Черемшанки являлись образцом поселения с новой коллективностью и новой религиозностью. Село считалось центром притяжения новых поселений.

Вскоре, наладив свой быт, Лариса и Зиновий Павлович стали принимать участие во всех мероприятиях Церкви Последнего Завета. Устав её мало чем стеснял верующих. Поощрялся труд на общественных полях, пастбищах и огородах, велись работы по облагораживанию территории поселений, созданию лесопарка и питомника редких растений. Подумывали о создании своего кирпичного заводика, столярного цеха и мастерских. Начали выпускаться газеты: «Путь Любви» и «Земля обетованная». Несколько раз Зиновий Павлович ездил с активистами общины в райцентр, чтобы решить вопрос по аренде земли в районе озера Тиберкуль и для получения лицензий на ведение строительных работ.

Много поселенческих сил уходило на выкорчёвывание деревьев на склоне горы Сухой, а запас общинных денег с каждым днём таял. Приходилось искать спонсоров и ожидать гуманитарной помощи. Надеялись на Виссариона. Он часто выезжал в зарубежные поездки, и кое-какая помощь оттуда приходила, но всё равно средств не хватало, даже несмотря на то что его финансово поддерживали такие известные люди в Москве, как внучка академика Карпинского – Мария Карпинская, и известный музыкант из «Ласкового мая» Вадим Редькин.

Постепенно Зиновий Павлович стал принимать участие в общих «Священных кругах». Обычно верующие, взявшись за руки, ходили вокруг зажжённой свечи, молились и пели песни. При этом царил непринуждённая доброжелательная обстановка. Женщины надевали длинные юбки и сарафаны, а мужчины облачались в хитоны. Он и у себя дома стал ставить на стол свечи от всяких тёмных энергий, а перед едой читать «Отче наш». Вечерами раздумывал над содержанием Библии, но чаще с головой уходил в романы светского содержания, тем более что поселенцы привезли с собой предостаточно книг и охотно ими делились. Так неожиданно открылся ему мир художественной литературы. Сам удивлялся: «Надо же, раньше голова занималась только электроникой, сколько же я потерял!»

Лариса близко сошлась с врачами-поселенцами, часто отсутствовала – ездила с ними по деревням, помогать лечить больных детей или же принимать роды. Кажется, она нашла применение своей кипучей энергии и не замечала, что всё больше и больше приезжие люди нищали, некоторые начали подумывать о возвращении в срединную Россию. Прав был отец Виссарион, Путь к Свету не всем под силу.

Зимнее время общинники использовала по своему усмотрению. Моления и проповеди о близкой кончине заблудшего мира не шли в противоречие с нескончаемыми бракосочетаниями, поскольку прелюбодеяния осуждались среди семейных людей, а свободные – искали друг друга. Были и те, что тянулись к творчеству. Тут и у Зиновия Павловича на полную мощь открылся актёрский дар, чему способствовала новая обстановка. Он всю зиму охотно участвовал в самодеятельном театре, в котором ставились постановки по древним трагедиям. На Шекспире, например, словно помешались, – на меньшее действие режиссёр-питерец Глоткин не соглашался. Зиновий Павлович с интересом слушал рекомендации и замечания этого профессионального мастера, отдавая всего себя общему делу. Вскоре его стали хвалить за творческий рост. Играя, даже третьестепенные роли, он добивался неповторимой яркости и запоминаемости.

– Зиновий, ты – гений! – кричал восторженный Глоткин. – Как тебе это удаётся? Ай да молодец! Погоди, я свезу тебя в Питер, мы потрясём просвещённую публику игрой! Пусть знают: мы раскованы, как лошади, отработавшие срок!

Лариса, присутствовавшая при этом, заметила:

– Ничего удивительного, это у него от предков. Господь заложил в избранный народ гены гениальности, причём в каждого его представителя. Правда, у многих эти гены закончились с возникновением Нового Завета, но не у всех. У Зиновия Павловича проявилась Божья Благодать именно здесь, на святой земле отца Виссариона. Дождёмся и мы своего часа...

Ближе к весне Глоткин тайно запил, подолгу отлёживался в постели, и театральные постановки прекратились. Как-то Зиновий Павлович зашёл его провести и застал режиссёра в кальсонах, заправленных в валенки. На плечах мастера свешивалось до пола шерстяное одеяло, а на голой шее висел красный галстук. Глоткин что-то репетировал, держа в руке гранёный стакан. При появлении гостя переложил его в левую руку и протянул ему правую для приветствия. Видно было, что он находится в крепком подпитии. Не извиняясь за свой вид, кинулся искать второй стакан, но Зиновий Павлович наотрез отказался от угощения:

– Понимаешь, Левон (так звали Глоткина), раньше я работал на заводе, где спирта было – залейся. Тайком выносили в карманных фляжках и пили за проходной, а чаще – перед тем, как её пройти. Я в своё время выпил, считай, цистерну дармового спирта и больше не хочу – печень не позволяет.

– Твоё, брат, дело, а у меня – тоска лютая. Да разве я пью? Идёт очистка организма от гадости жизни. У меня скверны внутри – что твоя цистерна! Пью и оздоравлиюсь в рассуждениях! Так вот, я всё больше и больше убеждаюсь: жизнь наша – театр, а постановщик – Создатель. Да, да – гениальнейший! На планете под названием Земля идёт игра по неизвестному нам сценарию. Господь дал нам свободу выбора, то есть свободу делать телодвижения – не более того, а сюжетная линия вне нашего ума. Она лишь ощущается нами в виде общих грёз о воли. Но! – Глоткин поднял вверх палец для особого внимания – всюду натыкаешься на запреты...

– Живи в тайге, – отреагировал на это Зиновий Павлович. – Кто не даёт? Найдётся уголок для любого желающего, да и отец Виссарион благословит. Что, слабо?

– Не в этом дело! – Глоткин резко развернулся на 360 градусов так, что подлетело одеяло, обнажив волосатые плечи. – Нетворческие люди для меня – тайга, а таковых всё больше сюда прибывает, хотя сам отец Виссарион – человек созидательный, но чем дальше от него, тем гуще людская тайга. Им дела нет до Шекспира! Они и своей-то трагедии не замечают, не растут духом, и, заметь: ни религиозным, ни светским! Погоди, Зиновий, не возражай, я здесь, в отличие от тебя, уже три года проживаю, посмотрелся на приезжий народ. Зачем сюда приехали, если не духовно переродиться?

– Подожди, великая литература тоже игра?

– Да, друг мой, игра! Игра воображения художника! Нередко на грани шизофрении. Ты же сам чувствуешь как актёр, в какие бездны нас порой заносит! Нормальному человеку там делать нечего, но слушать тебя ему интересно – дух захватывает. Человеку кажется: бездна превращается в горные вершины. Вот и весь фокус. Без воображения пишутся газетные очерки, репортажи и прочая бытовщина, обличённая в ту или иную форму на потребу дня. Но! – Глоткин вновь поднял указательный палец: – Игра-то игра, но до определённых пределов. Ну, удивил тебя писатель текстом, развлёк-отвлёк от насущного, а дальше что? Читатель стал духовно богаче? Увы, друг мой, не стал. Ни игровой образ, ни язык художника не заставят его приблизиться к тайне божественного сценария. Создателя не устраивает земной театр абсурда, а мы этого не понимаем в своих телодвижениях. Вот почему настоящий писатель отходит со временем от понимания литературы как простой игры воображения и направляет свой дар на глубокое осознание окружающего его абсурда. Он начинает рисовать нас такими, какими ему кажемся. Здесь важно всё: подход, отстранённость пера, глаз, дыхание, стиль, манера. И всё это заключено в языке! Писатель должен тронуть человеческую душу! Подвести к зеркалу, ткнуть носом: смотри, любуйся на себя! Хорош? Сорок образов создал, и все это – ты! Сегодня литература заглядывает в виртуальный мир, уходит от одного абсурда в другой абсурд – постмодернизм, ещё более чуждый человеку.

– Отец Виссарион говорит, что без любви к человеку ничего не создаётся.

– Он прав. Всякая игра воображения возникает из сочувствия к ближнему. Только этот ближний удаляется от меня в свою душевную тайгу. Как тут не запьёшь?

– Роптать начинаешь? – поинтересовался Зиновий Павлович. – «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

– Ладно, устыдил! – признался Глоткин, поправляя на плечах одеяло. – Дай дочищу организм, потом покаюсь, а через недельку-другую начнём опять телодвижения. Хочешь, сейчас изображу императора Тиберия, его речь в Сенате?..

Зиновий Павлович посмотрел-посмотрел на «Тиберию» и поспешил распрощаться. Он уже начал ощущать в душе опустошённость, гнетущую тоску о чём-то несбывшемся, не находил себе места. Часто снилась жена, оставленная в Орле на Наугорском кладбище. «Куда ты делся?» – спрашивала она, одетая

в белое венчалное платье. Вспомнилось ему, как она уходила, таяла на глазах, а он в отчаянии от бессилия кричал ей: «Знай, если помрёшь, я тебя откапаю и уши надеру за такой поступок!» Она слабо улыбалась, говоря шёпотом: «Успокойся, Зиновик, успокойся, я обязательно встану, мне уже легче...»

Почему во снах она спрашивает: «Куда я делся?» – думал он. И просыпался с колотящимся сердцем в груди, долго раздумывая, как сюда попал и что приобрёл? И отвечал себе: «Ничего, ничего. Нашёл свободу и нищету, но это самое – везде – во всей России. Да, здесь проще и тише, но это обманная тишина. Расслоение на бедных и богатых и тут происходит. Взять того же отца Виссариона. Он не знает никакой нужды, живёт в полном достатке у всех на виду. Не замечает, что люди давно мыкаются, мечтают уехать, но нет денег на обратный проезд, и найти их не предвидится. Кто им поможет, когда многие сами еле сводят концы с концами? Странно, что Лариса не чувствует этого. Она, как заводная, вращается с утра до вечера среди поселенцев, и везде – своя. Начнёт рассказывать: всё у неё хорошо – глаза горят от восхищения, а в действительности – повседневность серая, мелочная. Забота и суета. Вот, у Шекспира – возвышенность! Трагедии, потрясающие небеса... А мы здесь кто? – сбежавшие от проблем жалкие души, бросившие всё на свете. Разве кучками спасаются?»

По ночам вздыхал: «Не нужно мне личного спасения, зная, что миллиарды людей могут от грехов своих погибнуть. Не будет душа ощущать счастья при таком раскладе, иначе она не должна называться душой!»

Сибирская весна заторопила Зиновия Павловича в обратную дорогу. Сцепились гены кочевые с оседлыми, и победили последние. Продал свою половину жилья, возвратился на родину. Хорошо, что при отъезде часть денег положил на сберкнижку, их едва хватило на покупку ветхой «хрущёвки» на окраине города. Успел-таки перед дефолтом зацепиться. Даже не ворчал, что «сибирская эпопея» стоила ему большой двухкомнатной квартиры в центре города. Он был рад площадям и улицам, знакомым с детства, даже хмурым лицам озабоченных горожан. Всё вокруг дышало родным, несмотря на продолжающуюся эгоизацию жизни. Он и вегетарианцем сделался от нужды. Иногда украдкой заглядывал в мусорные баки в поисках куска хлеба, но чаще собирал пустые бутылки, чтобы хоть как-то утолить чувство голода при полном безденежье, считая дни до получения жалкой пенсии. Таких трудных времён ему не приходилось испытывать даже в Журавлёво, где всё же была какая-никакая взаимовыручка, да и Лариса не оставляла его без поддержки.

Как же она глядела на него, когда сообщил ей о возвращении! Как на отступника, как на предателя веры. И без того рыжая, она превратилась в горящее медное солнце возмущения. Словно не Лариса смотрела на него, а нечто гневное, вневременное и бесполое. Правда, потом отошла, смягчилась, помогла подготовиться к отъезду, напоследок откровенно вздохнула:

– Эх, Палыч, Палыч! – сдвинулся ты мозгами на репетициях у Глоткина, увлёк он тебя в бесовские игрища. Ты хоть в Орле не бери в голову лишнего, не переигрывай себя. Жаль, что уезжаешь, я так на тебя надеялась!..

Зиновий Павлович не ощущал, сдвинулись или не сдвинулись у него мозги, но некоторые странности за собой подмечал, относя их к возрастным. Иногда, шагая по улице, внутренне спорил с руководителем страны, сам не замечая, как при этом останавливался, громко возмущаясь:

– Шёл бы ты к чертям, бревно толсторожее! Обещал народу одно – делаешь другое...

Случайные прохожие сразу догадывались, о ком идёт речь, охотно соглашались с его посыльными восклицаниями, делились накипевшей болью:

– Верно говоришь, этот жулик обобрал нас до нитки, и теперь все перевёртыши называют себя господами. Откуда взялись? Сталина на них нет!..

Хоть импровизированный митинг открывай, но Зиновий Павлович смущался этими случайно вырвавшимися словами и, не желая ожесточать людские сердца, шёл дальше по своим делам: обходил подъезды домов, подбирая бутылки и художественную литературу. К этому времени пошла дурная мода – выставлять книги около мусорных контейнеров, причём стопками и в хорошем состоянии, словно говоря этим: «Нам они теперь ни к чему». Некоторые жильцы выбрасывали старые телевизоры, холодильники, мебель... Зиновий Павлович, подбирая книги, за короткий срок создал приличную домашнюю библиотеку. Прибавились дела важнее: после того как осквернители могил прошли по Наугорскому кладбищу и, в числе других надгробий, завалили набок надгробие его жены, нужны были цемент, песок, транспорт. Главное – нужны были деньги.

Неожиданно из главного затруднения нашёлся выход.

Как-то у подъезда своего дома встретила Скоролётка – бойкая сухенькая старушонка из соседнего подъезда. Она знала всех жильцов в округе. Не баба, а сорока-трещётка. Не захочешь – разговорит. Мимо не пройдёшь – обязательно зацепит вопросом. Вот и сейчас, подлетела, затараторила:

– Миленький, голубчик, Зиновий Палыч, будь ласков, зайти ко мне, телевизор спортился – тоска без него. Стукну по ему – картинка идёт, а звук не даёт проклятый, руки оббила, сколько можно?

– Мастера вызывай! – посоветовал он.

– Милый, какие мастера? Откуда? Кончились они! Пошла в ателье, у меня спрашивают: «Какая марка?» Отвечаю: чёрно-белый «Рекорд», вот – паспорт на него сохранила. Смеются окаянные: «Выкинь его на свалку, мы такие не ремонтируем, купи себе, бабка, японскую “Соню”, только такие обслуживаем!»

– Правильно тебе объяснили! – буркнул Зиновий Павлович. – Я что, мастер?

– Э-э-э, не беднись, инженер всё же заводской, приборы собирал, похлеще телевизора, а тут делов-то – на пять минут. Чего тебе стоит поковыряться, может, проводок какой отскочил, бес его знает. Я ж говорю: стукну по ему – картинка идёт, но молчит, паразит, как глухонемой.

– У меня ничего нет: ни паяльника, ни отвёрток, ни запчастей. Я давно этим не занимаюсь, отошёл от техники, понимаешь?

– Голубчик мой, да я всё понимаю, но ты уважь бабку вниманием, а не выйдет, мучиться, что ль? В любом случае труд оплачу. Как без этого? Пойдём, живу одна. Мне помочь некому, зятя ноги не кажут, дочка бессердечная, забыла мать... Отвёртки, запчасти мы найдём где-нибудь, мир не без добрых людей...

Так, сыпля словами, Скоролётка юркой галкой склевала упирающегося Зиновия Павловича. Оглянуться не успел – усадила перед телевизором, только и смог заметить на кухне самогонный аппарат, прикрытый от посторонних глаз простынёю, да уловить стойкий бродильный запах. Сразу мелькнула мысль: «Привыкла к бражному чаду, думает, если форточку открыла – свежий ветер его выветрит. Ну и ну! Сама, словно ведьма с помелом, во дворе гоняет с лавочек пьяниц и их же спаивает!»

Пока Скоролётка ходила к соседям за отвёрткой, он заглянул под стол и обнаружил там двухведёрную флягу с брагой. Недолго думая, нашёл на кухонной полке пачку соли. Взял, да и всыпал во флягу полпачки. По опыту знал, процесс брожения должен прекратиться.

По-мальчишески весело шмыгнул носом и стал дожидаться прихода хозяйки.

Отчего звук пропал в телике, понял сразу после первых её слов ещё у подъезда. Теперь, для вида, повозился полчаса с отвёрткой, потом, устранив неполадок, поинтересовался:

– Егоровна, у тебя кошка сидит на телевизоре?

– Сидит, это же её любимое место, когда я смотрю сериалы.

– Вот что, сгоняй её. Она хвостом разомкнула цепь и звук исчез!

– Зацепила, поди, хвостом-то?

– Совсем не то. На хвосте у неё отрицательный заряд. Стекает вниз и – бзык – замыкание!

– Ох, ох! – заохала Скоролётка. – Да кабы я знала, что отрицательный!.. Она ж ко мне так и ластится, так и ластится, а я её сдуру глажу.

– Гладь по спине, а хвоста опасайся!

Чушь, конечно, но Зиновий Павлович не удержался от соблазна хоть этим подурочить соседку за свой нежелательный привод.

С этой поры зачастили к нему жители ближайших домов с подобными просьбами, по-видимому, Скоролётка постаралась. Кому отказал, а кому и помог с ремонтом принесённой аппаратуры, потому как слёзно просили «Христа ради» – отказать невозможно. Постепенно втянулся в работу по выполнению заказов. Пошли дни трудовые. Невольно образовалось неофициальное малое предприятие. Деньги появились, правда, небольшие, но помогли восстановить надгробие жены. Любимое занятие – чтение книг пришлось отложить до лучших времён, а тут как раз кто-то из соседей, которым надоели ошибочные звонки, крупно вывел краской на бетонной стене дома: «РЕМОНТ АППАРАТУРЫ, 3 ЭТАЖ, 13 КВ». У другого мастера после такой рекламы дела бы пошли в гору. У Зиновия Павловича наоборот – с горы. Не прошло и полгода, как явился к нему участковый, пузатый старлей Жихарев. Впустил, думая, что и ему потребовалось что-то отремонтировать, но участковый повёл речь совсем о другом:

– Гражданин мастер, я понимаю, что сейчас трудные времена и каждый человек, так сказать, ради куска хлеба выживает, – начал он втолковывать ему, – но, насколько я знаю, вы нигде не оформляли право на оказание населению бытовых услуг по ремонту. Так ведь?

– Так! – согласился Зиновий Павлович. – И что из этого выходит? Я должен людям отказывать в помощи?

– Послушайте, – вспыхнул Жихарев, надвигаясь на него животом, – у меня дел невпроворот, времени нет на пустые разговоры. Умный же вы человек, должны понимать, что можно, а чего – нельзя. Нельзя о своих незаконных услугах писать на стене дома! Нельзя работать как вздумается. Короче, рекламу закрасить, а самому – оформить документы на предпринимательство в установленном порядке. Всё! Считайте, что я вас предупредил, и даже протокол о нарушении не составил, понимая незлобность обстоятельства на моём участке.

Ушёл быстрее, чем появился, а Зиновий Павлович, почёсывая затылок, стал раздумывать над сказанным: «стена дома», «реклама»... Что бы это значило? Вышел во двор, огляделся. Бросилась в глаза крупная надпись на стене. Вспыхнул гневный, недоумённый вопрос: «Кто подложил свинью?» Потом решил: «Скоролётка! Баба языкастая, ну, погоди!»

Ночью подошёл к её подъезду дома и высоко вывел броскую надпись куском мела: «САМОГОН, КРУГЛОСУТОЧНО, КВ. 70». Пошёл, удовлетворённо потирая руки.

Через несколько дней Скоролётка, не сумев выгнать из прокисшей браги самогонку, заняла на кухне привычное место у окна. Она сидела грустная, переживая фляжный убыток. Но и с прибытком она могла, как добровольный страж, часами наблюдать за каждым движением во дворе. Случалось, пулей вылетала во двор, заметив какой-либо непорядок. В полдень в сектор её обзора попался «Москвич» её этажного соседа – Яшки Егорушкина, торгующего на вещевом рынке рыболовными принадлежностями. Он заехал двумя колёсами на чахлую газонную травку. Скоролётка – тут как тут! – выскочила, запыхалась гневом:

– А ну, отгоняй свою вонючку, ставь на привычное место! Чего глазами семафоришь? От ваших машин уже дышать нечем, ребятишкам негде поиграть!..

– Марь Андреевна, ты кто, ГАИ? – ехидно поинтересовался молодой шустряк Егорушкин, играя глазами. Они у него разноцветные: один – карий, другой – изумрудный.

Скоролётка разъярилась ещё сильнее:

– Лезь в машину, не рассуждай, отъезжай, ты меня знаешь!..

Знает, потому и бросает напоследок: «Иди ты!..» – однако опасаясь сказать, куда именно. Не хочет связываться со злой соседкой. Егорушкин послушно ставит «Москвича» на привычное место у мусорного контейнера в конце двора. «Чёртова Скоролётка, – ворчит он, – у меня задняя передача заедает, как теперь назад буду сдавать? Надо же, подлетела!»

Поставив автомобиль и проходя мимо Скоролётки, посоветовал в сердцах:

– Вышивкой занялась бы, как другие пенсионерки, чем паяться из окна!

– Нашёл вышивальщицу! С моими-то глазами? Мне надо полдня целиться ниткой в иголку...

– Понятно с глазами! – бросает Егор. – Тогда я прочитаю тебе, что над дверями написано: «Самогон, круглосуточно, квартира 70». Раньше никак не мог понять, откуда бражный запах. Теперь – знаю!

И захлопнул дверь подъезда, ухмыляясь, оставив во дворе остолбеневшую соседку. Не скоро пришла в себя Скоролётка. Потом всё же подошла, вглядываясь в меловые буквы. «Это что же, подкуп? – недоумевает она. – Кому дорогу перешла? Вроде бы никому. Правда, рано утром прибежал с просьбой дать в долг бутылку алкаш Колька по прозвищу Конь. Трясся, умолял, но получил отказ. Забыл правило: без денег – нет опохмела. Стоит один раз дать в долг, покоя не дадут: “Дай, дай, дай!” Конь тогда обматерил её и ушёл. Неужто его работа? Нет, эта трясучая сопля так высоко не дотянется. Разве что Валентин из барака? Он – жердёвый, руки до плеч исколоты рисунками: русалками, змеями, кинжалами. Но Валентин, говорят, бросил пить, за ум взялся – рубшиком туш устроился на базаре. Зачем ему мелом баловаться. Тогда кто?»

Гадала она, гадала, ни к чему не пришла. Принесла табуретку, полезла надпись смахивать тряпкой. Потянулась на цыпочках – высоко написано, не достать. Тянулась, тянулась и загремела с табуретки на цементную площадку. Лежит, охает, слезами заливается, силится подняться, да не может – ногу подвихнула. Егорушкин услышал, помог ей подняться да ещё надпись стёр по её просьбе.

На другой день увидел Зиновий Павлович с палкой хромающую Скоролётку, поинтересовался причиной недуга. Та и рассказала о падении с табуретки, не вдаваясь в подробности. Не этого он ждал от неё, сурово заметил:

– Искать надо причину в себе, а не в табуретке. И потом, все мы – грешники... Кстати, знаешь ли, что такое грех?

– Чего проще, это когда против Бога идём!

– Так-то оно так, да не совсем. Против Бога, Мария Андреевна, идти бесполезно. Ему навредить никто ничем не может. Грех – это рана, которую человек наносит себе сам, когда нарушает Божьи заповеди. Господь их установил для пользы самого же человека. Исполни их и будешь нормальным, а выйдешь за пределы – тебе же хуже, сам себя ранишь. Например, ты захромала, а это сигнал о том, что в твоей жизни произошло какое-то отклонение от нормы. Ищи причину в себе, а на табуретку не ссылайся!

– Зиновий Павлович, ты, часом, не от гостей идёшь? Что-то я не пойму тебя, словно ты с Луны свалился, мил человек! Мы ж на Земле живём. Здесь шагу ступить без греха нельзя, ноги протянуть можно безгрешному... Не ожидала от тебя такой укоризны. Иль думаешь, что я тёмная, неучёная, церковь не понимаю? Сам-то ты как насчёт греха, святой ли? Извини, конечно...

– Не поняла ты меня, это правда. Я, может, в сто раз грешнее тебя, но всегда ищу причину греха в себе, чтобы покаяться и не повторять его. Чуешь разницу? Ищу в себе, а не в других. Так оно как-то лучше. Иногда забываю, перекладываю вину на окружающих, например на тебя, но спохватываюсь и копаюсь в себе. И потом, мы с тобой почти ровесники, много чего повидали на белом свете и можем говорить друг другу нечто для взаимной пользы. Не согласна?

– С этой стороны согласие имею, – важно заметила Скоролётка – но убытки слишком большие, чтобы польза их возместила. Не знаешь порой где взять доходов. За всё приходится платить. Мы к этому не приучены, раньше жили в достатке. Какого рожна нам не хватало? Только теперь стала понимать, чего лишились простые люди. Забили нам голову свободой, а её как не было тогда, так и нет теперь. Ждали, что будет жизнь более справедливая, а вышло что? Раньше хотя бы про труд говорили, а нынешняя власть – молчит или сплошь брешет. Вспомни, перво-наперво рай для себя начала строить. Нет бы с заботы о детях начать – куда там, им собственные коттеджи важнее. Как же я, мил человек, в себе должна копать, грехи свои выискивать, когда богатеи только и ждут, чтобы им не мешали. Кто ж их усовестит?

Зиновий Павлович пожал плечами:

– Бессовестных разве усовестить? Это Господу под силу, а нам мучение дано для размышления, мы должны искать сообща пути праведные. С тобой, я и то понимания не нахожу, а как найти его с властями? Время требуется...

– Нету у нас с тобой времечка, мил человек, – было и вышло. Молодых теперь отучили думать, они пиву сосут, дымят, сквернословят, безобразничают от безделья. На них-то какая надежда? Не скоро созреют, да и не увидим плодов. Я, видишь, ковыляю пока, а дальше на какие шиши жить? Дочка с зятем ноги не кажут – некогда им. Одна да одна...

Зиновий Павлович хотел было ей о вреде самогонаварения наставление сделать, но передумал, чувствуя свою причастность к её хромоте. Чёрт его надоумил взяться за мел, да о грехе толковать... Теперь он испытывал к Скоролётке искреннюю жалость. Поехал в магазин покупать ей костыль.

* * *

В это время Лариса приехала в Орёл. Ей предстояла поездка в столицу, а потом – в Европу, по делам отца Виссариона. Захотелось в родном городе знакомых повидать, главным образом Зиновия Павловича, но никак не могла разузнать его новый адрес. Бывшие коллеги по работе и знакомые не могли ей в этом помочь – не знали, где он проживает, лишь успели выложить кучу городских новостей, не имеющих к Соловьёву никакого отношения, а в городском адресном бюро он всё ещё значился выписанным. Полтора года прошло – ни одного письма от него, жив ли, нет ли? Она уже подумывала, не поехать ли на вокзал, как вдруг на площадке перед магазином на Приборостроительной улице увидела драку и из любопытства решила подойти ближе.

Тут надо сделать пояснение, поскольку участником драки невольно стал Зиновий Павлович с костылём в руках. Купленный им костыль, как мы знаем, предназначался в качестве третьей опоры

для Скоролётки. С этим костылём он мимоходом заметил очередь, образовавшуюся за дешёвыми мясными рёбрышками, привезёнными к магазину на автомашине. С неё шла бойкая торговля. Говяжьё косточки охотно брал пожилой народ, в основном женский. Зиновий Павлович, стоя в очереди, обратил внимание на двух парней нахального вида, шныряющих туда-сюда, выясняя, за кем они ранее стояли. При этом теснили покупателей, заглядывая в лица. Зиновий Павлович не выдержал:

– Молодые люди, вас здесь не было. Вы сошли с троллейбуса и сразу же пошли в пивной ларёк. Я видел, как подъехала машина, как образовалась очередь, подошёл, а потом из пивной вышли вы!

– Тебя не спрашивают, – рыкнул один из них, – стой и молчи, без тебя разберёмся!..

Грубо сказал, но Зиновий Павлович промолчал, может, и впрямь обидел своим замечанием. Спешить ему некуда, рёбрышек на всех хватит, но тут он заметил, как рука второго парня юркнула в карман пиджака пожилой женщины в брюках. Он тут же ловко зажал руку карманника с возгласом:

– Ах ты, гад!.. Вот, значит, чем занимаешься? Зовите люди милицию, вора держу!..

Обернулась очередь, распалась, заохала женщина в брюках, чуть не ставшая добычей карманника, посыпались гневные крики остальных:

– Выпустили вору из тюрем на наши головы! Мерзавцы! Нашли кого грабить среди белого дня! Как вас земля терпит?! Мужчина, держите его крепче, мы сейчас в милицию позвоним!..

Приятель карманника сразу же бросился на Зиновия Павловича с кулаками, но мгновенно получив от него костылём по голове и отскочив, вновь ринулся в атаку. От пивной уже торопились на помощь карманникам их собутыльники – ещё двое зрелых мужиков. Зиновий Павлович понял, что вора ему не удержать, отпустил руку карманника, приготовился к бою – один против четырёх. Тут же завязалась яростная схватка... Но не так просто нанести урон Зиновию Павловичу с его-то богатырским ростом да ещё с костылём в руке. У него в голове даже мысль сверкнула: «Крепкие делают костыли отечественные фирмы! Куда как прочнее иностранных...» Словно знал те и другие...

Ничего не смогли поделать с пенсионером – так разошёлся Зиновий Павлович, что разогнал их по подворотням. Вот такого его – разгорячённого, разгневанного приняла в свои объятия случайно оказавшаяся здесь Лариса.

Смущённый, он неловко отстранился от неё, думая, что это потерпевшая женщина в брюках, но, взглянув, признал – Лариса. Опять щёлкнуло что-то в его голове, забормотал, сделав недоумённое лицо:

– Извините, гражданка, вы ошиблись, я не ваш родственник!..

– Зиновий!.. Что за шутки? И это ты говоришь мне? Здравствуй! Куда же ты уходишь?..

– Здравствуйте! – автоматически произнёс Зиновий Павлович. – Вы меня простите, – это он Ларисе-то, – но я стою за рёбрышками...

И направился к женской толпе, почтительно расступившейся перед ним. Послышались искренние голоса: «Хоть один настоящий мужчина нашёлся!», «Молодец, дал им!», «Пусть берёт без очереди!», «Подходите, подходите...»

Женщина в брюках, чуть не ставшая жертвой карманника, всё ходила рядом и повторяла: «Дайте, я за него заплачу! Дайте заплачу...»

Зиновий Павлович ничего не мог поделать, его буквально подвели за руки к белому столику с весами и вручили, не взвешивая, самых лучших мясных косточек – целый пакет – и дружно выпроводили из очереди, чтобы не дать возможности оплатить покупку.

Лариса всё ещё приходила в себя, стоя поодаль, наблюдая и не понимая происходящего...

Он прошёл мимо неё с гордо поднятой головой, даже не взглянув, держа под мышкой костыль, а в другой руке – пакет. Она, после раздумий, понуро поплелась за ним до троллейбусной остановки. Вдруг он резко повернулся, радостно воскликнув:

– Ба-а-а! Кого я вижу? Лариса Сергеевна, вы ли это? Каким ветром занесло к нам? Здравствуй, рад тебя видеть!..

Она бросилась к нему, всхлипывая:

– Не ожидала от тебя бессердечности... Артист паршивый!.. Куда ты пропал?..

И прижалась рыжими кудрями к его плечу:

– Я тебя ищу, ищу, а ты дурачишься...

– Успокойся, Лора, успокойся! – утешал её Зиновий Павлович. – Так уж и паршивый, Глоткин был бы другого мнения!

И свободной рукой обнял её за талию.

Поэзия

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист, историк, член редакционного совета журнала «Берега». Директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Член Литературного форума «Мирь Слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, жюри Международного детско-юношеского конкурса им. И. С. Шмелёва «Лето Господне», жюри Международного открытого конкурса «Просвещение через книгу», жюри Международного литературного конкурса им. С. Т. Аксакова ИС РПЦ, Совета экспертов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

* * *

Мне не лежалось на лежанке –
Мешал всё треск горящих дров,
И тьме, как старой прихожанке,
Я рассказать был сны готов.

Но я молчал, хоть был не робок,
Вбирая телом жар печной,
И мне казалось, что подтопок
Тепло беседует с избой.

И пахло лесом, дымом, полем,
Рожденьем, жизнью, нищетой,
Коротким счастьем, долгим горем,
Второй и Первой мировой.

На языке горчила жжёнка,
Катился пот слегка по лбу,
И видел я в себе ребёнка,
Чьи сны возносятся в трубу.

* * *

Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё изменилось с тех пор, но иду я к тебе,
Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.

Кажется мне, я иду по курганному полю,
Звёзды угрюмо склонились к расстрельному рву,
Сон ты никак не обманешь, он рвётся на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скупные просветы,
Наши свиданья с роднёй обречённо редки.
Грозным Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом в изголовье реки.

ВИСЕЛЬНИК

*Василию Михайловичу
Серкову*

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское –
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржанные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии –
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата –
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

На утро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

* * *

Весенний лес был полон соловьями,
Взвивался к солнцу звучный перелив,
А он сказал: «Под нашими ногами
Лежат друзья, а я остался жив.

Мы пили воду из дорожной лужи,
Мы яблочную доедали прель,
Но знали, что бывает и похуже,
И хуже стало после двух недель.

Мы обошли угрюмую пустошку,
И с голодухи нас прельстила вонь,
И мы копали сгнившую картошку,
И пулемётный в спины лил огонь,

И в поле я лежал между телами,
И мягок был под Вязьмой чернозём,
И небо омывало нас дождями,
И я простился с пленным октябрём».

СТУДЕНЕЦ

Не плачь, курносая голуба,
Не стоит слёз твоих ведро,
И я с улыбкой водолюба
Верну пропавшее добро.

Оно лежит на дне колодца,
Помилуй, Фёдор Стратилат,
На глубину мне лезть придётся,
Подземный мир холодноват.

Читай, молельщица, прокимен,
Я ухожу в студёный свод,
Пусть будет он гостеприимен,
Ведро без грубости вернёт.

Колодец выложен по-русски:
Надёжен, гладок и дощат,
И от испуга в скользком спуске
Молитвы скрыли перемат.

Во тьме воды менялись лица,
Я слышал крики, имена,
И думал я, что будут сниться
Мне раскулачка и война.

ДОРОГОбУЖ

*Александру Сергеевичу Орлову
и Сергею Васильевичу Серкову*

Со дна июньских тёплых луж
Тянуло мёдом, льном и кожей,
И вечер, вежливый прохожий,
Нас пригласил в Дорогобуж,

Где дождь, задумчив и покоен,
Кропил торговые ряды,
И большегрузные следы,
И дух усопших маслобоен,

Полки канатной конопля
И залежи пластичной глины,
Мещанских домиков руины
И плинфы кривичей в пыли,

И колченогих стариков
У перекошенной ограды,
Их опалённые награды
За Ржев, Смоленск и Могилёв.

Дождь лил, слоняясь по дворам,
Передохнул в тиши сарая,
Кусты и грядки освежая,
Ушёл к блестящим куполам,

Где жизнь доверчива, мудра,
Щедра, смиренна и упряма,
Сокрыта от Москвы и гама,
Где дремлет солнце возле храма
Петра и Павла,

Павла и Петра.

* * *

Не жил я в эпоху носильных коммун,
В курганах не взрыл артефакта,
Но слышал, как сладко поёт гамаюн
В чащобах Смоленского тракта.

И в пенье дремотном красив и блажен
Явился мне край вечной смоли,
Где люди не терпят плаксивых измен
И лечат в молитвах мозоли,

Где с детства мой дед выходил на покос,
Отца ждал у графского сада
И первой щетиной в отряде оброс,
Смывая кровь немцев с приклада.

Откуда ушёл он, ничто не забыв,
Ушёл навсегда поневоле,
Скрывая на сердце щемящий нарыв
С подсушенным привкусом соли.

Андрей Расторгуев

Андрей Петрович Расторгуев – родился в 1964 году. Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Автор около 20 книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат премии Правительства Республики Коми, литературной премии Уральского федерального округа, Международной литературной премии «Словес связующая нить», премий им. П. Бажова, В. Станцева, Р. Рождественского и ряда других литературных наград. Живёт в Екатеринбурге.

ПЕРВОМАЙСКОЕ

И слова отопреку не скажи:
он зреющее чувствует острее,
приподымая землю на ножи
и копыя торопливого пырея.
И пусть не разделяя торжества,
закрученная в мягкие комочки,
погоду осторожная листва
вынюхивает в лопнувшие почки.

В натуре нет обратного пути
и послабления в лиственном законе.
Она решится выйти – и войти
и растопырит лёгкие ладони:
до восходящей к облаку реки,
мелеющей без слова дождевого,
древесные шипы и желваки
не допускают воздуха земного.

КАРАИДЕЛЬ ¹

I

Издалека из-под руки,
охотник в тысячном колене,
вглядись: на берегу реки
легли ленивые тюлени,
а подберёшься на версту
по ивняковому околку –
неимоверному киту
вода оглаживает холку...

Как броневые корабли,
на дух петрушки и шалота
идут из глубины земли

три первозданных кашалота,
но до последних шатких пор,
удерживая спины пашен,
лежит опорой опор
тяжёлый панцирь черепаший.

II

Пускай своя не бёлена и мелом,
не уходи за тридевять земель –
Караидель впадает в Агидель,
и чёрное расходится в белом.
Удачи – на подброшенный пятак,
но твердь земная вовсе не жестока:
в течении от горного истока
Кара́ переменяется на Ак.

Раскачивает – да не колыбель,
но все противопологи жизни волглой
уносит в море мудрая Идель,
по-русски именуемая Волгой.
И даже в беспросветные года
склонись над чёрной прорвою в затоне
и зачерпни – прозрачная вода
останется на вымытой ладони.

* * *

Не делай мне поблажки
на круге роковом:
не покупай рубашки
с коротким рукавом –
по ведомым приметам,
родимый человек,
мне их коротким летом
не износить вовек.

¹ Караидель – чёрная река (башк.).

Что холодна природа,
какой с погоды спрос?
А ветреная мода
по ветру держит нос –
мол, оттянись, Ерема,
рассудку вопреки...
Эх, потянул бы время,
да руки коротки.

* * *

Не обрекая плесени
нажитое трудом,
брат накануне пенсии
отделяет дом.
Только всего и дорого
данного со щедрот –
место вдали от города,
садик да огород.

Лиственницы да падубы,
доброе поля пядь –
только всего и надо бы,
дабы не голодать.
Сколько ещё отмерено?
Надо бы до конца:
выросли дочь и дерево –
строится крепостца.

Но за сирень-смородину
и обиходный быт
он золотую родину
не поблагодарит –
не по душевной малости,
а сторожась цены:
то ли нещадной старости,
то ли большой войны.

* * *

Когда не заново, а опять,
не по наитию и отточью –
привыкших поздно ложиться спать
не удивить новогодней ночью.
И сколько свежести ни готовь,
неугомонною переключкой
согласны опытные: любовь
переворачивается привычкой...

Воды и времени не рассечь,
но отмечаем хотя бы чаем
на пристанях ненарочных встреч –
и на течении различаем.

И на отчаяние не трать
бесперестанно души и тела:
когда без крови не оторвать –
не прилучилась, а прикипела.

* * *

На облюбованный край земли
хочешь валить – вали...
Славно летят в золотой дали
белые корабли.
Если на выстуженной реке –
снежная береста,
славно отправиться налегке
в солнечные места.

Как рассыпается свежий сноп
по ледяному льну,
сам я, осиливая озноб,
к телу живому льну,
а пережмёт на ветру висок
каменную тоской –
голову рад уронить в песок
средиземноморской...

Ой, бестолковая голова!
Только лицо умой –
ведает, что одна жива,
а всё одно – домой:
к раннему свету, смоле, золе... –
надо ли говорить?
Жить, не тужить о чужой земле,
хоть бы и лес валить.

СТОРОЖОК

Тьма. Погашены окошки.
Шебуршат ежи да кошки,
и собака на ветошке
сторожит ночную мглу:
– Берегитесь, кошки-ёжки, –
пооткручиваю бошки
всем, кто вышел для кормёжки
по морковь или свеклу...

Слышно: пролетают совы.
На двери – замок весомый...
– Мы тяжёлые засовы,
дайте время, отопрём.
Прячьтесь, ёжики, под ёлки –
посчитаю все иголки,
если мой хозяин сонный
мне посветит фонарём...

* * *

Потеплело, да не очень:
бабье – это не всерьёз...
Золотистой мастью в осень
жизни радуется пёс:
зарепеена хребтина,
череда на голове,
на снегу или траве
кувыркаться – всё едино...

Без сомнения служить
да ценить, чего имею...
Жаль, наверное, что жить
по-собачьи не умею.

* * *

От щедрого ливня и ветра,
привычных к ночному труду,
пионов тяжёлые ядра
упали в густую траву.

Но солнечный ливень ответный
сквозит из балконных окон,
как будто погром несусветный
привиделся сквозь полусон,
и электроточную будку
пометить калёным тавром
не целили молнии будто,
железо дробя над двором,
и, в лёгком сплетясь одеяле
на простынях чистого льна,
чудесное нечто проспали
мы, не отряхнув полусна,
и в полусомкнутые веки
ещё не известную часть
в природе или человеке
опять опоздали прочесть...

Но выше прохладных резонов,
что плотью живой горячи,
как тонкие стебли пионов,
мы не устояли в ночи.

* * *

Я с любимой вечер коротал
в полном понимании-безмолвии.
Вдалеке отсвечивали молнии,
грохот потаённый рокотал.
Только что, над нами проходя,
за капелью первого дождя

ткали тучи медленно и длинно
полотно безжалостного ливня.
И оборвалось оно во мгле,
разлилось по высохшей земле,
напитав от листьев до корней
всё, что нынче выросло на ней...

И подумал я глаза в глаза:
мы с тобою – словно та гроза.
Лето золотое не до дна,
а граница осени видна...
А она ответила: не ври –
земляники утром набери.
Мы с тобою тоже – будь готов –
из долгоиграющих сортов.
И гроза, похоже, не одна –
на подходе новая волна.
Повторить не воспрещается.
Видишь: туча возвращается...

* * *

Далеко за холмом
мы в конце-то концов
запоздалым умом
понимали отцов:
их ладоней корявых
шершавый наждак,
убеждение правых
в их праве нажать,
алкогольные боли,
табачное зло...
У кого они были,
тому повезло.

И потом, понимая
родительский быт
и сердца вынимая
из детских обид,
мы худое хотели
не перенимать,
но сумели немного
переменить,
ибо в самом начале,
у первых дверей
нам досталось печали
и от матерей.

А которым сейчас
сыновей поднимать –
пожелают ли нас
поминать-понимать?

Поэзия

Валентина Коростелёва

Валентина Коростелёва – родилась в Кирове. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на российском радио. Очерки о русских классиках и современных поэтах прошли по страницам ряда журналов, изданы в книгах (в т. ч. «Всё начинается с любви», «И значит, нам нужна одна победа...», изд-во «Вече»). Автор 23 книг поэзии и прозы, в том числе на болгарском языке (стихи). Член Союза писателей России, лауреат литературных конкурсов – им. Андрея Платонова, Антона Дельвига, «Добрая лира», «Слово-2017», ряда конкурсов за рубежом (Вена, Берлин, Нью-Йорк), региональных – им. Ф. Тютчева и А. Белого. В 2005 году в серии «Созвездие России» вышла книга «Свет Ярославны», посвящённая творчеству В. Коростелёвой. Заслуженный работник культуры РФ.

ЛЕТИ, ДУША!..

ПОКРОВ

А всё ещё совсем не ясно,
Когда зима с весною спорит:
То ль хлынет в душу солнце красно,
То ль обернутся лужи морем...
 Что зреет там, за горизонтом,
 Добро иль зло пребудет в силе?..
 Дай бог, чтоб из лучей был соткан
 Покров над страждущей Россией!

ПОДАРОК

Ну, что такое – первые листочки?
Что нового о них ещё сказать?
А вот и шаг замедлишь, между прочим,
Начнёшь надежды кружево вязать.
 Вплетаешь синеву, и солнце ало,
 И ветерок, и ранних птиц полёт...
 И кланяешься Богу за подарок,
 За сердце, что по-детски чуда ждёт.

ТВОИ ХРИЗАНТЕМЫ

Мимо скользили и будни, и темы,
А на столе всё жила благодать...
Как же старались твои хризантемы,
Как не хотели они увядать!
 Словно бы наш разговор продолжали,
 Словно сливались с моею душой,
 Грели её лучше чая и шали,
 Щедры пророчили праздник большой!

В ТЕПЛЕ

Дай-то бог в оврагах нынешних
Не завесь на сердце ржу.
Принимаю день сегодняшний,
Каждым часом дорожу.
 Пусть глаза порою мокрые,
 Да зато душа в тепле.
 Ночь ушла. Заря за окнами.
 Чай горячий на столе.

ТОЛЬКО ДЕРЖИСЬ...

Снег сыпал, зима как зима.
Тихий снег не спешит и не выюжит.
Будний день, и земля как земля,
В этот час не дрожит и не тужит.
 Вот такую была бы и жизнь:
 Книга рядом и чай с пирогами...
 Ну, а выпало – только держись, –
 То пустыня, то лёд под ногами.

ЗАКОЛДОВАННАЯ

Уже пронзило дерзким счастьем
Обоих – от ступней до глаз.
Я знаю, нет такой напасти,
Что разведёт сегодня нас!
 О, колдовство хмельное мая,
 Что распотешилось, слепя!
 И я себя уже не знаю,
 Желанный вечер торопя...

СВЕТЛАЯ СИЛА

...И чёрные идут, идут снега,
И белые не выпросить у Бога.

А. Шацков

А нам не привыкать к любым снегам,
У нас сама история такая.
Мы научились и прощать врагам,
И биться насмерть, кровью истекая.

А что до белых, искристых снегов, —
Они в душе, как свет или ромашки,
И нет у этой силы берегов,
И потому бессмертно «Знайте наших!».

Опять гуляют чёрные снега,
На солнце снова тучи напозают,
Тревогой наливается строка, —
Но Сергей славный и сегодня с нами.

ЗА ДАЛЬНИМ ЛЕСОМ

Ещё полно зелёных листьев,
И по утрам ещё тепло,
И ветер, всё ещё речистый —
Не мчится с шашкой наголо,

Не тяжелы дождя завесы,
Вольны над избами дымы, —
А где-то там, за дальним лесом,
Уже стоят войска зимы!..

ЭТОТ ПОЦЕЛУЙ

Откуда что внезапно накатило?
Ах, не случайно вырван поцелуй!
И вот, как будто заново родилась —
Всё новыми словами именуй!

И вот уже сама открыла двери —
О голос, ради бога, не дрожи! —
И вдруг узнала, что любовь — доверье
Разбуженного тела и души...

Я ТАНЦЕВАЛА В ПЕРВЫЙ РАЗ...

Я танцевала в первый раз
Под духовой оркестр.
Его высокий, тёплый бас
Вознёсся до небес,

И мне казалось — все, кто был,
Смотрели на меня,
И было солнце золотым
От медного огня...

СЛОВО

А мы опять поспорили, и снова
Какая-то неловкость на душе.
А ведь совсем-совсем другое слово
Друг другу приготовили уже.

Но как же быть?! Долой сентиментальность,
Нам жёсткость преподал двадцатый век.
А сердце ждёт-пождёт, да и устанет,
Да и не вспыхнет, может быть, вовек...

ЩЕДРАЯ ОСЕНЬ

Нынче осень щедрая такая, —
Все печали с листьями стряхнёт,
Отведёт от горя и от края,
Поднесёт незримо терпкий мёд...

Далеко чуть слышно гром грохочет,
Но ещё уютен общий дом,
Будто всех спасти сегодня хочет
Золотым таинственным листом!

ОБЪЯТЬЯ

Опять открыты двери
На холод и на ложь,
И правит лицемерье, —
Порой не продохнёшь,
Стареют сёстры, братья
На гребне маеты, —
И лишь твои объятия
Надёжны и чисты!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Прошла гроза. И лес, очнувшись будто,
Как после суховея, задышал,
И светит жизнью каждая минута,
И от восторга воздух задрожал,
И дальний пруд кувшинками усеян,
И даже комары не очень злы,
И эта фантастическая зелень —
Сквозь чёрные промокшие стволы!..

ЛЕТИ, ДУША!

Ах, сколько же задорной было веры,
Какие горизонты впереди, —
Когда нас принимали в пионеры.
Раздайся, свет! Лети, душа, лети!..

Такое обещание полёта,
Такая в сердце радостная дрожь —
И до сих пор ведут ещё кого-то.
И слава Богу. Он не против тож.

Геннадий Рязанцев-Седогин

Геннадий Рязанцев-Седогин – член Союза писателей России, поэт, прозаик, литературный критик. Автор 16 книг поэзии, прозы и эссе. Публиковался в литературных журналах: «Берега», «Наши современники», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Волга», «Север», «День и ночь», «Поэзия. XXI век от Рождества Христова», «Российский колокол», «Свет столицы», «Подъём», «Вертикаль. XXI век», «Петровский мост» и др. В альманахах: Академии Поэзии, «Наши бессмертные. Русские поэты о вере и Боге», «Казачий Крест». Международных альманахах: «Планета поэтов» и «Зеркало жизни».

Лауреат Международной премии им. Михаила Платова, Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского, Ярослава Смелякова, Ивана Бунина, Алексея Липецкого, Евгения Замятина, журнала «Север», журнала «Петровский мост», лауреат 16-го Открытого литературного конкурса «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее художественное произведение» и др. Обладатель «Золотого диплома» Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» и Большой серебряной медали им. Николая Гумилёва. Действительный член Академии российской словесности, действительный член Петровской академии наук и искусств. Книги Геннадия Рязанцева-Седогина переведены на болгарский и немецкий языки и изданы в Болгарии и Германии. Председатель Липецкой городской писательской организации и председатель Всероссийского общественного движения «Культурный фронт России». Живёт и работает в Липецке.

* * *

ВЕСНОЙ

Притворяться больше не могу.
Для тебя, судьба, я лишь прохожий.
Сколько мне стоять на берегу?
Ты скажи мне, милосердный Боже.

Я б хотел увидеть отчий край,
И мне кажется, что он похожий
На обещанный Тобою рай.
Это правда, милосердный Боже.

Я его увидел на бегу.
Жизнь была суровее и строже.
Страх нет, я думаю, смогу.
Помоги мне, милосердный Боже.

Вот стоят в вертящемся кругу,
Кто-то навзничь падает негодий,
Я держу его и удержать смогу.
Помоги мне, милосердный Боже.

«Это ты, – кричат в немом в кругу, –
Посмотри, он на тебя похожий!»
Притворяться больше не могу.
Помоги мне, милосердный Боже.

Не помнит ветка, что была мертва,
Когда под солнцем распускает почки.
Там, у корней, пожухлая трава,
Безжизненные серые листочки.

Не помнит ветка, как глухой порой
Упругий ветер холодил запястья,
Как стыли соки под её корой
И были нескончаемы ненастья.

Не помнит ветка, руки протянув,
Как расставалась с птицами ночами
И как забылась, с трепетом вздохнув,
Объятая холодными лучами.

Не помнит ветка, что была мертва,
Когда весною распускает почки.
Не знает смерти нежная трава,
Не знают смерти клейкие листочки.

ПУТЁМ ЗЕРНА

Пахали в ночь. Погожие деньки.
Успеть, успеть посеять в землю зёрна.
Седые небеса пространны, глубоки,
Земля, вздохнувшая, покорна.

Кормилица и ласковая мать.
Тебе не занимать терпения и воли,
Ты не устала со смиреньем принимать
Людей, не помня ни обид, ни боли.

Падёт зерно в твою святую плоть,
Его пробудит дождь, взлелеют ветры.
Путём зерна, считая километры,
Пойду и я, благослови Господь.

* * *

Пять минут от ада до рая.
Я стою на запасном пути
И кричу: Красота-то какая!
Слышишь, Господи, не молчи.

Я в мгновенье вместил Твою вечность.
Догорает огарок свечи.
Ты скажи мне, что есть человечность?
Слышишь, Господи, не молчи.

Мне бы знать без туманных пророчеств,
Что горят, словно пламень в горсти,
Сколько в мире ещё одиночеств?
Слышишь, Господи, не молчи.

Вот уж стрелочник переходит,
Открывает мои пути...
Кто по рельсам незримый ходит?
Слышишь, Господи, не молчи.

МЕЧТА

Я хотел бы жить с тобою
До конца под сельским небом,
С деревенской голытьбою,
С молоком и чёрным хлебом.

Чтобы ты была простушкой
В белом ситцевом платочке,
Чтобы на часах с кукушкой
Вместо чисел были точки.

Чтобы в летний день воскресный
Колокол звонил к обедне
И в церквушке нашей тесной
Ты стояла бы последней.

В долгой складчатой юбчонке,
Тихо зажигая свечи
И рукою, юной, тонкой,
Осенья лоб и плечи.

ЛЮБОВЬ

Мы просто шли
Тропой тенистой сада.
Мы шли через века,
Несли свою любовь.
Любила стены ты
Старинного Царьграда,
А я на Рим
Заглядывался вновь.
Мы просто шли.
Мы век не выбирали.
Он оказался ростом
Невелик –
Ты телом шла вперёд,
Душою – по спирали,
Когда внезапно век возник.
Вдруг стало тесно,
Душно у перрона:
Ты сразу поняла,
Что он похож на Рим
Времён правления
Нерона
И страха, связанного с ним.
Ты поднялась,
Крестом сложила руки.
Подумал я:
«Так действует любовь,
Которая в пути
Не ведает разлуки
И, умирая,
Воскресает вновь».

ХРИСТОС ПЕРЕД ГОЛГОФОЙ

Пророчество имеет вкус,
Имеет имя и причину:
Копьё и уксус,
Жёлчь и смирну,
И исцеляющий
Убрус.
Померкли краски,
Время шло к закату,
Менялся караул
И начинался
Неторопливый
Всадников разъезд.

Разгневанной толпы
Уродливые маски,
И страшный гул
Всё нарастал окрест.
Среди небесного
Сиянья
Стоял ты с обнажённой
Головой,
Готовый для любви
И для страдания.
Свободен шаг,
Свободен выбор твой.
– О Авва Отче!
Не дай мне чашу
Испить до дна,
Так страшен этот крест.
Но жизнь принесена,
И жертва наша
Для мира – колокол
И блавест.
Распались камни,
Разошлась
Завеса в храме.
Стригущий воин,
Как мертвец, стоит...
Безумный гул толпы
Идёт
Из тьмы веков
За нами...
И мироздание,
Как колокол,
Звучит.

СОН

Отцу

Как счастлив я, когда приснится
Мне нежность строгого отца.
Июльский день. Овраг. Криница.
И гул пчелиный без конца.
Отец ко мне коня подводит,
И, силою крылатых рук,
Меня возносит, и поводья
Даёт. И мы идём на круг.
Так сладко пахнет свежим сеном!
И жарки конские бока.
Я чувствую своим коленом
Верблюжий волос армяка.
Отец потёртую уздечку
Сжимает в твёрдом кулаке.
Я сверху вижу нашу речку
И грозный кнут в его руке.
Как счастлив я, когда приснится
Мне нежность моего отца.
Тот жаркий день, наш круг, криницу
Я буду помнить до конца.

БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ

Была здесь некогда излучина реки –
Остался склон с сожжённой травой,
Сюда коней гоняли мужики
Весенней целиною к водопою.

На самом дне, у склона, притаясь,
Пульсирует живой водой родник.
Над ним иконка – «Благодарный князь»,
Но время стёрло светонесный лик.

Среди густой травы ведёт тропа,
На камне жёлтом кружка и корец,
Но сохранила русская судьба
Над родником старинный голубец.

СОЧЕЛЬНИК

Ребёнку

Мы побредём с тобой, ребёнок,
В простор безбрежно-снеговой.
Твой голос так лучист и звонок,
Как этот неземной покой.
Зажгутся звёзды золотые,
Погаснет розовый закат.
Сейчас к тебе, моя Россия,
Прикован Бога нежный взгляд.
Нас ожидает нынче чудо,
Смотри, как светит на поля
Хвостатая звезда. Верблюды,
На них три статных короля.
Сосредоточены их лица,
Одежды тканые, чалмы.
Они идут, чтоб поклониться
Младенцу Богу среди зимы.
Темно в России. Звёзды яркие,
Волхвы несут в своих руках
Неслыханные здесь подарки
В тяжёлых, крепких сундуках.
Пойдём с тобой верблюжьим следом.
Ты видишь: на краю села,
Укрытый снегом, словно пледом,
Вертеп и у ворот осла.
Нас встретит нежно Мать Божья,
С высокой грустию чела,
Она сюда по бездорожью
Вчера с Иосифом пришла.
Внутри уж надышали жарко,
Стоят, склонившись, короли,
Младенец спит, и три подарка
Тревожат сон Его, смотри...

Поэзия

Олег Будин

Олег Будин – родился в 1960 году в подмосковном Ногинске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, факультет поэзии. Издал несколько разножанровых книг: очерки «Краеведческие записки» (1994), поэтическую сказку «Про Змея-Горыныча и его три головы» (2002), сборники стихотворений «Жёлтый карлик» (2004), «Общий вагон» (2014), «Со мной навсегда» (2020). Печатался в «Литературной газете», в журналах: «Юность», «Литературная учёба», «Москва», «Подъём», «Переправа», «Берега», в альманахах: «День и ночь», «Форма слова», «Словесность», «День поэзии», «Русский смех» и коллективных сборниках. Переведён на болгарский язык в сборнике «Золотые пески». Лауреат Всероссийского конкурса «Воинская слава России», награждён дипломом лауреата премии альманаха молодых писателей «Пятью пять», дипломом участника литературной премии Роберта Рождественского, дипломом XI Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Проживает в городе Электросталь Московской области.

НЕ УГАДАТЬ...

Не угадать, как карта ляжет
На белой шерсти декабря.
Я сам не лучше дикаря
Без показного макияжа,
С температурой и бронхитом,
Дурным ознобом до костей,
А карта – кукишем в постель
От медицинского лимита.
Залимитировали город –
Кареты «скорой» нет и нет.
И ценишь жизненный момент,
Пронзающий дыханьем морок,
Где хитроглазые Хароны
В реке забвенья наших дней
Температуриящих людей
Заочно заживо хоронят.
И если вдруг свалюсь у двери
Уже иного бытия,
То обниму на память я
Снег декабря, по крайней мере.
Пусть заморозит до скелета...
А может, всё наоборот:
Лекарством мне солнцеворот –
Там Рождество и время света.

зима 2020 г.

* * *

Чадит покрышками Майдан,
Тая в толпе протест осиный –

Опять недобрая байда
Перед границами России.
Оставьте ваш надменный пыл:
На Украине русских больше.
Напомню – Крым татарским был,
А западенцы – в панской Польше.
Москве Хмельницкий бил челом
Отнюдь не мальчиком наивным,
Спасая гетманским крылом
Очаг казацкой Украины,
Где, сохранив бунтарский дух,
Хохол с кацапом били ляхов.

Похоже, дух былой потух –
И табачок, и дружба прахом.
И прахом дух советских дней,
Что был недолог и неистов,
Но в нём кипела кровь людей,
Спасавших Землю от фашистов!
Растоптан памятный кумач...
У майданят свои знамёна,
Где на полотнищах – палач,
В геройский статус возведённый.
Свои свободы и права,
И поначалу веришь, вроде,
Что крики, вопли и слова
На самом деле о свободе.
Чадит покрышками Майдан –
И льстит в развешенные уши.
Вам сунут мелочи в карман
И плюнут в проданную душу.

ноябрь 2013 г.

* * *

Вы можете убить или пытаться,
Сломав колени, рёбра – даже душу.
Её нетрудно страхом измотать
И сапогами вышибить наружу.
Ужаснее мучения других,
Кто завывает от подвальных пыток,
Кому из кожи, срезанной с груди,
Судьба скрутила поминальный свиток.
Кому ни крошки хлеба, ни воды,
А только земляной предсмертный запах
И озверелость киевской орды,
Которую привёл к режиму Запад.
И украинец ты или москаль –
Режиму безразличен чей-то статус.
Бандеровцы с любого снимут скальп,
Кто повернёт к России хоть на градус.
И не перешагнуть земную ось,
К которой мы привязаны веками,
Где на полях когда-то довелось
Нам отвечать противнику зеркально.
Но знаем – дыба времени прочна,
А палачи лютуют на допросах.
И всё-таки Европа не учла,
Что русский крест не ведаёт износа.

лето 2022 г.

* * *

Ничтожны все, в кого ни ткни –
Бандера, Гитлер, Муссолини...
И для нацистов в наши дни
Свой эшафот на Украине,
Своя верёвка бытия
В неотвратимости столетий,
Где изуверам Бог – судья
На окровавленной планете.
Но им сегодня и от нас
Воздастся за людскую гибель,
Им не простит войны Донбасс,
Луганск, Одесса и другие...
Им не простят обстрел земель
Из скрытых «гаубиц» и «Градов».
Здесь воевал немецкий змей –
Теперь – бандеровские гады.
Пришедший немец – тот чужак.
А эти мнимые славяне
С народом русским на ножах
Сцепились общими корнями.
И в города на всех парах
Ворвались хаос и упадок,
Плодя могилы во дворах

С крестами из обычных палок.
Несут нацбаты смерть и мор,
И тихо душат слёзы мести
Среди расстрелянных домов
На их исконно мирном месте.
И Украина нам простит
Атаки армии и флота,
Испепеляющих настил
Укрепрайонов эшафота.
Осядет пыль бетонных плит
Очередного катаклизма –
В петле навеки отхрипит
Идеология нацизма.

весна 2023 г.

* * *

И кровью харкать, и гореть в огне
Вы будете не только на войне.
За геноцид не увильнуть от Ада –
Заблеете неонацистским стадом.

А Мариуполь жив. И Соледар...
Там одурял пороховой угар,
Там в канонаду глохли перепонки –
Не прячьтесь за гражданскими, подонки.

Вас не спасут ни подлость, ни ходы,
В кварталах, не имеющих воды,
Оконных стёкол, бывшего уюта –
Там лишь в подвалах тесных многолюдно.

Вам не поможет свастиковый флаг,
Являющийся гордостью салаг,
Засевших погибать в укрепрайонах
Под руководством «западных» погонов.

Мы вас давили и ещё добьём,
Выдавливая фронт за окоём,
И коллективный Запад отощает,
Дальнейшую поддержку обещая.

Донбасс российский вам не по зубам –
Останется дончанам, а не вам.
И за него снаряды землю роют,
А в чернозём стекают тонны крови,
От «Градов» полыхает небосвод
И плавятся и вечер и восход...
Всевышний знает, что за нами правда, –
Вы сами распахнули двери Ада!

осень 2022 г.

Поэзия

Ярослав Мальцев

Ярослав Мальцев – родился в 1985 году. Университетский преподаватель, кандидат философских наук; автор двух сборников стихотворений; лауреат литературного конкурса «Лёгкое перо – 2017» (Тюмень). Печатался в газетах «Тюменская правда в четверг», «Тюменская область сегодня», в литературно-художественном и историко-краеведческом альманахе «Врата Сибири». Живёт в Тюмени.

* * *

Люди искусственного интеллекта
Погружены в искусственные потоки,
Циркуляции циркуляров.

В этих людях отключено человеческое,
У этих людей выключен разум,
За этих людей думает обезличенность.

Эти люди ходят в костюмах,
Вместо этих людей ходят костюмы,
Костюмы сидят за столами,
Костюмы принимают людей.

Люди просят костюмы,
Люди роются перед костюмами,
Костюмы бесчувственны:
Там, где нет разума, нет и сердца.

Во всём имитируется деятельность.
Во всём имитируется мысль.
Всё превращается в имитацию,
Всё – симулякр.

Из этого хочется выписаться,
В этом не хочется участвовать,
Но это современная цивилизация,
Цивилизация бессмысленности и имитации,

Цивилизация деятельности и бездумия,
Цивилизация суетности,
Цивилизация капитала,
Цивилизация искусственного интеллекта.

И в этой цивилизации душно.

НИТОЧКА

Мы живём на тоненькой ниточке.
Щупленькие тела на тоненькой ниточке.
Во мраке бесконечности.
В пустоте безбрежности.

Среди ниточек летают ножницы.
Ножницы, беспорядочно режущие ниточки.
Ножницы государства,
Ножницы капитала,
Ножницы преступлений,
Ножницы болезней,
Ножницы катастроф –
Бесчисленные ножницы смерти,
Которые, не глядя, режут ниточки.

Мы куколки на тоненьких ниточках,
Но мы не помогаем друг другу,
Мы не протягиваем друг другу руки,
Мы чаще толкаем друг друга на ножницы,
Мы не умеем жить вместе,
И мы предаём друг друга,
Мы предаём ниточки,
Мы предаём жизнь.

БЕЛАЯ ЛУНА

Как я хочу быть с тобою
Вместе под Белой Луною:
Твоя голова на груди –
И жизнь у нас впереди!

Как я хочу, не скрою,
Твой стан обнимать под Луною.
Глаза твои – звёзды мои,
Мой разум и сердце – твои!

Как я хочу под Луною
Быть навсегда с тобою,
В вечность меж звёзд идти...
Ты мне свети, свети...

ВОЗВРАЩАЙСЯ

Возвращайся в наш уютный дом,
Я тебя горячим чаем встречу,
На крылечке, как и встарь, вдвоём
Будем провожать багровый вечер.

Возвратишься, твой внесу багаж
И накрою ноги мягким пледом.
А питомец вислоухий наш
Будет бегать за тобою следом.

Твои плечи обниму рукой,
Осторожно прошепчу на ушко:
«Как я рад, что ты опять со мной,
В нашем доме на лесной опушке».

АБСТРАКЦИЯ

Мы играем в разные игры,
Мы создаём различные ценности,
Мы изобретаем абстракции:
Абстракцию государства,
Абстракцию нации,
Абстракцию религии –
Ради них мы рискуем жизнью,
Ради них забываем о близких,
Ради них мы остаёмся ни с чем,
Когда абстракции выжимают из нас всё.
Выжимают всё – и оставляют.
А мир вокруг нас так хрупок.
А близкие люди так неожиданно уходят.
И именно об этом нужно вести речь...
Абстракции же – всего лишь абстракции –
Их – в печь!

* * *

Тьма опустилась за окнами.
Листья на шторах – пятнами.
Комната полнится шорохом,
Шёпотами невнятными.

Через мерцание звёздное,
Весь из эфира связанный,
Мыслью я тракт проложенный –
Я им к тебе привязанный.

В окнах бесформие хаоса,
Ночь обступает тайнами.
Тайна ночного желания:
Мне бы обнять тебя явную.

* * *

Небо живое и чёрное –
Хаос бесформенный, греческий;
Чертят судьбу продольные
Линии бесконечности.
Чертят судьбу. Песчинками
Кажутся звёзды огромные,
Кажутся звёзды льдинками,
Холодными и бескровными.
Холодно смотрят из космоса,
И равнодушия полные,
Чьи-то глаза раскосые,
Жёсткие, своевольные.
Чьи-то глаза – создавшего
Пыль, из небытия вечного, –
Ищут во тьме заплутавшего,
Истины не обретшего.
Небо холодное, мёртвое.
Смотрят в бездонность вечности
Глаза человека – тёплые, –
Принявшего мысль о конечности.
Глаза человека с вызовом
Ищут глаза раскосые:
НИКТО НЕ ВЛАСТЕН НАД МЫСЛЯМИ,
Над выстрелом между соснами.
Мир состоит из атомов,
Атомы строят Вселенную.
В мысли, живой, человеческой,
Власть и освобождение.

ФРЕЙДОВСКОЕ

Я – вселенская пыль в форме
Человеческой боли, плоти.
А по сердцу пятном чёрным
Стучат демонов жгучих роты.

Я – игрушка страстей кипучих,
Разрушающих раб желаний.
Сил безжалостно-тёмных, могучих,
Сотворяющих мирозданье.

Я – эмоций неприбранных сгусток,
Я – часть в бездну летящего мира.
А на сердце звеняще-пусто:
Только демоны, кровь и лира.

Поэзия

Дмитрий Аникин

Дмитрий Владимирович Аникин – родился в 1972 году в Москве. По образованию – математик. Предприниматель. Член Союза писателей XXI века. Публиковался в журналах и альманахах: «Нижний Новгород», «Современные записки», «Золотое Руно», «Новая Литература», «Зарубежные задворки», «Великороссы», «Камертон», «Тропы», «Русское вымя», «Фабрика Литературы», «Точка зрения», «9 муз», «Арина», «Littera-Online», «Поэтоград». Живёт в Москве.

НАША ЭНЕИДА

1

* * *

Кто самый важный поэт для России? –
Конечно, Вергилий!
Что актуальней его «Энеиды»? Горит ещё Троя.
Рыщут враги, но не все наши храмы
разграблены ими.
Есть ещё что защищать.
Мы по городу прячем засады.
Кровью им радость зальём!
Не заметит победное войско,
как бегемот страховидный сквозь рой
комариных укусов
двигаюсь...
Кончена наша война.
И всё то, что осталось, недолго
будет тревожить, морочить –
никчёмные анахронизмы...
Кончена, и не вчера!
А то, что земля зеленеет
и не засыпана солью пока, – это мёртвой не важно:
завтра засыплют!
У нас не спросясь, победитель находит
время для нужной работы.
Зачем же ещё партизанить,
жизни на ветер бросать, строить схроны,
молиться всем бывшим,
нынче бессильным богам!
Никакая молитва отсюда
вверх не идёт – тяготеет к земле,
чтоб холодным туманом
лечь, убивая последнее, что ещё может отсюда!
Кончена Родина, проклято место,
и жить здесь не надо...
Хмурый Эней посмотрел на горящую Трою
и двинул флот свой на запад.
А мы чего медлим, что смерть продлеваем?

Сколь же достойней, умнее не прятать
от правды священной
сердце и совесть. Давай собирайся,
муж благочестивый,
и собирай свой народ. Забираем пенаты отсюда:
мы если морем – то морем, а если по суше –
так пёхом,
боги укажут куда!
Мы из Африки выгоним мавров.
Или Америку с теми разделим, кто раньше,
с Колумбом...

Там, где пенаты поставим, там будет нам
Родина – новой
уж не упустим возможности. Станет Империей
Вечной.

2

На этой территории
не будет ничего,
закончена История
и нас до одного

закончила, родимая, –
не бесконечный счёт, –
где пустота, голимая
и зримая, встаёт.

3

По ледяной пустыне шарит ветер,
и нет ему отрады, чтоб продуть –
чтоб досиня, чтоб до смерти. Лихие
ходили, вышли люди – никого!
И кто такое поле в пол-Земли
засыплет солью? Засыпает снегом!

4

Прав старик, поэт, вожатый,
непременно прав:
от проигранной, проклятой
мы войны устав,

заслужили мало-мало
отдохнуть в плену;
нашей Родины не стало,
помним жуть одну,

посидели – и чего там
грусть-тоску тянуть,
ведь не заперты ворота
на далёкий путь.

* * *

Камень мёртвый, спуд лежащий –
под него вода
натекла, и можно, значит,
сдвинуть без труда.

Как кораблик, быстрый, смелый,
глыба многих лет
понесётся, в свете белом
быстрокрылей нет!

И чего мы не достигнем!?
Новая у нас
будет Родина, как вынем
жребий в добрый час.

5

И как-то так, поневоле
и не понимая, в чём
вся она, русская доля,
и для чего несём, –

взяли. На что нет силы,
сползает с покатых плеч:
груз славы, тоски, служилой
веры – ведётся речь

бог весть о чём, но это
главное – сохранить
если не слог поэта,
то матерную сучить
нить.

6

Нам остаётся наш язык,
всё остальное – тлен и прах,
он бьётся, вьётся, не привык
рассказывать про новый страх,

про новый мир, он – русский бог,
не выдаст нас, чтоб преклонить
никто чужой нас (чёрт) не смог,
никто благой не стал хранить...

7

Поотстанут на большом пути
многие, не хуже, не слабее –
преданнее, что ли?... Ты прости,
ждать нельзя, помочь я не умею

и не обернусь. И никакой
жалости, нам всем бы в эти сроки
к трупу труп лечь. Если я живой –
значит, что чужой, уже далёкий.

8

Наш путь ведёт через царство мёртвых,
попрощаться с ними заново – и уже навсегда,
ибо больше и не родня нам, и о них не вспомним,
там, где они похоронены, чужая теперь земля.

Наш путь ведёт через много гостеприимных
стран богатых, изнывающих от любви,
но и этих мимо, казалось бы... но старинных
полным там полно богов, куда поместим своих?

Наш путь ведёт, как будто так изначально
решено, а всё, что было да сплыло, только пролог!
Сейчас начинается История Родины нашей
дальней,
наконец-то русским поможет, не сдаст нас Бог!

9

Где-то будет новая отчизна,
встанут будто вкопаны пенаты,
безопасной, честной, долгой жизни
время, вечность; первые этапы
мы увидим: из междоусобиц
выйдем, люди, молодым народом,
сбросит имя всякий инородец,
календарь начнётся первым годом.

10

Так всё и будет. Русская судьба
здесь решена, а в общем, на просторе
сильна, свободна, многие народы
ей покорятся.
Где нас остановят?
Кто остановит?

Поэзия

Кристина Арзуманова

Кристина Михайловна Арзуманова – родилась в 1974 году в Ленинграде. По образованию журналист и библиотекарь-библиограф. Публиковалась в поэтических сборниках. Была участницей ЛИТО Ольги Бешенковской, Александра Щедрецова, Алексея Машевского. Неоднократно становилась победителем Петербургского конкурса «Творчество юных». В настоящее время работает в проекте Nasledie. Digital (Санкт-Петербург).

* * *

Что с нами случилось? Как скальпель, язык,
Тот самый, что мудр и велик.
Давно обесценены Божьи азы,
И мир переходит на крик.

Война, всё сменяя, идёт напролом
По острому краю судьбы.
Пора бы понять, что Россия – наш дом,
Любовь нам нужна, не гробы.

Есть те, кто войной набивает карман:
Офшоры, хоромы, счета.
Одни от богатства лишились ума,
Иных же снимают с креста.

Есть те, кто считают: война далеко,
Она не коснётся столиц.
С размахом живут, широко и легко,
Для них даже здесь – Биарриц.

Пока наши парни в кровавом дыму,
Не зная покоя и сна,
Воюют за то, чтоб в далёком тылу
Нас всех обнимала весна.

18 апреля 2023 г.

* * *

Смотри, какие перспективы!
Уже не нужен фотошоп.
Зачем нам Пафос и Мальдивы?
У нас в России много троп,
Ведущих в летние просторы
К ручьям, берёзам и холмам,
В леса, к морям, в низины, в горы,
Везде вольготно будет нам.

Пропитан солнцем каждый листик,
Цветы душисты и юны.
Здесь лоси, зайцы, волки, лисы
Природе слаженной равны.
И как стопа на землю встанет,
Наполнят нас стать и любовь.
И мы вовеки не устанем
Сливаться с русской судьбой.
Совсем иной, без зон комфорта,
Неона, блеска, мишуры.
Кто против нас – иного сорта,
Для них – суконные миры.
Мы потому непобедимы
И всех врагов сломить смогли,
Что луговым цветком хранимы,
В котором дух родной земли...
И куполов церковных блики
Пронзают тяжесть высоты.
Земля родная вспыхнет ликом
Непостижимой красоты.

16 апреля 2023 г.

* * *

Всё понятно мне без «или» –
дело движется к концу,
Просто нас приговорили
вновь к терновому венцу.

Ты не плачь, так будет лучше,
оторвёмся от земли.
Успокойся, просто слушай
звон малиновый вдали.

Нет ни плоти, ни сомнений,
ни оскала чёрных скал.
Слишком долго на коленях
наш безумный мир стоял.

Всё устроится как надо,
Господи, само собой.
Скоро будет нам награда,
это наш последний бой.

Дай мне руку, я с тобою,
Посмотри, как твердь легка.
И часы – кукушка с боем –
Разгоняют облака.

11 апреля 2023 г.

МАМЕ...

Снег ли, дождь, в моей памяти снова
Оживает картинка из детства:
Глянцевитый фарфоровый слоник,
Мне доставшийся по наследству.

Дача, осень, уехала мама.
Книжный шкаф из старинного дуба.
И княгиня надменная в раме
Поджимает лукавые губы.

Помню вазу в мерцающем свете,
Изразцовое тело камина.
Тишину, след луны на паркете,
Сладкий запах садовой малины.

И прозрачные бусины влаги
На стекле перламутрово-тонком.
Сколько нужно сердечной отваги,
Чтобы быть одиноким ребёнком.

Жить и знать, тебя горе не тронет
В этом тихом родительском доме,
Где на шаре луны, как на троне,
Восседает фарфоровый слоник.

19 апреля 2023 г.

* * *

Не выцганивай надежду,
Дадут ведь то, что суждено.
Смешно дрессировать невежду
И жить пытаться, как в кино.
Не запасайся корвалолом,
И ты и я давно винтаж.
На нас, как на фарфоре, сколы,
Прилежный не престижен стаж.

Теперь рулят весна и юность,
Картинок много, мало слов.
А в Солнечном – залив и дюны,
И домик сторожа на слом.

16 апреля 2023 г.

* * *

Не пеплом, но снегом посыплешь главу,
На коей зарос родничок.
Уже и седины к покою зовут,
И небо – овчины клочок.

А руки в морщинах, как в нитях дорог,
Не бейся за мир, не поймут.
Не кто-то другой, а ты сам с собой строг
В пропахшем тревогой дыму.

Крыльцо развалилось, и строят дома
Не так, как когда-то в раю.
Опять похоронки приносит зима,
Напрасны молитвы и труд.

Неврозы и кризы в пустой суете.
Как в детстве прижмёшься к окну,
И лишь на конечной заметишь, не те
Встречают с тобою весну.

ПАСХА

Как нас бы этот мир ни гнул,
Наступит день Его победы.
Лик ясный освятит весну,
Отступят горести и беды.

Пусть было горько, тяжело,
Скажи себе: пройдёт и это,
Ведь солнце Радости взошло –
Исток спасения и Света.

Всё то, что не по силам нам,
И всё, что кажется бесцельным,
Наполнит смыслом сердца Храм,
Тревожные разрушит цепи.

Нам всем подарен новый шанс –
Воскреснуть в радости заветной.
И в небе блещет, как алмаз,
Луч неизменно всепобедный.

16 апреля 2023 г.

Поэзия

Елена Колесникова

Елена Колесникова – родилась в Пензенской области, в Кузнецке. По специальности – учитель музыки. Первые стихи написала в 18 лет. Они были опубликованы в местной газете. Далее был длительный перерыв в 20 с лишним лет. По семейным обстоятельствам пришлось переехать в Воронеж. С этого момента вернулась к написанию стихов. Года три назад познакомилась с поэтической семьёй проекта Поэтфест, которая стала школой в изучении основ стихосложения.

Победитель конкурса «Поэт года», лауреат премии «Образ» – Москва. Публиковалась в воронежском журнале «Подъём».

В СИНЕМ ШАРЕ ХРУСТАЛЬНОМ

* * *

Всё тебе прощаю я, зима, –
Глыбу неба с мёрзлой каплей солнца,
И во льдах затёртые дома,
И весну, что долго не очнётся.

До конца не выплаканных слёз
Я прощаю иней просолённый
И до белых косточек берёз
Голый лес, тобой заговорённый.

Помню всё – рябиновую крапю
На холстах, рукой твоею тканых,
И дорог излеченную хлябь –
Тонким льдом на мокнущие раны.

Миро драгоценное лучей
Сквозь прорехи туч великоснежных –
На глубины горечи моей,
На поля тоски моей безбрежной...
Как свивала ноги мне метель
Льном белёным, словно плащаницей –
Много возлюбившему, поверь,
В этой жизни многое простится.

И СНОВА МАРТ...

И снова март – порывистый, тревожный...
Вся синяя от холода река,
Разбуженная так неосторожно,
Дрожит в оледенелых берегах.

И мокрый зяблик, вздрагивая спинкой
В седой копне запутанных ветвей,
Доклёвывает бурю рябинку
С крупицей солнца, спрятанного в ней.

На истончённой ветром снежной коже
Заметней сетка потемневших вен –
Зима сдала, истаяла, похоже,
Под натиском незваных перемен...

Огнём заката и тоской объятый,
Смешав ряды и птиц и облаков,
Спешит по небу эшелон крылатый
От дальних, неродимых берегов...

* * *

Эпоха осени – развернут на рассвете
Зелёно-рыжий флаг – куда хватает глаз.
Покой и радость дней первовенчальных этих,
Я признаю отныне только вас –
Теперь я подданная осени бездомной,
Её пустых небес, открытых для ветров,
Безбрежности полей, измученно-бескровных,
И просветлённых холодом садов.
Эпоха осени – развёрнут на рассвете –
Куда хватает глаз – зелёно-рыжий флаг –
Мир снова разделён – сентябрьское двухцветье –
Да будет так!

* * *

Вижу черты угасающей осени –
Листьев намоченный жмых,
Туч раздобревших внезапные оползни,
Сходы лавин дождевых...
Ветер встревоженно лижет проплешины –
Осенью болен мой лес.

День так уныл, что хоть в омут, хоть к лешему –
Вот он – с орешины слез!
Вспыхнул глазами – свои, закадычные? –
Леший, один к одному.
Дёрнув крылом и заухав по-зычному,
Сгинул в пестрянную тьму...
Я хоть и птица своя, не залётная,
Всё же до дому пора, –
Помню, над крышей, дождями замётанной,
Тучи клубились с утра.

* * *

В синем шаре хрустальном –
С лёгкой ветра руки –
Зароились прощальных
Белых дней мотыльки.
Ожемчужилась густо
Хвойных зарослей смоль,
И оттаяла будто
Горьких слёз канифоль.
Те же тощие тени,
Так же вечер безлик,
Только странно – весенен
Солнца робкого миг.

И в теплыни рассветной –
С лёгкой ветра руки –
Растворились бесследно
Белых дней мотыльки.

* * *

Пуговица медная луны
Держится едва на честном слове –
Алый свет глядит из-под полы,
На свободу вырваться готовый.
Распахнётся темени хитон,
В снежном облачении исподнем
Будет новый день благословлён –
Неисследной милостью Господней.

И забыв – по кровному родству –
Про Тобой оплаканную рану,
Слова жду – от слова – оживу,
Скажешь – и, расслабленная, встану...

* * *

Лес, до корней порозовев,
Встречает солнце обнажённым,
Оно, войдя в туманный неф,
Огненным облаком холодным,
Лучась, глядит как будто сквозь
Шершавость вековой толщи,

Мертво стоящей вкривь и вкось
В снегу – обветренном и тощем.
И лист медяный, что прилип
К груди сосны смолисто-свежей,
И каждой веточки изгиб –
Вниманием позолочен нежным.
И белых губ, и рук моих –
От стужи одеревенелых –
Коснулось солнце – и в крови
Весна запела...

* * *

Февраль. По мокрой штукатурке
Ветвей живых набросок хрупкий –
Углем по тёмным небесам.
Созвездий обновились лики,
И выжидающе приникли
К земле их влажные глаза.
И солнца колокол безгласый
Лежит осколком медно-красным,
Февраль – гудит ветрами тьма.
В слезах, окольными путями,
Бредёт, закрыв лицо руками,
Весна...

* * *

Предзимней ночи бронзовый осадок
Ещё не вымыт светом голубым,
Ещё мой сон неуловимо-сладок,
И солнца запах еле уловим.
Так неуместно, бледным, измождённым
Цветком раскрылось утро над землёй –
Насмешкой над душой моей беззвонной,
Укором за бездумный мой покой.
И воздух так некстати ароматен,
И ветра нежный шёлк сиренев так,
Что видится мне в дальней туч громаде
Весны забытой мимолётный знак...

* * *

Оттенка карминовых листьев
Последний написан закат,
И веток рябиновых кисти,
Ещё не просохнув, стоят.
И чьей-то превысшею волей
Завесится снова окно
Изъеденным лунною молью,
Потёртым небесным сукном.
И утро сквозь слёзы приема,
Сквозь стылых ветров коловерть
Увижу я новую землю,
Принявшую светлую смерть.

Поэтическая седмица

Игорь Тюленев

Дорогой Игорь Николаевич!

Сердечно поздравляем с 70-летним юбилеем!

*От всей души желаем творческих успехов, каскада идей и их воплощения,
любви читателей и самых близких людей, радости, света и добра!*

Александр Орлов:

БЫТЬ В ДОМЕ СВОЁМ...

В стихах Игоря Тюленева всегда ощущается широта и глубина русского народа, от которого поэт неотделим. Он обладает редким качеством – быть услышанным и понятым любым читателем. Его всегда можно представить на поле брани в кольчуге, шлеме, с карающей врагов палицей, не боящегося в одиночку выступить против надвигающегося полчища. Но при этой нескрываемой воинственности ощущение сердечности никогда не оставляет во время чтения его стихов. Словно из строк перед нами вырастает один из трёх васнецовских богатырей, сильный и добрый, для которого слово и вера являются главным оружием.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

В родительском доме
Не жить мне и дня,
В родительском доме –
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене,
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В тиши лесных библиотек
Разгадывал я тайну жизни,
Десятилетний человек
Во глубине родной Отчизны.

Здесь, у начала всех начал,
Где хмурился пейзаж неброский,
Меня любовью насыщал
И Радонежский и Саровский.

Как в Слове помыслы чисты,
Как аккуратно пыль сдуваешь...
Шуршат страницы, как листы
В раю... Вот-вот про всё узнаешь.

ФОТОГРАФИЯ

Лесной посёлок. В окнах Кама.
И у завалинки втроём –
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько не пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабуллум,
Козлёнок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя бляньем и белым

Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погреба настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребёнка.

Но помнит мир, как много лет назад
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла, и младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

* * *

Носились чайки над лицом
И что-то женское кричали,
На берегу земной печали
Я был наедине с Творцом.

Я видел: Он сиял, как свет,
На гребне моря поднимаясь,
И я за Ним летел вослед,
Колючей тверди не касаясь.

Пусть говорят, что это бред,
Что человек слабей букашки,
Но я-то видел Божий след,
Как кровь на собственной рубашке.

* * *

Дочка дом нарисовала
В синих небесах.
Там собака из крахмала
Спит на воздушях.

В доме мы с женой и фото
Мамы на стене,
Жалится, как пчёлы в сотах,
Солнышко в окне.

День и ночь роятся стогны
Около крыльца.
Вот Господь прошёл... На стёклах
Звёздная пыльца.

Точка, точка, две чёрточки,
Чёрный карандаш...
Это дочка, это дочка
Воскрешает нас!

ИИСУС МЛАДЕНЕЦ

Хоть нимб сиял короной золотой,
Младенец рос среди живых живой,
Но помнил про языческий Египет,
Про Ирода, что обагрил свой скипетр,
Смотрел глазами отрока в костёр,
Взыскав сердцем
Мировой простор.
Всё видел, что Господь наговорил

Евангелистам. Не жалея сил
И сердца с разумом, они душой списали
Чего ни до, ни после не узнали.

Царапал небо веткой кипарис,
Дождь сквозь царапины
С небес струился вниз.
Вот в гроб сошёл упрямый Симеон,
Сказав: «Спаситель мира – это Он!»
И указал Марии на Младенца,
И вмиг угас, схватясь рукой за сердце.
Уже оттуда высек искру рот:
– Ты ныне отпускаешь,

Господь...
Уже кусал Иуда серебро,
Копьём кололся стражник под ребро,
Толпа, закончив петь Христу Осанну,
Уже кричит: «Распни! Но не Варраву!»
Как будто яд змеинный на устах,
Блестит отравы
В нынешних умах.
Младенец знал про Еву и про гада,
О бдении ночном в объятьях сада,
Где, прячась от грядущего конца,
О чаше слёзно Сын молил Отца.
Вселенная мерцала над долиной,
Ему – конечной,
Нам – необозримой.
Святой мы крестим отроков водой
В купели, православной и большой,
Купели нашей Родине хватает,
И в ней святой воды не убывает.
Бог укрепил в нас линию родства,
Рассеяв тьму
Звездой Рождества.

* * *

Мир не узнал Того,
Кто был распят...
Хоть рук своих не обагрил Пилат,
Но укусом Христу обжёг уста.
Мир в Иисусе не узнал Христа!
Один, как перст,
Водвинут в Мир Отцом.
Один как перст, с простым земным лицом.
Не узнанный толпой среди толпы.
Царя не узнают его рабы.
Взошёл на Гору,
Превращаясь в свет,
В лучах Отца свой растворяя след,
Притягивая души, как магнит...
Мир проглядел...
Почто сейчас скорбит?

* * *

С гор Уральских смотрю на Восток,
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе звезда,
Вифлеем выбирает она.
Путь звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдёт в каждый дом,
Заберёт у рожениц младенцев...
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм.
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как с зарёй небосвод –
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов.

Ю. Кузнецов

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота, пешком.
Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
Ковшом солеварниц смочила
Калёные стрелы слеза.
Не ждут деревянные боги,
Что им, как в лесах Перуну,
Притащат лосиные ноги
И кровью измажут губу.
Хотя угро-финские лица
Подправил крестьянский топор.
Хотелось к Руси прислониться,
Крестом раздвигая простор.
Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту...
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.
Сошлись они в пермском музее
И впредь никуда не идут.
Ручьями текут ротозей
И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов»...
А мы возвратили гражданство!
Вернули из праха веков!
Пускай благодарные дети
В музейный торопятся храм.
Отводят грядущие беды,
Припав к деревянным стопам.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Земель этих горестный житель,
В объятия ночи и дня.
– Неси меня, Ангел-Хранитель,
Неси меня из огня!

Минуя житейские бури
И мнимого рая сады,
Туда, где в небесной лазури,
Качаются Божьи следы.

Где в Крестное Знамя закован,
Распятый лучами креста.
Ты верой отцов очарован,
Не видишь, но слышишь Христа.

ЦАРСКИЕ ВРАТА

От Царских Врат по праву руку
Святая Троица парит
И всю твою печаль и муку
В небесный замыкает скит.

И облака девятым валом
В Господних плещутся глазах,
И ты, невидимый, как атом,
И ты сквозишь в Его глазах...

ЦЕРКВУШКА

Стоит церквушка на угоре,
Вокруг древесные кресты.
Сегодня Дух Святой в дозоре,
На купол смотрит с высоты.

Там сфокусирован небесный
Переходящий в слово свет.
С похмелья и душой кромешной,
У входа молится поэт.

Опять он портит всем погоду,
Не входит в Божий храм, чудак.
Он хочет подпевать народу,
Да не научится никак.

Берега юбилеев

Станислав Федотов

*Редакция журнала «Берега», авторы и читатели сердечно поздравляют
Станислава Петровича Федотова с 85-летним юбилеем!
Крепкого здоровья, бодрости и энергии, творческого вдохновения и новых произведений!*

Станислав Федотов – сибиряк. Родился на Алтае, 30 лет жил в Томске, в Томском университете получил высшее образование. Работал на оборонных предприятиях, писал стихи и пьесы. После приёма в Союз писателей СССР (1973) перешёл на литературную работу. Автор 12 книг стихов, 8 пьес, двух романов (за трилогию «Под знаком Амура» получил Международную премию им. В. Пикуля «За развитие традиций русского исторического романа»), повестей и рассказов. Публиковался в журналах: «Берега», «Невский альманах», «Сибирские огни», «День и ночь», «Южная звезда», «Амур», «Клаузура», «Edita» (ФРГ), «Жемчужина» (Австралия), «Чайка» (США). Награждён знаком Министерства культуры РФ «За вклад в развитие культуры», медалью «За вклад в культуру г. Томска», литературными медалями.

ХОЧУ СВЕТИТЬ, КАК ЛАМПОЧКА

* * *

Каким меня задумал Бог –
откуда же мне знать?
Каким задумывал отец –
тем более молчу.
Но никогда я не хотел прокрадываться в знать,
А быть великим не сумел.
Видать, не по плечу.
Но говорят,
в середняках
я истинно хорош.
Не спорю я:
наверняка видней со стороны.
И коль копейка мне цена,
но всё-таки не грош,
И те, кто мне хвалу поёт,
не все, поди, вруны.

* * *

Всё тревожно и хрупко.
Неба взгляд неживой.
Май,
но снежная крупка
Сыплет на Стрежевой.
Густо белит бетонку,
Ямы кроет и грязь...

Только это – без толку,
В Лету канул тот князь,
Что оставил потомкам
Ширмы лаковый лик...
Но светлейший Потёмкин
Был не этим велик.
Впрочем, дело не наше:
Время то –
за спиной...
В снежной замети-каше
Суть проблемы иной.
Заметает порошей
Время славных идей,
Героических в прошлом
Дел хороших людей.
Как в те годы мечталось,
Над бытём возносясь!
Забывалась усталость,
Мимо памяти – грязь.
Жили точно не ради
Славы или рубля
И студент в стройотряде,
И парторг у руля.
Память просит регистра –
Не уйти бы к нулю.
Забывается быстро,
Что твердили: «Люблю!»

Заметает порошей...
Но не вечна она.
Будет, нет ли хорошей
Вслед за маем весна?

* * *

Отошли пятилетки в былое,
но, видно, напрасно.
Всё вернётся,
как водится,
снова «на круги своя».
Время требует счёта,
себя, как солому на прясло, –
Годы, сутки, часы и минуты – усердно виа.
Счёта требует жизнь:
что ты сделал, себя не жалея?
Чем порадовал близких,
и польза была ль от затей?
Если ты – президент,
не шалел ли от вёдер елея?
Если ты олигарх,
сколько дал на лечение детей?
Дорогие верхи,
вы куда нас по жизни ведёте?
Коммунисты вели ко всеобщему благу, а вы?
Поднимаете Русь,
но терпенье людей на излёте.
Правда, армию подняли,
всё ж остальное – увы!
Снова Африка жжёт.
Мало было ангол, мозамбиков.
Миллиарды долгов исчезают под росчерк пера.
Ну, подумаешь, будут ещё триллионы убытков!
А подумать
о благе народов своих
не пора?
Пятилетия летят,
растопорщась, подобно тетерям,
Прославляют ТВ антисанкций немыслимый
вздор.
Счёт по-прежнему сводится
к невосполнимым потерям.
А у мира с Россией ведётся немыслимый спор.

* * *

Едим салат...
Нам не впервой.
Питались всю войну травой
Мы, наподобие коровы.
Зато, пожалуйста, здоровы.
Восьмой десяток позади.
Бесперебойно сердце бьётся,
И тесно от любви в груди,
И песня поутру поётся.

* * *

Александру Герасимову

Ах, наша осень! Ей четыре года.
Была такая ж, помнится, погода,
И фоксик Ватсон,
лапу положив
На твой рукав,
глядел на мир печально.
Он понимал, что жизнь не идеальна,
Но был тобой согрет и, значит, – жив.
Мудры собаки и верны в любви.
Спешат на помощь – даже не зови.
Они за нас и с нами безоглядно,
До самой смерти,
то есть до конца,
Пока стучат их верные сердца,
И нам с такой любовью жить отрадно.
Ну что с того, что осень на дворе?!
Не забывайте,
как в жару и слякоть
Мы вспомним вдруг о золотой поре,
И так захочется по-бунински заплакать.

* * *

Ах, время, время!
Тот ещё пострел!
Меняет алгоритм,
как в лотерею.
По сыновьям я видел,
как старел.
По внукам вижу:
снова молодею.

* * *

Без внучек не живу ни дня.
Они со стенки на меня
Глядят с улыбкой озорною.
Я – в интернет,
они со мною.
Обгонят, пальчиком маня:
– Отстал ты, дед! – звучат звеня
Их голоса над головою.
Они в Белграде, далеко,
Но слышу я их так легко,
Как в прежние три с лишним года,
Когда, плюя на непогоду,
В коляске их возил двойной.
Хватало сил
(хоть был больной)
Для каждодневного похода.
Уже давно их рядом нет.
Не скажешь:

«Девочки, привет!» –
«Эй, дед, ты где?» – они с порога
Не крикнут мне.
Их снимки строго
В красивых рамках висят.
Но взгляды близнецов-босят
Смутят любого.
Даже Бога.

Глаза наивны и хитры
И древним опытом мудры.
Та мудрость в глубине таится.
Порою брызнет сквозь ресницы
И снова вглубь уйдёт, на дно,
С собой увлёкши заодно
Из жизни
знания частицы.

Недаром люди говорят,
Что дети нас умней стократ:
Всех жизней пройденных богатства
Они хранят,
но не кичатся.
И – слава богу!
А по мне,
Пусть будут в двести раз умней,
Чтоб жизни нашей
не кончаться.

* * *

Земля в своём вращении
Готовит новый год,
А жизни завершение
Недугами гнетёт.
Все ныне чем-то маются –
Кто горлом, кто спиной.
Иль ноги отключаются,
Как в случае со мной.
Мой возраст – дата в паспорте –
Не жемчугом расшит.
Визит с косою пастыря
Не так уж и страшит.
В любом конце истории –
Профан ты или спец –
Могила, крематории,
А суть одна – конец!

Когда-то всё закончится,
Прихлопнет Бог печать,
Но очень уж не хочется
Любимых огорчать.
Иссякнет жизни житница –
Прибрать не тороплю...
Но вот словцо «дожитие»
Я просто не терплю.

Не согнутый калачиком
В постели, чуть дыша, –
Хочу светить, как лампочка:
Перегорел и – ша!

* * *

Дурак набитый! Альтруист! –
Корю себя я за потери.
Взял рукопись стихов артист
И потерял!
Урок тетере!

Я их в уме не повторял.
Восстановлю ли строчки эти?
Но – мысль:
а вдруг он не терял,
А взял на память о поэте?

ВОСПОМИНАНИЕ

Почему-то вспомнил снова
Юность, скрывшуюся в старь...
Саша, Сашенька Бызова,
Комсомольский секретарь.
Мы приехали, поэты,
С выступленьями в Кузбасс.
Там, в Мысках, и встретил эту
Комсомолочку как раз.

Ведьмы огненная грива,
Милой панночки овал...
До чего же мы счастливо
Обживали сеновал!
Я стихи читал вначале.
Жадно слушала она.
А потом не различали
Ни рассвета, ни темна.

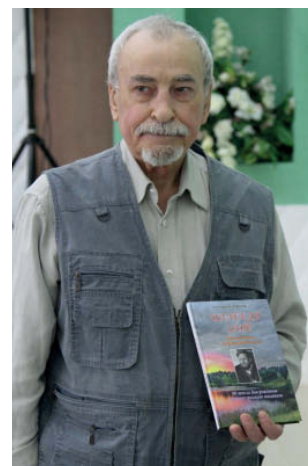
Мы не думали о грузе
Долга, брака – ничего!
Секса не было в Союзе,
Но – куда же без него?
Пахло клевером и мятой,
Донник пылу прибавлял...
Нас хозяин не без мата
С сеновала отправлял.

Как нашкодившие дети,
Мы бежали...
А сейчас
Родились стихи вот эти,
Через шесть десятилетий
Снова сблизившие нас.
Без претензии на умность,
С виду скромные вполне,
Возвратившие нам юность.
Ну, по крайней мере, мне.

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – родился в 1950 году в Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, отработал в печати более 40 лет. Публиковался во многих периодических изданиях Советского Союза и РФ. Издал 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Литературно-критические очерки печатал в журналах: «Берега», «Север», «Лад Вологодский» и др. Автор книги о жизни и творчестве классика русской литературы В. И. Белова. Лауреат ряда всесоюзных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Член редакционного Совета журнала «Берега». Живёт в Вологде.

«РОДИНА – ЭТО ЛЮДИ...»

К 110-летию со дня рождения Александра Яшина, поэта, прозаика, фронтовика

Что самое **главное** для русского писателя в нынешнюю сложную и противоречивую эпоху?

Давайте вслушаемся внимательно в следующее искреннее признание:

«Оглядываясь назад, я думаю о том, как мы неправоммерно много тратим времени на ненужные хлопоты (на всякие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях её развития, о традиции и народности), когда нужно просто писать. Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока хочется, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего может достичь. Разные же теоретические сочинения и выкладки пускай берёт на себя кто-то другой, из тех, кто, вероятно, умнее нас. А дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряжённостью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле.

Много времени и сил тратим мы ещё на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознаёт, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать...»

Эти глубоко выстраданные слова написал Александр Яшин 24 апреля 1968 года, отвечая на «Анкету о народности поэзии». А через некоторое время, 18 июня, писатель умер в одной из клиник в Москве. И это его последнее откровение вполне можно назвать «Завещанием Яшина» всем, кто ныне причастен к русской литературе – великой духовной реке, нескончаемо текущей во Времени и Пространстве.

Когда я думаю о Яшине, человеке и художнике слова, я почему-то представляю начало весны, поздний вечер, крутой берег реки Юг, сосновый бор.

...Воеет метель, переметает дорогу на Бобришин Угор, хочет по крышу завалить снегом избу Яшина, где рядом он спит вечным сном.

Напрасно старается!

Уже днём припекает солнышко, веселее тенькают синицы, грядёт весна.

Ве-сна!

Это значит – пробуждаемся от сна, от зимнего унынья.

Именно в такую пору 27 марта 1913 года в большой крестьянской избе деревни Блудново, что недалеко от городка Никольска, появился на свет Александр Попов, будущий поэт и прозаик, публицист, создатель Вологодской писательской организации, известный в русской литературе под именем Александр Яшин.

I

Что бы там ни говорили, а живой голос – бесценное наследие! Помню, дочь поэта, Наталья Александровна, представляя книгу отца «Слуга народа», где собраны его лучшие поэтические и прозаические произведения, включила магнитофонную кассету. И вдруг большой зал Вологодской областной библиотеки как бы исчез, растворился в спокойном, властном говоре Яшина, чуть приглушённом, взволнованном... Голос сразу захватывал душу в плен.

Александр Яковлевич звал на малую родину – в деревню Блудново, на берега реки Юг, приглашал насладиться красотами родной земли, которая неизменно была для него глубинным понятием Родины.

Всё испытала, всё превозмогла –
Года тяжёлых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.
«Великая!» – мы говорим о ней,
Даём присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Берёзки, реки, ширь её полей.
А все ли помним
И всегда ль
о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А – люди?
...Спешите на выручку, других зови, –
Пусть не найдётся душ глухих и жёстких!
Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О берёзках?

О, как прав поэт!

Повинимся, перед Вами, Александр Яковлевич!

Ох, не все и далеко не всегда помнят, что Родина – люди, да, прежде всего – люди! Для немалого числа, к сожалению, люди отошли на «второй план», стали «биомассой», «лекторатом». Простое и доброе общение уступило место стяжанию, страсти обогащения, эгоизму. А у некоторых даже понятие «деревня» вызывает аллергию или психический шок. И уже драгоценности, воспетые вами, – Отечество, Верность, Братство, Совесть, Честь – несколько потускнели в общественной словесной шумихе.

Но, как говорится, ещё не вечер!

Помню, накануне одного из юбилеев Яшина его «живым голосом» стала художественная выставка в вологодском Кремле, названная строкой поэта: «Спешите делать добрые дела...» И сам писатель, и герои стихов, рассказов и повестей явились на полотнах вологодских художников. Особое впечатление на меня, да и на многих посетителей произвели портреты Яшина и его матери Евдокия Григорьевна кисти академика живописи Владимира Корбакова. Живописец, к слову, дружил с поэтом. В соседнем зале – внушительная коллекция фоторабот (48 авторов) – «Для меня Россия – эти вот родимые места». На них запечатлены не только излюбленные Яшиным уголки в Никольском районе, но и в Кириллове, Белозерске, на Сладком острове в Новом озере, где он бывал, отдыхал, писал. Таким образом, для того, кто побывал тогда в Центральном выставочном зале, возникало ощущение близкого общения с поэтом, благодарной радости от свидания с ним.

II

Семья, где родился Саша Попов, была крестьянской в нескольких поколениях. Отец Яков Михайлович не вернулся с Первой мировой войны.

С младенчества мальчика окружала поэзия сельского труда и быта, русского духа, прикосновение к которому надолго оставляло след в душе. Его бабушка, Авдотья Павловна, знала сказки, былины,

плачи, была известной сказительницей в округе и, вне сомнения, оказала сильное влияние на внука в смысле поэтического восприятия мира.

Да и мать, Евдокия Григорьевна, не уступала бабушке по части шуток, прибауток, поговорок. Глубинная стихия родного слова стала для Яшина, как и когда-то для олонецкого «ведун» Николая Ключева, притягательной силой, душевной привязанностью.

И уже в школе Саша Попов слыл сочинителем, «рыжим Пушкиным», как его называли товарищи, а для себя решил: «Буду писателем».

Это желание он пронёс по жизни до последнего дыхания.

Александр Яшин, окончив педагогический техникум в Никольске, рано вступил на путь литератора, часто печатал стихи и прозу в газетах Великого Устюга, Вологды, Архангельска.

В 1934 году, когда ему было 20 лет, в Архангельске вышла первая книга стихотворений «Песни Северу». Молодой поэт стремился запечатлеть «злобу дня», отношение к событиям, свидетелем которых был.

«Я написал свою первую песню, когда захлебнулся от радости, – вспоминал он, – когда впервые ощутил чистое сердцебиение нашей жизнерадостной молодости».

Несмотря на стиливые погрешности, недостаток мастерства, в той книге присутствовало главное: **искренность и сердечность**, без чего нет подлинной поэзии.

Видимо, это и помогло Яшину стать делегатом I Всесоюзного съезда писателей. Вскоре он переехал в Москву, где издал вторую книгу стихов «Северянка». На неё обратил внимание известный тогда поэт Николай Асеев.

Учился в Литературном институте, по окончании его Яшин добровольцем ушёл на Великую Отечественную войну, был военным корреспондентом, политработником. Участвовал в обороне Ленинграда, Сталинграда, освобождении от фашистов Крыма. Издал два сборника стихов – «На Балтике было», «Город гнева».

Фронтовые события, личные впечатления от пережитого на войне Александр Яковлевич отразил в дневниковых записях, изданных отдельной книгой. С неё, а также с поэмы «Алёна Фомина», за неё в 1950 году он получил Государственную премию СССР, начался путь Яшина в большую советскую литературу.

III

Со временем Александр Яковлевич стал известной личностью в литературном мире, некоторые коллеги оставили воспоминания о нём.

На мой взгляд, наиболее правдиво написал о Яшине Фёдор Абрамов в очерке «Семь вёрст до небес», когда побывал в избе на Бобришном Угоре и в деревне Блудново. К слову, избу на Угоре Яшину помогал ставить Василий Белов, его любимый ученик и последователь, к тому же – профессиональный плотник.

На Бобришин Угор Фёдор Александрович добирался, по приглашению Яшина, самолётом, потом на перекладных, а в конце – пешком по тропе в сосновый бор. «Меня немало удивил облик Яшина, – писал Абрамов, – который показался мне не очень деревенским, да, пожалуй, и не очень русским. Большой, горделиво посаженный орлиный нос (у нас такого по всей Пинеге не сыщешь), тонкие, язвительные губы под рыжими, хорошо ухоженными усами и очень цепкий, пронзительный, немного дикий глаз лесного человека, но с усталым, невесёлым прижмуром...

Он просто задыхался от бешенства, от своего бессилия. Ведь ещё недавно его носили на руках, чуть ли не со звоном и местные власти, и земляки, а сейчас все отвернулись, хамство на каждом шагу. Колхоз даже избу достроить отказался, хотя у него с колхозом было специальное трудовое соглашение.

– А за что, собственно, такая немилость? За то, что человек честную вещь написал?

...И с ним было нелегко – того и гляди, ужалит. А, с другой стороны, сколько в этом человеке было доброты, детской доверчивости, искреннего бескорыстия и благородства, русской удали и русского озорства!

Существует мнение, что русский национальный характер по своим качествам является характером полярным, характером противоположностей. Так вот, Яшин – ярчайшее подтверждение. И надо ли говорить, что именно особенности яшинского характера во многом предопределили исповедальный характер его зрелого творчества, его совесть и самосуд, не знающий никакой пощады к себе?»

Верю Абрамову.

На Бобришном Угоре обретаешь умиротворённость, внутренний голос не мог лукавить, хитрить. Но случай-то был, конечно, «тяжёлый».

В ту пору оба писателя – Яшин за рассказ «Вологодская свадьба» («Новый мир», 1962), а Абрамов за очерк «Вокруг да около» («Нева», 1963) – были в «глубокой проработке», их, проще говоря, травили по указке из «высоких партийных кабинетов». В газетах Москвы, Вологды, Ленинграда, Архангельска, Карпогор, да и в других местах появились статьи, рецензии, где Яшина и Абрамова разносили в пух и прах.

Собственно, как вопрошал Яшин в разговоре с Абрамовым, «за что»?

Только за то, что тот и другой честно и откровенно повели разговор о наболевших проблемах деревни! Поскольку уже «гирия дошла до полу»; как говаривал великий Лев Толстой: «Не могу молчать!»

Яшин и Абрамов завели разговор о том, что все видели, но молчали!

Отважились сказать о деревне «без малейшей лакировки».

Этот эпизод как бы из «внешней канвы» судьбы Александра Яковлевича, а суть была глубже. И проявилась она, разумеется, задолго до опубликования в «Новом мире» безобидного в целом-то рассказа «Вологодская свадьба» о житье-бытье земляков из Никольского района.

Мог он поступить иначе? Вряд ли. «Я без вологодской деревни – никуда! – говорил писатель. – Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живётся и пишется».

Не только эта, по выражению Глеба Успенского, «власть земли» довела над поэтом и прозаиком Александром Яшиным, не отпускала, требовала правды и искренности. Она ещё требовала быть честным перед самим собой, отвечать за каждое слово. Потому что Яшин верил, что слово – основа вечности, что мы от слова оправдаемся и от слова осудимся...

IV

После всего, что было увидено и пережито в страшные годы Великой Отечественной войны, Яшин с особой болью размышлял о судьбе русского народа, о его духовной силе, о его повседневных потерях и нестроениях.

«Война все чувства наши обострила», – писал он на фронте.

Философское глубинное осмысление бытия невольно отражалось в поэзии и прозе и столь же невольно вступало в противоречие с принципами «социалистического реализма», с реальной жизнью, которую видел и изучал писатель.

Поэту **было тесно** в заведомо поставленных рамках, он понимал, что бытие народа гораздо сложнее, гораздо разнообразнее, чем какие-либо «директивы». Он пытался вынести на суд совести и себя самого, и народ, и страну, не давая поблажки никому. Яшин поднимался на ту высоту, о которой великий Николай Некрасов сказал: «Кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизну свою».

А что получалось на практике?

Ещё в 1947 году Александр Яшин собрал сборник стихотворений «Живая вода», где попытался сказать о своих новых чувствах.

Книга не вышла, набор стихов в типографии рассыпали.

«Литературные генералы» и «товарищи из бюро» поставили Яшину в вину то, что он излишне увлёкся «сугубой лирикой», тем самым подрывал «устой социалистического мировоззрения».

И это-то Яшин? Подрывал «устой». Больше нелепости трудно придумать.

Мужицкая косточка, крестьянин с головы до пят, которому в каменной Москве чуть ли не каждую ночь снились вологодские зори и озёрные затоны! Именно тогда он написал:

Скучный и злой, наверное, был
Тот, кто, надев мундир,
«Мёртвою природою» окрестил
Весь этот добрый мир.
Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша,
Будто бы нет у людей души...
Есть у меня душа.

Душа – вот главная ценность!

Душа – вот поэтическое мерило!

А где душа, там её подвиг откровения и покаяния. Поэт приходит к мысли о необходимости «создать новое общество, а не новую форму государства».

«Хочется быть предельно правдивым, я бы сказал, хочется быть совестливее и искреннее перед самим собой и перед людьми, как на исповеди», – так думал Яшин.

Нравственное, духовное начало, по его мнению, основа основ всякого строя, именно оно способствует движению страны вперёд. И жить надо так, чтобы «Отчизна была сильной, а люди святыми».

Почему тогда не прислушались к Яшину?

Почему посчитали его творческие поиски «заблуждением»?

V

Перед поэтом встали два пути – покориться «суровому реализму» или сберечь душу, наполнить её добротой и любовью, новыми ощущениями совершенства природы и окружающего мира.

Александр Яковлевич Яшин выбрал второй путь.

Он не стал отречься от себя, подстраиваться под «официальное мнение». И произошло своего рода чудо – случилось нравственное возрождение поэта. Сборники стихов «Совесть» (1961), «День творения» (1968), «Границы души», «Босиком по земле», «Бессонница» явили читателю «нового» Яшина – «бегущего босиком по траве». В тот период он написал наиболее значимые свои прозаические вещи – рассказ «Рычаги», повесть «Сирота», сборник «Угощаю рябиной», повести «Слуга народа», «Вологодская свадьба». Все эти, весьма значимые, произведения, вписали новую страницу в русскую литературу. И они продолжают сохранять свою значимость, свою актуальность, несмотря на то что в существующем либеральном режиме отношение к личности и творчеству Яшина весьма прохладное.

Но вопреки тому, имя Яшина на Вологодчине особо чтимо, я бы даже сказал – почитаемо!

Хотя, казалось бы, в прекрасных авторах здесь никогда не было недостатка – Даниил Заточник, Константин Батюшков, Алексей Ганин, Николай Клюев, Сергей Викулов, Василий Белов, Ольга Фокина, Николай Рубцов, Александр Романов...

И всё же Александр Яковлевич на особом счету.

На мой взгляд, тому есть серьёзные причины.

Во-первых, как никто другой, Яшин много писал и говорил о любви к родной земле, гордился любовью и своей землёю, считал, что лучше, чем вологодский край, на земле ничего другого нет.

А во-вторых, именно Александру Яшину обязана рождением «Вологодская литературная школа».

Как вспоминал известный русский поэт Александр Романов, Яшин не раз говорил о том, что на войне погибло очень много талантливых, совсем молодых ребят, из них непременно выросли бы большие поэты и прозаики. «Но своей гибелью они защитили те таланты, – подчёркивал Александр Яшин, – которые мы пока ещё не знаем. Мы должны открывать их, помогать им и объединять воедино ради дружной работы в советской литературе...

Вологда должна выручить литературу...»

Вот это «Выручить!» и стало краеугольным камнем «вологодской школы». Ну, показывал пример, конечно, сам Яшин.

Он любовно – другого слова я не подберу – пестовал Василия Белова, считал его своим «духовным сыном». Именно Александр Яковлевич посоветовал молодому Василию Белову написать «Привычное дело», интересовался ходом работы над повестью, был в числе первых её ценителей.

Столь же трепетно относился Яшин к Николаю Рубцову, которому помогал и морально и материально, не раз выручал его «из переплётов». Не случайно одно из самых проникновенных стихотворений «Последний пароход» Николай Рубцов посвятил Яшину, там есть строки:

В леса глухие, в самый дальний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжек,
На целый день расстраивался вдруг

Из-за каких-то мелких окунишек.
И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,
Но он, всерьёз о чём-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

Здесь хорошо передан образ Александра Яшина как Учителя.

Он был, конечно, суровым наставником, похвалок никому не давал, хвалил редко. Бывало и так, что отрицательное мнение Яшина о чём-то творчестве могло поставить автора в «тень» на годы.

Между прочим, строгий «яшинский подход» к оценке писательского труда сохранили вологодские авторы и доньне. Это по-своему неплохо.

18 мая 1968 года, находясь в больнице в Москве, Александр Яшин послал письмо в Вологду своему другу, художнику Владимиру Корбакову:

«Дорогой Владимир Николаевич. Спасибо за письмо. Я лежу, на этот раз очень всерьёз – нашли, наконец, мою болезнь. Было две операции, после чего со мной даже академик Блохин перестал быть доверчивым. Решаться ли сделать третью – неизвестно, у меня сил осталось мало. Спасибо тебе за дружбу, за счастье общения с тобой».

Письмо оказалось последним.

18 июня 1968 года поэт скончался в возрасте 55 лет от рака, в самом расцвете творческих сил. По завещанию, его тело перевезли в Блудново и похоронили на Бобришном Угоре, рядом с избой, которую он любил ещё и потому, что к её строительству приложил руки плотник и великий писатель Василий Белов.

Кстати, на выставке «Спешите делать добрые дела...» Владимир Корбаков представил большое полотно «Тайны Бобришного Угора», где в художественных символах передал основные мотивы творчества поэта и прозаика.

За последние тридцать лет творчество Яшина, как и большинства известных советских писателей, оказалось мало востребовано. И не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять причины. Если бы сегодня напечатали отдельной книгой острую социальную повесть Александра Яшина «Слуга народа» и раздали бесплатно депутатам Государственной Думы, то, думаю, реакция была бы ошеломляющей.

Каждый из них мог бы узнать себя (если ещё способен на такое!) в главном герое, который из слуги Народа превратился в слугу для Себя. Это лишь одна параллель, а можно провести и многие другие.

Творчество Яшина по-прежнему злободневное, «неудобное».

Поэтому-то Яшина и не издают!

Поэтому не снимают фильмы по его произведениям, не читают с театральных подмостков прекрасные по своей откровенности и цельности стихи. Тут невольно вспомнишь дневниковую запись, приведённую в одном из изданий дочерью поэта Натальей: «Когда трудовой народ в массе своей будет жить хорошо – не говорю **так же** хорошо, но хотя бы просто хорошо! – как и слуги народа, тогда появятся и настоящие возможности для расцвета литературы».

Ну, не в бровь, а в глаз!

Напомню, почти **тридцать лет (!)** Государственная Дума не принимает закон «О творческих Союзах», поставив тем самым художников, писателей, актёров, журналистов **вне закона**.

Разве Александр Яшин был не прав?

Возвращаясь к одному из главных его произведений – повести «Слуга народа», отмечу, что, в противовес своему герою, Александр Яковлевич был действительно слугой народа, подлинным, настоящим. Служил ему верой и правдой, словом и делом. Честным слугой народа!

Творчество его выдержало проверку временем.

И верю, настанет день, когда Александр Яшин, вне сомнения, вернётся со своей поэзией и прозой к широкому русскому читателю.

И мы вместе с ним будем радоваться красотам русской природы и негодовать по поводу всего, что мешает нам жить в полную силу.

Помню, дочь поэта Наталья подарила избранный томик отца с краткой надписью: «Геннадию Сазонову – по поручению Александра Яшина».

Это – большая честь для меня, большая ответственность, о чём я не забываю никогда.

2013–2020–2023 гг.

Берега юбилеев

Александр Лобанов

Александр Александрович Лобанов – родился в 1954 году. Жил с родителями в Донецке. В 1972 году поступил в медицинский институт, а после четвёртого курса перевёлся на военно-медицинский факультет в Куйбышев (Самара), связав таким образом жизнь со службой в армии в качестве военного врача. Полковник в отставке. Ветеран боевых действий. Прошёл Приднестровье, Чечню. Повести и рассказы неоднократно публиковались в «Нашем современнике», «Российском писателе», журнале «Берега». Постоянный автор альманаха «Подвиг», на страницах которого вышли в свет романы: «Крутой этап», «Приднестровец», «Будем жить», «Шайтан», «Снежная королева». Автор книг: «Небесные колокольчики», «Лелег». Член Союза приднестровских писателей, Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

МОЙ ВЕЛИКИЙ ДРУГ

К 70-летию поэта Владимира Подлuzского

Догоняя лучшее былое,
Верю будущему, как себе...

Владимир Подлuzский

Как-то давным-давно, в яркий весенний день был я в гостях у местных литераторов, собравшихся, не помню уж по какому поводу, в офисном кабинете Русского Собора. Мы пили чай, лакомились конфетами, беседовали о том о сём, читали вслух стихи. Умеренно сплетничали, кого-то обсуждали, кому дали народного, кому заслуженного, кому просто грамоту и кило печенья. Сетовали мы, как стало трудно, практически невозможно пробиться к издательству, чтобы напечатать своё что-нибудь. Оттого ль, что куцое финансирование, или ещё по какой причине – версии всякие озвучивались. Некоторые без обиняков мне предлагали отказаться от силлабо-тонического стихосложения, поскольку у них здесь поэтов расплодилось, дальше некуда, «...и, Фебовы презрев угрозы, унились до смиренной прозы...».

Вдруг стук в дверь. Входит скромной наружности, невысокого роста, седовласый, но совершенно не старый гражданин. Меня ему тут же представили, явно как некую диковинку: офицера, сочиняющего стихи. Присаживается он и буквально начинает пронизывать взглядом. Глаза у него добрейшие, но рентген. Душу просканировал за каких-то несколько секунд. По улыбке на тонких губах понял, пришёл я ему.

Это был Он, мой друг, наставник, учитель и вдохновитель, поэт Владимир Всеволодович Подлuzский. В комнате, помимо остальных, присутствовала Любовь Терентьева, педагог, кандидат наук, талантливейший литератор. Наступила небольшая пауза, все смущённо молчали, заметив моё лёгкое замешательство. Дело в том, что я в это время сам интуитивно прочувствовал, что за человек пришёл, и растерялся, не зная, как себя вести. Неожиданно Любовь предложила:

– Володенька, почитай нам.

После услышанных первых же четверостиший, ясновидение осветило мою дремучую голову: правы девчонки, какой из меня поэт. Вот он, Владимир – это да! Это велико. Это божественно. Так я стал окончательным прозаиком, другом великого русского поэта Подлuzского.

Люба рассмеялась:

– Что, забрало?

– Да, – простодушно признался я, по наивности даже не обратив внимания, как у некоторых ревниво сузились щели глазных радужек...

Брянщина – его малая родина. Синее-синее небо, поле созревшей пшеницы. Владимир стоит среди светящихся золотом колосьев, с обнажённым торсом и сам весь светится. По периметру поля частоколом темнеет великолепный русский лес. Подлузский улыбается, излучая такое счастье, что, глядя на это фото, ты невольно начинаешь сам переполняться восторгом. Это был его последний приезд в родные места. Володя наслаждался каждой минутой, каждым мигом свидания, переполняясь душой до самых краёв, по-русски жадно, широко, будто уже знал, что больше сюда не вернётся. Удачный, мастерский снимок. Хотя сделала его всего лишь любитель, его верная супруга Вера, по совместительству муза, критик и одна из первых слушателей.

Он обожествлял всю эту природную красу, переносил её в свои стихи, которые лились из-под его неутомимого пера волшебными светлыми струями, заставляя замирать сердце любого читателя.

Вишня у калитки, слива у межи,
Развернулись свитки утренней души.
Ласточка гуляет выше старых верб,
У кольца сверкает орошённый серп.

На Казанский праздник, как и век назад,
Весело зажинки начинают в лад.
И откуда столько тут не старых лиц,
Нива держит стойко баб и молодежи.

Яркие наряды, цвет застольный бус,
Как бы не влюбиться – снова я боюсь.
До тоски соскучился я давным-давно
По таким отчаянным девкам и кино.

Про деревню нашу с песней и мольбой,
И про то, как стала городу рабой.
Прыткою, красивою и упрямой то ж,
И пока упругой, как в зажинки рожь.

Вишня у калитки, слива у бугра,
Жница в синем платье на снопы легла.
Солнце раскачалось, марево и сушь,
Руки так и тянутся до поспевших груш.

Потом, это гораздо позже было. Помнится, яркое солнце рассыпало столько жгучих блёсток на повсеместные сугробы, что смотреть без тёмных очков было невозможно. Шестое февраля. Республиканский кардиоцентр. Мы забирали Владимира после выписки. Ему сделали сложнейшую операцию, шунтирование. Я, его жена Вера, он – все мы, не спеша, как-то неуверенно, осторожно переступали порог отделения. Слеплённые сиянием снега, остановились. Володя схватил меня за руку, тихо сказал:

– Саша, сегодня мой второй день рождения.

И заплакал. Я, к тому времени уже полковник, при форме, под удивлёнными взглядами посетителей сам не смог сдержаться, слеза самопроизвольно скатилась по щеке. А уж Вера, бедняжка, разрыдалась открыто. Уж ей-то пережить пришлось – врагу не пожелаешь. Неожиданный Володин инфаркт, госпитализация, тягостные моменты ожидания. Выживет ли? Во время очередного посещения Володи, выглядевшего, скажем, не то что как покойник, но близко к тому, она лишилась чувств. По житейски печальному совпадению в отделении лежали с подобными проблемами не простые люди. Владимир Васильевич Тимин, наш мэтр, известный коми поэт, общественный деятель, один из руководителей правления Союза писателей. Там же знаменитый наш оперный певец Алексей Васильевич Моисеенко, которого на тот момент посещала жена, Валентина Васильевна Жиделева, известная, публичная личность, доктор экономических наук, заместитель председателя госсвета Республики

Коми. Приятная внешне и в общении совершенно простая, она услышала шум, живо поспешила на помощь. Мы вдвоём Веру Николаевну быстро привели в чувство. И так это было милосердно, от чистоты души, что разве мог после такого Володя нас оставить. И он тогда победил.

На счастье, Коми республика в своё время расщедрилась на строительство современного кардиологического центра. Возвели сие чудо турецкие специалисты. Доботно, надо признаться. В Центр были приглашены известные кардиохирурги, кандидаты и доктора медицинских наук. Ими подготовлены впоследствии свои, замечательные врачи. Они тогда спасли нашего великого поэта. Смерть, не солоно хлебавши, отступила. Как тогда хотелось верить, что надолго.

Судьба отпустила ему несколько ещё недолгих лет. Он с головой погрузился в литературу. Писал-писал-писал. Каждое новое стихотворение обязательно начитывал мне по телефону и непременно по два раза, чтобы расшевелить мою интуицию, он ей доверял. Но когда мне что-то царапало слух и я ему указывал на строку, которая не проходила мой интуитивный силлабо-тонический контроль, друг и наставник буквально взрывался: «Я окончил филфак, я профессионал, в стенах, где обучался, ходили такие великие люди, как...» Короче, кто ты по сравнению со мной! Типа, как смеешь подвергать сомнению великие мои звуки? Так в шутку мне казалось. На самом деле более деликатного человека встречать ни до него, ни после мне не доводилось. Он клал трубку, через полчаса-час перезванивал:

– Ты был прав. Я тут внимательно поразмышлял, действительно не то. Послушай теперь, я слегка переделал, – и читал, и это было идеально, благозвучно и, как всегда, гениально.

В такие моменты мы оба были искренне счастливы. Особенно я. Ещё бы, такому человеку запросто делаю заметки. Судьба свела, наверное, не зря. Мне порой приходила эзотерическая мысль, что мой друг – второе земное воплощение самого Александра Сергеевича. И я несколько не стеснялся этой мысли, и несколько не считал её крамольной. Стихи-то истинно гениальны. И ещё один немаловажный факт литературной биографии Подлuzского: он автор романа в стихах, второго, после гениального «Онегина», официально признанного. Непростое произведение, не для салонного чтения. Оно, как Библия, сплошь пророчества. Необыкновенное видение прошлого, настоящего, будущего. С каждым очередным прочтением я открываю там всё новое и новое. Прозоры сквозь века, минувшие и грядущие. «Тарас и Прасковья». Его эпическая муза уж постаралась. Роман оценён передовыми российскими умами. На родине поэта, на Брянщине, он введён в школьную программу. А что же здесь, у нас, в Коми? «Я такое не понимаю, – компетентно отозвалась одна дама, – вот если бы роман был написан на коми языке...» Права народная мудрость: нет пророка в отечестве своём. Среди невероятно расплодившихся народных поэтов и заслуженных деятелей культуры РК места великому поэту не нашлось.

Религиозный публицист, писатель Лев Смоленцев сказал: «Республика Коми – это Голгофа России, окружённая пустынными снегами и мглой и непролазными чащами огромной, как океан, пармы, коми тайги». Мне потом пришло озарение: неспроста в этот гиблый Северный Край провидение послало гения поэзии. Светоч!!! И он это понимал. И готовил меня в гении прозы. Вторым Шолоховым называл, а мой роман-эпопею о Приднестровье – вторым «Тихим Доном». А я верил и не верил. Кто ж в такое поверит? Но в течение двадцати лет упорно готовил роман к изданию. Увы, за свои деньги. Председатель правления по телевидению во всеуслышание заявил, что в Коми прозы, к сожалению, нет...

Володя выхода моего романа в свет не дождался. Погиб 11 ноября 2020 года от подлого незримого врага, порождённого сатанинским Западом, проклятого ковида. Никто от Союза писателей на похороны не пришёл, ни цветочка, ни венка не прислал. Бог им судья.

Частенько Подлuzский звал в гости. Так, на часок, поговорить, обсудить, обменяться мыслями, послушать новые стихи. «Часок» порой затягивался на семинарскую пару, а то и больше. Эти встречи не имели цены. Получалось, я проходил очное университетское обучение. Владимир не просто здраво рассуждал на любую тему, но с блеском исполнял роль опытного педагога. Он был широко начитан, обладал невероятной памятью. И повторяюсь, обвораживал деликатностью как собеседник. Никогда от него не слышал грубого слова. При разговоре происходило нечто вроде магии, хорошей такой, белой. В эти мгновения ощущалось, что я сам становлюсь умным всезнайкой, как он, таким же прозорливым и не менее талантливым. Много мы обсуждали мой будущий роман-эпопею. Как

«Пресс-Клуб». 2005

будто он там, в просторах описываемых мною событий, побывал и всё испытал вместе со мной и делал глубинный анализ всего, что там случилось и, что невероятно, что случится далее. И события последующих лет происходили точь-в-точь по его прозору.

Естественно, одним из профилирующих наших «семинарских» предметов был его роман в стихах. Это, если так можно выразиться мне, не доктору наук и даже не кандидату, глубокое научное исследование, выведенное в ипостась великой, могучей русской поэтической словесности. Невероятный объём обработанной информации. Собственно, что гадать, объём этот и есть интереснейшая, трудная, полная событий его жизнь. Детство, юность прошли в Брянской области, место уникальное, стыковка трёх земных вселенных – России, Украины, Белоруссии. Прошлое и будущее там витало для него осязаемо. Красота природы и великая душевность людей, перемешавшихся в национальностях так, что не поймёшь, кто из них кто: хохол, бульбаш или кацап. Культура у них практически общая, обычаи, нравы, хотя и не без контрастов. Владимир эти нюансы ощущал всем естеством, он ими жил. И как будущий гений, педантично фиксировал в памяти, чтобы впоследствии создать великое современное произведение, **роман в стихах «Тарас и Прасковья»**.

Он бился над ним почти столько же, как над своим «Евгением Онегиным» Пушкин. Компьютера тогда не имел. Трещал на допотопной пишущей машинке днём и ночью. В своём вдохновении был силен, яко Геракл. Когда Бог привёл к нему меня, Владимир искренне обрадовался, усмотрев не только родственную душу, но и верного помощника. Вначале удалось обрести старенький компьютер. Учил им пользоваться я его, как мог. Но сам-то не силен, увы. Упросили моего сына Дмитрия. Дело пошло. Со временем появился компьютер поновее и помощнее. Была осуществлена Володина мечта – оцифровать роман. Сын, в компьютерном деле изрядно поднаторевший, сию задачу решил за несколько дней. Пару недель ушло на то, чтобы придать тексту читабельный вид. И вот макет романа занял свой законный файл. Началось историческое обсуждение, историческая оправка. Подлузский либо звал «на часок», либо примагничивал меня к телефонной трубке. И как всегда, яркие эмоциональные всплески, по типу «кто ты такой есть», «у меня высшее филологическое образование», «я окончил лучший в мире журфак», «ВППШ, Академию госслужбы», «я был главным редактором ведущих издательств»...

– Куда уж нам, сыром, мы академиев не заканчивали, – подзуживал я его. – Но, видишь ли, отец родной, там-то и там-то строка хромает и ранит мою творческую душу.

– Саша, поверь, это правильно, грамотно, так все пишут. Что ты цепляешься, как репей?

– Говори что хочешь и сколько хочешь, а моё чутьё ни разу ещё не подводило. И ты – не все, ты гений.

– Я знаю, – отвечал без ложной всякой скромности мой дорогой дружище. – Ладно, не будем попусту... Посмотрим. Пока!

И бросал трубку. Либо шёл кипятить чайник, когда баталия происходила у него дома. И как всегда, друг включал особый какой-то механизм в своём недюжинном интеллекте, превращал себя во что-то типа стороннего наблюдателя, судью решительного и строгого, и непременно «прозревал». И радостно мне же докладывал, что у тебя (т. е. у меня) есть-таки рациональное зерно. И я смущённо краснел от удовольствия.

И снова беседы, беседы, беседы. Это стало уже потребностью как для меня, так и для него. Одну из таких я умудрился записать на диктофон. И почему только одну?! Но вот она, бесценная, слово в слово.

НАЕДИНЕ С ВЛАДИМИРОМ ПОДЛУЗСКИМ

– Художники... Может, это к искусству никакого отношения не имело, но давало очень большие деньги. Мои друзья-художники получали по семьсот рублей. Все начинали халтурить, даже если были привязаны к государственной конторе какой-то. Представь, секретарь райкома или обкома получал двести пятьдесят. Первый секретарь райкома... А он семьсот-девятьсот получал, художник. Так вот. Этот художник, о котором скажу, он бывший зэк. Отсидел пятнадцать лет. Рядом с ним в одиночке сидел мужичок. Их на прогулку водили, и они общались. А их водили на прогулку... Ну, знаешь, там идёт... Как, ну, ваша система известная. Саша, сделай чайку...

– Сейчас. Ну, да, это прогулочный дворик...

– Это, не задумывайся о том, не так важно, где и что. А главное – суть. Вот они прохаживались, и он ему тихонько рассказывал. Не просто рассказывал, а, скажем так, вещал. Называет имена. Называет даты. Сиделец такой, постоянный. При царе и в Советском Союзе такие были. Но главное, он называл всех. Когда Брежнев умрёт. И про приход Горбачёва рассказал. Всё день в день говорил. Всё-всё. И всех этих... назвал. Ты вот мне говорил, семидесятые годы. А ты знаешь, что это такое было. Впечатлительный журналист и прочее... Впитывал, как губка. Сидим, и всё, что он мне говорил, всё сбывалось, один к одному. Всё, понимаешь? Конечно, этому ничего удивляться не стоит. Просто, вот ты знаешь, ведь это, любая судьба, всё это записано. Просто православие, мягко скажем, не рекомендует делиться этими вот вещами. А колдуны, они могут всё показать, рассказать. Только ничего хорошего от этого никогда не было. Человеку знать свою судьбу... О, как раз воду дали. Надо посуду помыть, пока опять не отключили.

– Давай, сюда пересяду.

– Балкон... Не боишься, протянет?

– Володюшка, для меня сквозняк – это пустой звук. Я его никогда не боялся и не боюсь.

– Пустой... Да, последняя просьба человека, не имеющего Интернет. Нужно, Сан Саныч, переписать и сбросить спонсору «Тараса».

– До конца не выправленный же.

– Он, однако, в восторге великом, диком. Но говорит, я хочу прочитать то, что есть.

– Ну давай скачаем.

– Давай.

– Какой там файл, «Тарас-3»? Что, запуск или чего?

– «Третий», Ваше сиятельство, господин полковник. Я вот что хотел сказать. В истории России бывали уже не раз периоды, когда всё, казалось, подходит к концу, всё разрушено до основания, Бог полностью проставил жирный крест на Россию, народ растревожен... (Звонит телефон). Алё... Привет! Всё нормально. Что голос такой грустный? Пообедала уже? Ну, хорошо. Сан Саныч приехал в гости. Спасибо. Приезжай с тортом, чай попьём вместе. Торт не вреден в такую погоду. А вот ты приедь, и посмотрим, вредно или не вредно. А, ну ладно. Угу. Ну, спасибо, что позвонила. Ну ладно, потихонечку успокаивайся и отдыхай. Ну... Ну, давай. Всё.

– Что-то случилось?

– Нет, она просто сюда звонит. Она по работе бежит туда-сюда. Она ж, знаешь... такой отдел. Всех стариков-разбойников и прочее... Так вот. В России бывают периоды, когда, казалось, всё кончено. Так было в Великую Смуту, так было в общем-то и до принятия христианства не раз, и во время принятия христианства, и после принятия христианства. Но Россия выходила всегда из этого, а-а-а... передраги с этой. И всегда оставались великие святые, великие мыслители, часто неизвестные, просто известны их труды. Оставалась литература, как устная, так и письменная. И что удивительно, именно как оказывалось, эта литература, вот как исцелённый больной. Она была всё более прозревающая. Она подходила к самым истокам истины. Или к самой истине. Потому что истину понять человеку невозможно. Но именно русский человек, именно русский ум, именно русская философия, если так можно выразиться, она приближала человека к человечеству, всё к понимаю, кроме европейской цивилизации, к пониманию того, во имя чего существует это человечество.

Весь двадцатый век эти катаклизмы и эти философские всплески повторялись, но начинали иссякать. Видимо, нужен был какой-то энергетический взрыв. И этим энергетическим взрывом, как ни странно, в России всегда является то ли революция, то ли бунты, череда, вот какие-то потрясения. Это очистительный такой смерч. И события девяносто первого года, и предшествующие им пять-семь, а может, и больше лет, там всякие мелкие события, они готовили Россию к вот этому новому всплеску. К этому времени Россия фактически превратилась в пустыню, на которой не звучало ни одного свежего слова, по крайней мере после Рубцова ничего не слышно было. Просто вот, понимаешь, пустыня, где выл ветер, где-то жаркий, где-то холодный. Шамкал один за другим. О чём сегодня говорил вождь? Тоже ни о чём. Любая мысль давилась.

Собственно, если честно, и давить-то нечего было, мысли никакой не было. Происходит всплеск, революция, её все клянут, и прочая, прочая. И нам с тобой в ней многое не нравится. А кое-что есть хорошее. Она развалила ту систему, о которой плачут все. Даже священники начинают плакать. Вчера только слышал, плач такой. Ну, во имя чего происходят катаклизмы такие, ведь есть же промысел какой-то, я не знаю. Всё не происходит так просто. Да, где-то произошли события, они как бы ответ на поведение человека. Вот как я это понимаю. Погода сейчас...

Но и это не главное. Понимаешь, не этот процесс главный. Вначале было слово! Нельзя об этом забывать. И слово главенствует, и слово было Бог. И понимаешь, слово главенствует над всем. И вот с этого хаоса выкарабкиваются голые пока ещё, но живые словечки. Новой литературы. Новой русской философии. А я так давно подозреваю, что русской философии как таковой не существует. Русская философия – это и есть в препарированном виде божественная философия, которая подаётся нам в виде знаков и в виде литературных произведений.

И вот, если говорить о «Сорок восьмой параллели» (один из предполагавшихся нами вариантов названия моей эпопеи. – *Прим. авт.*), если это действительно не выдумка теологов или шарлатанов от разных наук, то действительно следует очень внимательно изучить эту самую 48-ю параллель как некую энергетическую границу между прошлым, скажем, и будущим. Ты вот говорил о том, что это двенадцать, 4+8, дюжина. Я об этом не думал, но не исключено, что и в этом есть какой-то знак. Я знаю роль своего романа в будущем и крепко верю в роль твоего романа в будущем. Очень верю. И всё это не зря. Заметь, если не родился и почерпнул там для своего романа, то ты там родился и жил там же, и какие-то, да не какие-то, а многие почерпнул какие-то энергетические сгустки. Почему ты боишься эту дату минуть, можно разные вопросы, варианты предложить, ты просто не готов к этому по разным причинам. Я могу только догадываться об этих причинах. Так вот, 48-я параллель. Почему девчонка вот эта, глупышка какая-то (мне однажды из Приднестровья знакомая прислал свои стихи, я попросил Подлужского дать оценку. – *Прим. авт.*)... Тоже тянет к этому. Она не знает. Но вот

её тянет. Может, она тоже там родилась, на этой параллели. А может, её какие-то знаки тянут. Для того чтобы об этой параллели сказать, вот заметь, она там-там, она всё описала... А вот что касается главных сгустков славянских, ваша параллель, Молдавия там и Украина, она ничего не знает, потому что она не готова к этому. Её к этому не готовили. Готовы к этому другие люди, сейчас они (с улыбкой смотрит на меня) сидят рядом. И это не моё предназначение. Это не какое-то бесовское там наваждение. Это действительно так. Нам поручено с тобой освоить эту параллель. Как бы это громко ни звучало. Почему сколько лет мы с тобой беседуем о романе, и всегда я на полнейшем серьёзе тебе говорил: Саша, надо. Знаешь, я с искренним восторгом отношусь к книге, которую редактировал и которую рецензировал. Почему? Потому что в ней было всё. Но я помню, что ты сказал, это предтеча, понимаешь, предтеча... То, что сегодня у тебя рождается, вот это и есть то, что надо. Вот ты писал там, концовка, конец и так далее... Это хорошо. Ты заглянул, ты застолбил будущее. Понимаешь, это очень важно. В тебе есть маяк, на который ты сейчас движешься. Теперь ты должен очень внимательно выгрести зелёную молодую травку по всей 48-й параллели, протекающей по славянскому миру. По славянскому. Именно по славянскому. Дальше тебя это не должно касаться. Хотя где-то, что-то, может, на девочку на ту ссылаясь, которую так, может, произвольно тянет на эту линию запретную, к запретной части её подтягивает, как знаешь, вот заколдованный круг. Нечто в этом есть. Я не знаю, может, 48-я – это половина Земли. Половина – как чего? – северного полушария, может быть. Надо посмотреть. Хотя я не думаю, что там 48-х и 96-х параллелей. А там, кто его знает. Но факт остаётся фактом. И почему так сочно выписывается и у тебя, и у меня именно эта местность. Она, я ещё тогда чувствовал, чем-то пропитана, таким вот, мистическим.

Есть вот вообще на Земле параллели, которые... они пропитаны особым составом. Заметь, и Гоголь творил, и Шолохов тоже на одной параллели. Вёшенская и Миргород, они находятся абсолютно на одной параллели. И Гоголь, и Шолохов вообще-то на чаше весов литературных, где-то они одинаковы. Хотя Гоголь, конечно, мощнее. А Гоголь мощнее потому, что Гоголь более мифологичен. Гоголь более народен, Гоголь вырван из гущи. Но Гоголь уже прошёл и университетские кафедры, и хорошее образование получил блестящее, Шолохов это не сделал. Образование Шолохова – это казацкий круг. Понимаешь?

Но дуализм, я бы назвал это явление как дуализм, Рубцов – Есенин, если Рубцов не вышел из Рязани, то Рубцов очень долго жил в Рязанской губернии. Главной фигурой по принципу дуализма напитывается энергетикой специальной. Ты меня понял, да? Так же, как и главные сомнительные фигуры в литературе и в политике, так же напитываются по законам дуализма одинаковой энергетикой. Так же был напитан и Ленин, и Толстой. Друг друга ненавидя вообще-то. Потому что прошли через Казанский университет. И одного и второго изгнали в разное время со второго курса Казанского университета. Одного за революционную деятельность, второго за неуспеваемость. Так вот, дуализм. У нас с тобой тоже вот этот дуализм. Нас с тобой напитывали на одной и той же 48-й параллели. Наиболее важной, видимо, параллели.

Почему, зачем? Для того, чтобы где-то публиковать или что-то? Нет. Вот Надежда (Н. А. Мирошниченко. – *Прим. авт.*) это называет энциклопедией русской жизни. Мой роман уже назвала. Вся эта... Это не новое выражение, так говорили в романе Пушкина «Евгений Онегин». Мы с тобой это уже обозначили как новую русскую библию. Библия – это книга, не более того. А насчёт, перекрёст это или нет – перекрёст. Просто библия означает «книга», и больше ничего, понимаешь? Так вот, дожидаются две книги, которые в чём-то должны друг друга дополнять. И не в силу разных несколько географий, а в силу единых энергетических потоков, которые перемешиваются вот не в самом котле, а параллельно, она как ручка котла, большая ручка котла, в котором варится вот это варево под названием славянская каша. Понимаешь? В которой есть много очень зёрен истины. Но не самой истины. Только зёрна, понимаешь? Из них, из этих зёрен каждый волен добывать собственное понятие истины. Вот это и задача наших с тобой романов.

Что для этого требуется? Естественно, нужно безумно, если так можно выразиться, любить места, которые ты описываешь. Не менее безумно любить своих героев, всех, подряд. И забыть о том, что я вот отомщу этому человеку, я его выведу. Нельзя, это святое дело. Тут нельзя брызгать слюной и кричать «Я». Мы никто, мы исполнители. А помнишь, я тебе говорил, главное, чтобы копия от оригинала не сильно отличалась, понимаешь, в чём дело, там уже всё написано. Угадать нужно, просто подойти к этому. И чем сильнее копия не будет отличаться от оригинала, потом мы их увидим, ориги-

налы, тем больше могуществом это слово будет обладать для христиан. На огромной территории. То, что наши романы будут в каждом доме, когда придёт время, несомненно. Для этого мы прошли через все мучения и через всё. Прошли... правда, не будем никогда заикаться, понимаешь, не наше дело.

Задачи великие. Я сегодня, как однозначно давно говорил и продолжаю говорить, силы для этого даны, мощные. Тебя специально они таскали по бурсам разным литературным и прочее. Это на фиг нужно. Тебе дали просто сгусток таланта, который должна ограничить сама жизнь. Ну и кое-что почитать, чтобы как-то немножко очистить клеммы. И всё. Нужно, вот я повторяюсь, любить героев и любить пространство, в котором находятся твои герои, в котором действуют твои герои. И нужно ничего не выдумывать. А если выдумываешь, то ты должен быть твёрдо уверен, что пишешь абсолютную правду. Просто тебе это поступает из иного источника информации, и всё. И когда ты это поймёшь, тогда вот все твои сомнения по поводу некоторых глав, кусков, абзацев, отдельных фраз, они исчезнут.

Ещё... То, что меня волнует, там, где тебе не хватает образности, не в силу таланта, а в смысле спешки, ты эту образность как можно больше создавай не искусственным путём, а естественным. Ну, вот понимаешь, образность должна проходить через твой роман постоянно. Образы огромные. Один образ, проходящий через весь роман, как у меня, допусти образ коровы там, понимаешь. Герои... За героями тоже надо следить, но ты это уже понимаешь. Надо следить, чем они у тебя занимаются. Своим ли делом занимаются. Но это не от бзиков. Ты их делаешь порой с бзиками, то есть откровеннее характерами. Характер не должен быть железным, нет. Ты это понимаешь. Но герой должен поступать так, какую ты ему генетику задал. Ты же понимаешь, что это никоим образом не проживёт. Ты это хорошо понимаешь. Саша, я тебе дал такую подготовку, литературную чисто, это важнее.

Вещь должна быть мифологична по-своему, понял? Вот у меня в романе мифов много, и в то же время он очень живой. И вообще в русской жизни никогда не отличишь, что такое миф, а что такое жизнь. Вообще вся русская жизнь – это миф. Понимаешь? Окувание человека в несколько потустороннее пространство. Всегда. В романе это должно присутствовать, в меру, конечно. И это у тебя в предыдущих вещах присутствует, и в этих тоже немножко есть, я это вижу. Ты не должен стесняться этого. В фантазии нельзя выдумать того, чего нет во Вселенной. Понимаешь? Ты просто это должен точно, чётко соизмерять с пространством романа, пространством героя, с пространством событий. Вот это всё должно вписываться. А сколько там фантастики создашь, насколько она будет многоярусна, это удел твоего таланта, твоего понимания. Вообще, слово талант – это мировоззрение человека, и не надо ни под кого подделываться, чтобы всё это изобразить. У тебя всё есть для того, чтобы это изобразить. Главное, вот эти роли там, кольчугу рыцаря там, или что, кольчуга – это может быть жёсткая конструкция, это понятие должно быть растяжимое. Знаешь, как, с одной стороны Рыбница, с другой стороны Резина, всё должно как натягиваться, как резиновое. И это резиновое способно вместить массу галактик, целых галактик, твой роман.

Всё-таки у меня поэтическое произведение, я ограничен в средствах. В прозе, это, конечно, возможностей больше, с одной стороны. С другой стороны, поэзия, она порой заменяет десятки страниц прозы. Порой одно четверостишие... Понимаешь? Об этом тоже нельзя забывать. Намекаю на то, чтобы вкрапления твоей поэзии были. Ну, сумеешь на уровне романа выписать такие кусочки, ради Бога. Это твоему герою Геннадию вполне будет входить в характер.

Смотрю внимательно за женщинами, которые трутся около твоих героев. Они должны соответствовать. Они должны тоже некую, не просто бабью, а и философскую функцию при этом, понимаешь, нести. Но эта философия не должна быть такой голой, пустой, такой, знаешь, шаблонной. Ты же женщин прекрасно знаешь, ты вот так прекрасно о них рассказываешь, что всё это должно быть там. Не выдумывай никаких женщин, ты их хорошо знаешь. И эти женщины должны жить на страницах романа. Особенно те женщины, которые прошли через эту параллель. Понимаешь? Обязательно. Северные женщины, они будут иметь другую энергетику. Они имеют у тебя другую энергетику. Это хорошо присутствуют в тех рассказах, особенно, когда ты выписываешь, когда вы на севере. Понимаешь? Но это южные женщины. И вот всё, что ты хорошо знаешь, оно должно быть там. Вот ты так с иронией говоришь о них, но эта ирония должна быть там. И даже, понимаешь, ироническая любовь должна присутствовать.

Ирония – это не русское чувство. И сарказм – это не русские черты. Но лёгкая улыбка, такая русская, она всегда должна присутствовать. Потому что русская баба испортилась по большому счёту.

Она стала другой. Из неё, понимаешь, наполовину выдрали симку, она вроде вставлена, но она уже фонит там. Понимаешь? И она меняется, баба. И вот эти изменения мы с тобой обязаны запечатлеть. У тебя масса для этого возможностей. Женские образы, они не приложения к чему-то должны быть. Не гайка к болту под названием твой герой там такой-то. А если гайка, то уж, извини, она блок должна завершать полный. Держать крепко какую-то конструкцию, вот в чём дело. И я повторяю, что женщины сами по себе должны быть ценны в твоём романе также. Женщины должны это с открытым дыханием читать. Во-первых, они повысят, как ни прискорбно говорить, читабельность романа, с одной стороны, а с другой стороны, они приблизят к истине, к человеческой жизни. Не надо им придавать черт, которых у них нету. Если она никогда не ходила в церковь, не ходила точно. Понимаешь? И так далее. Если она не умеет быть честной, то и не надо с неё делать богиню. Обычную, понимаешь, обычную бабу. Пиши это так. Обычная баба неинтересна, потому что герои-то у тебя интересные. Но, как правило, под руки попадают там и определённые бабы, определённого склада. Вот их-то и стыкуй. Но их не надо выдумывать. У тебя, в принципе, энергетики хватает.

Крики там внутренние, ух, блин, поехать и конкретнее поговорить, они имеют право на жизнь. Но лучше на это смотреть с другой стороны. Тебя нечто тянет другое, не литературное, это да, а тянет... Вот тебе нужна энергетика, пощупать, вот там побуду, и тебе кажется, что всё покатится. Нет, не в этом дело. Ты где-то можешь зачистить контакты и врубиться в блоки, которые у тебя уже находятся. У тебя мощные блоки, там миллиарды килобайт информации, самой-самой-самой. Нужной. И мне кажется, тебе лучше не отсутствие информации, а изобилие информации. Чтобы это не мучило, ты должен чётко, теперь вот когда вешки расставил, должен чётко понять, чего ты хочешь от романа, где начинаются и кончаются границы твоего романа, где начинаются и кончаются границы твоих героев, хотя они безграничны, как правило. Где кончается историческое пространство, и географическое пространство. И ты это всё должен осмыслить.

Но делай при этом так, что вот это маленькое, казалось бы, пространство влияет на весь существующий мир. Понимаешь? Как энергетическое ядро какое-то. Зачем эти все бойни были, в 92-м году по стране прокатились. Зачем? И на этот вопрос ты тоже должен ответ дать. Не политический. Не военно-политический, а исторический. Может, даже не исторический, а теософский. Понимаешь, в чём дело? Какие незаживающие раны болят у этой местности или у этой земли, что ей нужно постоянное вот ощущение крови. Всё это ты должен там людям рассказать.

Хотя, если честно, то уж там многое сказано. Сейчас ты должен отойти от романа, писать всё, что пишется, и думать о том, куда ты это поставишь. Пиши всё, что думаешь. И впускай в хранилище. Пускай выстоится. Всем кускам найдётся место. Всем, абсолютно. Причём абсолютно точно. И все зазубринки, все неровности, они сойдутся один к одному с теми кусками, которые ты их будешь прикручивать, ты это уже любишь. Это ещё раз говорит о мистическом смысле... О мистическом смысле, полусатанинском, это уже не божественно, а в смысле, как раз освещённом свыше. Если бы тебе нужно было написать какую-нибудь простенькую вещь, тебя бы в такие экстремальные условия не помещали бы постоянно, как и меня. Это ни к чему.

Пушкин никогда бы не стал Пушкиным, если бы его не колошматили жизнь. И постоянно он игрался с нею в прямом смысле. В конце концов проигравшись, отошёл от неё. Понимаешь, он игрался с нею. Потому что ему нужны были, скажем так, биохимические процессы, которые вызывали всякие вот волнения на другом уровне потом. Всё это у тебя тоже хватало, да и хватает. У меня тоже. И всего этого надо не избегать. А просто нужно время от времени в церковь ходить и чистить симки. Во главе угла должна стоять мысль: я делаю великий роман. Вы можете мне мешать, вы можете мне, это самое... Но учти, из всех, кого тебе посылает жизнь, и всякие раздражители тоже, они тоже с какой-то целью посылаются, с определённой целью, не просто, чтобы тебя разозлить, не просто, что там чего-то изменить, а для чего-то. Тебе это виднее. У тебя мозгов и прочее хватает, чтобы понять потом, зачем всё это надо было.

Ну, ты представь, какой ещё писатель выдумает сюжет, когда в далёком северном городе за тысячи километров от событий встречаются два человека, один с одного берега, другой с другого. И один другому гадит, понимаешь, потому что враги. Враги не потому, что были по разные стороны баррикад, а враги по крови. Враги по энергетическому балансу. Враги по задачам, которые поставлены перед ними на жизнь. А зачем ты приходишь, надеваешь звёзды, и первый, кто встречает, это встречается Канев (известный в Сыктывкаре писатель, заслуженный работник культуры Республики Коми. —

Прим. авт.), достаёт писательский билет и говорит: вот и я такой же. Это что, случайности? Так не думай, Саша, просто те, кто это планировали, более гениальны, чем мы с тобой. И вообще до мелочей спланировано, всё буквально.

Вот, исходя из этого, ты должен и понимать, что сразу тебе даны были знаки. Ты не готов был к писательскому труду, и вот на, вспомни, кто ты. И всё! Вспомни, кто ты. И вообще, ради какого хрена ты оказался в этом Сыктывкаре? Твоя главная задача, да, обеспечить семью продовольствием, крышей над головой и пр. Но не для этого ты приехал в Сыктывкар. Сразу будь тебе сказано. А вот для этого. Понимаешь? А почему Сыктывкар, может потому, что здесь Мирошниченко, Подлuzский. А может, я думаю, там намного всё серьёзней. И мы все здесь оказались не зря. Понимаешь? Здесь какой-то создан искусственно, с помощью неба, конечно, энергетический узел, очень мощный. И этому способствовала та система, к которой ты ныне принадлежишь. Именно она создала этот энергетический узел. Потому что она впитывала самые мощные узлы со всей Европы и всей Азии, тоже кстати, сюда и здесь в этом котле они варились-варились, проваривались, и от них оставались одни костки. Но от них оставался дух, мыслеформы оставались. И так далее и тому подобное. Я понятно говорю? И должна прийти группа людей, группа товарищей, которые эти мыслеформы переплавят в какие-то иные вещи. И не в иные, а крайне важные вещи. Как бы это жутко ни звучало, эти люди оказались удобрением для произрастания новой литературной нивы русской.

В России думающие люди уже удивлены, почему какой-то Сыктывкар стал центром новой русской литературы. У меня нет сейчас вопросов, всё понятно. Понимаешь? Главное – уметь вовремя ставить энергетические заборы, чтобы на нас не влияли разные языческие дребедени. Но они тоже даны для того, знаешь, чтобы щука не дремала. Э-э-э... чтобы карась не дремал то есть. Всё это продумано до мелочей там. И как ни странно, создаёт блестящие условия для настоящей творческой работы. Не в одной Москве, видишь, что творится, этого следовало ожидать, это делать невозможно. Здесь нет никаких там политических задымлений. А жара. Она, как и в Москве. Но создано пространство. А коли оно создано, мы не имеем права отделаться халтурой. Вот и всё.

Я глубоко убеждён, что тебе вообще не требуется разъяснять, чего бы ты там ни написал. Хотя мы, конечно, на эту тему поговорим, когда это всё будет готово. Уверен, всё, что я тебе буду говорить потом, ты это будешь сам ощущать не меньше, чем я. Это будет как бы отражать твои ощущения не в меньшей мере, чем до того, как я это скажу. Ты просто порой проверяешь, а чего ж это я там такое создал. Я глубоко убеждён, что у тебя всё как надо. В том смысле, что ты глубоко размышляешь и мыслишь самостоятельно над всеми этими процессами. Просто ты, в силу своего характера, вполнину иронизируешь над этим, чтобы как бы немножко упростить себе жизнь, в нас внутри, духовную. Но я знаю, насколько это тяжёлый процесс. Какой хаос там творился. Сейчас уже чувствуется, что выравниваться стало. А почему это происходит? Да потому, что полотно, за которое ты взялся, ты имел наглость – взяться за полотно, но понимал наверняка, что коль берусь, то это уже не наглость, а что-то такое больше. Заставляет, домашнее задание давит. Я считаю, что у тебя оно делается успешно.

Хотя, конечно, над книгой, где у тебя много документов, тебе придётся работать. Но может так случиться, что ты, ну, скажем, за две-три недели вдруг всё это перевернёшь, вычистишь, и всё то, что ты нашёл, а там ничего лишнего нету, в смысле лишней информации нет, просто этому нужно придать не резко журналистский характер, а весьма и весьма литературный, писательский. Это мы с тобой уже не раз говорили, и это дело будущего. Все эти пласты в тебе переварятся. Ты же какие-то документы имел для рассказов, как это по ходу у тебя там... Понятно, да? Ты же на основе чего делал, рассказов каких-то или фантазий?

– Был во время всех этих событий такой «Рыбницкий вестник», подпольная почти газета, и там всё это описывалось.

– Ну, извини меня, всё это читается как гигантская, мощнейшая вещь. Но это же тоже на основе материалов. Хотя я не исключаю, что кое-что можно процитировать. Но эти цитаты должны быть настолько малы по объёму, но они должны быть значимыми. Даже целый документ можно сохранить. На две-три страницы – максимум. Этим не надо пересаливать, потому что, кто это будет читать? Это почитают пять-шесть человек, спецслужбы, шефы Приднестровья, дружки твои прочитают. Но ты же не такие цели ставишь.

Кстати, насчёт издания тоже не беспокойся. Я уже тебе не раз говорил. Когда будет готова, найдётся, кому надо. Там люди для этого готовы. Сверху уже предусмотрено несколько вариантов. В этом

будь уверен. Главное – создать твёрдо, уверенно. Вот то, что сейчас я сделал, понимаешь, я считаю, что настолько близко подошёл к оригиналу, что уже можно задумываться об издании. Вот, представь себе, как меня судьба берегла, показывая, насколько она, не она, а они снизу невыносимы к халтуре. Когда у меня была явная халтура, ну, там тят-ляп пока, с сегодняшней точки зрения – было тят-ляп, но теперь, пожалуйста, тут же в этот день берут, договоры подписывают, всё, будем издавать...

– А у кого подписывают-то?

– У Бутыревой (Галина Васильевна Бутырева, коми поэт, переводчик, известный деятель культуры РК, главный редактор республиканского литературно-публицистического журнала «Арт». – *Прим. авт.*). Уже договоры подписали, и так далее. Но прошёл срок, говорят, нет денег. Я говорю, как?! Потом понял: да это ж меня берегут. Работать надо. Садись и пиши. Я сел и написал. Теперь начинается трудный процесс. Теперь издать трудно. Хотя всё, принято решение. Почему? Да потому, что вещь настоящая. Она ж будет мешать, а не помогать уже, потому что я их нарушил планы. Верхние... Верхние будут дожимать меня, чтобы я довёл до идентичности оригинала, понимаешь? Когда я доведу, тогда и будет другой разговор. Вот так вот.

Что ещё? Главное... Главное... Кажется, вчера было, мы с тобой говорили, под Новый год в позапрошлом году 31 декабря, ты только с Питера приехал, говорили о том, что потребуется два-три года. И кто-то из нас двоих, не помню, сказал – минимум. Два года уже в декабре будет. Сделали что-нибудь за это время? Я думаю, да. Гигантский труд проведён. За это время ты побывал там (в Приднестровье), ты работал, а то, что написано и куда ты боишься заглядывать, говорит только об одном, что ещё не пришло время авторским глазом на всё это глянуть. Вот ты мечтаешь о папaxe (т. е. получить звание полковника. – *Прим. авт.*), вот я не знаю, насколько это хорошо, насколько это плохо, для мужского самолюбия и для карьеры, что называется, сто процентов это надо. Поднимет ли это тебя над твоим произведением, может, да, а может опустить. Если ты этого добьёшься, значит, так суждено. В принципе, уже что называется, близок локоть. Откусишь не укусишь, как извернётся. Это другой разговор, эта тема другая. Но она имеет прямое отношение к творчеству. Имеет, конечно. Но чем больше успехов на бытовом уровне, тем меньше успехов на литературном уровне. Тут уж несомненно, потому что энергетические поля действуют разные.

– Именно, что разные. Вообще противоположные.

– Ну, я бы не стал это в противоположности записывать. Но... Главное, окунаясь в эту грязь, а это грязь, конечно грязь. Это сточная канава общества, ваша система (управление исполнения наказаний. – *Прим. авт.*). Так вот, ты пишешь о самых светлых вещах. Это разве не библейский подход? Это разве не библейский тебе подарок? Понимаешь? Вот представь себе, в самую грязь тебя жизнь окунула, в канаву, в сточную канаву общества, где ты говоришь не об этой канаве, а говоришь о том, как солнышко светит над этой канавой и как эти бактерии там разлагаются под солнечным светом, понимаешь?

– Вот потому-то и нужна. Надо отдать ей должное, этой канаве.

– Как ни странно, именно благодаря этой канаве, понимаешь, всё и продолжается. Процесс продолжается. Во-первых, ты года два бы переживал, чего я, дурак, ушёл. Надо было б ещё послужить. Там ты должен полностью, в системе, карму, что ли, свою отработать. И всё. Должен отсидеть там до конца.

– Да, оно само собой решится. Да, может, в этом году уже уволят. А может, и оставят служить.

– Ну... Как ты мне говорил, особенно в прошлом году, у тебя был период застоя. В мае прошлого года. Ты столкнулся с тем, что сразу всё навалилось. Служба, здоровье. Я тебе что сказал? Ты всё это преодолеешь. Просто нельзя нос опускать. Тебя проверяли. Проверяли не в смысле, насколько ты устойчив к этой службе, проверяли, не забрать ли у тебя это дело. Способен ли ты его вытащить, потому что испытания-то, сам знаешь, какие. Постоянные сомнения. Вот садись и думай, а зачем я вообще это пишу? Но что-то ж держит? Если уж прижало, то бросать нужно всё. Тут тебе канава хлещет со всех сторон, а ты сидишь, пишешь. Горланят со всех сторон, а ты сидишь и пишешь. Эти, понимаешь, костлявые мертвецы, ожившие, что-то там говорят тебе, размахивают папахами, саблями, а ты сидишь и пишешь в этом аду. Про рай пишешь.

– В аду...

– Единственное, что надо при этом делать, благодарить Бога искренне, что тебе подарил такую судьбу. Судьба не самая худшая, по большому счёту. Вот так. Ещё и женщины толпами стоят у ин-

тернетовского подъезда и ждут очереди. Ну, вот тебе разговор о чём-то. А собственно, как бы зачёт перед самим собой о сделанной работе. Зачёт, можно сказать, ты прошёл. Мне нравится в тебе, что ты вот не волнуешься, не переживаешь больше за судьбу романа. Ты понял, что тебя ведут. А коль ведут куда надо, приведут.

У тебя достаточно трудоспособности. Трудиться надо. Я ведь тоже порой на неделю бросаю. Потом раз, и всё, раз – и всё. Сегодня уже дочитывал. И знаешь, когда я читаю и уже больше не спотыкаюсь – всё! Где-то что-то я вставляю... Когда-нибудь прочитаешь, увидишь. Саша, я довёл его почти до совершенства. Почему почти? Потому что всё меньше времени остаётся до тех пор, пока увидят. Самое страшное для писателя, когда он открывает книгу свою и берётся за голову! Чего ж я этого не видел раньше? Самое страшное. Он должен открыть и на едином дыхании прочитать до последней страницы, и его ничего не должно царапнуть. Ничего! Ни одной лишней мысли не прийти больше, потому что все мысли уже пришли. О, как это я сделал! Вот какие мысли должны приходить. А не на каждом шагу за голову браться, думать, ёлки-палки, как я этого не заметил?

Тут явно напрашивается: писатель не должен быть умён задним умом. Понимаешь? Всё должно быть, как я помню чудное мгновенье. Всё коротко и ясно. Если бы ты на это не был способен, я бы никогда тебе это не читал. По крайней мере, я не вижу здесь ни одного человека, которому всё это можно рассказывать. Писателей так называемых. Понимаешь? Ты способен на труд. На тяжёлый, на длительный литературный труд. А как по-другому?

Сказки там пишут. Про Толстого, который там встанет, рюмку выпьет, поедет – попашет, а потом сел писать. Невозможно сочетать пахоту с литературным трудом. Это разные энергетики. У пахаря психология пахаря. У писателя психология писателя. Они не могут меняться, знаешь, как перчатки, одну снял чёрную на пахоту, выбросил, белую надел – и писать книжку. Человек рождается в одних перчатках и в этих перчатках и книгу пишет, и навоз выбрасывает.

- Так может, он пахал не с психологией пахаря?
- Это невозможно.
- Взялся за рукоятки плуга и пошёл...
- Это так кажется. Ты не пробовал браться и пойти?
- А ты пахать не пробовал?

– Нет, пахать-то я не пробовал, но близок к тому был. По крайней мере, с конём работал. И могу сказать, если ты с конём стал работать, да, какие-то отрывочные мысли приходят, но это похоже уже на бред. Понимаешь? Почему? Потому что животное, природа вообще, она требует полной отдачи, с ней нельзя так, в полсилы. Вот так вот. Потом, если ты будешь ходить за плугом и думать про роман, у тебя никогда ничего не вырастет. Останется никчёмная, пустая борозда. Ты должен, ну, понимаешь, какой-то эликсир жизни расплёскивать при этом. Я не беру нечто вульгарное. Пахарь должен готовить всё. Каким-то образом вот то, что с тобой происходит на работе, на службе, это вполне вписывается в литературный процесс. Понимаешь? Это какая-то сторона литературного процесса. Где тебя учат ответственности за сказанное слово. Проблем чтоб не было на службе, сам знаешь. Попробуй, ляпни что-нибудь на службе. А с чего ты взял, что можно ляпать в романе? Не можем! Контроль ещё какой стоит. Ещё какой! Советская власть называла это внутренним редактором.

Но теперь я бы хотел побольше услышать о 48-й параллели. Я, конечно, сам об этом ничего толком не знаю, верю, что это так. Стоит глянуть на Запорожье... Почему меня мистическим образом постоянно тянет к карте? Почему я в каждую щель хочу проникнуть? Здесь больше видно, чем наяву, чем на местности. Почему... А почему простые карты таро, на которых нарисовано неведь что, они действуют мистическим образом больше, чем все эти явные короли. Почему?

- Таро... а ведь на таро есть такие предсказатели, что...

– А почему мы не имеем возможности, писатели, которые крепко прикрученные к 48-й параллели, не можем там увидеть больше, чем там есть? А мы видим. Я вот поставлю Интернет и увижу ещё больше. Это не какая-то тоска и прочая. Нет. По прошлому. Это тяга к истине. Не более, не менее. Почему меня не тянет в Россию, в Мулино, где сержантскую школу заканчивал. А в Горьковской области, которая тоже описана... Почему туда совершенно не тянет? Никак. Хотя это ближе.

– Для меня – Самара, где военфак заканчивал. Самара, что она есть, что нет. Тьфу! А спроси, хочешь увидеть? Ну вот... Спроси, Володь, а хочешь увидеть?

– Хочешь, я знаю. Но... Тебя туда тянет. Бог тебе судья. Но ты сам толком не знаешь. Но в любом случае, вот ты понимаешь, какую карту тебе судьба подсунула! И заметь, ты ведь никогда не задумывался, она фактически находится на широте твоего дома. А ведь Рыбница, я уверен, один к одному сходится с Донецком, понимаешь, думается, где ты родился и где ты жил.

– Она проходит через посёлок Горняк. Я на этом посёлке и вырос.

– Вот как ты часть увидел, так ты должен всю эту параллель пройти сам. В каждый дом вглядываясь. Каждый домик! Вот надо, полдня потратил – выходного. Но посмотрел, никуда не отвлекаясь. Записывай. Всё, что приходит в голову, записывай. Вот, в блокнотики, знаешь – это целая глава будет. 48-я параллель. В Интернете, да...

Нельзя, меня учили в журналистике всю жизнь, нельзя за усы притягивать, то есть если тебе хочется «Сорок восьмая параллель» назвать роман, я считаю, что это гениальное название будет, просто гениальное, то надо это выписать в целую главу.

– Я вот сижу, думаю, это мне надо привязывать моего Гену Савватиева (главный герой романа-эпопеи. – *Прим. авт.*) к Донецку.

– Зачем? Он должен туда приехать... Понимаешь, твой Гена давно уже в Донецк съездил. К Светлане, помнишь, ездил (моя двоюродная сестра, живёт в Макеевке под Донецком. – *Прим. авт.*). Гена это был, к Светлане ездил? Когда к другу он приехал...

– «Письмо к другу», – это ж другой герой, другая повесть. Вон у тебя на полке стоит. А у меня Гена закончил Ленинградскую академию. Но надо будет переиграть.

– А что переигрывать? Он что у тебя не может в Донецк приехать, на 48-ю параллель?

– Тут надо подумать.

– Ну, всё равно он окажется на 48-й параллели. В Рыбнице. У тебя ж какой-то приезжает офицер с севера в Рыбницу? Герой.

– «На Белом море» – это Савватиев и есть.

– Не обязательно он должен пройти Донецк. Донецк может пройти другой герой, автор, в конце концов. Понимаешь? Почему автор, как у меня, не может параллельно появиться?

– Хотя ты прав. Ты прав... Но кого-то из Донецка я должен вставить.

– Да сам себя. Ты можешь кого-то другого.

– Кого-то вставлю.

– Тут-то ты уже можешь писать с себя сто процентов, обозначая персонажа автором.

– И какое имя персонажу. Может, Володя Брянский? Но как можно фамилию Подлузский менять на какую-то? Подлузский же – это есть Подлузский! И какую кличку придумать моему полковнику Евтодиеву (бывший начальник медицинского отдела УФСИН. – *Прим. авт.*). Я склоняюсь дать ему фамилию Тодика. Могу в словаре молдавскую любую подыскать.

– Кстати, насчёт словарей. У тебя должны быть украинский, молдавский всё время под рукой. А вообще-то у тебя под рукой уже есть, в Интернете. Но этим не злоупотребляй. Если уж сказал, особенно молдавский, то переведи.

– Или сносочку сделать.

– Сносочку делать обязательно.

– Тут с одними источниками полгода работать.

– А я постоянно работаю. Меня Димка научил. По фамилии Лобанов, между прочим. Так что ты к этому источнику тоже обращайся. Я как-то столкнулся. Звоню... Ты был, естественно (в служебной командировке)... Таня (моя невестка. – *Прим. авт.*) дала любезно мне телефон. Это Владимир Всеволодович, друг Сан Саныча. Я хотел бы... А он меня, оказывается, тоже знает. Пожалуйста, говорит. И я у него быстро научился. Сын твой говорит, я компьютер так изучил, когда писал диплом. Всё, молодец. Он у тебя такой немножечко с улыбочкой парень, но такой... Молодец.

– Отходит от меня...

– Ну что значит, отходит? Человек взрослый, отец. Старший лейтенант уже. Это естественно.

– Да...

– У племянницы, у Вериной, Маши маленькой, уже двадцать лет ей, тоже муж – старший лейтенант, они общались, тоже Димка. С твоим Димкой. Рассказывал Димка Машин. Этот спрашивает, твой Димка у этого Димы, откуда вы знакомы. С племянницей тёти Веры я дружу, жена его. Представляешь, блок какой. В жизни всё круглое. А в его, у этого Димки, у зятя, уже он, его отец, начальник

милиции по Инте, полковник. А Димка уже заканчивает в Йошкар-Оле в Удмуртии институт заочно, ну... милицейский, старший лейтенант, в январе получил вот недавно. Сейчас в ОБЭПе служит городском. Сейчас у ребят – слышал? – будет выведение за штат всех.

– Весь личный состав выводится за штат для того, чтобы переименовать...

– Будут не милиционерами, станут полицейскими.

– И потом принимать на службу. Им сказали, ребята, чтобы не было зазора, заранее одни списки подготовить и вторые. Причём юридически всё будет чётко, комар носа не подточит. Министерство ликвидируется, МВД? Или назовут по-другому. Но это будет другое юридическое лицо совершенно. С похожими задачами. Скажут, вот, у вас есть образование специальное? У твоего Димки как раз есть, поскольку юридическое, для следователя это идеально. Ну и вот, у нас зять милицейскую школу закончил и сейчас институт милицейский заканчивает. Там потомственные. Твой уже вон как заматерел на этой службе.

– Так, пошёл ещё чайку приготовлю, Саша?

– Чайку? Да, давай.

– Давай. Я сейчас. Посиди пока там. Что-то прохладно немножко.

– Так я бы не сказал. А вообще прохладно...

11 марта 2007 года

На этом запись прерывается. Я специально не корректировал, тем более не редактировал. Владимир Всеволодович умел говорить так, что в его устах речь получалась идеальной. Она изобиловала замечательными паузами, в течение которых происходило осмысление интонаций, с которыми он произносил то или иное слово, порой кажущихся неправильностей, но звучали как правильные! Слушать моего великого друга – это всегда вызывало интеллектуальное наслаждение. Даже голос его имел необыкновенные по мозаичности обертоны, в звучании которых всё высказанное воспринималось, как гениальное.

Припомнилось выступление Подлuzского на поэтическом марафоне. Тогда он уже был в немилости у местной литературной «элиты». Когда ему передали эстафету, что выражалось в накидывании на плечи белого атласного шарфа, руководители правления филиала СП по Коми откровенно встали и покинули зал. Унизили вроде как...

Добродушный и совершенно безобидный дедушка Щукин, в своё время известный коми писатель, борода совершенно белая, чуть ли не по пояс, в шутку звали его наш Лев Толстой, зачем-то стал суетно бродить между стульев. Скорее всего, был ошарашен невиданной чиновничьей выходкой. Среди приглашённых зрителей, в основном студентов, часть которых господа чиновники показательно увели, возник гул. Владимир выдержал паузу, взял себя в руки, успокоился и начал читать так, как стихи Подлuzского мог читать лишь один человек – Подлuzский. Гул через минуту прекратился. «Лев Толстой» застыл на стуле и слушал, раскрыв рот. Тишина, только голос Владимира Всеволодовича. Волшебные стихи, волшебная сила искусства.

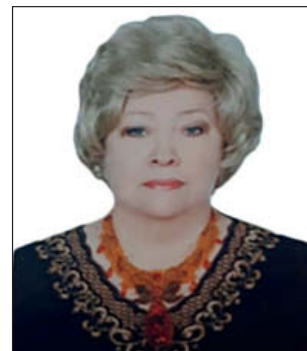
Прошли годы, великого поэта в мире уже нет. Как будто... Но он с нами, он со мной. Всегда и везде. И его гений всё так же ярко освещает литературное пространство не только нашей республики, но и России ярким неповторимым светом.

Берега Памяти

Лилия Козлова

Лилия Козлова – родилась в 1951 году в Калининграде. По образованию модельер-конструктор. Рисует, пишет стихи и прозу с 16 лет. Председатель клуба «Мудрость» областного Дома ветеранов с 2008 года. Организатор клуба «Поэтическая гавань» с 2011 года. Печаталась в книге «Вечный огонь памяти», в альманахах «Янтарные россыпи». Победитель конкурса «Народные таланты» в газете «Комсомольская правда», статьи в «Калининградской правде» и в газете г. Гвардейска. Член Ладушкинской организации «Откровение». Член Союза свободных писателей «У камина Паустовского».

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПРАДЕД – ПОЛКОВНИК Ф. М. СИДОРЕНКО

Фёдор Матвеевич Сидоренко – первый военком Гвардейского райвоенкомата. О своём героическом прадеде знают мои внуки и его правнуки – Максим и Ярослав, будущие защитники Отечества. Родился Фёдор Матвеевич 20 апреля 1907 года. Рано остался без отца. Батрачил на кулаков, окончил два класса. С 1929 года служил в Красной армии старшиной, а в 1936 году окончил курсы командного состава. С первых дней войны был в действующей армии. Начинал на Юго-Западном фронте, а в сорок втором окончил курсы «Выстрел». Был назначен командовать полком. Служил на Западном фронте в составе 338-й стрелковой дивизии, в должности командира полка. До конца войны находился на 3-м Белорусском фронте, в составе 31-й гвардейской стрелковой дивизии, в должности командира 99-го гвардейского стрелкового Краснознамённого полка. За короткий период пребывания в дивизии полковник Сидоренко проявил себя способным и волевым командиром.

В феврале 1945 года у Фёдора Матвеевича за боевые отличия уже было три ордена Красного Знамени и два ордена Суворова третьей степени, орден Красной Звезды, медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией» и т. д.

18 апреля 1945 года полк вступил в бой на подступах к городу Пиллау. Отбивая многочисленные контратаки противника и ведя тяжёлые бои, овладел городом. Будучи раненым, полковник Сидоренко продолжал управлять боем. За умелое командование полком при взятии города Пиллау и проявленное геройство гвардии полковник Сидоренко достоин присвоения звания Герой Советского Союза (предоставлялся вторично в подтверждение боевых действий за Кёнигсберг). «Крючкотворы» нашли «запятую», которая сыграла свою зловещую роль, при жизни награды он так и не получил. Надеемся на справедливость, что звание присвоят ему посмертно.

Вернёмся к воспоминаниям сына Фёдора Матвеевича о войне. В детстве Фёдору не удалось научиться плавать. Во время войны предстояла задача – переплыть на другой берег Немана. Два бойца подхватили под руки командира и поплыли. Пули свистели над их головами, но они продолжали плыть к берегу. Пуля настигла одного из бойцов на середине реки, поплыли вдвоём.

Отважный боец в одиночку пытался помочь своему командиру преодолеть опасный путь. Когда берег оказался совсем близко, шальная пуля настигла бойца. «Господи, какая нелепая смерть», – с горечью подумал полковник, погружаясь в холодную воду Немана. Вдруг он почувствовал, как вода выталкивает его на поверхность, и со всех сил стал барахтаться и плыть к берегу. Силы небесные и жажда жизни спасли и сохранили его. Ещё не раз чудо спасало Фёдора Матвеевича. В жестоком бою за взятие Пиллау его тяжело ранили из пулемёта в обе ноги. Истекающий кровью, в полубреду, он слышал, как врачи говорили об ампутации. Он закричал, что умирать он будет только на своих ногах. Восхищённый мужеством полковника, старый врач настоял на своём и сохранил ноги герою.

Гвардии полковник Сидоренко отличался особым стилем командования полком. Он лично обучал штурмовые отряды ведению уличного боя, с уважением и пониманием относился к каждому бойцу. Своим личным примером, храбростью и отвагой воодушевлял бойцов и командиров на выполнение боевых задач!

Во время штурма города-крепости Кёнигсберг, под сильным обстрелом противника, с небольшим подразделением лично ринулся через мост р. Прегель, тем самым не дав противнику его уничтожить. Закрепился на противоположном берегу реки и, отбивая яростные контратаки противника, быстро переправил два батальона через Прегель, разгромил очаги сопротивления противника, и этим самым был открыт путь всей дивизии. Таким образом, были преодолены две водные преграды – р. Беек и р. Прегель, заняты Понарт и товарная станция, остров 2,5 км, вост. Коссе, уничтожены 2500 немецких солдат и офицеров, захвачено много военного имущества и вооружения. За успешное выполнение боевой задачи 99-й гвардейский стрелковый полк был награждён орденом Суворова 3-й степени, а командир полка Сидоренко был представлен к званию Героя Советского Союза. Во время командования полком Фёдор Матвеевич сумел отлично подготовить и сколотить личный состав к наступательным действиям. Преследуя противника в лесу Штаатс Форст Тапиау, его полк без поддержки артиллерии смело вступил в бой с танками и транспортёрами противника, вышел в тыл и нанёс тяжёлые потери врагу. При форсировании реки Неман, несмотря на упорное сопротивление противника и артиллерийские обстрелы, умело переправил на левый берег реки полк со всей материальной частью с незначительными потерями. А в боях в районе Вильно в результате правильного руководства подразделениями, смелых и решительных действий в короткий срок разгромил группировку противника, в процессе чего в этих боях полк имеет на счету 600 пленных солдат и офицеров противника. За 11 дней наступления полк Фёдора Матвеевича прошёл с боями 120 км, освободив 39 населённых пунктов, в том числе районный центр Знаменка Смоленской области.

Гвардии полковник Сидоренко неоднократно проявлял образцы героизма и мужества. Отбивая многочисленные контратаки противника и ведя тяжёлые бои в лесу, полк занял д. Нойхойзер, стремительно подошёл к Пиллау и совместно с другими частями овладел им. Будучи раненным, когда обстановка была особенно напряжённой, полковник Сидоренко продолжал управлять боем. Полк нанёс противнику большие потери в живой силе и технике. Только пленными взято около 6000 немецких солдат и офицеров.

Но испытания на жизненном пути продолжались. В 1948 году от тяжёлой болезни умерла жена Фёдора Матвеевича, оставив его с шестью детьми. Старшему было 16 лет, а младшей дочке – меньше годика. На собрание к детям ходил охотно, где и познакомился с милой учительницей, которая стала его второй женой и матерью его детям. Вскоре у них родился младший сын Владимир. Серафима Васильевна – заслуженный педагог, которую помнят в г. Гвардейске её ученики. Частым гостем в семье Сидоренко был Твардовский Александр Трифонович, который написал поэму в стихах о Василии Тёркине.

Легендарные люди прошлого столетия – гордость нашей эпохи. И сегодня мы чтим память и склоняем голову перед их памятниками. Шумят берёзы над могилами в г. Гвардейске на городском кладбище, где покоится Сидоренко Фёдор Матвеевич и две его жены по обе стороны, что подарили ему детей. Волею судьбы выпало ему стать одним из тех, кто брал в плен последнего коменданта Кёнигсберга Отто фон Ляша. В «Блиндаже» есть фотографии на стенде и диски – живая хроника. Для кого-то из наших земляков этот старый кадр больше, чем «просто» исторический документ.

Внуки, будьте достойны своих предков и сохраните мир на земле!

Памяти Фёдора Матвеевича Сидоренко посвящаю этот стих:

А за окном черёмуха цветёт,
Но на парад он больше не пойдёт.
Лежит в постели, ноги отказали.
«Не встанет он», – жене врачи сказали.
Но он не верил и пытался встать,
Душе своей умел он приказать.
Он вспомнил бой и раненых вокруг,
Откуда силы появились вдруг?
Кричал: «Вперёд, Москву мы не сдадим!
Неравный бой, умрём, но победим!»

Один из всех остался он в живых,
И видит в снах солдат бесстрашных, молодых.
Ему большая жизнь была дана,
Вся грудь в медалях, орденах.
Ему так хочется пожить,
А он не движется, лежит,
Собрал все силы и привстал,
Ещё рывок, и он упал...
А за окном черёмуха цветёт,
Но на парад он больше не пойдёт...

Берега Памяти

Аркадий Мар

Аркадий Мар – русский писатель, живущий в Нью-Йорке с 1995 года. Член СП СССР, России, Москвы. Член Международного ПЕН-клуба. Печатался в «Роман-Газете» (Москва), «Литературных знакомствах» (Москва), «У Никинских ворот» (Москва), «Путеводной Звезде» (Москва), «Костре» (С.-Петербург), «Вертикали» (Нижний Новгород), «Чаше Круговой» (Екатеринбург), «День и Ночь» (Красноярск), «Приокских Зорях» (Тула), «Севере» (Петрозаводск), «Звезде Востока» (Ташкент), «Арт-Литере» (Болгария), «Нить» (Великобритания). Лауреат национальных и международных литературных конкурсов. Автор 16 книг, вышедших в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада), Болгарии. Родился и всю жизнь прожил в Ташкенте. Отец участвовал в обороне Сталинграда и был ранен.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Рассказ

Сон вдруг подёрнулся рябью, расплылся, и Алишер понял, что проснулся. Он не открывал глаз и напрягался, стараясь вспомнить и связать цветные нити этого сна, но с каждой секундой спать хотелось всё меньше и меньше, и Алишер вздохнул. Всегда у него сон прерывается на самом интересном месте. Алишер потянулся, зевнул. Наверное, нужно вставать. Дома его всегда будит мать. Она тихо подходит к кровати, наклоняется и что-то шепчет в ухо. Становится щекотно-щекотно, даже чихнуть хочется. Алишер, не открывая глаз, обнимает маму за шею и, пока мама несёт его умываться, досыпает у неё на руках. Но сегодня Алишер ночевал у деда. У мамы премьера, и ей нужно подготовиться. Вчера мама, наверное, сто раз целовала Алишера и шептала: «Я так боюсь, сынок, так боюсь». И чего ей бояться, непонятно? Ведь она танцует лучше всех.

Каждый день, утром и вечером, мама идёт в театр на работу. Утром на репетиции, вечером на спектакль. Мама работает балериной. А если совсем точно, в первой линии кордебалета. Иногда мама берёт его с собой. Тогда Алишер сидит на деревянном стуле с резной спинкой, грызёт яблоко и смотрит. Человек в чёрном свитере со смешным именем «балетмейстер» размахивает длинными руками, каждую минуту хватается за голову и кричит: «Стоп, стоп. Как вы не можете понять!»

Все сразу останавливаются, вытирают пот: и Надя, которая угощает Алишера конфетами «Белочка», и лучшая мамина подруга Света, а мама морщится и начинает растирать ноги в толстых шерстяных носках. Потом опять будут повторять сначала. И сколько можно? Алишер встаёт со стула и идёт к дяде Лёне. У дяди Лёни гораздо интересней! Он самый главный на складе декораций. Дядя Лёня разрешает мерить все костюмы, какие захочешь. А сколько у него шпаг, кинжалов, копий! На месте взрослых Алишер ходил бы в театр на склад декораций.

В тот раз мама провела его через служебный ход и усадила в первый ряд. Медленно потухла сделанная будто из тысяч прозрачных леденцов огромная люстра, и занавес раздвинулся.

Неужели это мама? А где её чёрное трико? Где шерстяные носки? Сейчас она похожа... На кого она похожа? На птицу... Ну да. На большую белую птицу. И руки, как крылья. Но как это мама могла превратиться в птицу? И остальные тоже. Может, их заколдовали?

Алишер оглянулся по сторонам. Но почему все сидят спокойно? Или они не понимают?.. Может, они тоже заколдованы? Нужно что-то делать. Он побежит сейчас к дяде Лёне, возьмёт большую саблю и расколдует всех. Занавес вдруг сошёл, и все громко зааплодировали. Из-за красных занавесных складок вышли хорошо знакомые и Надя, которая угощает его конфетами, и Света, самая лучшая мамина подруга. А вот и мама. Она кланяется зрителям. А Алишер помахал ей рукой.

После спектакля они шли домой пешком. Алишер прижимался к маме, заглядывал ей в глаза и даже потрогал несколько раз. Мама была такая же, как всегда, только усталая...

– Дед, – крикнул Алишер. – Дед!

Но почему-то никто не отзывался. Алишер откинул одеяло и зашлёпал босиком по полу. Он распахнул дверь в комнату деда. Деда не было. Что это висит на стуле? А-а... Так вот почему в дедовой комнате вечером долго не гас свет. Ещё вчера этот пиджак висел в шкафу и был обыкновенным чёрным пиджаком от костюма. Сегодня же, отутюженный, от аккуратно висел на спинке стула.

Но самое главное, к пиджаку были прикреплены ордена!

Алишер подошёл поближе.

– Один, два, три, – считал он, трогая каждый орден.

На ярких металлических кружочках горели выбитые буквы, и Алишер стал водить пальцем вдоль каждой из них. Какая это буква с завернутыми с двух сторон краями? А-а, вспомнил. Буква «З». Что же получилось?

– За-о-тв-а-гу... За от-ва-гу! На ордене написано «За отвагу»!

Раз на ордене написано «За отвагу», значит, дед – герой. Вот здорово. Его дед – герой!

– Дед, – закричал Алишер. – Что же ты раньше не говорил?!

В прихожей хлопнула дверь. Ну, конечно, дед ходил за газетами.

– Ты уже встал? Быстренько иди умываться.

Хорошо деду так говорить. Он не только делает зарядку, но и обливается холодной водой. От этой воды у Алишера кожа покрывается пупырышками. И почему она называется гусиной? Непонятно... Да, а ордена?

– А почему ты ордена каждый день не носишь?

– Да как-то неудобно. И потом, если часто носить, они будничными становятся. Мне кажется, одевать их нужно раз в год, в День Победы.

Станный дед какой-то. Если бы у Алишера был хоть один орден, он бы не снимал его ни днём ни ночью. Ходил бы с ним и в детсад, и гулять. Пусть все видят, что он герой, и завидуют.

– Дед, а ты правда герой?

Дед почему-то заулыбался.

– Герой не герой, а не хуже других был. Две медали «За отвагу» и орден «Славы».

– Как, медали?

Алишер даже обиделся за деда. Оказывается, только медали, а орден всего один.

– «Слава» – самый главный солдатский орден, – объяснил дед. – Ни у одного генерала и маршала нет.

Алишер пошёл умываться. Если даже у генералов и маршалов нет такого ордена, тогда всё в порядке...

Это хорошо, что на завтрак кефир. Им очень вкусно запивать хлеб с колбасой. Дома мама ни в жизнь бы не разрешила. Уж как всё надоело! Только и слышишь: «Алишер, закутай горло шарфом, Алишер, съешь манную кашу». Кому нужна эта манная каша? Даже соседский щенок и тот прошёл мимо, когда Алишер поставил кашу перед его носом. У деда лучше. Он покупает мороженого сколько хочешь. Разрешает не кутаться. Он даже маме сказал: «Растишь ребёнка неженкой, смотреть противно».

– Наелся? – спросил дед. – Тогда пойдём. И свитерними, жарко на улице.

– Дед, а мороженое купишь?

– Куплю, конечно, только сначала мы в театр позвоним.

Действительно, чуть не забыл. Ведь у мамы сегодня премьера! Премьера называется «Дон Кихот». Мама много рассказывала про этого человека. Он боролся за справедливость. Только жил в Испании.

– Дед, а ты хотел бы быть Дон Кихотом?

– Хотел.

– А как им стать, знаешь?

– Нужно быть честным и ничего не бояться.

– А если они сильнее?

– Кто?

- Ну те, кто не справедливы.
- Всё равно нужно бороться.

С кем же бороться? Алишер задумался... Пожалуй, с Мишкой. Он из рогатки в голубей стреляет. Но Мишка сильнее. Его полдвора боится. Алишер вздохнул. Да, трудно быть Дон Кихотом...

Ну и жара! Доедаешь вторую порцию мороженого, а прохладнее не становится. Сколько людей вокруг! Навстречу идёт военный. Вот здорово, вся грудь в орденах!

- Здравия желаю, товарищ генерал-майор, – говорит дед и отдаёт честь. – С Днем Победы!

Алишер согнул руку в локте и тоже отдал честь. Правда, в ней он держит мороженое, так у военных не бывает. Но генерал, наверное, не заметил. Он улыбнулся и сказал:

- Вас тоже с великим праздником, Пулат Хакимович. А это внук?
- Внук, Алишер.

Генерал приложил ладонь к козырьку и сказал:

- Ну что ж, поздравляю, Алишер, и тебя, – он на прощанье помахал рукой и пошёл дальше.

Из-за угла вдруг послышалась музыка. Ещё минута, и появился духовой оркестр. Трубачи шли по середине мостовой, на одинаковом расстоянии друг от друга. Они крепко прижимали мундштуки к губам и раздували щёки. Солнечные блики стаями слетали с ослепительно начищенных медных труб, заставляя людей щуриться и прикрывать глаза. Тугие звуки марша отвесно уходили вверх, в самое небо, таяли в высоте, а за ними накатывала новая музыка...

На площади возле парка людей было ещё больше. Мужчины и женщины держали в руках плакатики. На них чернилами, краской, тушью были написаны цифры и слова. Дед тоже вытащил из кармана пиджака свёрнутый в трубку лист бумаги, развернул его.

- Что там написано? – спросил Алишер.
- «327-й полк САУ». В нём я воевал.
- А как понять САУ?
- Самоходная артиллерийская установка.
- А что сильнее, танк или установка?
- И без танков, и без САУ в армии нельзя.

Люди собирались группами, обнимались, целовались, громко разговаривали, а некоторые даже плакали. Возле одних плакатиков людей было очень много, у других поменьше, а у дедовского совсем никого.

- Пулат Хакимович, – окликнули деда от таблички «Северо-Западный фронт», – опять никого не дождёшься. Иди к нам!
- Спасибо. Может, кто-нибудь придёт. Столько лет жду...

Уже, наверное, прошло два часа, как они ходили по площади, но никто не подходил. Алишер взял плакатик у деда и сам теперь нёс его.

- Дед, я газировки хочу.
- Сбегай сам, у меня ноги что-то устали. Я тебя здесь на скамейке подожду.

У автоматов с газированной водой было много народа, и Алишер встал в очередь. Женщина в белой блузке, стоящая впереди, оглянулась, посмотрела на Алишера и сказала:

- Товарищи, давайте пропустим вперёд молодого человека. Вон, вон, из «327-го полка САУ».
- Кто здесь из этого полка? – раздался чей-то голос.

Седой мужчина в чёрном костюме подошёл к Алишеру, взял из его рук плакатик, прочёл надпись.

- Ты с кем пришёл, мальчик? – волнуясь, спросил он.
- С дедом.
- А где он?
- На скамейке сидит.
- Проводи меня к нему...

Дед всё так же сидел на скамейке и читал газету. Седой мужчина внимательно посмотрел на деда и подошёл к нему почти вплотную.

- Это ты, Пулат? – неуверенно спросил он.

Дед вздрогнул, прищурил глаза и вдруг бросился к нему навстречу.

В следующую секунду они уже обнимались и хлопали друг друга по плечам.

«Вот это да, – подумал Алишер, – у деда полные глаза слёз. А ещё говорил, что мужчины никогда не должны плакать!»

– Витя, – повторял дед, – Витенька. Я же тебя тридцать лет искал. Целых тридцать лет...

Мимо них проходили люди, рядом по дороге спешили куда-то автомашины, а они сидели на скамейке, не замечая ничего вокруг.

– Помнишь, – сказал дед, – под Прохоровкой ты меня из подбитой машины вытащил. Обгорел я тогда сильно.

Так вот откуда у деда шрамы на руках и груди. Что же дед никогда об этом не рассказывал?

– Конечно, помню. В госпиталь тебя отвезли.

– Там я три месяца провалялся, потом в другую часть попал. Брал Севастополь, а закончил войну в Чехословакии.

– А я в Кёнигсберге.

– Витя, кого-нибудь из наших видел?

– Саня Чертков в Москве, директор большого завода. Тоня – учительствует под Саратовом, недавно письмо прислала. А Рудик Григорян погиб, и Кожемякин погиб, а замполит позже, в Прибалтике, – он помолчал. – Время летит, оглянуться не успеваешь. Да, что я приехал... С глазами плохо стало. Контузило меня в сорок пятом, а вот через сколько лет война о себе напомнила. У вас тут профессор есть хороший, ему и хочу показаться.

– Ты ещё у него не был?

– Да я два часа, как из Челябинска прилетел. Только и успел номер в гостинице снять.

– Никаких гостиниц. Остановишься у меня!

– А не стесню?

– Да как ты думать можешь об этом...

– Настоящий узбекский плов, – сказал дед, поставив на середину стола большой ляган с пловом. Потом наполнил рюмки. – Самый первый тост за наших боевых товарищей, за тех, кто не дожил до Победы...

В раскрытое окно потянул ветерок, пошевелил занавесками.

– Витя, – сказал дед. – Споём нашу фронтовую?

Дед подошёл к серванту, снял с него подсвечник, зажёл свечку и выключил свет. Тоненький розовый язычок секунду поморгал, затем разгорелся. Свечка чуть потрескивала, парафиновые слёзы медленно стекали вниз и застывали по дороге.

Наконец, они запели в полголоса:

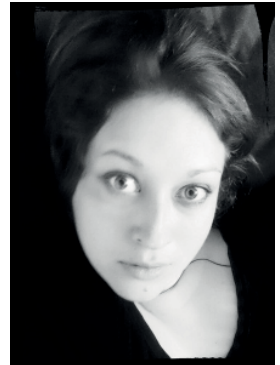
*Бьётся в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой...*

Песня наполняла комнату, переливалась в окно, за которым виднелись соседские крыши, ещё дальше была Петькина голубятня, а на самом горизонте, где вечернее небо упиралось в парк культуры, расцветали разноцветные сполохи праздничных салютов.

Берега Новороссии

Алина Баева

Алина Баева – член Союза писателей ДНР с 2017 года. Живёт и работает в Донецке. По образованию – психолог, бизнес-тренер. По жизни – интернет-поэт, рифмоплёт и сочинитель грустных сказок... Пишет военно-патриотическую лирику под псевдонимом Алина Баева. Также использует псевдонимы Алёна Леонова, Форнит. Лауреат и победитель международных литературных конкурсов (Россия, Украина, Прибалтика). Первый авторский сборник «Перекрёстки миров» вышел в 2014 году в Москве.

НЕ БОЙСЯ ОГНЯ, ОН ГРЕЕТ

А мама качает сына и так до конца не верит,
Что там вдалеке зарницы от залпового огня...
И шепчет она ребёнку: «Не бойся огня, он – греет,
Ты глазки закрой и слушай, как бьётся в окно война».
За каплею каплей слёзы дорожки свои прочертят,
От грохота канонады ночами не спит малыш
И маме ладонь сжимает, боится ребёнок смерти
И шепчет: «А если, мама, ты в этом огне сгоришь,
И я за тобой беспешно уйду, притворяя двери,
Когда уже умер, верно, ты медлишь и не спешишь?»
А мама ответит сыну: «Не бойся огня, он – греет,
И в пламени видишь сказки, пока от него горишь».
Но миловал Бог, и утром, совсем позабыв о вере,
О страшных ночных метаниях и долгих часах войны,
Малыш пробормочет тихо:

«Не бойся огня, он – греет».

И, сунув под щёку ручку, посмотрит цветные сны...

2014 г.

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Я знаю, как поёт система «Град»,
Ведь до неё лишь пара километров,
Снаряды колокольцами звенят,
Царапаясь о плащ ночного ветра,
Цепляясь за вершины тополей,
Впиваясь в стены и ломая крыши.
И всё же слушать залпы веселей,
Чем в темноте сидеть и их не слышать.
Нас трое тут – испуганных мальчишек,
Родителями спрятанных в подвал,
И с нами годовалая Иришка.
Ей сам уже подгузники менял,
Кормил её; она орала звонко,
Пугаясь темноты и тишины.
Ну что поделать, ведь она – девчонка,
Её отвлечь пытались от войны –

Всю ночь качали, будто на качелях,
На старом гамаке туда-назад,
И хором, чтоб уснула, песню пели,
Ту, где батяня есть и он – комбат.
А мой батяня там, на блокпосту
Из шин и хлама, третий день подряд
С друзьями защищает высоту,
И по нему опять стреляет «Град».
Боится мамка, молится всю ночь,
Чтоб ангел от беды крылом укрыл
Её мальчишек и Иришку – дочь,
И мужа от напасти защитил.
Звонком последним не звонила школа,
Нет табелей, оценок и цветов,
Лишь только запах земляного пола,
Свет фонаря и парочка котов
(которых мы спасаем от напасти) –
Вот перспектива лето провести.
За это скажем мы спасибо власти,
С которой нам теперь не по пути.
Когда затишье, мы на свет выходим,
И поиск гильз – любимая игра,
А часто реконструкцию проводим
Событий тех, что видели вчера.
Я и мальчишки – снайперы у вышки,
Взяв палки-ружья, смотрим за козой,
Она – наш враг и ест траву под вишней,
Но – слышишь! – мама нам кричит: «Отбой!» –
Под вой гудков – сигналов об обстреле.
И снова сырость, снова погребка,
Чтобы опять снаряды песни пели,
А им стаккато вторила стрельба.
Уже не страшно, просто привыкаем,
Лишь ненавидим тех, кто виноват,
Что в подземелье мы рассвет встречаем
И знаем, как поёт система «Град».

2014 г.

ГРУСТНЫЕ КАРТИНКИ О МАРИНКЕ

Глазки открыла, поправила бантик в косичке,
Порвано платье, испачканный мишка
в руках.

Вдруг слышит голос: «Ну вот ты проснулась,
сестричка.

Нет, ты не бойся, забудь весь испытанный
страх».

И оттирая от грязи и пыли ботинки
Краем потрёпанной вязаной шапки своей,
Смело в ответ на слова повернулась

Маринка,

Чтобы увидеть толпу незнакомых детей...
Каждый опрятен и будто сияет немного,
Все улыбаются ей, а у них за спиной
Тянется длинною лентой в небо дорога
И указатель обычный «Домой – по прямой».
Но непонятно Марише, зачем в этом свете,
Льющемся с серого неба на сумрачный
тракт,

Встали колонной одетые в белое дети
И так приветливо с нею теперь говорят.
Вроде ведь только вела её мама за руку,
Что-то спросила про ужин, уроки, отца.
Вдруг громкий шум, и Марине уже почему-то
Больно ужасно, и нет этой боли конца...
Ну а сейчас эти дети на старой дороге
К ней подошли, называют свои имена
И повторяют: «Маринка, в гостях ты у Бога,
Только немного ещё подождать ты должна».
И, растерявшись от радости или печали
(как осознать глубину этих странных вестей?),
Сразу узнала детей, всех, что рядом стояли.
Вспомнила фото и сводки она новостей –
Тех, что тайком им учитель зачитывал

в классе,

Как погибают невинные дети порой
В страшной войне, что сегодня идёт
на Донбассе.

В детях узнала всех тех, кто уже не живой...
Им улыбнулась улыбкой приветливой самой,
Белое платье поправив, уселась в тени.
Ждала недолго, к ней тихо приблизилась

мама –

Чуть припоздавшая жертва жестокой войны.
Встреча на небе родных – это дар для
немногих.

Мама промолвила: «Что ты, малыш,
заждалась?»

И, обнимая дочурку, пошла по дороге,
В прошлом оставив страдания, горе и грязь.

2015 г.

НАУЧИ МЕНЯ МОЛИТЬСЯ, МАМА!

Не под сводом церкви или храма,
Не в священном месте, не в святом,
Раз за разом сын твердил упрямо:
«Научи меня молиться, мама!» –
Вместе с кошкой прячась под столом.

Дом трясло от недалёких взрывов,
В окнах вновь смертельный фейерверк.
Кот мяукал нудно и тоскливо
И кряхтел, как будто человек,
Вырваться пытаюсь у мальчишки.
Мать, уже не сдерживая слёз,
Умоляла: «Боже, это слишком,
Столько горя ты в наш дом принёс.

Наказал за что-то? Да, ты вправе
Нам давать, карать нас и судить.
Только почему в беде оставил
Всех детей, которым жить да жить?

Как ты мог отдать на растерзанье
И забыть про тех, кто одинок,
Кто не заработал наказанье,
Кто невинен? Ну же, слышишь, Бог!»

Ночь ушла, атака провалилась.
Вспоминая светлого Отца,
Целый вечер с сыном мать молилась,
Вглядываясь в контуры лица
Образа на смазанной иконе.
Выучил слова, заснул малыш.
Мама, вытирая подоконник,
Вслушивалась в утреннюю тишь...

Знала точно, мир залечит раны,
Всё пройдёт – и горе, и беда...
Только этой фразы сына странной
«Научи меня молиться, мама!»
Не забудет мама никогда...

2016 г.

СУДЬБОЮ ИХ ВЫБРАНО ТРОЕ

Дом подъезда на три. Полусгнившая дверь
на площадку.
Старый велосипед аккуратно пылится в углу.
Он навстречу спешит и кричит:
«у меня всё в порядке».
Мне хотелось бы верить, но верить, увы, не могу...

Два сухаря, что лежат про запас, крысы, грызущие пыльный палас,
Дырки от взрывов в соседской стене, из изоленды кресты на окне,
Бабушкин грязный пуховый платок, кровью залитый, верёвки моток,
Старая книжка стихов о войне, флаг ДНР на холодной стене,
Из теплосети разорванной пар, техника, что нанесёт артудар,
Фото отца (от него нет вестей) – вот вдохновение донецких детей –
Тех, что с войной познакомились вдруг и позабыли про солнечный круг.

2015 г.

МАЛЫШ-СЕПАРАТИСТ

Красавец клён, раскинувшись над садом, в коляску сбросил с ветки яркий лист.
Сжимая погремушку, как награду, спокойно спит малыш-сепаратист.
Сопит и видит сны, порой зевая, не ощущая злости и вины,
Хоть изгнан был он (сам того не зная)
На землю эту грешную из рая
Жестоким богом летом в год войны.

Вот «повезло», вы скажете, родиться в семье у тех, кто на передовой.
Так как же малышу спокойно спится под грохот и далёкий минный вой?
Увы, не позавидуешь страдальцу, да разве это жизнь – среди войны?..
Ну а малыш под тёплым одеяльцем,
Держа во рту тихонько сладкий палец,
Досматривал сиреневые сны,

Пока не понимая то, что в мире, болеющем хронической войной,
Он был заочно выделен пунктиром и проклят жёлто-синею страной,
Что для кого-то он несёт угрозу, по сути хоть – наивен, светел, чист...
Его убрать мечтают, как занозу,
Ведь из него уже (какая проза)
Отъявленный растёт сепаратист.

Клеймят безбожно, вынося вердикт, поправ «слезинки детской» постулаты.
Ну что с того, что будет он убит, зато страна однажды вступит в НАТО.
На мирных жертвах жирный ставят крест – не жалко малышей, больных, убогих,
Пенсионеров, школьников, невест...
В стране-убийце нет вакантных мест,
А потому убрать готовы многих.

Он вырастет и всё поймёт однажды, но сможет ли простить и отпустить
Грехи всем тем, кто посчитал, что важно его ещё в младенчестве убить?
И будет мир, в котором он напишет свой заголовок, выбрав чистый лист,
Но, не забыв про то, что был он лишним,
Того, кто возомнил себя Всевышним,
И тех, кто звал его сепаратист.

Ну а пока в шуршащем листопаде уходит осень, дверь открыв зиме,
Мечтаем о победах и парадах, о мирных днях и маленькой стране...
Сжимая погремушку, как гранату, спокойно спит себе и видит сны
Простой малыш, моя смешная «вата»,
Не знающий про «мирных жертв» и НАТО,
Рождённый этим летом в год войны.

2015 г.

Берега Новороссии

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

КАПИТАН МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Рассказ

Никогда прежде Фотинье не доводилось держать в руке собственную смерть. И хотя эта её гибель вполне могла сойти за ёлочную игрушку, она знала о притаившейся под железной кожурой слепой ярости.

И не только знала, но могла добавить в учебник по военно-полевой хирургии абзац о том, как под хлопки рвущихся за окнами малокалиберных снарядов удалить вбитый осколком гранаты в грудную клетку пятиконечный орден.

Раненого на испятнанном соляром и кровью байковом одеяле принесли четверо ополченцев. Трое в танкистских шлемах, на голове четвёртого – чалма из грязных бинтов. Опустив на влажный после утренней приборки линолеум коридора ношу, они взглянули на Фотинью так, словно та была по меньшей мере ближайшей помощницей Матери Божьей.

– Извините, товарищ докторша, – молвил забинтованный, – какая-то тётка внизу, похоже – техничка, сказал, что наш командир не жилец на этом свете. Однако мы всё-таки решили вас побеспокоить. На вас вся надежда теперь, Златовласка вы несказанная...

– Ну, если тётки со швабрами будут ставить диагноз, – рассердилась Фотинья, – то пора закрывать хирургическое отделение... Кладите вашего командира на каталку и можете быть свободны. И не забудьте заглушить тарахтелку. Иначе потравите больных угарным газом.

– У нас не тарахтелка, а самоходное орудие, – заметно обиделся назвавший Фотинью Златовлаской служивый. – А глушить двигатель никак нельзя. Иначе придётся заводить с буксира.

– В таком случае отгоните подальше.

– Куда именно?

– Да хоть в парк за моргом. Судмедэксперт глуховат, а его пациентам ничего не повредит, – вмешалась операционная медсестра Ульяна Михайловна, о которой похожий на ежа главврач говорил, что она видела живого Ленина.

Проведённая за операционным столом ночь давала о себе знать. Тупо ныли, словно их залило болотной водой, икроножные мышцы, а уложенная в шесть колец коса цвета омытого горным ручьём золотого самородка отягощала затылок.

– Лично я бы поостерёгся лечь к тебе на стол, – подшучивал главный. – Ты, конечно, хирург от Бога, однако здесь мной движет инстинкт самосохранения. Если коса сорвётся со стопоров, перелом ключицы или пары-тройки рёбер обеспечен.

Впрочем, воспоминание о сомнительного качества шутке оказалось короче просверка бракованной спички, а болотная вода в ногах испарилась, словно влага с линолеума, на который пали проникающие через оконные стёкла лучи февральского солнца.

Наверное, нечто подобное испытывает комбат, который поднял своих людей в атаку. Сейчас для него главное – сбить врага с безымянной высоты. О задетом пулей предплечье и утративших чувствительность после контузии барабанных перепонках он вспомнит потом, после атаки.

Так и Фотинья. Она даже не вздрогнула, когда в ответ на секущие кроны тополей за окнами операционной осколки малокалиберных снарядов от морга начала бить самоходка.

– Похоже, наши новые знакомые боятся, что командира могут ранить ещё раз, – вполголоса сказала Ульяна Михайловна.

Приняла из рук Фотины то, что сейчас лишь отдалённо напоминало боевой орден. Однако бросила его не в ведро с отходами, куда минутой раньше отправила рубчатый осколок, а положила на край умывальника:

– Позже отмою...

Награду Фотинья вернула полтора месяца спустя, когда командир самоходчиков зашёл попроситься со своей спасительницей. Вслед за ним в ординаторскую ввалились четверо его однополчан. По случаю мартовского тепла расхристанные, без шлемов, у говорливого бинты уже сняты, в одной руке полиэтиленовый пакет, из которого выглядывает зелёный чубчик ананаса, другой смущённо потирает огрызок левого уха.

– Не обессудьте, Златовласка вы наша, – повинился одноухий. – Поляны с подснежниками все заминированы, а единственный в вашем городке цветочный магазин закрыт по причине болезни продавщицы. Поэтому вместо букета примите нижайший поклон.

– И вам спасибо, парни... Как за что? Доброе слово не только кошке приятно.

– Позвольте сказанное считать тостом? – вскричал одноухий.

– С тостами повременим до лучших времён, – возразила Фотинья. – Да и ухом бы стоило заняться. Чтобы не травмировать психику будущей невесты. Кстати, где это вас угораздило?

– Командир оторвал, – рассмеялся одноухий. – Чтобы злее бил нациков.

– А мне он злым не показался. Молчун великий – это да, но не злой, – хотела присовокупить, что у командира самоходчиков очень тёплые глаза и что впервые за всю её жизнь глянулся не рослый красавец-брюнет, а мужчина скромной комплекции, однако промолчала.

Лишь обойдя стол, на который одноухий водрузил пакет с выглядывающим чубчиком ананаса, коснулась пальцами левой руки изувеченного ордена на груди командира самоходчиков и добавила:

– Пусть, парни, ангел-хранитель оберегает вас от пуль, осколков и всего прочего, что способно причинить боль.

Гости ушли, унося запах солярки и воскресшей земли, однако Фотинья продолжала думать о командире самоходчиков. Удивлялась: как могло случиться, что прежде незыблемые вкусы и симпатии на поверку оказались сродни одуванчику?

Вообще-то разочарование в избранниках испытывала и прежде. Ещё много лет назад в заводской столовке, куда бегали после лекций соблазнённые вкусными обедами студенты мединститута, Фотинья однажды увидела на раздаче такого красавца, что уронила ложку.

Модный, без единой помарки комбинезон, выдававший принадлежность молодца к рабочей аристократии, был так же элегантен, как смокинг завсегдатай аристократических салонов.

С той поры Фотинья перестала ощущать вкус шницелей заводской столовки. Всё её внимание было приковано к объекту воздыхания.

А однажды ей сказочно повезло. Заняла очередь за молодым в комбинезоне. Но лучше бы она продолжала восхищаться им издали. И тогда бы зарождающее чувство миновало участь убитого морозом картофельного ростка.

– Ты чего такая? – удивилась подружка, расставляя на пластиковой столешнице тарелки. – Никак муху в рассольнике узрела?

– Хуже, – потрясённо прошептала Фотинья. – Он сказал: «А мне – каклету».

– Ну и дура. Если будешь оценивать мужиков по уровню их интеллектуального развития, судьба старой девы тебе обеспечена.

Предсказание сбылось лишь наполовину. Но и после замужества продолжала помнить сказанное подружкой. Как ни корбила привычка супруга громко чавкать, сумела убедить себя, что это не самое худшее из зол. Тем более недостаток с лихвой компенсировали сто восемьдесят девять сантиметров роста, горделивая осанка и должность главного механика пригородной агрофирмы.

Правда, жить пришлось на два дома. Но оно, может быть, и к лучшему. Выходные слишком короткий срок, чтобы чавканье за столом начинало казаться чересчур оглушительным.

Однако вскоре свиданья и вовсе стали редкими. Между городом и агрофирмой пролегла граница, которая отрезала мятежную республику от продолжавших скакать на майдане киевлян.

И хотя городскую квартиру от сельского дома отделяли всё те же семь километров, дорога только в один конец растягивалась на весь день. Да и не имелось никакой гарантии, что после тяготящего ожидания удастся получить разрешение на пересечение линии боевого соприкосновения, а не осколок мины восемьдесят второго калибра, которыми щедро обменивались враждующие стороны.

Первым не выдержал муж. Укатил на приобретённом за общие деньги грузовичке в Болгарию, где у него жили родственники по материнской линии.

– Как только обустроюсь на новом месте, – сказал по мобильнику, – сообщу свой новый адрес... Хотя сомневаюсь, что ты сразу бросишь больных. Они ведь у тебя на главном месте. Поэтому твои вещи и телевизор оставил. Появится возможность – забери.

Фотинья от упрёков воздержалась. Это всё равно, что швырять камни вслед уходящему за горизонт поезду. Остановить не остановишь, а вот сердчишко надорвёшь.

Даже не всплакнула, как это полагается при расставании. Не осталось у неё слёз. За день до бегства супруга изрыдалась по скоростижно скончавшемуся заведующему хирургическим отделением, который был для неё учителем и ангелом-хранителем в одной ипостаси.

Даже поминальную свечу в церкви не смогла зажечь с первых попыток. Из-за беспрестанно набегавших слёз отсырела не только антиковидная маска, но и спички, а утыканный свечами столик казался размытым густым туманом костерком.

Хорошо, сыскалась добрая душа. Нашла управу на закапризничавшие спички и под локоток провела за церковную калитку.

– Примите мои самые искренние соболезнования, – рокотал над ухом приглушённый баритон. – Да и все мы скорбим по поводу тяжкой утраты.

По голосу, а ещё больше по запаху дорогого одеколона Фотинья узнала главу городской администрации, который прошлой зимой оказался на операционном столе с острым приступом аппендицита и о котором ехидный главврач говорил, что мэр посещает туалет лишь после того, как нацепит галстук.

При других обстоятельствах Фотинья, наверное, обрадовалась бы встрече. Всё-таки приятно, когда тебя под локоток провожает элегантный мужчина в голубом, под цвет глаз, галстук. И возможно, заметила бы завистливые взгляды, которыми гвоздили её встречные дамы.

Но сейчас хотелось одного – уйти туда, где никто не догадается о кровоточащей душе и где можно сбросить антиковидную маску, на которой смытая слезами тушь оставила траурные дорожки.

– Спасибо, – молвила Фотинья, высвобождая локоть из чужих пальцев. – Дальше я сама...

– Это я должен сказать спасибо. И знаете кому? Паршивому аппендициту. Ведь это благодаря ему я узнал о существовании женщины с руками ювелира от хирургии и косой цвета драгоценного металла. Вот моя визитка, звоните в любое время. Всегда буду рад слышать, лицезреть и помочь в меру слабых сил. Если понадобится спонсор или транспорт...

– Вы очень добры, однако ни в том ни в другом я не нуждаюсь. И прошу великодушно извинить. Больные ждут.

Распрощавшись с главой администрации, свернула на пешеходную дорожку, которую с одной стороны теснили исцарапанные гусеничной техникой серые поребрики, а с другой – плотный ряд гледичи.

Эти деревья напомнили Фотинье её теперешнюю жизнь. Куда ни поткнись, везде шестидюймовые шипы. Даже не верилось, что на гледичью однажды вскарабкался убежавший от выгуливаемого без намордника бойцовского пса пономарь местной церкви. Клыков-то он благополучно избежал, а вот хлопот занятым людям доставил изрядно. Вначале – снимавшим с макушки дерева-недотроги спасателям, а затем – травматологам.

А ещё Фотинья казалась себе человеком, который балансирует на стуле без трёх ножек. Первую вышибла война, вторую – кончина заведующего отделением, третью – бегство мужа.

Слава Господу, цела четвёртая. Наверное, самая важная. И пусть похожий на ёжика главврач называет её служебными обязанностями и гужовинностью, Фотинья благодарна за ниспосланный дар, который помогает художнику создавать бессмертные полотна, а доктору возвращать к жизни таких, как командир самоходчиков.

Правда, в отличие от живописца, хирург прифронтовой зоны – существо измордованное. Он скорее прикованный к галерному веслу раб, чем окрылённый вдохновением творец прекрасного.

Болотная вода уже просто застаивалась после бесконечной, с малыми перерывами череды операций. Она всё выше поднималась по телу, грозя захлестнуть сердце, а угнетавшая затылок тяжесть, наоборот, переместилась вниз, сковав мышцы плеч.

И развязка вскоре наступила. Поздней ночью доставили пожилого ополченца, в спине и ягодицах которого глубоко увязли десятки мелких осколков. Выуживали чуть ли не под микроскопом, тратя на каждый от десяти до двадцати минут.

И когда наконец появилась возможность разогнуть спину, Фотинья обнаружила, что солнце успело свить гнездо в кроне искалеченного тополя. Но ещё больше поразил больничный коридор с влажным после утренней приборки линолеумом. Оказывается, он способен принимать вертикальное положение и заодно отвешивать оплеухи.

В третий раз удивилась тому, что лежит на диванчике в ординаторской и что над ней склонился главный врач больницы. Как всегда, чем-то напоминающий ёжика и, по обыкновению, очень ехидный.

– Ты спрашиваешь, почему смердит нашатырём? Это Ульяна Михайловна приводила тебя в сознание. Она же доложила, что питаешься исключительно чёрным кофеком, а в нём калорий явно маловато для того, чтобы таскать на голове целый золотой прииск. И я ей верю, ведь она живого Ленина видела. Ну а если серьёзно, сейчас мы тебя наспигуем всем, что способствует поднятию тонуса, и в сопровождении сестры-хозяйки автомобилем доставим по месту прописки. Она заодно поможет тебе запастись харчишками на десять дней.

– Зерно надо купить.

– Какое ещё зерно? – изумился главврач.

– Для голубей. Двое их у меня на лоджии. Калечки. Возле церкви подобрала.

– Ну вот, ради больных ты готова уморить голодом не только себя, но и горемык-пернатых! – с наигранным возмущением воскликнул главный. – Но знай, увильнуть от гужповинности я тебе не позволю. Республике нужны врачи, которые до кровавого пота тянут лямку, но не ложатся в борозде... Короче, я позвонил куда следует, сегодня пришлют из столицы парочку опытных хирургов. Поэтому отдыхай, наедай брюшко. Но учти, если Ульяна Михайловна доложит, что жировая прослойка возле пупка так и не появилась, отправлю в палату для дистрофиков.

– Нет такой у нас.

– Будет. Специально по такому случаю откроем.

Фотинья малость солгала. Но её вины в том не имелось. Бывая дома набегам, успевала лишь отмыться, устроить постирушку, постелить на полу лоджии газеты взамен испачканных птичьим какашками и сменить воду в поилке. Зерна же насыпала в суповую миску столько, что должно хватить на целую неделю отлучки.

Появление хозяйки калечки, по обыкновению, встречали ворчаньем. Словно укоряли за долгое отсутствие, а затем, помогая себе нелетучими крыльями, карабкались ей на плечи. Но сегодня Фотинья почувствовала присутствие ещё одной живой души. И эта душа глядела на неё из выделенного пернатым под ночлежку картонного ящика.

– Выходит, – молвила Фотинья, – пока я пропадала на работе, вы решили доказать, что имеете право на продолжение рода...

Двое суток Фотинья вялыми шажками передвигалась по треугольнику диван – ванная комната – кухня – диван. При этом старалась не глядеть под ноги, опасалась, что полы родимой квартиры, по примеру больничного коридора, могут встать на дыбы,

И только утром третьего дня, впусив через форточку ручеек солнечного половодья, ощутила себя почти здоровой. Расплетённая коса кошкой ластилась к голым лодыжкам, прохладный линолеум под ногами обрёл незаблемость, а черёмухи у подъезда соседней пятиэтажки казались облитыми глазурью пасхальными куличками.

Но главное – за двое суток война переместилась к западу, далеко за мужнин дом, и поэтому хрустальные фужеры в серванте перестали брюзжать в ответ на порождаемое канонадой землетрясение.

Обиходив косу и накормив пернатых, Фотинья затеяла генеральную приборку. Двигалась по квартире, словно пчёлка, которая в кронах цветущих черёмух исполняет танец весны. Потом соорудила огромный бутерброд и налила вина, такого же лёгкого, как и теребящий портьеры ручеек солнечного половодья.

Однако блаженствовала с бокалом в руке самую малость. Порождённое прибранной, будто к Светлому Воскресенью, квартирой и вином ощущение праздника властно звало её на свидание с весной, Фотинья даже знала, что она оденет. Платье из тяжёлого шёлка, в котором легко затеряться среди цветущих черёмух.

Только прятаться она не станет. Если у женщины в душе праздник, она обязана поделиться им с окружающими и всем белым светом.

К сожалению, платья из тяжёлого шелка на месте не оказалось. Уже заканчивая ревизию гардероба, Фотинья вспомнила, что оставила его в сельском доме. Планировала обновить в день рождения мужа, однако подвели синоптики. Вместо обещанных плюс восемнадцать по Цельсию, пригнали перегруженную ледяной крупой тучу. Поэтому к праздничному ужину пришлось облачиться в свитер, брюки и вязанные носки.

Фотинья, конечно, огорчилась. Однако не до такой степени, чтобы исчезло желание выйти на люди. Тем более имелось в резерве ещё одно любимое платье. Длинное, до пят, цвета неба, каким оно бывает лишь в конце апреля, и с пелеринкой.

Ещё меньше сказался на настроении звонок по мобильному телефону:

– Здравствуйте, многоуважаемая Фотинья, – выплеснулся из трубки баритон уверенного в себе мужчины. – Мэр говорит. Так и не дождавшись от вас звонка, принял решение взять инициативу в свои руки... Позвонил главврачу, а тот сказал, что после обморока отправил вас под домашний арест сроком на десять дней... Однако поверьте человеку, который без выходных тащит воз служебных обязанностей, – подорванные силы следует восстанавливать не пилюлями, а вылазкой на природу, куском горячего мяса и хорошим глотком натурального вина... Короче, я велел замариновать шашлыки, осталось лишь погрузить кастрюлю в багажник. Скажите, куда и когда мне подъехать? Почему вы молчите?..

– Думаю.

– Как помягче послать меня на деревню к бабушке?

– Коль на то пошло, не послать, а попросить. И не на деревню, а в пригородную агрофирму. Там, в мужнином доме, пылится моё лучшее платье и куча другой одежды.

– С вами согласен отправиться хоть на край света...

В начале пути глава городской администрации сыпал комплиментами, однако по мере приближения к бывшей границе между Украиной и мятежной республикой сделался молчаливым. Не до разговоров, когда приходится петлять между разбросанными кубиками блокпостов, обрывками ржавого железа и язвами, которые проделали в дорожном полотне снаряды.

А Фотинья, хоть и насмотрелась за последние годы всякого, но вид разорванных сдетонировавшими боекомплектами танков и на неё подействовал угнетающе. Она даже засомневалась: а действительно ли эти грозные машины сделаны из металла особой прочности?

И уж совсем расстроилась, когда приехали на место. Двухэтажная контора агрофирмы, клуб и близлежащие дома выглядели так, будто на их крышах отплясывали пьяненькие черти, а сбитый набекрень купол церкви скорее напоминал колпак подвыпившего шута.

Лицо главы администрации и вовсе сделалось растерянным, когда пришлось огибать низверженный наземь снарядом и теперь валяющийся посреди дороги церковный колокол.

«Наверное, сейчас раскаивается, что связался со мной, – подумала Фотинья. – Впрочем, сам напросился... Пригласил бы вместо меня кого-нибудь другого и сейчас бы разводил костерок подальше от линии фронта». Однако озвучить догадку посовестились. Как ни крути, а её вина тоже присутствует. Лишь попросила остановиться у третьего за перекрёстком дома и заодно проверила кармашек небесного платья – на месте ли ключи от калитки и входной двери.

Впрочем, ни то ни другое не понадобилось. Сваренная из ажурных прутьев калитка отсутствовала, исчезла и аккуратно срезанная с петель входная дверь, а на месте росшего посреди двора ореха валялась груда обрубленных веток, пересыпанная свежими опилками...

Так же основательно, без спешки, неизвестные похозяйничали и внутри дома, оставив из мебели подставку для рабочей обуви мужа, а из одежды – поясok платья, в котором можно затеряться среди цветущих черёмух. Наверное, сочли, что он будет коротковат для талии будущей хозяйки.

Подняв поясok с полу, Фотинья вернулась во двор и здесь обнаружила в проёме отсутствовавшей калитки рыжего с белым кота. Он смотрел на неё, как и все бездомные животные, которые гадают, что следует ожидать им от человека – милостыню или пинок?

Фотинья знала, что её за глаза называют собачницей. Однако она просто чувствовала себя уютно, когда видела рядом оголодавшего, и по пути в больницу делилась с бездомными животными бутербродами. А в итоге приходилось глушить чувство голода крепчайшим кофе.

– Тебя тоже покинули те, кого считал главной опорой? – спросила Фотинья. – И при этом забыли освободить от ошейника сиреневого цвета. Но в таком случае скажи, как тебя зовут? Барсик, Мурзик, Рыжик?..

Кот отреагировал на Лиса. Причём так стремительно, что Фотинья растерялась уже после того, как абориген оказался у неё на руках.

– Наверное, ты принял единственно верное решение, – молвила Фотинья. – Что ж, в жизни бывают ситуации, когда чужая тётка может показаться роднее собственной матери... Однако ты должен дать слово, что подружишься с обитателями лоджии. А чтобы не сбежал по дороге, привяжу к ошейнику поясок от платья.

Появление Фотиньи с Лисом глава администрации встретил корявым намёком, из которого трудно было понять, что он хотел бы сейчас оказаться на месте кота. А до этого ни разу не вышел из внедорожника. Курил, пуская колечки дыма через опущенное стекло. Со стороны поглядеть – водитель такси, который скучает в ожидании отлучившегося по делам клиента. И лишь когда вновь пришлось огибать валяющийся посреди дороги церковный колокол, соизволил поинтересоваться:

– А где ваши вещи и особенно – любимое платье?

– Наверное, воришки посчитали, что им нужнее. Оставили только вот этот поясок... Так что потревожила я вас совершенно напрасно. А учитывая, что приношу сплошные хлопоты, для вас же будет лучше, если распрощаемся у моего подъезда.

– Хлопоты с лихвой компенсировало тепло, которое исходит от вашей золотистой косы. Но если вы решили отнять у меня возможность продлить приятные минуты, то поступайте как знаете.

– Хорошо, – после секундного замешательства ответила Фотинья. – Только поднимусь в свою квартиру, накормлю зверя и сооружу ему что-нибудь вроде лотка.

– Вот и славненько... А это ещё что за явление народу? Танки прут! Почти по осевой линии прут. Конечно, правила дорожного движения воякам не писаны, – ругнувшись, съехал на левую обочину, почти вплотную к полезающей полосе, где снисшедшими с небес облачками клубились островки цветущих черёмух.

Однако такие меры предосторожности кот посчитал недостаточными. Воспользовавшись тем, что приобретённая хозяйка отвлеклась, перепрыгнул на колени мэра, а оттуда вместе с поводком сиганул в открытое окно.

– Вы куда собрались? – взревел глава городской администрации, увидев, что спутница взялась за ручку двери. – В посадке всё заминировано! Мне об этом комендант говорил!

– Господь милостив. Поможет вернуть беглеца. Иначе зацепится пояском за какой-нибудь сучок и погибнет голодной смертью. А виновата в том буду только я.

Фотинья как в воду глядела. Лис действительно зацепился поводком за кончик острой проволоки, которой был обмотан приземистый колышек.

– Испугался, дурашка ты эдакий? – облегчённо выдохнула Фотинья. – И меня чуть до инфаркта не довёл. А теперь успокойся – танки уехали... Сейчас я тебя быстренько освобожу, и мы отправимся домой. Обещаю после пережитого двойную порцию колбаски. Ты любишь колбаску, Лис?

Разговаривала так, словно это был не запутавшийся поводком кот, а боец, из предплечья которого через минуту начнут извлекать застрявшую пулю.

Опасаясь испачкать о молодую травку платье цвета апрельского неба, приподняла подол и опустилась на правое колено.

– Прекрати дёргать поясок, – приказала коту. – Ты мешаешь его отцеплять...

Однако операции по вызволению препятствовало не только это. Оказывается, поясок от платья держало нечто, напоминающее устройство, при помощи которого достают обронённое в колодец ведро. Только уменьшенное.

В десяти сантиметрах от колышка с проволоки свисала точно такая же штучка, чуть поодаль – ещё одна, и ещё...

«Да это же трёхлапые рыболовные крючки, – догадалась Фотинья. – Но зачем они здесь, на сухопутье? Неужто караси из пруда решили переселиться под кусты?»

Повела взглядом вдоль проволоки и увидела, что противоположный её конец пропущен через кольцо примотанной скотчем к такому же приземистому кольшку гранаты, которую снизу подпирает заневоленный кустик лесных фиалок. Разумеется, капитан медицинской службы Фотинья смогла объяснить происхождение расхожего выражения: «От страха волосы на голове дыбом встали». Однако сейчас ей было не до этого.

Плоские мышцы сжали черепную коробку с такой силой, что произошло то, о чём предупреждал главный врач. Собираясь в путь-дорогу, вместо положенных восемнадцати ограничилась шестью, по числу колец, заколками и теперь будет наказана за собственную поспешность.

В учебнике по военно-полевой хирургии ничего не сказано о том, как следует вести себя на заминированном крючке. Однако с пострадавшими от мин и растяжек приходилось иметь дело, да и звание капитана медицинской службы обязывало быть сообразительной.

Не дожидаясь, когда коса золотой анакондой обрушится на проволоку, Фотинья пальцами правой руки обхватила спусковой рычаг гранаты. И только сейчас, уткнувшись лицом в прорастающую сквозь опавшие листья траву, ощутила запах лесных фиалок, перед которым меркнут самые изысканные духи.

- Где вы застряли? – послышался раздражённый баритон.
- Здесь я, в обнимку с гранатой.
- Шутить изволите?.. Матерь Божья, что же теперь делать?..
- Хватит причитать, – рассердилась Фотинья. – Лучше помогите отцепить Лиса, а потом снять с крючка мою косу. Или она вас уже больше не привлекает?
- А если граната...
- Да не рванёт она. Я крепко зажала пальцами вот эту штучку... Кажется, она называется спусковым устройством, или – рычагом. И кольцо с чекой выдвинулись самую малость.

- Ну, знаете, здесь нужны специалисты. Сейчас позвоню коменданту, пусть пришлёт сапёра. Должен же быть такой у него под рукой... А вы пока не двигайтесь. И кота, будь он неладен, покрепче держите. А то опять в какую-нибудь неприятность втянет.

«Странно, – подумала Фотинья, услышав шум отъезжающей иномарки, – разве мэр не мог позвонить с места? Телефон разрядился? Взял бы мой, он на сиденье валяется... Или решил перегнать машину туда, где её в случае чего не достанут осколки?.. Мужик называется. Бабу под кустики смаивать горазд, а как только жареный петух в попу клюнул... Поэтому надо самой выпутываться. А как?.. Руки заняты, коса на крючке, головы не повернуть, даже платье одёрнуть не в состоянии... Разлеглась вроде последней шалавы... Хорошо, хоть на боку, не на спине. Земля сверху вроде прогрелась, а из глубины могильная сырость подбирается».

- Лис, – попросила заискивающим голосом, – сядь рядышком. Чтобы, не отпуская поводка, смогла отцепить косу... Ты просто молодец, Лис. Вот если бы ещё помог с этой чёртовой косой. Никак, зараза, не отцепляется... Всё, как только доберусь до первой парикмахерской, попрошу отрезать по самую репицу. Хотя репица – это уже что-то другое... Лис, тебе не кажется, что мэр возвращается? Нет, на легковушку мало похоже. Мотор урчит, как у грузовичка моего мужа. А он сейчас там, где, наверное, не принято ловить разинь, вроде нас с тобой, на заминированные крючья. Тихо, Лис, кто-то приближается. Неужели глава городской администрации всё-таки вызвал сапёра?

Фотинья не ошиблась. Мэр вышагивает, словно поднимается по ведущей не Олимп беломраморной лестнице, а у этого шаги лёгкие. Так передвигаются по минному полю и вблизи вражеских окопов.

Правда, голос чужака показался знакомым. Не имея возможности повернуть прикованную косой к растяжке голову, попыталась напрячь извилины, однако так и не вспомнила лицо того, кому оно принадлежит. Впрочем, если станешь учитывать голос каждого, кто хоть однажды переступил порог хирургического отделения, голова распухнет до размеров астраханского арбуза.

Да и чужак Фотинью признал не сразу:

- Ну и кто здесь вместе с котом разлётся под кустиками?.. Господи, да это же наша докторша, Златовласка несказанная! Так что с вами приключилось?

- Решили с Лисом переквалифицироваться в рыбок, – Фотинье сделалось неловко от того, что тогда, в ординаторской, она не соизволила поинтересоваться именем одноухого ополченца. – А вас каким ветром сюда занесло?

– На выезде из города тормознул мужик в голубом галстуке. Говорит, женщина на растяжку напоролась. Ожидал увидеть самое жуткое, а здесь, оказывается, не всё безнадежно... Я только за кусачками к машине слетаю.

Одноухий вернулся быстро. Держал себя так, словно с утра до вечера только тем и занимался, что выпутывал крючки из дамских причёсок.

– Теперь можете подняться на колени, – разрешил одноухий. – Иначе воспаление лёгких схватите. А когда перекушу вот здесь проволоку, верну на место чеку, можете разжать пальцы. Да не бойтесь, железный зверь с этой минутой опять в наморднике. Теперь нам осталось лишь срезать скотч и вывернуть запал... Итак, все могут быть свободными. В том числе – фиалки. Ишь как благоухают...

– Подержите, пожалуйста, поводок, – попросила Фотинья. – Иначе кот опять удерёт. Я хоть самую малость приведу себя в порядок.

– У меня не удерёт, – усмехнулся одноухий ополченец. – Ну что, потопали к моей колымаге?

Название машинешке дано точное – колымага. Формой напоминает хлебный кирпичик. Только сильно попорченный грызунами. Недаром глава городской администрации побрезговал припарковать рядом внедорожник. Остановился за полторы сотни метров, курит, пуская в окошко кольца дыма.

– Кто вам этот гражданин в голубом галстуке и душой трусливого зайца?

– Никто. Теперь уже никто.

– То есть если я предложу вас доставить к подъезду больницы, вы возражать не будете?

– Лучше уж домой. Кстати, почему вы один? Где боевые друзья, где самоходка, которая стреляет так оглушительно, что пациенты судмедэксперта чуть не разбежались? У меня сегодня уйма свободного времени, а мы с Лисом ещё должны сказать спасибо своему спасителю... Поэтому звоните друзьям, скажите, что хочу видеть всех у себя в гостях. Вот и Лис такого же мнения.

– Звонить бесполезно.

– Что, вне зоны мобильного покрытия?

– Значительно дальше, Златовласка вы наша. Там, откуда никто ещё не вернулся... Я думал, вы знаете... Противотанковый фугас... Один я уцелел. Да и то признан ограниченно годным к несению службы.

На какое-то мгновение Фотинья почувствовала, как исцарапанный танками асфальт качнулся под ногами. Однако не позволила ему, по примеру больничного коридора, занять вертикальное положение. Лишь потемнела лицом. Но может, это просто набежавшая тучка уронила скорбную тень на островки цветущей черёмухи, спасённые одноухим ополченцем фиалки и рыжего с белым кота, который игрался кончиком косы цвета омытого в горном ручье золотого самородка.

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко

Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 27 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, прозаик, публицист, критик, краевед. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук.

БАГРАТИОНОВСК – ГОРОД РУССКОЙ СЛАВЫ

Мы овладели Эйлау.
Ночь прекратила битву.
Город остался за нами.

Денис Давыдов

Приехав в город Багратионовск Калининградской области, я иду туда, где устремлён в синеву неба золотыми куполами великолепный православный храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Поднимаешь голову к куполам церкви: «Мы скромны и смиренны, – говорят они. – Мы только стремимся в мир небесный, мы не достигаем его, но совершенство и красота там». И ловишь себя на мысли о встрече не с новым, а с вечным: «Возвысь взором и сердцем своим», – говорит с тобой бело-снежный храм, ставший образом единения, целостности, согласия, устремлённости человека к божественному, к тому, что «не проходит». Войдя в храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, ты вспоминаешь евангельское: «Войди и согрей своё сердце». Идёт крещение крошечной девочки, одетой в крестильную рубашечку. Молоденькие крёстные родители нарядно одеты. В храме много света, торжественности: «Заходи же, здесь свет, и этот свет есть Любовь».

Факел ангела на церковной ограде высвечивает героическую битву под Прёйсиш-Эйлау в 1807 году. Отправимся к расположенному в обширном парке ажурному обелиску, установленному в память об этой битве, к достопримечательности, связывающей историю России, Пруссии, Франции. Памятник выполнен в 1856 году в готическом стиле по проекту немецкого архитектора Августа Штюлера. Вспомогательные горельефные портреты генералов. На северо-восточной стороне обелиска изображён Лесток, на юго-западной – Дирьке, на юго-восточной – Беннигсен. События 1807 года принесли Прёйсиш-Эйлау международную известность. Здесь произошло сражение с Наполеоном совместно русской и прусской армии 27 января (8 февраля) 1807 года. Памятник задуман был и воздвигнут по указу короля Фридриха Вильгельма IV как дань уважения необычайному мужеству всех участников сражения.

Памятник, расположенный на небольшой возвышенности, очень красив. Лёгкий, изящный и величественный монумент в неоготическом стиле из светлого песчаника устремлён ввысь. На трёхступенчатом постаменте четырёхгранная башня, украшенная ближе к основанию горельефами военачальников в медальонах, помещённых в прямоугольные ниши. Над ними в стрельчатых проёмах скульптуры ангелов-хранителей. Их выполнил немецкий архитектор и скульптор Вильгельм Людвиг Штюмер. Завершают обелиск фигурные шпили в виде восьми декоративных башенок, украшенных крестоцветами. Каменное кружево завораживает. Это одно из красивейших произведений архитектора Августа Штюлера, один из великолепных памятников XIX века.

Суровые орудия, стоящие по обеим сторонам обелиска, вызывают в памяти описание сражения под Прёйсиш-Эйлау его участника, тогда штабс-ротмистра Дениса Давыдова. Герой Отечественной войны 1812 года, военный писатель и поэт, генерал-лейтенант, командовал отдельными отрядами, проявив решительность и личную храбрость. В 1812 году организовал партизанские действия в тылах наполеоновской армии. В своих военно-исторических работах он первым выступил против версии морозов как причины поражения Наполеона, оставил яркие характеристики А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. И. Багратиона.

Денис Давыдов, сравнивая сражение под Бородино с Прёйсиш-Эйлауским, отмечал, что под Бородино более активно использовалось огнестрельное оружие, а под Прёйсиш-Эйлау в основном бились врукопашную, там действительно «рука бойца колоть устала»: «Битва, дотоле невиданная, штык и сабля гуляли, роскошествовали, упивались досыта. То был широкий ураган смерти, всё вдребезги ломавший и стиравший с лица земли всё, что ни попадало под его сокрушительное дыхание». «Произошла схватка, – далее свидетельствует Д. Давыдов, описывая бой 8 февраля, – дотоле невиданная. Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранное острие друг в друга. Толпы валились. Я был очевидным свидетелем этого гомерического побоища и скажу поистине, что в продолжение шестнадцати кампаний моей службы, в продолжение всей эпохи войн наполеоновских, справедливо наименованной эпопеею нашего века, я подобного побоища не видывал! Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в середине, ни вокруг его, слышен был только какой-то невыразимый гул перемешавшихся и резавшихся без пощады тысячей храбрых. Груды мёртвых тел осыпались свежими грудями, люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения вскоре уподобилась высокому парапету вдруг воздвигнутого укрепления. Наконец, наша взяла!»¹

Но это описание не зачёркивает героизма полковника Ермолова, который командовал артиллерией и «сыпал картечи в густоту наступающих колонн, коих передние ряды ложились лоском; но следующие шагали по трупам их и валили вперёд, не укрощаясь ни в отваге, ни в наглости»².

Союзными русско-прусскими войсками командовал генерал Леонтий Леонтьевич Беннигсен. Историки часто упрекают его в нерешительности, Давыдов же о нём заметил, что, конечно, он не Суворов, но «нельзя было пренебрегать Беннигсена, полководца не без замечательных достоинств по многим отношениям». Ему не удалось разбить изолированные корпуса М. Нея и Ж. Бернадота французской армии. Наполеон собрал войска с зимних квартир, и численность их достигла 70 тысяч человек. В русской армии было примерно столько же. Прусские войска составляли 8 тысяч человек. Потери с обеих сторон составили от 26 до 36 тысяч человек. И ни одна сторона не признала себя побеждённой. Боевые действия продолжались здесь с февраля до мая 1807 года. Но самые тяжёлые бои пришлось на 7–8 февраля.

Попытка Наполеона обойти левое крыло русских войск была сорвана упорной обороной арьергарда генерала П. И. Багратиона. Давыдов написал: «Возвратясь к Багратиону, я нашёл его, осыпаемого ядрами и картечью, дававшего приказания с геройским величием и очаровательным хладнокровием. Вскоре сражавшиеся с обеих сторон столкнулись, ружейный огонь трещал по всей линии и не раз прерываем был скрежетом железа»...

«Багратион, которого неприятель теснил так упорно, так неотступно, числом столь несоизмеримым с его силами, начал оставлять Эйлау шаг за шагом. При выходе из города к стороне позиции он встретил главнокомандующего, который, подкрепя его полною пехотною дивизиею,

¹ Русская военная проза XIX века. Л.: Лениздат, 1989.

² Там же.

приказал ему снова овладеть городом во что бы то ни стало, потому что обладание им входило в состав тактических его предначертаний. И подлинно, независимо от других уважений, город находился только в семистах шагах от правого фланга боевой нашей линии. Багратион безмолвно слез с лошади, стал во главе передовой колонны и повёл её обратно к Эйлау. Все другие колонны пошли за ним спокойно и без шума, но при вступлении в улицы всё заревело ура, ударило в штыки – и мы снова овладели Эйлау. Ночь прекратила битву. Город остался за нами»¹.

Подводя итог Прёйсиш-Эйлаускому сражению, Давыдов записал: «Урон наш в этом сражении простирался почти до половинного числа сражавшихся, то есть до 37 тысяч человек убитых и раненых: по спискам видно, что после битвы армия наша состояла из 46 800 человек регулярного войска и 2500 казаков. Подобному урону не было примера в военных летописях со времени изобретения пороха.

Оставляя читателю судить об уроне французской армии, которая обладала меньшим числом артиллерии против нашей и которая отбита была от двух жарких приступов на центре и на левом фланге нашей армии.

Трофеи наши состояли в девяти орлах, исторгнутых из рядов неприятельских, и в двух тысячах пленных. Прусский корпус взял два орла»².

Солдаты Павловского гренадерского полка после Прёйсиш-Эйлауского сражения были поощрены особым образом. Были отчеканены их имена и фамилии и закреплены на шапках. Эти шапки передавались потом особо отличившимся до конца XIX века.

13 февраля 1807 года в России был учреждён Георгиевский крест. Первым был награждён кавалергард, унтер-офицер Егор Митюхин за отличие в сражении при Прёйсиш-Эйлау.

Полным кавалером ордена Святого Георгия стал выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818), герой Отечественной войны 1812 года, отличился в сражении при Прёйсиш-Эйлау 26–27 января (7–8 февраля) 1807 года. Был тяжело ранен в правую руку.

В сражении участвовал Матвей Иванович Платов, войсковой атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, получивший в 1812 году титул графа. Герой Отечественной войны 1812 года. Донские казаки под его командованием опрокидывали неприятеля, захватив в плен около 500 человек.

Участник битвы – Алексей Петрович Ермолов, генерал от инфантерии и от артиллерии. Герой Отечественной войны 1812 года, участник Кавказской войны 1817–1864 годов. В сражении при Прёйсиш-Эйлау тогда полковник А. П. Ермолов командовал конной артиллерией и проявил решительность и храбрость.

В битве при Прёйсиш-Эйлау героически проявили себя будущие декабристы: Сергей Григорьевич Волконский, награждённый здесь «золотой шпагой», Фёдор Григорьевич Кальм, отмеченный за героизм в сражении золотым крестом.

После восстания декабристов в 1825 году С. Г. Волконский, оказавшись на допросе перед Николаем I, в ответ на повышенный тон царя произнёс: «Не кричите на меня, я был ранен при Эйлау».

«Храбрость и распорядительность» проявил граф, генерал-майор, самый молодой генерал в русской армии – в 22 года получил это звание – Александр Иванович Кутайсов, погибший в Бородинской битве.

Казаки Платова чуть не пленили Наполеона на кладбище Прёйсиш-Эйлау. Этому помешало лишь то, что казачьи кони не пошли через могильные плиты и памятники, за одним из которых застыл от страха Бонапарт.

Пронзительны воспоминания Давыдова о пленении в той битве его брата, которому француз по имени Серюг сочувствовал и помогал. И когда Серюг, тяжело раненный, сам попадает в плен, Давыдов выполняет его последнюю просьбу: «Разумеется, что я бросился к Беннигсену и Чаплицу, испросил у них позволения на избрание из толпы пленных двух конно-гренадер взвода Серюга и уже чрез два часа явился к нему, сопровождаемый двумя его усачами, осенёнными медвежьими шапками и одетыми во всю форму. Нельзя изъяснить радости несчастного моего друга при виде своих сослуживцев. Изъявлению благодарности не было бы конца без просьбы моей прекратить

¹ Русская военная проза XIX века. Л.: Лениздат, 1989.

² Там же.

порывы сердца, столь изнурительные в его положении. Двое суток я не оставлял Серюга ни днём, ни ночью, на третьи всё кончилось: он умер на руках моих и похоронен на кёнигсбергском кладбище. За гробом шли двое упомянутых французских конно-гренадера и я – поручик русской гвардии. Странное сочетание людей и мундиров! Глубокая печаль живо выражалась на лицах старых рубак, товарищей моих в процессии... Я был молод, я плакал...»¹

Город Прейсиш-Эйлау получил в советское время имя Багратионовск в честь Петра Ивановича Багратиона (1765–1812). Князь, генерал от инфантерии, сподвижник М. Кутузова, герой Отечественной войны 1812 года, отличился не только в битве при Прейсиш-Эйлау, а также при Шенграбене, во Фридландском сражении. Он проявлял исключительную стойкость и личную храбрость, когда командовал Молдавской, а затем Подольской и 2-й Западной армиями, был смертельно ранен в Бородинской битве и скончался в селе Симы Владимирской губернии, где был похоронен. В 1839 году его прах был перенесён на Бородинское поле: «...Обогащённый воинской славой, допускал он разделять труды свои, не похищал чужих в пользу свою и всегда выставлял их в настоящем виде. Подчинённый награждался достойно, за счастье почитал служить с ним, всегда боготворил его»... (Из «Записок» Алексея Ермолова).

В 1958 году в Багратионовске установлен памятник Петру Ивановичу Багратиону скульптора Оксаны Авраменко.

10 февраля 1945 года в город вошли советские войска 28 армии 3-го Белорусского фронта, подразделения 55-й гвардейской Иркутско-Пинской дивизии под командованием генерал-майора А. П. Турчинского. Они освободили бельгийских, французских и советских военнопленных, находившихся в концлагере «Шталаг-1 А» (в 9 км от Прейсиш-Эйлау).

По решению Потсдамской конференции 1945 года демаркационная линия, отделявшая СССР от Польши, проходила, по иронии судьбы, посреди города, по нынешней улице Пограничной, и в городе было две комендатуры, польская и советская. Прейсиш-Эйлау входил в Кройцбургский район (Кройцбург – сейчас посёлок Славское).

7 сентября 1946 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР были образованы новые районы, в том числе и Багратионовский.

На железнодорожную станцию прибывают первые эшелоны с переселенцами из Рязанской, Тамбовской и других областей нашей страны. Им пришлось пройти нелёгкий путь, который всё-таки, несмотря ни на что, привёл их к храму трёх христианских добродетелей: Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

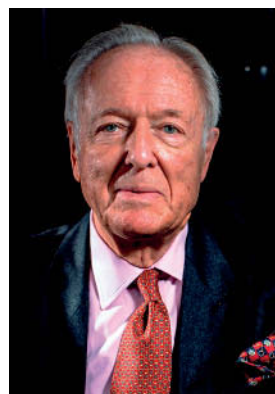
¹ Русская военная проза XIX века. Л.: Лениздат, 1989.

Берега истории

Андрей Маруденко беседует с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским¹

Андрей Маруденко – политический консультант, общественный деятель, публицист, Москва.

Никита Дмитриевич – человек крайне разносторонний, кладёшь знаний, связей и опыта. С ним можно говорить на любые темы – от искусства и этикета до вопросов мирового шпионажа, политики в Афганистане и влияния семьи Ротшильдов. В нём – энциклопедия нашего времени. Поэтому нам – тем, кто его хорошо знает, важно запечатлеть этот исторический слепок середины XX и начала XXI веков. Свидетельства Никиты Дмитриевича неожиданно приоткрывают завесу многих событий, что позволит будущим поколениям увидеть в нюансах это время таким, каким его видел наш дорогой князь. Этим я и руководствовался в создании книги «Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским», часть из которой представлена здесь вашему вниманию.

ДИАЛОГИ

Разведчики

– Есть широкое понятие, подходящее к нашему разговору – «английское лицемерие». Что это такое?

– Это связано с этикетом. Англичанину, наверное, легче соврать, чтобы не сорвать приятную атмосферу и продолжить разговор. Английские дипломаты настолько хороши потому, что с улыбкой говорят абсолютную ахинею. Чем они отличаются от многих российских дипломатов, чьи лица похожи на кирпич. По-турецки, «гион сурат» – лицо-подошва. Этим же отличаются опытные советские разведчики от обычных. Опытные советские разведчики, которых было не много, были светскими людьми. Вспомним советского дипломата Анатолия Добрынина, который служил послом в США 24 года. Или его предшественника Михаила Меньшикова. Его прозвище было Smiling Mike. Он постоянно улыбался и мог излагать неудобные предложения, не раздражая оппонента. Как и посол в Лондоне Александр Яковенко. Этим они отличаются от многих современных послов МИДа. Настоящий разведчик выглядит как Ким Филби или Леонид Решетников – генерал-лейтенант СВР, резидент в Софии при после А. А. Авдееве. Он похож на Сергея Нарышкина – вот класс человека, который мог бы возглавить МИ-6 или ЦРУ – умный, образованный, улыбающийся джентльмен.

– Никита Дмитриевич, а кого-то из беглых русских шпионов Вы знали?

– Да, конечно, мы общались с советскими шпионами. В том числе с Виктором Суворовым, бывшим представителем ГРУ в Женеве. Суворов – его литературный псевдоним, а настоящее имя – Виктор Резун. Он изумительно интересный человек. Он очень хороший актёр, общительный, улыбающийся, хорошо говорит, у него изумительная память, как у всех чекистов. Он приходил к нам ужинать, и это всегда было интересно.

В отличие от него Олег Гордиевский – совершенно иной человек по характеру. Мы его пригласили на вечер, куда позвали и английского дипломата Майкла Дженкинса, который говорит по-русски. Мы дружили с ним и его супругой. Я не подозревал тогда, что он сотрудник МИ-6. Мы пригласили его не только как друга семьи, но и в качестве председателя авиационной компании «Боинг Великобрита-

¹ Отрывки из книги Андрея Маруденко «Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским».

*С. Е. Нарышкин приветствует Н. Лобанова
в помещении Русского исторического общества.
Москва. 2020*

*Посол А. Яковенко
вручает награду Н. Лобанову.
Лондон. 2016*

ния», ибо в этот день Сергей Кравченко, глава «Боинг РФ», был проездом в Лондоне, и мы решили, что им было бы приятно встретиться у нас.

Гордиевский пришёл первым, точно в восемь часов вечера. Дженкинс пришёл на семь минут позже. Когда он вошёл в гостиную, я был сзади, а Гордиевский спереди. Они увидели друг друга и обнялись. Ну что это такое? Потом, после ужина, когда мы курили сигары, я спросил его: «Майкл, откуда вы знаете его?» Он сказал мне, что беседовал с Гордиевским, проводил так называемый дебрифинг, проще говоря – допрашивал после успешной эксфильтрации Гордиевского из Москвы сотрудницей МИ-6. Гордиевский – интересный человек, но он по характеру сдержанный, не актёр.

Они оба живут под большим напряжением. Я наивно спросил Суворова, как же его наши не прихватили. Он сказал, что он живёт на военной базе, которая охраняется электронно в радиусе 25 километров. Я думаю, что если бы хотели его схватить, то, какие бы ни были охраны, схватили бы. Но по какой-то причине эти два перебежчика, с которыми я с большим интересом общался, живы, здоровы и на свободе.

– У Вас не было ощущения надрыва в них? Они же общались с Вами как с русским человеком. Не было ощущения, что они хотят как-то оправдаться?

– Суворов абсолютно расслаблен, он замечательный актёр, а у Гордиевского явно что-то такое есть. К тому же он расстался с женой, у него жизнь личная сложилась плохо. Суворов сбежал семейно, так что у него всё в порядке.

Клубы

– Ким Филби, как известно, был членом клуба Уайтс. Интересно, что, как пишут исследователи, претензия к Филби была не столько в том, что он предал родину, а в том, что он предал свой класс и свой клуб. Поэтому его друзья в МИ-6, которое состояло тогда во многом из людей высшего круга, так долго не хотели признавать очевидное и отражали нападки контрразведки МИ-5, где работали тогда в основном представители среднего класса, и это был в некотором роде классовый конфликт.

– Более того, его друг, разведчик из МИ-6 Николас Эллиотт, посланный за ним в Бейрут, помог ему уплыть в СССР. С целью избежать его публичного разоблачения как человека высшего класса.

– Вы говорите, что о политике в клубе Уайтс не говорят. А чем Ким Филби там занимался?

– Андрей, я понимаю ваш вопрос, потому что мы живём в разных странах с разными социальными привычками. Для англичанина высшего общества мой ответ очевиден. Уайтс – клуб высшего общества, и говорить о деньгах и о политике в клубе неуместно. Джентльмен ходит в клуб, чтобы отойти от всей этой пошлой части жизни. Он говорит об общепринятых интересных вещах, таких

*Генерал-лейтенант СВР
Леонид Петрович Решетников и Н. Лобанов.
Париж, 2012*

*Сергей Кравченко и Н. Лобанов.
Офис «Боинга» на Тверской у почтамта.
Москва. Август 2016*

как охота, рыбная ловля, путешествия. А политикой занимаются люди в других местах. Беседуют о политике, например, в политических клубах на Палл Малл и в районных клубах трудящихся за кружкой пива.

Так же и в клубе Бакс, о котором вам рассказывал. Я никогда не мог бы, сидя за общим столом с Гарольдом Макмилланом, говорить о политике. Это французы называют «не комильфо». Мы говорили с ним о качестве разных видов кубинских сигар, бургундских винах. Но о политике было бы неприлично с ним разговаривать в клубе. Как неприлично было бы говорить в клубе на сексуальные темы с любым представителем высшего класса такого уровня.

– Разве клуб – это не удобное место для решения политических вопросов?

– Есть политические клубы, где люди обсуждают политику. Но это не тот уровень. Мы же говорим об элитарном виде клубов.

– Вы хотите сказать, что в таких клубах, как Уайтс, никто не обсуждает, как наложить санкции на Россию или на Иран?

– Нет, конечно. Я не мог бы даже подумать, что я могу говорить о политике на светском приёме в Уайтс или в доме на Манхэттене с Алленом Даллесом. Меня просто больше не пригласили бы в этот дом. Нельзя в светском обществе говорить о политике. По крайней мере в моё время, пятьдесят лет назад, так было.

Сегодня в правительстве Соединённых Штатов абсолютная шпана. Но во время Рузвельта, Эйзенхауэра, Даллеса это были представители выдающихся семей. Политики, когда выходят в свет, идут туда с целью развлечься. Туда, где можно отдохнуть, отвлечься и разговаривать о вещах, которые интересуют большинство светских людей, а именно о выставках, искусстве, о том, какие сегодня спектакли в театре, балете и опере, о новых книгах.

– То есть клубная жизнь – область досуга и отдыха. Человек приходит в клуб переключиться и отдохнуть.

– Да.

– В России в политических кругах есть такое представление, что настоящая мировая политика делается в клубах. Неужели это совсем не так?

– На проспекте Палл Малл, как мы говорили выше, есть и политические клубы. Это совсем другое. Но мы говорим о светских клубах.

– Я понимаю, что Вы имеете в виду. Но поскольку мы говорим о клубах, где собирается элита, значит элита может использовать клуб для кулуарных разговоров.

– Я тогда должен добавить, чтобы было ясно. Конечно, если глава МИ-6 хочет с кем-нибудь конфиденциально поговорить, он его может пригласить в отдельный кабинет в Уайтс и в светской суматохе вокруг с ним что-то незаметно обсудить. Но это не значит, что это норма клуба. Потому я предполагаю, что если Борис Джонсон как член клуба хочет два-три слова сказать, зная, что его не запишут, то он пригласит кого-нибудь для этого в свой клуб Уайтс.

– *Речь идёт всё же о том, что клуб создаёт определённый уровень приватности.*

– Конечно. Но главное, что он даёт возможность человеку отойти от супруги, детей, политики и просто уйти из дому, как уходил из дому Лев Толстой, чтобы не слышать гула семьи. Откушать, курнуть гаванскую сигару, выпить портвейна или хереса, поговорить о книгах и почитать четыре толстые ежедневные лондонские газеты.

Русская эмиграция и издательское дело

– *В 20-е годы XX века Берлин стал центром культурной, художественной и издательской деятельности русской эмиграции. Издательская деятельность была тогда там беспрецедентна по сравнению с Парижем. Почему? Ведь большая часть русской эмиграции жила в Париже.*

– Дело в том, что девальвация валюты в Германии была такова, что издательское дело, печать была очень дешёвая. Потому были такие качественные издания, как журнал «Жар-Птица». В Париже с начала 1900-х годов русские журналы и газеты печатались на политические темы. Они финансировались политическими партиями и были полемические. Даже стоимость их была в рублях, потому что их печатали для перевозки в Россию. Затем была эмиграция 1917 года, где в основном эсеры имели деньги, и газеты печатались за их счёт. Но пропорционально их было гораздо меньше, чем в Берлине, потому что французский франк был гораздо дороже, чем немецкая марка. Всё это закончилось в 1940 году, потому что большинство издательств в Париже были собственностью евреев. Многих из них посадили. Вы знаете, наверное, что русские спасали евреев, записывая их у себя работниками в типографии под русскими фамилиями.

– *В Лондоне же было не так много русских эмигрантов, насколько я знаю?*

– Лондон не подпускал эмигрантов. Никого. Мне же не разрешили остаться в Англии. Даже Уинстон Черчилль в парламенте встал за меня. И не разрешили. Не пускали в Англию беженцев. Пускали только людей с деньгами и ближайших родственников.

Франция же была единственной страной в Европе, где в конституции гласило, что любой беженец, вошедший на территорию Франции, может остаться там пять дней и доказать причину, почему Франция может его принять. В случае отказа Франция обязана его выслать, но не через ту границу, через которую он пришёл, а через границу нейтральную. Потому был такой поток во Францию после 1917 года.

– *Каким образом Уинстон Черчилль появился в Вашей жизни?*

– Вы помните, моя крёстная мать – Катя, урождённая Ридли, внучка последнего царского посла в Англии барона Будберга. Её мать вышла замуж за известного английского банкира сэра Джаспера Ридли, который заведовал банком Coutts, королевским банком. Джаспер Ридли был консерватором и соратником Черчилля. И Катя попросила сэра Джаспера, чтобы тот попросил Уинстона Черчилля, который был тогда депутатом. Он отозвался на просьбу друга помочь мне с видом на жительство в Англии, но британский Хоум-офис ему отказал.

Лорд Джейкоб Ротшильд

– *Вы мне рассказывали, что перестали общаться с Джейкобом Ротшильдом.*

– Я перестал уважать Джейкоба, когда он кинул Ходорковского. Как и сын его Натан, который тоже его кинул. При том что вместе они делали нефтяные проекты. Вообще евреи кидают еврея не так часто. Ходорковский вложил 10 миллионов фунтов в благотворительную организацию, созданную Джейкобом. Его цель была – поддерживать филиал Эрмитажа в одном из помещений Сомерсет-хаус на проспекте Стрэнд в Лондоне. Конечно, это крошечная сумма для гангстера Ходорковского, который легально в те времена присвоил часть советского достояния. Как вы знаете, я в детском возрасте просидел год в болгарской тюрьме, и как бывший зек я являюсь приверженцем соблюдения таких привычек узников, как правило «не кидать своих». И продолжаю уважать этот принцип.

Мы не прекратили с Джейкобом общаться, но моё личное уважение к нему исчезло. А сейчас он редко покидает свой замок Ваддесдон. На общественных тусовках он просто не бывает.

Такое деловое отношение я заметил и в бизнесе. Когда меня нанимали в Де Бирс, то его директор Тедди Доу спросил меня об их представителе в Монровии Джулиусе Белчере: Is he an honest crook or is he a dishonest crook? (Он порядочный мошенник или непорядочный мошенник?) Я ему ответил: He is a dishonest crook. (Он непорядочный мошенник.) Я знал Белчера, потому что он был и перекупщиком золота. Я недолго жил в Монровии и с ним имел дела по золоту.

– Вы мне рассказывали как-то историю про картины Бакста, которыми владела тётушка Джейкоба.

– Да, моя бывшая супруга Нина описывает это в длинной статье. Я найду её и вам пришлю. Мы дружили с Долли – тётушкой Джейкоба, у которой в Лондоне был особняк. На той же улице, где гостиница «Ритц», с видом на Грин-парк. Она была богатейшая. Джейкоба по одной или другой причине не любила. Её супруг заказал у Бакста панно для облицовки стен столовой. Эти картины украшали их столовую. На теме Бакста мы и подружились с Долли, потому что она знала, что мы коллекционеры.

– Богатая тётушка Долли – образцовая героиня английского сериала типа «Дживс и Вустер».

– Мы ходили к ней пить чай. На этих картинах с сюжетом «Спящей красавицы» изображены все члены их семьи и сам Бакст. Вышло так, что, когда она скончалась, она оставила 76 миллионов фунтов и особняк Джейкобу, у которого тогда уже было своё состояние. Затем он его умножил на успешных финансовых операциях. А картины она завещала музею Тель-Авива. В итоге негодующий Джейкоб как-то уговорил музей Тель-Авива продать ему картины и перевёз их к себе в Лондон.

– У него в спальне висит «Синяя султанша» Бакста, как Вы говорили. И такая же у Вас.

– Да, Бакст сделал копию этой картины, которая висит у Джейкоба. Копия картины была воспроизведена без подписи в парижском журнале «L'Illustration» за 1927 год. Она была выставлена на аукционе Сотбис. Как вы знаете, иногда можно прийти в аукционный дом и сказать, что вы до аукциона готовы купить картину за определённую цену. Так поступил Усманов на Сотбис с собранием Мстислава Ростроповича. Иногда продавец соглашается, потому что ему лучше заручиться деньгами сейчас, чем рисковать на аукционе. Среди картин, которые я тогда купил, был этот эскиз Бакста. Почему я взял риск купить неподписанную картину в раме под стеклом? Потому что я видел, что это подлинный рисунок. Придя домой, я вынул эскиз из рамы. На обороте была подпись Бакста карандашом. Плюс там был ярлык мужа племянницы Бакста – господина Разамата, который был представителем Бакста по торговым делам. Так мне и удалось за подходящую мне цену стать собственником этого шедевра.

Леон Бакст. Синяя султанша

Берега истории

Никола Р. Казански

Доцент. Болгарская академия наук.

РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ В XX ВЕКЕ

*Посвящается
князю Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому,
родившемуся в Болгарии*

*Чести дворянин не кинет,
хоть головушка погинет.*

Русская пословица

О дворянстве

По мнению специалистов, русская аристократия, или точнее, российское дворянство, сформировалась как отдельное сословие в период XVI–XVII вв., когда Великое Княжество Московское избавилось от ордынского вассалитета. Именно при дворе государей Московских формировалась та прогосударственная и монархическая элита, которая сможет преодолеть и Смуту начала XVII века и станет активной соработницей по созданию Российской империи в XVIII веке. Слово «дворянин» буквально означает «человек с княжеского двора» или «придворный». В основном все аристократические семьи – «княжата» как доордынского, так и ордынского периода (1240–1480) были или потомками князя Рюрика, ставшими именоваться Рюриковичами, или потомками Великого князя Литовско-Русского Гедимины, получившими в дальнейшем прозвище Гедиминовичей, и наконец, в третью группу старой, доимперской аристократии входили потомки казанских, половецких, черкесских, крымских и других властителей. Или, как говорилось в народе, «беглый татарский князёк на службе у московского Царя»...

Уже к концу XVII века в Московском государстве был сформирован московский патрициат, если так можно определить московское боярство и присягнувшие московским государям различные аристократические роды из домов Рюрика и Гедимины, а также потомков Чингисхана и Тимура. Таким образом, Российская империя стала также наследницей степной империи знаменитого Чингисхана, что показано блистательно в книге русского белогвардейца Михаила Дмитриевича Каратеева (1904–1978) «Русь и Орда» (М., 1991). Он, кстати, окончил Сергиевское артиллерийское училище в Болгарии (!) с производством в подпоручики.

Создание Российской империи, её нужды в деле приращения новых территорий, защите старых и создания современных армии, флота и промышленности требовали совершенно иного склада людей, которые в большей степени могли выйти именно из дворянства.

В период великих реформ Александра II русское дворянство стало приходить в упадок, имения разорялись и закладывались в Дворянский банк. Учитывая, что в большинстве своём российское дворянство было малоземельным, то богатых семей насчитывалось 0,01 % от общего числа дворянства России, число которого никогда не превышало 1,5 % от общей численности всего населения России.

Образование российского дворянства было различным, но, как правило, в основном достойным занятием для дворянина считалась военная или иная государственная служба, поэтому предпочтение отдавалось различным военным учебным заведениям, таким как Николаевское кавалерийское училище, Михайловское артиллерийское и Морской корпус. Из гражданских учебных заведений наиболее популярными был Царскосельский лицей, а также университеты: Московский, Петербургский, Казанский, Киевский, Харьковский и другие. К концу XIX века 95 % дворян имели высшее или среднее образование. Многие стали увлекаться искусством, наукой, преподавать в университетах и прочее.

Болгария

Болгария не имела своей отечественной аристократии свыше 500 лет, из-за инородного и иноверского владычества, называемого в народе рабством или игом. По велению судьбы она оказалась неразрывно связанной именно с русской аристократией. Так, например, граф Александр Сергеевич Пушкин впервые употребил этноним «болгарин» в своих произведениях под названием «Кирджали» (стихотворение и повесть).

Вслед за ним потомственный дворянин Иван Сергеевич Тургенев сделал болгарина главным героем своего романа «Накануне». Это и был Дмитрий Никанорович Инсаров – болгарский студент в Москве. Его прототипом стал Никола Катранов (1829–1853), сын православного священника из города Свиштова. Великий граф Лев Николаевич Толстой имел особо глубокие отношения с болгарями. Его гуманные идеалы нашли тёплый приём и широкое распространение в Болгарии. Говорят, что он даже хотел на склоне лет остаться в самой большой толстовской колонии в Южной Болгарии...

Марин Степанович Дринов родился в 1838 году в болгарском городке Панагюриште. В 1858 году он переехал в Россию и поступил в Московский университет, в котором окончил курс со степенью кандидата историко-филологических наук в 1865 году. Он был весьма начитанным и владел уже латинским, греческим, французским, немецким и английским языками. Сразу после этого на небосклоне молодого болгарского выпускника просияла северная звезда «*пленительного счастья*» в образе княгини Е. М. Голицыной. А кто она такая?

Княгиня Елена Михайловна Голицына, урожд. княжна Голицына (1832–1885), дочь князя Михаила Михайловича Голицына. Выпускница-отличница Смольного института. Замужем за князем Владимиром Васильевичем Голицыным (1830–1886). Именно она приняла М. С. Дринова в качестве домашнего учителя в своей благородной семье. Сам он получил графский титул и **благодаря её княжеской опеке** провёл следующие шесть лет в библиотеках Праги, Парижа, Женевы, Рима, Ватикана, Варшавы и других центров мировой цивилизации. О щедрости Голицыных к другим известным славянам упоминается в одном из писем М. Дринова: «*Княгиня Голицына, узнавши, что пан **Сметана** находится в бедственном положении, прислала мне 200 рублей с тем, чтобы я, по приезде в Прагу, передал их несчастному композитору...*» Так и никак иначе, Марин Дринов стал первым крупнейшим болгарским учёным в области гуманитарных наук и славистики, одним из создателей **Болгарской академии наук** и бессменным её председателем в течение 30 лет, а также членом Академии наук в Санкт-Петербурге, Праге, Кракове и Загребе.

Российское дворянство понесло колоссальные потери в Первой мировой войне. В полной мере эта война стала коллективной могилой европейской и российской аристократии. Это дало основание британскому историку сэру Стивену Рансиму (1903–2000) сказать, что «**человеческая цивилизация в своём известном виде закончилась в 1914 году...**». Когда критики российской монархии заявляют, что дворянство не стало на защиту императорского престола, то они забывают, что около 20 % дворян погибло на фронтах Великой войны, и погибли наиболее преданные престолу гвардейские части.

Эмиграция

Но после архи-сатанинского Октябрьского переворота (не зря его предводитель подписывался Дьявольский Ваш Ленин!) и последующей «*кроволюции*» первой жертвой «нового порядка» стала «белая косточка», а именно – аристократия. **Аримановская Русь четвертовала Русь Святую** (Вяч. Иванов). Мережковский истолковал Октябрьский переворот как «торжество **надмирного зла**». Трагикомичный взгляд В. Розанова высказан в «*Апокалипсисе нашего времени*»: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою историей железный занавес. Представление окончилось. Публика встала. Пора надевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось». Остатки российской знати после большевистского переворота 1917 года частично выживали под вымышленными фамилиями в СССР, но основная часть уехала в эмиграцию.

Благородные русские люди были вынуждены покинуть своё Отечество навсегда... Российские дворяне рассыпались по всему миру и обогатили и облагородили его своими личными достоинствами и яркими талантами. Это особенно касается таких стран, как Болгария, Сербия, Чехия, Франция, США, Англия, Италия и многих других.

Сохранение традиционных культурных и духовных ценностей, русского языка и «русскости» стало именно не национальностью, а состоянием духа русских людей на чужбине. Миссия русской эмиграции состояла в сохранении преемственности по отношению к исторической России. Это было ещё более применительно к русской аристократии в изгнании.

Большая часть русской аристократии осела во Франции, Чехии и Сербии, но одна горсточка выбрала для себя Болгарию по сугубо эмоциональным причинам. Страна была православной, писала на кириллице и её царь Борис Третий был крёстным сыном последнего российского императора Николая Второго. Это были князья Лобанов-Ростовский, Ливен, Мещерский, Ратиев, Трубецкой, Ухтомский, Щербатов, Гедройц, Зносько-Боровский, Бицадзе, Шервашидзе, барон Рент де Винденбаум, граф Игнатев, граф Потоцкий, граф Павчинский, граф Мочульский и другие представители русского дворянства.

Незванный приход сталинских опричников в Болгарию оказался губительным именно для русской аристократии в первую очередь, как и для русских эмигрантов в целом. Это при том, что Болгария **никогда не объявляла войны СССР** (официально не послала ни одного болгарского солдата на Восточный фронт!) и сохранила дипломатические отношения (советская разведка свободно действовала в стране!). Печальным результатом разгула сталинщины являются сведения о судьбе белогвардейцев в Болгарии после 1944 года – **более 3 000 отправлено в лагеря, более чем 500 уничтожено, множество принудительно выселено из Софии и других больших городов...**

Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская (1870–1943), супруга князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского (1866–1947), мать Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского (1907–1948) и бабушка **князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского (род. 1935)** написала и опубликовала на болгарском языке свои незаурядные воспоминания в Софии (1936). Они были переизданы её внуком на русском языке под заглавием **«О российской трагедии XX века: До и после 1917 года. Воспоминания матери»** в двух книгах (М., 2018).

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (род. 1935). В Болгарии с рождения по 1953 год. Сын Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского (замучен и убит в 1948 году без суда и приговора!) и Ирины Васильевны (урожд. Вырубова, 1911–1957). Для него Болгария – Родина, а Россия – Отечество. Геолог, банкир и коллекционер, собиратель театральнo-декорациoнного русского искусства первой трети XX века. Щедрый даритель Национального природонаучного музея Болгарской академии наук, Царского научного института в Софии и др. Член правления Международной фондации «Св. св. Кирилла и Мефодия».

Князь Андрей Павлович Мещерский (1915–1992) был первым исследователем истории русской академической группы в Болгарии. Он стал первым биографом и библиографом более чем 75 русских учёных-эмигрантов в Болгарии. Его opus magnum (диссертационный труд) **«Заметки и материалы к биобиблиографии русских учёных в Болгарии (1888–1944)»** (София, 1955), «Библиография трудов проф. Петра Михайловича Бицилли с материалами для его биографии» (София, 1954), также его мемуары о русской эмиграции в Болгарии не были опубликованы, но стали основой всех дальнейших исследований.

В 1944 году он вступает в ряды Болгарской армии добровольцем и в составе I пехотного гвардейского полка участвует в войне с гитлеровской Германией. Награждён орденом за храбрость за то, что, по воспоминаниям его давнего друга и сослуживца дворянина Владимира Юрьевича Макарова (1914–2007): **«Охотников исполнять опасные поручения в нашем полку было мало. Часто их возлагали на Андрея Павловича, который постоянно ходил в очень опасную ночную разведку...»**

В 1973 году он был арестован за распространение книг Солженицына...

Князь Александр Леонидович Ратиев (1898–1981) был знаменитым краснодеревщиком, а также лектором болгарского Научно-социологического общества (1936–1946). Он написал замечательные мемуары **«То, что сохранила мне память»** (София, 1999), которые стали прочной основой всех последующих исследований русской эмиграции в Болгарии в XX веке.

Князь Алексей Павлович Щербатов (1910–2003) – в Болгарии с 1920 по 1926 год. Учился в Константинопольской русской гимназии в городе Шумен, где его сокашником был будущий писатель Гайто Газданов (1903–1971). Автор книги воспоминаний **«Право на прошлое»** (М., 2005).

Светлейший князь Андрей Александрович Ливен (1884–1949), отец матушки схиигуменьи Серафимы (Ливен) (1913–2004), стал священником и в свободное время был поэтом, музыкантом и художником, а также переводил стихи персидских поэтов.

Князь Феодор Евгеньевич Зносько-Боровский (1880–1950-е), доктор наук Гейдельбергского университета. Преподавал французский, немецкий и русский языки в Академии экономики в болгарском городе Свиштов. Секундант поэта Н. С. Гумилёва (1886–1921)...

Граф Николай Николаевич Игнатъев (1872–1962), генерал-майор. Был выдающимся библиотекарем в Национальной библиотеке Болгарии. Репрессирован в 1946 году.

Граф Сергей Сергеевич Потоцкий (1919–2010). Окончил радиотехнический факультет Сорбонны в Париже, но работал бухгалтером (*sic!*) в Болгарии. Написал неопубликованные мемуары.

Барон Борис Осипович Рент де Винденбаум (1846–1924), военный инженер и участник Освободительной Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С 1893 года болгарский подданный. Написал свои воспоминания об исторических событиях в Сан-Стефано и о графе Н. П. Игнатъеве (София, 1920-е).

Дворянин Феодосий Александрович Беляковский (1898–1975). Работал инженером-электриком. С 1945 по 1955 год находился в ГУЛАГе без суда и приговора. Художник и эрудит. В 1968 году подарил всю свою коллекцию портретов русских поэтов и писателей русской школе им. А. С. Пушкина в Софии. Был осуждён по политическому делу за распространение книг Солженицына в 1974 году. Умер в тюрьме вследствие преднамеренных издевательств властей.

Дворянин Евгений Викторович Простов (1906–1980-е), литератор и переводчик. В Болгарии с 1920 по 1940 год. Был советником президента США Рональда Рейгана...

*Светильник мой гаснет – свеча догорает
И слабое пламя дрожит...
В печали глубокой душа замирает
И сердце так тяжело болит...*

*Товарищей верных своих вспоминая,
Я Господу Богу молюсь
За них и за многих, что бились до края
За Веру, Царя и за Русь.*

*Свирепая буря в Балканах бушует
И грозно стучится в окно...
Светильник мой гаснет – свеча догорает
И скоро совсем догорит.*

*поручик С. П. Макаренко
(1887, Россия – 1969, Шипка)*

Русская аристократия вместе с русской интеллигенцией – они же две стороны одной медали – успели облагородить болгарское общество и заодно с чехами вывести его в лоно европейской цивилизации.

Анатолий Байбородин

Анатолий Байбородин – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. С 2017 года – главный редактор журнала «Сибирь», член редколлегии журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах, коллективных сборниках, а также в Чехословакии, Германии и Франции. Является лауреатом Всероссийских литературных премий: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» им. братьев Киреевских (1999), им. Василия Шукшина (1999), Большой литературной премии России (2007), премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» (2015), им. Петра Ершова (2017), Всероссийской национальной премии им. Валентина Распутина (2018). Живёт в Иркутске.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТЬМЕ

О книге Александра Орлова «Купель покаяния»

Азъ есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.

Ин. 15:1–2

Милосердие

Высокое духовное достоинство книги Александра Орлова «Купель покаяния» в том, что писатель мировоззренчески не опирается на мудрость мира сего, ибо апостол Павел поучал: «...Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор 3:18–19). В мудрости мира сего, мудрости дольней, нет вечных, душеспасительных истин, кои таятся лишь в мудрости божественной, мудрости горней. А посему помянутая книга Александра Орлова не оглашает идеи суетного мира, преходящие, заполошные, обманчиво увлекательные, иногда смертельно опасные; нет, истории, запечатлённые в рассказах, прямо или косвенно обретают христианское осмысление.

Читаю рассказ «Молитва матери»... Будучи на практике, студент-медик провинился: устроил «кошунственный бардак», играя в футбол возле морга, – и заведующий больничным отделением в наказание посылает кошунника ухаживать за тяжело больной женщиной. Здесь и таился Промысел Божий... Чудом вообразив в медбрате покойного сына, болезная беседует с воображённым, и тот вольно ли невольно слушает горестную исповедь, восходящую к проповеди Христа ради. Покаянная похожа на евангельского мытаря, что «не смел даже поднять глаз на небо», но сокрушённо и горестно бил себя в грудь, вопия: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18:13). Будучи в совершенной православной вере, женщина кается, что во времена яростного хрущёвского богоборчества побоялась окрестить сына. «Христос нам завещал, чтобы крест свой мы себе создали, а я его себе создала, а тебе побоялась, значит, и твой крест теперь мой. Все болезни твои стали моими, оттого что крестом я тебя обошла. С Богом тебя не соединила, печати Господней на тебе нет. Как свидимся мы с тобой по воскресении? Я всё вспоминаю, как тебя мёртвого сама крестила, пока в морг не забрали, как отпевание заказала. А можно ли было? Но ведь Господь милостив! Я утром в лучах солнечных святого Уара видела, он ко мне шёл с тобой вместе, спокойный такой. Не зря молилась я ему за тебя ночи напролёт. Увидимся мы с тобой скоро, ведь говорят, что молитва матери со дна моря поднимает, неужто из мёртвых тебя не воскресит...»

В молитве матери об усопшем сыне звучит и горькая исповедь перед Христом и горняя проповедь Христа; а студент, по воле Божией вынужденный слушать исповедь, равную проповеди, поначалу духовно сопротивляется, но потом чувствует, как и в его душу входит покаянная любовь ко Всевышнему и ближнему. Ещё вчера обвинённый в кощунстве, студент размышляет и поступает по-христиански: *«Проходя мимо морга, я думал, что там теперь тело той, чья любовь способна поднять с любого дна. Светило солнце. Раздавался колокольный перезвон от Свято-Даниловского монастыря. В храме Святого преподобного Серафима Саровского я подал записку об упокоении новопреставленной рабы Божией Елены».*

Книжники и фарисеи, что любят красоваться внешней набожностью, брезгливо и высокомерно созерцают, обличают грешный мир, а герои книги, в чьих душах негасимый свет православной веры, будучи не теплокровны, воплощают любовь ко Всевышнему в деятельной помощи ближним. Таков своеобычный по характеру Дмитрий Ружников из рассказа «Мостырник», что разочаровался в суетном мире, тем паче обезбоженном, и, отслужив в десанте, принял монашеский постриг. Послушник восходил к святому житию, но сорвался – побил ряженого казака, долго и скверно оскорблявшего его, и был изгнан из святой обители. Но Ружников, монашествуя и в миру, служит грешникам, павшим на житейское дно. А помощь житейская, но Христа ради, – во спасении душ. Писатель размышляет: *«Теперь я понимаю, что никогда не видел его пьяным, он не курил. Вспоминаю его лицо, и мне становится ясно, что оно не приобрело изменений, характерных для пьющего человека. Как-то вечером, проезжая на машине, я видел Диму, который растаскивал по домам пьяных уличных друзей, потом я видел, как он договаривался, чтобы разрешали спать в метрополитене бомжам, провозжал инвалидов-попрошайек домой. Только сейчас мне становятся понятны его слова, сказанные при одной из последних наших встреч: “Я могу служить Господу по-своему, я знаю, как. Ты знаешь, я смог полюбить страдания, которые, на удивление, очищают душу. Всё, как завещал святитель Лука, сбывается”».*

Вот и старуха из рассказа «Стародавница» проповедует деятельную любовь к ближним, даже если иной ближний тебя и на дух не переносит: *«Одна старица говорила, что если вам что-нибудь плохое или обидное говорят старые, больные или кто из ума выжил, то не слушайте, а просто им помогите. Помогать больным нужно всем сердцем, и прощать им надо всё, что бы они ни сказали или ни сделали».*

Подобен святому Иоанну Милостивому Дмитрий Ружников, подобен и дядя Вася из рассказа «Юродивые дни», который всегда приходит на выручку, словно обитает незримо рядом с бедолагами. В сем рассказе, столь глубокомысленно и красиво названном – «Юродивые дни», действие происходит в лихолетье, когда на фронте русские гибли от пуль и осколков, а в тылу – от голода и холода. И слава богу, что, бывало, являлись избавители, подобные дяде Васе, и спасали от гибели. *«Мама мне рассказала, что избавитель наш в раннем возрасте подвизался на монашеской ниве, был направлен на остров Свирь в Свято-Троицкую обитель, откуда бежал после осквернения монастыря, – так в нашем городке объявился беглый инок. Дядя Вася высоченный был и худющий: он мне всегда орясину¹ напоминал. Жил монах уединённо в землянке на самой окраине».*

В рассказах утверждается, что деятельная любовь к ближним изначально выражается в молитве: *«Мама большая постница была, всё, как положено уставом церковным, соблюдала. Таких-то, как мама, Богородица всегда услышит»* («Девичья краса»).

Писатель часто изображает храмы – внешний облик, внутренний и даже во время литургии; и столь своеобычно и верно, опираясь на Святое Писание толкует о храме старушка из рассказа «Стародавница»: *«...Женищина двенадцать лет страдала кровотечением, и подошла сзади к Спасителю, и коснулась края Его одежды. Она сама себе говорила, что если прикоснусь к одежде Его, то выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев её, сказал: “дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя”. Женищина с того часа стала здорова. Так вот, храм этот как риза, а молитвы наши – это как прикосновения, ты чаще ходи и жизнь другую увидишь».*

«Слепые или глухие это не те, кто не видит или не слышит, а те, которые за Богом не следуют»; герои книги Александра Орлова – и слепые, и зрячие, но, слава богу, что и иные слепые жаждут обрести зрение.

¹ Орясина – жердь, оглобля, верста, долговязый парень, шест, кол, дубина, хворостина.

Война и вера

Писатель Александр Орлов, будучи молодым, тем не менее часто поминает Великую Отечественную войну как мерило души, и герои рассказов – фронтовики либо труженицы тыла, ныне старики и старухи, – вспоминают военное лихолетие, кое пережили лишь с Божией помощью. Без Бога ни до порога...

В рассказе «Коренной перелом» фронтовик, потерявший ноги на поле сражения, награждённый орденами и медалями, вспоминает: *«Так повелось, что перелом в войне стали именовать коренным после Курской дуги. Только не ведали, что столетия назад под выжженным татарвой Курском была найдена икона Божьей Матери “Знамение”. Образ прославлен как Курский и хранился в Коренной пустыни. Она, Спасительница наша, под Курском была, и перелом Курско-коренной – Пречистой Девы след».*

Горька судьбинushка безногого фронтовика, отвергнутого родными по плоти: *«Ну, а что там потом... Госпиталь, гангрена, вот ноженьки-то мои и оттяпали. А после госпиталя приехал я домой, а меня не ждут. Злыдни эти, – и он указал рукой на дверь, – они меня не приняли, да и кому-я такой-нужен-то... Жил я опосля на вокзале. Там Ириша, Царство ей Небесное, пресветлый рай, меня и подобрала».*

В рассказе «Прощальный мундиаль» пятнадцатилетний подросток, засветив телевизор, жаждет посмотреть футбольный матч сборной СССР на чемпионате мира. Но *«перед самым началом трансляции дверь распахнулась, и с улыбкой и извинениями в комнату, прихрамывая, зашел Александр Ефимович. Как обычно, старик был одет в каштановый пиджак с орденом Красной Звезды поверх белой майки и синие тренировочные штаны, которые он усиленно вытягивал, подгоняя под армейские галифе. Я не был рад его появлению. Но как прогонишь старика? Усаживаясь на стул, Александр Ефимович весело начал разговор...»*

Так, болея за русских футболистов, что на футбольном поле сражаются с румынами, старик вспоминает Отечественную войну и безжалостно клянёт румынских и венгерских извергов, что в жестокости превосходили и германских: *«Мы их с Мишкой-одесситом в плен даже не брали. Давили [танком]! (...) Фронтовик с трудом самостоятельно передвигался, но с какой яростью он вспоминал, как честно и люто ненавидел, я подумал, что в нём живёт та самая строчка из священного гимна Василия Лебедева-Кумача: “Пусть ярость благородная вскипает, как волна, – идёт война народная, священная война”, только для Александра Ефимовича война была не закончена».*

Пуще «немчуры» и «мадьяр поганых», пуще румын, хотя и «суки продажные», возненавидел фронтовик украинских бандеровцев: *«– ...Я бандеровских^{1, 2}, выблюдков до середины пятидесятых истреблял, так что – в расчёте...»*

Бывалые русские не смирились с бандеровцами даже после хрущёвской амнистии. *«Как я узнал позже, мой отчим студентом был на практике в Алтайском крае, он вернулся домой с беременной девушкой Надеждой. После войны Александр (папаша отчима. – Прим. А. Б.) работал в МГБ, и для пенсионера-чекиста не составляло труда узнать всё о новоиспечённой родственнице. Как оказалось, барнаулка была дочерью одного из оуновцев³, после лагерного срока осевшего на Алтае. В морозный вечер на Сретение Александр Ефимович выгнал сына и сноху с ребёнком».*

Восемьдесят лет назад русские соколы истребляли змеиное нацистское племя на поле брани; и вновь светится в небесах образ Георгия Победоносца, вонзившего копие в змея поганого, и вновь Господь Бог благословляет русских воинов на битву против супостатов. И фронтовик, словно клопов,

¹ «Нахтигаль» (нем. *Nachtigall*) – специальное подразделение (батальон) группа «Север» дружин украинских националистов, «Украинский Легион им. С. Бандеры» – вооружённый отряд, состоявший преимущественно из членов и сторонников ОУН(б), сформированный и обученный абвером для действий в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800» (нем. *Lehrregiment «Brandenburg» z. b. V. 800*) в операции «Барбаросса» на территории Украинской ССР.

² Бандеровцы – Украинская повстанческая армия (УПА) – вооружённое крыло ОУН(б). Действовала с весны 1943 года на территориях, входивших в состав генерал-губернаторства (в Галиции – с конца 1943-го, на Холмщине – с осени 1943-го), рейхскомиссариата Украина (в Волыни – с конца марта 1943-го) и румынской Транснистрии (Заднепровья), с лета 1944 года – в Северной Буковине.

³ ОУН – Организация украинских националистов – украинская политическая организация, действовавшая в основном на территории Западной Украины (период наивысшей активности – конец 1920-х – 1950-е гг.).

давивший бандеровцев танками, в жестокости не кается, хотя и верит в Бога. *«Всматриваясь в иконы, старый коммунист взглянул на меня и спросил: “Как думаешь, Бог есть?” – “Есть”, – ответил я».*

В рассказе «Первые осенины» писатель живо, словно очевидец великих человеческих мук и смертей, описывает, как гитлеровские фашисты бомбили русские да и нерусские города и селения, убивая мирных жителей: *«А потом налетели “лаптёжники” и давай бомбить, вой от “юнкерсов” ярый исходил, я от страха коченела. Рвануло рядом с блиндажом, в укрытие никто не успел. Маму отшвырнуло взрывной волной, а меня покорёжило, осколки попали в грудь, шею и голову, а самый большой в косах запутался. Очнулась, а вокруг меня соседские ребятишки лежали и родители вперемешку. Белый снег перемешался с грязью, и всё это каменело на глазах... (...) Госпиталь на нашем берегу “лаптёжники” разбомбили сразу, как мама меня увезла домой. От врачебного дома остались только дымок и кирпично-чёрная россыпь».*

Супостат фашистский даже детей обстрелял из пулемёта: *«“Лаптёжник” оторвался от стального косяка, спикировал на нас под адские вопли. Взрывом меня оглушило. Я упала в воду и пошла ко дну. Слава богу, постоялец наш увидел, как я тону, и прыгнул за мной, схватил за косы и вытянул меня, а немец всё осыпал и осыпал нас пулёмётными очередями».*

Свет и тьма

«Добродей» и другие рассказы – картина причудливого мировоззренческого клубка в сознании неких избранных товарищей рабоче-крестьянской империи: вера в безбожный «земной рай» и одновременно поклонение православно-христианским святым и святыням – поклонение, кое предтеча веры во Христа. Лирический герой – чадо малое – волей провидения оказывается между богоборческим и боголюбивым миром. Парнишка поначалу не желает носить на груди крестик, данный по крещению, ибо не верит в Бога, но в завершение рассказа воистину чудом в отроке пробуждается вера во Христа: *«По дороге в школу я плакал, в голове у меня всплывали слова святого преподобного Серафима Саровского: “Рай и ад начинаются на земле”. Я совсем не помню, что было в тот день в школе, но, придя домой, я узнал, что мамы ещё нет, и мы ждали её все вместе. Она вернулась к вечеру. Всклобоченная, нервная, но решительная. Я подошёл к маме и сказал: “Где мой крест? Верни мне его. Я буду носить”».*

Мастерски изображён в рассказе потаённый и сложный герой, напоминающий «бесов» Достоевского – очевидно, сотрудник карательных органов, который, будучи по натуре революционным богоборцем, ради безбожного «рая на земле» изрядно сгубил российских людей. Революционный каратель поучает мальчишку: *«– Ты должен знать: стрелять – это особое искусство! – Он сказал это протяжно, словно смакуя, и начал наводить пистолет на затылок куклы моей младшей сестры. И говорил, не умолкая: – Смотри: надо, чтобы ствол пистолета был наведён к основанию шеи, нужно слегка приподнять его вверх, тогда пуля вылетит из глаза – и крови будет немного, ты не испачкаешься. На, возьми, вот потренируйся пока, тебе это может ой как пригодиться в жизни. Поверь мне, я знаю это точно».*

Воистину, вечные революционеры, подобные бывшему карателю, – суть сатанаилы, ибо «Сатана был первый революционер и чрез это спал с неба».

В рассказе «Однородец» писатель показал старуху, молодость которой прошла в Сталинскую эпоху. Но в России уже царит дикий капитализм, и старуха, случайно увидев уличных проституток, приходит в ужас, словно узрела ритуальный сатанизм: *«По-всякому мы жили, всё было: и скотину у нас, как у зажиточных, отбирали, и церкви рушили, и книги святые жгли с иконами, и отбирали – по домам ходили – всё что можно, и войну мы пережили великую, и папу я потеряла, и с голоду дохла, и тиф меня убивал, и “Юнкерс” бомбил, да так, что осколок меня поранил. Но, чтобы посреди города, да ещё в столице, почти в центре, срамные девки стояли и собой торговали на свету, пред ликами святыми, что на стенах больничных, такого никогда не было. Это что он там, в Кремле, дурак, пришибленный пыльным мешком, себе думает? Что, знать, от водки там совсем умом рехнулся? (...) Бог меня... покарал, вон я какая народилась (...) с шестнадцати лет мужикам на загляденье... Господи, как я стеснялась, из дома выходить лишний раз не хотела, всё понимала, что глазеть будут, и плакала...»*

Рассказы Александра Орлова, за исключением избранных лирических сказов, по духу и мысли – жёсткая проза, не облачённая в словесные кружева, изобразившая бездну и небеса, человечье дно и благочестивых богомольцев. В рассказах исповедники божественного света, исповедники любви ко Всевышнему и ближнему в яростной схватке с глашатаями дьявольской тьмы. А грешники, подобные лирическому герою, мечутся меж спасительным светом и соблазнительной тьмой, и слава богу, что в душах, живых, страдающих и сострадающих, не гаснет свет покаяния. Господь пришёл не ради праведников, но ради грешников, и возгласил фарисеям и книжникам: *«Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперёд вас идут в Царство Божие»* (Мф. 21:31).

В рассказе «Девичья краса» два полярных мира: мир дьявольской тьмы и мир божественного света. Вот мир тьмы ворвался в мир света: *«...Маковки сорвали, иконы пожгли, а сосуды богослужебные, кресты, оклады иконные – всё на переплавку пустили, одежды священников, покровы на престольные на половики и тряпки изодрали, мы всем городом взвыли, когда из икон кормушки для скота мастерили, а сколько ликов святых на собачьи будки пошло».*

И в рассказе «Блаженная пигалица» мир дьявольского зла обрушился на мир божественной любви: *«...Мама нашей блаженной пигалицы была подполковником военной разведки, дошла до Берлина. На фронте эта благородная женщина встретила любовь, они служили вместе, весной 1945 года бритоголовые подростки из гитлерюгенда (мир дьявольского зла. – Прим. А. Б.) обстреляли “Виллис”, в котором ехала счастливая пара победителей... Мама возле горящей машины до срока родила девочку Таню, «блаженную пигалицу», коя, увы, родилась уродливой, до смерти испугавшись в материнской утробе. Прошло семьдесят лет после Победы над фашистами, мама состарилась, но и в старости вновь пострадала от мира адской тьмы, подобной фашизму: «выродок (подобный бритоголовому подростку из гитлерюгенда. – Прим. А. Б.) ударил девяностолетнюю старуху ножом под лопатку, забрал у неё кошелек и попытался вырвать старинные серьги. (...) Я увидел обезображенное смертью лицо бритоголового крепыша»...*

Миру дьявольской тьмы противостоит мир людей, кои любят ближних, сострадают убогим, подобным Лазарю, «который лежал у ворот его в струпях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его» (Лк. 16:20, 21). И в противостоянии тьме люди света бывают решительны и суровы. В рассказе «Блаженная пигалица» автор находится словно меж двух миров – дети, что дразнят юродивую и уродливую Таню, дочь мужественной женщины – героического и трагического подполковника военной разведки. Бегают огольцы вокруг Тани и вопят: «Танечка, Танечка, Танечка-дурочка...»

Родители из сострадательной любви к Тане сурово наказывают дерзких детей: *«Через минуту я поймал строгий взгляд матери. (...) Как только я подошёл к ней, получил сокрушительный удар по щеке, у меня на мгновение потемнело в глазах, чуть повело в сторону. (...) А рядом с мамой стояла наша соседка тётя Шура, которая подозвала своего внука, моего закадычного друга Андрея, и врезала ему ещё сильнее...»* В русском народе жила старинная поговорка о наказании нагрешивших детей: «Бьют не ради мучения, а ради спасения»; вот и родители наказали сыновей, дабы не поглотила отроков искусовая, дьявольская тьма, убивающая души.

В рассказе «Отработал» Александр Орлов описывает свадебный пир, где собрались сидельцы, не единожды коротавшие годы за решёткой; и «особо опасный рецидивист» ведёт сокровенную беседу с лирическим героем. Рассказ мог обратиться в мрачное, беспросветное повествование либо в романтизацию уголовного мира, как в блатных песенках. Но старый зэк вдруг начинает вспоминать заключённого священника, который сказал вору в законе: *«У тебя впереди самая большая кража твоя. Если не одумаешься, поймёшь, да поздно будет»...* «– Конечно, прав был батюшка. Я жизнь у себя украл. Понимаешь, Сашка? Жизнь...»

Яко душеспасительный завет русским людям, звучат в книге слова блаженной Матроны Московской: *«Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»*

Берега прочтения

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Поэт, прозаик, культуролог. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), им. С. Н. Сергеева-Ценского (2021), им. С. С. Гуртуева (2022), им. Б. П. Корнилова (2022) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ ПРОСТОР

О шеститомнике поэта и прозаика Александра Кердана

Многотомник писателя – целый Мирь. Огромная, невероятная Вселенная. Когда выходит многотомник, словно шумит на ветру дивный лес с гигантскими корабельными соснами, с разлапистыми елями, с мощнейшими дубами... и с самой малой травкой, травинкой душистой, нежной, тайной, единственной.

Этот лес – жизнь писателя.

Эти стволы, эти ветви – дни, месяцы, годы его жизни, радостно отданной любимому труду, созданию книг, бесконечной каждодневной работы с великим русским Словом, со звёздно сияющим Логосом, а оно, Слово, мы помним, «*было у Бога, и Слово было Бог*» (Евангелие от Иоанна).

Александр Кердан вырастил шесть таких поэтических и прозаических лесов. И тут даже дело не в юбилее, не в возможности отметить свою хорошую, торжественную дату со дня рождения весомой, значимой работой. Дело тут в совокупности этих возможностей – в обретении себя на земле, в счастье художественного высказывания, в творческой радости большой личности.

Конечно, надо прожить на земле, среди людей, крупный, фресково-неохватный кусок жизни, многое переплыть, иное перейти вброд; бороться с пожаром злобы, зажигать огонь Духа, не сгибаться, иной раз и стоять насмерть. Если ты выбрал творчество, то – ни шагу назад. Творчество – это победа. Каждый раз победа. Над временем. Над косностью. Над неверием. Над самим собой. Творчество – это неуклонное движение к Богу.

И вот много всего наработано. Александр Кердан объединяет Вселенную своей поэзии и прозы в шесть томов. И мы входим под их словесные, образные, сюжетные, нравственные своды.

* * *

Существование многотомника загадочно не только для писателя, автора, но и для читателя. Как читатель встретит такое монументальное собрание? Вызовет ли оно живой интерес? Или масштабы предъявленного отпугнут человека, всеми последними временами настроенного на удовольствие, на отдых, на откровенный гедонизм? Что греха таить, мы понимаем общий настрой времени: скорости

увеличились, чтение плавно переселилось в область фильмов, клипов, видео – смотрят теперь гораздо чаще, чем читают, – охотятся за коротенькими романами, за лёгкими сериалами, за эстрадной рифмой, – одним словом, за развлечением.

Но есть целая армия читателей, что не сдаёт позиции Духа. Именно к ним и обращён шеститомник Александра Кердана. Можно открыть один том – и погрузиться в стихи; можно сопоставить поэзию автора с достижениями и открытиями его прозы. Мы глядимся в многотомник Кердана, как в зеркало, узнавая там себя – наше время, наших людей, наши лица, наши судьбы, – и одновременно мы видим в нём Родину: ведь Россия – это мы и есть.

Громадное зеркало бытия – вот что такое всё творчество Александра Кердана в совокупности. Шесть томов – это счастливая возможность переселиться, перелететь на планету Кердана и заняться её изучением; а на этом пути нас, и уже знакомых с произведениями Александра Борисовича, и впервые их читающих, ждут несомненные находки, потрясения, радости, озарения.

* * *

Для русского писателя существование одновременно и внутри поэзии, и внутри прозы – традиционное, привычное и во многом необходимое существование. Здесь надо помнить о законе культуры, который есть почти закон природы: чем шире душа человека, чем больше и безусловнее любит Родину и весь окружающий Миръ, всю земную ойкумену его чуткое и отзывчивое сердце, тем богаче и неохватнее диапазон жанров, в которых писатель (да и всякий художник!) работает; расширяя круг жанров, приёмов, стилистики, тем, образов, сюжетов, такой широко и оригинально мыслящий писатель поднимается до высот художества.

Таков Александр Кердан. Вертикаль его писательских интересов и пристрастий уходит глубоко в историю, обнимает настоящее и поднимается над землёй, и он хочет посмотреть на события, на сиюминутность сверху, охватывая наблюдательным взглядом и мыслью большие пласты русской истории, психологии, культуры, искусства, разных областей жизни, разноликих её пространств.

Кердан прежде всего поэт. Поэтических штрихов, акцентов, поэтического видения у него много и в прозе. Проза и поэзия в его художественном мире сплетаются, взаимопроникают. И шеститомник даёт нам, читателям, прежде всего ощутить необычайную цельность и творческой натуры писателя, и его полнокровного, полновесного художественного пространства.

Открываем первый том... тут крупная форма. «Роман с фамилией» и «Царь горы».

И становится понятно, почему писателя так тянет тема времени, образность, напрямую связанная со временем, его глубинами и высотами, его неспешным неумолимым ходом, с его тайным трагизмом (прошлое не вернуть...). Автор обнимает и мыслью, и сюжетом большие времена – эпохи. Первый век нашей эры, Рим: эпоха Христа, первых мучеников за Христа, колоссальной драматической силы столкновения христианских максим, гласящих о любви как о параллели Бога, как о первом признаке бытия Божия, и злобы людской, неистребимой и узнаваемой, в борьбе с которой либо гибнет, либо укрепляется человек, поднимаясь до бесспорных нравственных высот. После изображения Рима перед нами предстаёт другое историческое время и другие страны – Первый Крестовый поход, Испания, Иерусалим, а потом тяжёлой волной, девятым валом трагедии наваливается Семнадцатый век – век колоссального кровопролития на землях Украины. То время и для Руси-России было неизмеримо болезненным, полным духовных сражений и подлинного ужаса: это пограничное, терминальное время русского Раскола, когда схватились, в битве за древние книги, царь Алексей Михайлович и Никон, с одной стороны, а с другой – опальный протопоп Аввакум. Александр Кердан, погружая читателя в исторические бездны и в человеческие борения и страсти, говорит нам прежде всего о вечности человеческих чувств и о вечной тяге человека – познать ход времён и принять участие в переустройстве Мира. Человек всегда стоит перед выбором – его предоставляет человеку Господь. Да, история – это бушующий океан, и не всякий пловец его преодолеет, не всякий капитан доведёт свой корабль до пристани без лощи. Судьбы иной раз безвозвратно тонут в море времени. А в памяти людей остаются герои – те, кто отважился пожертвовать своей жизнью во имя великой – и часто не личной, а общечеловеческой – цели. Воин, павший в бою давным-давно, в чужой стране, в незапамятные времена, улетает душою в небо, не ведая, что станет живым звеном, соединяющим цепочку поколений...

«(...) Острие ударило меня чуть повыше кромки кольчуги, в ямочку под горлом. Удар был такой силы, что я выронил меч, сорвался с лестницы и полетел вниз, задыхаясь и захлёбываясь собственной кровью. И тут как будто раздвоился.

Одна часть меня продолжала стремительно падать, другая – неожиданно легко взмыла ввысь. Воспарив, увидел всё происходящее со стороны. (...)»

Удивителен этот момент перевоплощения, интенсивного проживания других жизней, отдалённых от нас вереницей долгих веков...

И всё время, лейтмотивом, звучит в романе авторский голос, приёмом «от первого лица», и человек размышляет о судьбах семьи, о неповторимости прошлого, о чудесах будущего, которые нам не дано увидеть...

«По задумке Творца, судьба каждого человека предопределена. И хотя у сотворённых по образу и подобию Его сохраняется право выбора, возможность сделать шаг по торному пути или свернуть на обочину, воспользоваться даром Божьим или зарыть свой талант в землю, – мне кажется, что всё, что со мной должно случиться, уже случилось.

Мне дано родиться, увидеть белый свет, дарована способность видеть, слышать, дышать, двигаться, мыслить, страдать и сострадать, познать творческие муки и вдохновение...»

Роман «Царь горы» тоже соединяет времена. Как в своё время пел Виктор Цой: «Перемен, мы ждём перемен!...» Не всегда перемены идут во благо государству и его жителям. В этой работе Александр Кердан говорит о подлинном, об истинном, о пережитом. И сам вкладывает сильное собственное чувство в размышления, и сюжетные и «закадровые», которые мы способны лишь почувствовать, о времени, истории, событиях. Можно ли было предотвратить огромное горе разлома и гибели Советского Союза? Мы потеряли сильную, великую, цельную, крепко сколоченную страну. Конечно, в то время перед нами вставало много соблазнов, и первый из них – свобода. Пресловутая свобода, за которую боролись наши прадеды, сыграла с нами, со страной, плохую шутку – общество раскололось, одни люди видели ход событий так, другие иначе, и эта борьба мировосприятий обернулась возникновением целого букета войн, восстаний, смертей... И то, что сейчас происходит с нашей соседней страной-сестрой, бывшей республикой СССР, есть результат тех горестных, горьких, но, увы, бесповоротных исторических событий.

И боль войны Кердан тоже изображает в романе: это афганская война, и её трагизм поднимается словно бы из глубин воспоминаний, написан строгими, скупыми, сдержанными красками – и тут же вспыхивает ярким, страшным светом военной реальности:

«Рядом с носилками семенит капитан-медик с системой для переливания крови в поднятой руке:

– Кто это, док? – спросил Борисов.

– Прапорщик, десантник... Минно-взрывная травма обеих нижних конечностей... В Кабул везём... – на ходу отозвался тот.

– А фамилия как? – Борисов пошёл рядом.

– Щуплов... Прапорщик Щуплов. 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк... Знакомый, что ли?..

– Знакомый... – Борисов скорым шагом пошёл к “таблетке”, у которой поджидал его майор Петров.

– Что, сослуживца встретил? – поинтересовался он.

– Одноклассник. Женька Щуплов, второгодник и школьная шпана... Никак не ожидал его здесь увидеть... (...)»

* * *

Во втором томе собрания сочинений Александра Кердана опубликована историческая диалогия «Берег отдалённый...». Первопроходцы Русской Америки – кого не волновали, особенно в юности, их яркими факелами горящие судьбы? Кердан предстаёт тут перед нами как великолепный мастер сюжета. Живо и энергично разработанный сюжет придаёт прозе оттенок пространства кино, делает роман зримым, и книга «пускает» нас в себя жить, становится увлекательным, познавательным трёхмерным фильмом, героям которого сопереживаешь. Блестяще разработанная событийность, рельефность характеров исторических персонажей – да, это прекрасный материал для режиссёра!

И какие люди являются на страницах книги!.. Гордость русской истории... Николай Резанов, Иван Крузенштерн, Кирилл Хлебников, Дмитрий Завалишин...

«Те, кто провёл многие месяцы во власти океана, подтвердят: нет радости большей, чем снова ощутить под ногой надёжность матёрой земли. И если уж потомки неустрашимого Беринга, как дети, бывают счастливы появлению на горизонте любого клочка суши, то что говорить о тех, для кого пресловутые футы под килем – наказание господне!

Речь о невольных пленниках зыбучей стихии, об этом балласте океанических судов – их многострадальных пассажиров. Для последних вернуться в привычный сухопутный мир – словно заново родиться на свет. Они вдругорядь учатся ходить по земной тверди, словно впервые восхищаются всем, чем богата земля: лесом, ручейком, цветком на обочине. Но ни с чем не сравнимо чувство путешественника, когда и лес, и ручей, и цветок, которые он видит перед собой, родные, российские. И пусть земля, на которую он ступил, – это самая дальняя оконечность Отечества, всё одно – родина! (...)»

Родина... Задумаемся над этим словом. Дадим охватить, обнять себя этому огромному и светлому чувству, чувству Родины. Каково им, отважным нашим русским, было там, на другой оконечности Земли? Но они служили Родине, работали во имя Родины, на благо Родины.

И вся ткань произведения пронизана, пропитана живыми разговорами, диалогами, общением, которое, по утверждению Антуана де Сент-Экзюпери, и есть самая большая роскошь...

«– Чего сумерничаешь, Андрей Александрович?

– Карты отыскал в архиве, Кирилл Тимофеевич... Очень занятные. Составлены лейтенантом Романовым в его бытность в колониях. А вот описание путешествия Корсаковского по Юкону...

– Для чего понадобились тебе сии труды?

– Хочу подготовить экспедицию, Кирилла Тимофеевич. Таковую, чтобы дойти посуху до мыса Барроу и до Ледовитого моря... Вот, посмотрите: от озера Нушагак, через горный хребет в долину Кукоквима...»

Мощное дыхание Тихого океана. Обычаи и уклад чужих племён, чужедальних народов. Освоение неведомых земель. Любовь, принесённая в жертву науке, политике, изысканиям, флоту, государству. Ландшафты Северной Америки – и строгие улицы Санкт-Петербурга, испанские блестящие балы – и индейские пещеры... Александр Кердан в этой дилогии выступает как превосходный живописец словом. Ему одинаково хорошо удаются и изображения природы, и человеческие необоримые страсти, и философские раздумья героев.

* * *

И что же? Русская Америка, великая русская история не отпускает ни автора, ни нас с вами, дорогие читатели. Третий том собрания сочинений Александра Кердана снова обращён к тематике, к образам Русской Америки. Это романы «Крест командора» и «Звёздная метка».

В «Кресте командора» перед нами – мощнейшая фигура Витуса Беринга. Его Вторая Камчатская экспедиция открыла России новые земные горизонты, новые земли. Финал романа знаковый; в размышлениях человека о судьбах тех, кого уже нет на земле, просвечивает неколебимая уверенность в том, что герои сделали масштабное, грандиозное дело, отворив государству Российскому новую историческую дверь:

«Заметив обглоданные кости, Шелихов подумал, что надо перезахоронить эти безвестные останки, да и полусгнивший крест над могилой Беринга заменить... А ещё подумалось ему, как запутана жизнь: в ней и великое, и низкое, и память, и забвение – рядом. “После смерти происхождение и вера значения не имеют. Важно, ради чего жил человек, служил ли добру или подличал, исполнил ли свой долг или нет...”

Для командора Беринга и разделивших его долю рядовых матросов главным итогом земного пути стали не их слабости и просчёты, приведшие на этот островок. Главным было другое – в тяжких каждодневных трудах совершили они почти невозможное – великие открытия, которые навсегда останутся славой России”.

Шелихов долго глядел на океан, за которым лежала Аляска... (...)»

Сначала мы открыли и завоевали Аляску. А потом её потеряли. Это явилось геополитической драмой, если не трагедией. И здесь Александр Кердан касается вопросов более чем насущных именно

для нашего сегодня. Мы все это понимаем. Россию Запад, страны атлантического мира всегда хотели расчлениить, разорвать на куски. А та часть Америки, которая пребывала русской настолько, что люди там уже ходили молиться в православные храмы, была продана в 1867 году; и писатель показывает, сквозь боль и горечь неизбежного, насколько важна была земля Аляски для России и какова была мера и политической, и финансовой, и хозяйственной трагедии после этой печальной сделки.

«(...) О потерях моральных для национального самосознания и упущенных стратегических выгодах для Российской империи говорить и вовсе не приходится.

США, напротив, выиграли во всём. Геополитические последствия сделки – однополярный мир и доминирование в нём Соединённых Штатов Америки, которым именно приобретение Аляски позволило определять политику сначала в своём регионе, а впоследствии и в масштабах всего земного шара. (...)»

Кердан пишет об этих роковых последствиях продажи Аляски прямо, не завуалированно, горько, смело. Мы сейчас, из нашего исторического далека, видим, что всё так и произошло...

* * *

Откроем четвёртый том: здесь повести, рассказы и роман «Караул». Этот том можно назвать томом военной прозы Александра Кердана.

Сам военный человек, отдавший службе в армии много лет, автор великолепно, полно и глубоко знает военную жизнь. Всё событийное, всё изображаемое пропущено через судьбу, сердце, непростые, серьёзные раздумья о судьбах солдат и офицеров, о бытии русской армии. Тридцать лет службы в Вооружённых силах родной страны подарили писателю необходимый, насущный армейский опыт. Кердан дослужился до полковника, и это уже о многом говорит. О смелости; об ответственности за службу; об энергии действия; о верности присяге и Родине. Конечно, всё увиденное, услышанное, пережитое легло в основу этой прозы, и автор берёт читателя в плен и подлинностью пережитых сюжетов, и силой откровенности, и мастерством психологических характеристик, и, конечно, изображением контрастных человеческих судеб – тут широкий нравственный диапазон: вот героизм, а вот лукавство, подлость, злоба. Они никуда не исчезают из нашей жизни. Но осмыслить их необходимо.

Вот рядом – ужасная смерть и светлая, ласковая, продолжающаяся наперекор всему жизнь...

«Вернулись к своим. Осмотрели убитых. Это были солдаты и офицеры первой мотострелковой. Лица троих представляли собой кровавое месиво. Ещё трое сильно обгорели. Тело старшего лейтенанта Морозова было изувечено, но голова уцелела. Ещё один убитый – командир взвода Рязанцев – был без головы. Его опознали по наколке на левом плече – «Московское СВУ». На теле Рязанцева были видны следы пыток, а ладони пробиты. Очевидно, перед смертью его распяли.

У Смолина желваки заходили на скулах. Он ссутулился ещё больше и молча ушёл в штаб-подвал. Кравец отправился следом. Все необходимые распоряжения по отправке погибших отдал Долгов.

Ночью они решили раскупорить остатки водочного “энзэ”.

Рядом крутился щенок дворняжки, которого солдаты нашли среди руин соседнего дома. Был он мохнатый, округлый, смешно переваливался на коротких лапах и всем своим видом подтверждал кличку, на которую отзывался, – Шарик. Щенок холодным носом тыкался в ладони, то к одному, то к другому. Наконец он устроился на коленях Долгова, время от времени, поскуливая, преданно заглядывая ему в глаза и пытаясь лизнуть в лицо. (...)»

Этот маленький весёлый щенок рядом с трупами замученных, распятых врагами друзей – тот необходимый художественный контраст, что внезапно становится жизнью, правдой и неистово переворачивает душу.

Зададимся вопросом: а вечна ли на земле война? И задумываются ли над этим люди военные, армейские? На примере Александра Кердана мы видим: не только задумываются, но и героически отдают свои жизни за то, чтобы те, кто воспевают и превозносят войну, когда-нибудь навеки сложили оружие.

* * *

Обратимся к пятому тому. Тут самое волшебное и необъяснимое, что только есть на земле в формате человеческого Слова, – поэзия.

Поэзия Александра Кердана разнолика. Она то проста до прозрачности, то драматически нагружена, то исповедально нежна, то любовна и страстна. Разнообразие интонаций говорит о разно-

образии образов. Но самое важное, самое главное, доминантное в поэтике Кердана – её неистребимая народность. То тайная, то явная, праздничная. То вложенная внутрь раздольной либо озорной, как частушка, песенной интонации, то распаивающая над родной землёй широкие, вольные крылья всеобъемлющей любви. Кердан, да, очень песенный; и о песне мы ещё скажем отдельно.

И военная его жизнь – вот она, опять перед нами, стучит колёсами вечного эшелона:

*Судьбы моей военный эшелон,
Неотвратимо мчащийся куда-то.
Теплушечный, как в давнем сорок пятом,
Где все мы улыбаемся девочкам,
Что машут нам платочками вдогон.*

*Сначала ты застёгнут по уставу,
Но вольнице уставы не по нраву,
И посредине долгого пути –
Расхлёстанный, почти уже базарный,
Но всё ж – военный, так как дух казармы
Ветрам, и тем не просто извести. (...)*

Здесь ставится знак равенства между эшелоном, грохочущим вдаль по рельсам, и отдельно взятой человеческой судьбой; здесь и воспоминание о трагедии войны, и предчувствие любви («...улыбаемся девочкам...»), и констатация вечной памяти войны, казармы, армии, службы.

Военные воспоминания и ассоциации приходят и в любовь, и в пространство разлуки, и в нахлынувшее счастье:

*(...) Но – не умер – жить остался,
С духом всё-таки собрался.
От любви не отрекался
И оставшись без любви...
И за чёрной полосой –
Так уж этот мир устроен –
Как солдаты, ровным строем
Дни счастливые пришли.*

А вот и прикосновение к теме всепожирающего Времени. Прикосновение обжигающее. Как всегда, когда мы осознаём ход времён: быть может, время не идёт, а недвижно стоит, а это мы идём, бежим, летим, ковыляем в нём, его преодолевая, себя – в нём – навек запоминая, но не имея возможности вернуть...

*Бежит мальчишка, а навстречу
Ему едва бредёт старик...
Сойдутся, как рассвет и вечер,
И разойдутся в тот же миг.*

*А я – сторонний наблюдатель –
Стою, их встречу задею:
В душе – мальчишка и мечтатель,
Хоть за спиной полсотни лет.*

*Стою, на опыт не в обиде
И не в претензии к судьбе,
Как будто миг назад увидел
Себя, бегущего к себе.*

Вот это «...себя, бегущего к себе» – удивительное, одновременно и авангардное, и архаическое зеркало, отражающее другое зеркало; попытка обнять сердцем и нашу смертность, и нашу бесконечность.

Поэт не боится говорить о смерти, о навечной разлуке. Бездна небытия – как бездна Тихого океана, так величественно изображённого в романах, посвящённых Русской Америке. Но рядом любовь. Пока рядом... Нет! Не пока! Не на время! Любовь будет рядом всегда. Она и есть обещание вечности, её неоспоримый признак в зыбком мареве мимо летящих ночей и дней...

*А ведь придётся расставаться
И нам с тобой, любовь моя...
Мы на границе бытия
Уже не сможем задержаться,
И первым в бездне кану я. (...)*

От земли взор поэта поднимается к небесам. К Богу. Но через призму чьей жизни, чьей души поэт созерцает Бога? Бог говорит тихим, родным, нежным голосом матери.

*Припомнилось, как мама говорила:
– Наступит день, и я сойду в могилу.
Ты можешь потерять друзей, сынок,
И даже без жены остаться милой,
Но всё равно не будешь одинок,
Пока с тобою остаётся Бог.
Поверь мне: нет страшнее ничего,
Когда в душе нет места для Него,
Способного всё выслушать без спора,
Тебя простить без всякого укора...*

Мы для наших матерей всегда дети, сколько бы лет нам не исполнилось, какой бы неизмеримый путь мы не прошли по широкой земле. Александр Кердан пишет портреты матери во многих стихах, и вспоминаешь портреты старых мудрых женщин кисти великих русских художников – Ильи Репина, Ивана Крамского, Валентина Серова, Филиппа Малявина... Мать для поэта свята. Мы счастливы, пока мы можем припасть к груди матери, обнять её колени...

Как совершается переход? Где эта граница между бытием и небытием, где этот терминал, куда, дрожа, молясь, в свой черёд входит всякий живущий? Наши матери, наши отцы уходят в Миръ Иной. А мы, мы не знаем часа своего...

*(...) Наверно, мама, ты опять права,
И нет билета в ту обитель прямо,
Откуда прорастает ввысь трава,
Зелёная, как купола у храма.
А в ту обитель, где царит твой дух,
Билет даётся лишь по воле свыше...
Я сам туда дорогу не найду,
А спрашиваю – и ответ не слышен.*

Мать – это жизнь. Но война и гибель так рядом. Каждый в ответе за мир. И каждую душу, объятую тревогой, слышит поэт, ибо на всеобщую боль отзывается его душа.

*Моя передовая
Без залпов и огня –
Третья мировая
Идёт внутри меня.

А вырвется наружу –
И всё спалит дотла...
Проходят через душу
Фронты добра и зла. (...)*

* * *

И шестой том естественно, с внутренней грацией и гармонией продолжает пятый; здесь опять стихи, но ещё пригоршни словесных сокровищ – песни, переводы, сказки, очерки. И много светлых, торжественных, звонких нот тут звучит, оркестр природы подчиняется дирижёру-поэту! С течением жизни мы начинаем лучше и глубже, любовнее слышать и видеть природу, – мы становимся ближе к ней, нам внятны голоса земли, зверей, растений, мы видим лик небес.

*Гроза, перепугав, отгрохотала.
Но страхи все рассеялись как дым,
Когда внезапно солнце просияло,
И радуга – в полнеба – вслед за ним! (...)*

И поэт слышит самое драгоценное, наверное, от сотворения Мира – тишину... Тишина – камертон любви. Тишина – дорога солнечного громадного, как Гималаи, облака в летнем синем зените...

*Незаметно, спозаранок
На заштатный полустанок
Поезд вполз,
И тишина
С двух сторон тотчас повисла,
Переполнив новым смыслом
Жизнь вокруг...
Она одна,
Мир безумный наш спасает,
И собою заслоняет,
Хоть сама хрупка она...*

А вот и песни! Песенные тексты – целая область Логоса, где он должен сплестись с Голосом, на выходе образовав музыкальное единство, неразъёмную гармонию, новый музыкальный Космос. И какими только гранями не заиграет слово поэта, находящееся в стихии ритма, захлёстывающей эмоции, формата куплета-припева!

*Зимним утром в поле чистом
Весь в алмазах белый снег.
Колокольчик серебристый
Рассыпает нежно смех.
И звенит, звенит, звенит,
И звенит, и говорит:
На деревне нынче свадьба –
Эх, погулять бы,
Эх, погулять бы!
Тройка птицею летит! (...)*

И родная армия всегда рядом. Незабываема она! И как не вспомнить песни в строю!..

*Покуда есть
На свете честь,
Судьба прикажет,
Скажем: «Есть!»
Мы в бой любой
Пойдём с тобой –
Нам так назначено судьбой!*

А как прекрасны переводы Александра Кердана – удивительно его понимание северных поэтов, вот Юрий Вэлла (Айваседа), его стихи про экзотический для русского человека бубен – вполне шаманский предмет, но он же – олицетворение солнца, луны, круглой земли, круглого священного озера в тундре, круглого человеческого лица, улыбаясь, глядящего в твоё лицо, а после в небо, в вечность... И этот звонкий бубен, символ всей великой природы, своим ритмом, стуком и звоном помогает человеку совершать важное дело: петь песню.

*На стене висит мой бубен,
Звонкий, как твоё сердечко.
Он умеет среди буден,
Тишину храня, терпеть.
Знает: праздник всё же будет –
Я сниму его и к печке
Поднесу, чтоб отогрелся
Перед тем, как песни петь.*

*Пусть мороз звенит в округе,
Словно тетива на луке,
Пусть буран стучится в двери,
Разъярённый, как медведь.
Но со мной мой верный бубен –
Мы не предадим друг друга,
Потому что в песню верим –
Песни лучшие вместе петь!*

Вот поэтесса коми – Анжелика Елфимова, с её обострённым, таинственным чувством природы, воды, глубины, ходящих в глубине рыб...

*Когда луна как жёлтый поплавок
Качалась в небе, листьев звонкой жестью
Шумел сентябрь... При помощи острог
Мы добывали рыбу с другом вместе.*

*Река наш чёлн как жёлтый лист несла.
Спала земля, а в водах отражались
Созвездья золотые без числа
И к нам, как рыбы стайки, приближались. (...)*

Не только Северу верен переводчик Кердан; в его творческом багаже – переводы азербайджанских, болгарских, белорусских, удмуртских, колумбийских поэтов и поэтов многих других стран. Земля многолика. Колоссально разнообразие поэтических миров, национальных поэтических красок, интонаций, мегаобразов. И Александр Кердан способен перевоплощаться, проживать множество других жизней – так, как если бы это была его собственная жизнь. И это признак гигантской, неиссякаемой пассионарности его вечно работающего, ищущего духа.

* * *

Сказки... детские сказки... Волшебная сказка – то, без чего не может жить ни один ребёнок, не проходит ни одно детство на Земле. «Сказка про Поповича», «Старое ружьё», «Солдатская сказка», «Мальчик – золотые ножки», «Пуговица» – самые настоящие волшебные сказки, и кто знает, как в них авторская фантазия сплетается с народной, авторские находки – с услышанными у старых уральских бабок полночными сказочными байками?.. Увлекательнее сказки нет для дитя пространства, – там можно жить, путешествовать, смеяться и плакать со сказочными героями. Именно таково царство сказок Кердана, и уже множество детишек в нашей стране любит его незабываемых героев:

Пуговицу-ворчунью и Царевича – золотые ножки, Медведя, героя-Солдата и важного Генерала, Попа и Поповича... В этих сказках – Россия, старая Русь: с её чудесами, с её заговорами и ведуньями, с её противостоянием самого нижнего и самого верхнего, владычного, с её поиском справедливости и счастьем любить. Да, эти сказки полны любви и света. И это главное в сказках. И – главное для писателя.

А какой писатель без очерков? Очерки Александра Кердана не столько журналистские, сугубо документальные, сколько писательские, художественные. Они сочетают в себе качества эссе, прозаических этюдов и собственно очеркистской стилистики:

«В этом имени собственном есть для всякого пишущего человека какой-то магнетизм или что-то иное, близкое к понятию “намоленность”. Человек верующий знает, что это такое. Для остальных поясню: в намоленной церкви витает (или обитает – не подобрать точного определения) Дух Святой – Нечто метафизическое, позволяющее ощутить почти явственное присутствие Бога, гармонию с миром и самим собой.

Что-то похожее я всегда ощущаю в Переделкине. (...)»

«Снова вспомнились слова моего недавнего собеседника о “хозяевах” и “временищиках”. Подумалось, что, по самому большому счёту, все мы на этой земле – “временищики”, ибо когда-то умрём. Да, жизнь человека имеет начало и конец, если не думать о вечном предназначении души человеческой, если забыть о Том, Чьё Имя славят колокола Далматовского монастыря, издавна известного своими подвижниками и молитвенниками. Они учат нас не быть “временищиками”, строить свою земную жизнь по образу и подобию Его, исповедают хозяйское отношение к окружающему миру как творенью Божьему.

Именно так относились к природе и к миру люди в прошлые столетия. Скажем, те же герои моего исторического романа о русских переселенцах, ждущие моего возвращения к ним. Это отношение и помогло им сделать нашу страну великой Державой, совершить бессмертные открытия. Таким бережным отношением к земле славились и наши более близкие предки – русские крестьяне, кормившие хлебом не только родную страну, но и всю Европу... (...)»

Правда – завет литературы невыдуманной, документальной. Но дело не только в правдивом изображении случая, героя, проблемы. Дело ещё и в том, насколько сильно, весомо, ярко, энергично, философски, необычно подан этот невыдуманный материал. И здесь надо быть художником. Именно художник пишет огромный холст, портрет действительности своими самыми самоцветными, драгоценными, оригинальными красками.

* * *

Александр Кердан – один из масштабных мастеров сегодняшней литературной России. Его жизнь, его работа – достояние Родины. Много сделано им, но ещё больше ему откроется; важно идти по пути, глядеть вдаль, видеть цель, радоваться неповторимым впечатлениям единственного земного бытия.

И знать, помнить, что над головою – великое, ясное, Божие небо. Бесконечность. Беспредельный простор.

*Не бойся, голубь, я тебя не трону,
И ты меня, пожалуйста, не тронь...
У Господа на трепетной ладони
Мы все дрожим, как трепетный огонь,
Пред Вечностью и человек, и птица –
Случайные мгновенья бытия...
Не знаешь ты, не ведаю и я,
Когда тебе и мне уйти случится.
Но верую: душа моя, крылата,
Как пёрышко единое легка,
В свой час вспорхнёт и полетит куда-то –
За облака, дружок, за облака...*

Берега прочтения

Вера Сытник

Вера Сытник – журналист, писатель, член Международной гильдии писателей. Автор нескольких книг рассказов и романов. Пропагандирует отечественную литературу в Китае, сотрудничает с журналом «Русское искусство и литература». Лауреат многочисленных конкурсов и премий. Живёт в г. Янтай в Китае.

ПЕРЕКЛИЧКА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ

О творчестве Натальи Советной

Мне посчастливилось несколькими годами ранее лично познакомиться с Натальей Советной на Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» в 2019 году (проходившем в Пятигорске) и прочитать её книгу «Угадывай любящим сердцем», победившую в номинации «Публицистика». Было удовольствием писать рецензию на книгу, как сейчас – радостно встретиться с ещё одним творением замечательной писательницы. Новая книга называется «Кремень» и включает в себя роман и две повести.

Разные, на первый взгляд, произведения объединены общей устремлённостью к доброте и духовности, к свету и любви, к прощению и милосердию. Перечисленные мотивы характерны для творчества Натальи Советной, которая в своих произведениях выступает как проповедник православного христианства. Каждое слово проникнуто верой в Иисуса Христа, в Его милость и власть над всеми живущими на Земле. Писательница говорит с читателями искренне и прямо, доверяя их чувствам и разуму. Такая позиция обусловлена бесконечным дружелюбием, позитивным мировоззрением и оптимизмом автора. О чём бы Наталья Советная ни писала, всё является проекцией её отношения к жизни, центр которого – духовность. Наталью Советную интересует история и современность, которые на протяжении всей книги ведут переключку, сливаясь в повествовательный поток.

Роман «Узлы»

По жанру новое произведение Натальи Советной следует отнести к художественно-документальному, ибо в нём наряду с художественным осмыслением реальности (посредством метафор, эпитетов, собирательных образов и прочих средств выразительности) существует публицистический взгляд на ту же самую реальность. И это не удивительно: Наталья Советная известна в литературных кругах как замечательный публицист. Было бы странно, если бы писательница не использовала свой талант в произведении, посвящённом животрепещущим темам, таким как война, культурное и политическое противостояние Запада и Востока, укрепление исторической правды, осмысление трагического прошлого Беларуси и России, их настоящего и будущего.

Как и в случае с книгой «Угадывай любящим сердцем», поражает умение автора ухватить социальную проблему, развить, описать её и вынести краткий вердикт, над которым читатель непременно задумается, пытаясь осознать глубину обозначенной темы. Так, один из героев романа Николай Олеевский в разговоре с племянником точно определяет цели НАТО, направленные на уничтожение России, тем самым подчёркивая сложности в отношениях двух стран. Публицистические вкрапления (история Вали, тёти Марины Степановны; Валю в молодости немцы угнали в Германию, в сорок пятом она оказалась в американской зоне); исторические моменты (рассказ о поляке Юзефе Пилсудском, раньше Гитлера организовавшем в 1919 году лагерь смерти); опоэтизированные картины природы («Огромный лунный шар выкатился на небо и горел фосфорическим светом в окружении бледного

туманного сияния. Ослепительные звёзды таинственно, завораживающе ритмично мерцали...»), отступления в духовную область (притча о милосердии, разговор с американскими родственниками о покаянии), сдержанное авторское повествование – всё это делает произведение глубоким по содержанию и богатым по эмоциональному напряжению.

Композиционно текст построен так, что события настоящего времени чередуются с событиями, произошедшими несколько десятилетий назад. Это позволяет достичь максимум эффекта от столкновения сюжетных линий, ибо там, где столкновение, там накал и сила, там обострение проблемы и всестороннее раскрытие образов. Наталья Советная с первых строк запускает механизм непрерывного разговора с прошлым, когда крик из него отдаётся эхом в душах героев романа. И они отвечают. Рассказывают о проблемах, мечтах. Задумываются о причинно-следственных связях, стараясь понять, почему произошло именно так, а не иначе.

К примеру, в разговоре Александра Николаевича с чеченским старцем был упомянут Шамиль, чеченский и дагестанский имам. Старик вспомнил о нём как о доказательстве искренней любви к России. И тотчас следом идёт монолог Александра Николаевича о любви к своей Родине. Порой случается наоборот: факт из теперешней жизни вызывает ответное эхо из прошлого. Марина Степановна натывается в лесу на мемориальную доску, свидетельствующую о том, что в годы войны на этом месте была сожжена немцами белорусская деревня. Это вызывает бурю эмоций в душе героини. Затем следуют размышления о преступности войн. Переключка прошлого с настоящим длится на протяжении всего романа, давая понять, насколько глубоко мы связаны с историей.

Название романа имеет смысловую многослойность, которую ощущаешь сразу же, как только прочитаешь слово «Узлы». Тотчас в голове возникают ассоциации: завязать или развязать узел – для того и другого требуются определённая сноровка и сила. Кроме того, узлы могут служить спасением, соединившим концы какого-нибудь дела, или преградой, которую необходимо преодолеть, чтобы двигаться дальше. Дать свободу или отобрать её – этим обусловлена семантика заглавия. Так что же перед нами – удавка или то, за что можно ухватиться, чтобы не упасть с высоты в пропасть? Как оказалось, в романе присутствуют оба этих смысла. Они логически вытекают из композиционного замысла, основанного на противоречивости жизни. Умело соединённые две стороны понятия «узлы» являют собой сложную картину существования российско-белорусского общества на стыке двух тысячелетий.

Судьба то и дело подбрасывает героям события, условно говоря, «узлы», которые приходится распутывать в буквальном и переносном смысле, как это было, когда Александр Николаевич вместе с племянником Артёмом был схвачен бандитами и повешен вверх ногами на сосне. Пришлось зубами развязывать бечёвку и разматывать ситуацию с помощью сотрудников белорусского посольства. Или же, напротив, судьба заставляет героя вязать невидимые узлы, связывая прошлое с настоящим, чтобы реанимировать историю родной страны. Пример тому – горячий спор Александра Николаевича с Юлией, женой сына Вани. В споре Александр Николаевич пытается убедить невестку, что без прошлого нет будущего, что нельзя поддаваться сиюминутным призывам в пользу кандидата в президенты Тихановской.

В произведении всё идёт рядом: вражеские узлы, призванные парализовать жизнь героев романа, а заодно и жизнь их Отечества, и узлы-помощники, притягивающие друг к другу концы позитивных моментов. На мой взгляд, характер главного персонажа Александра Николаевича Светенко, имеющего жену, двух сыновей, внучку, – это тоже своеобразный узел нравственно-психологических нюансов, воспоминаний о прошлом, представлений о счастье и будущем страны. Узел, скреплённый верой. Такой не под силу развязать врагам Беларуси, гражданином которой является Светенко.

Александр Николаевич, выходец из казацкого рода, в настоящее время работник ремонтно-строительной бригады, показан человеком, который в полной мере ощутил на себе последствия развала Советского Союза. С ним читатель знакомится в первой главе с говорящим названием «Трещины». Оно не случайно, такое название. Наталья Советная исподволь, ненавязчиво напоминает о том, как некогда крепкое советское общество пошло «трещинами», что привело к развалу могучей державы. А также о том, как «трещины» пробежали по судьбам людей, исковеркав тысячи жизней.

Социальный разлом прошёл и по родным Александра Николаевича, когда он, чтобы прокормить семью, был вынужден в девяностые годы гонять легковые автомашины из Германии и Польши в Беларусь – на продажу. В каких только передрыгах не побывал наш герой! Попадал в руки дорожных разбойников-рэкетиров, несколько раз был обманут, безуспешно пробовал себя в торговом бизнесе,

потерял два дома, инфляция съела сбережения, наконец, выстроил третий дом, в котором и живёт с женой Мариной Степановной.

Услышав по новостям, что «...в Эфиопии после землетрясения произошёл тектонический разлом плато, образовалась трещина во впадине Афар длиной в шестьдесят километров (специалисты по литосфере заявили: полуостров Сомали медленно отделяется от Африканского континента – неизбежно возникнет новое море, а там уж недалеко до нового океана. Грозные предупреждения природы!)», Александр Николаевич надолго задумывается о тех невидимых «трещинах», которые изменили мир до неузнаваемости. И с грустью приходит к выводу, что теперь это мир, где есть место сатанистам – духовным змеям, иначе говоря.

Вторая глава так и называется – «Змеи» и рассказывает о поездке Александра Николаевича и его супруги Марины Степановны в Америку, к тётке Марины Степановны, пережившей в своё время концлагерь. Валентина побоялась после войны вернуться в Россию, где, как она слышала от американцев, бывших пленных отправляют в ГУЛАГ, поэтому осталась в американской зоне и вышла замуж за поляка. Самое впечатляющее место главы – там, где описывается, как Александр Николаевич во время похода за грибами наткнулся на сатанинское капище. Увидел остатки ритуального действия и долго не мог прийти в себя, поражённый реальностью картины. Жене и американским родственникам пришлось приводить его в чувство брызгами воды. Этот эпизод имеет ключевое значение для понимания авторского замысла, в котором Наталья Советная главное место уделила духовному началу в человеке.

Тема духовности, как и тема войны проходят сквозь ткань романа от его начала и до конца, словно говоря о том, что только после духовного очищения возможен мир на нашей планете, что победить войну можно только внутренней силой, когда вперёд выступают не танки, а состояние души, духа. Размышляя о природе войн, вспоминая первую чеченскую, Наталья Советная устами своих героев утверждает, что перед Богом все равны, что во всех нас одна кровь – «человеческая», тем самым подчёркивая единство и миролюбие народов.

Всё, о чём пишет писательница, она воспринимает через призму духовности. Тому подтверждение – и молитвы матери Марины Степановны – Клавдии Тимофеевны, которая по кончине мужа-пьяницы до конца своих дней вымаливала у Бога прощения для него; и беспрестанные молитвы самой Марины Степановны, которая привиделась Александру Николаевичу, когда тот умирал, подвешенный вверх ногами. В бреду увидел Александр Николаевич жену: будто читает она девяностый псалом: «Живый в помощи Вышняго...», после чего бечёвки-то и развязались.

Присутствие Божие усиливается образом восьмидесятилетней матушки инокини Александры, живущей в Морозовке под Петербургом. О ней Наталья Советная с большой любовью пишет в главе «Воронка», имея в виду, что героев романа жизнь закрутила, как крутит щепки речная воронка. Читатель вновь в раздумьях. Автор уверенно и твёрдо расставляет в тексте вехи – названия глав, в которых заложены смыслы более глубокие, чем просто намёк на их содержание. «Воронка» отсылает нас к чему-то тревожному, вызывая в душе смутное беспокойство. Писательница ненавязчиво апеллирует к сердцу читателя, побуждая сострадать героям романа, сопереживать им и радоваться их радостям. Мы взволнованно следим за тем, как Александр Николаевич, его жена и больной сын Ваня едут за молитвами об исцелении к инокине Александре. Внимательно слушаем, как матушка рассказывает о мироточивости икон и предупреждает: необходимо знать имена предков до седьмого колена. Ведь многие наши проблемы уходят корнями именно к ним! Поэтому надо молиться о них, тогда и нам грехи простятся. Позже мы узнаём, что по молитвам Ваня исцелился. Ему была сделана операция, и болезнь отступила.

Не обошла вниманием Наталья Советная и любимый ею образ дороги, который встречается и в книге «Угадывай любящим сердцем». Здесь эта тема решается с помощью героя произведения Николая Степановича Олеевского (Миколки), брата Марины Степановны, с которым мы знакомимся в главе «Крапивник». Поезд везёт Олеевского из Москвы в Беларусь, на очередную встречу с отцом, который узнал о существовании сына, когда тому было лет девятнадцать. Всю долгую дорогу Олеевский предаётся воспоминаниям о послевоенном детстве, о матери, о директоре школы Егоре Ивановиче Кудрине, оказавшемся его папой.

Сложные судьбы рисует Наталья Советная, соединяя в одном художественном пространстве (поезде) прошлое и настоящее. Безотцовщина Миколки, о котором все говорят, что он «крапивник», ибо принесён не аистом, его отыскивали в крапиве; бывший фронтовик Кудрин, которого

разыскала якобы погибшая жена и которую он принимает, прощая, вместе с её дочерью, родившейся в его отсутствие; старушка-попутчица, знавшая о партизанском прошлом Кудрина, – всё переплелось на страницах романа, всё нацелено на то, чтобы высветить во мраке прошлого зачатки сегодняшнего дня.

Драматичные картины Наталья Советная уравнивает восхитительными пейзажными вставками, которые, как драгоценные стразы, рассыпаны по всему повествовательному полю. Одна из таких «страз» встречается в разговоре Олеевского с попутчиком, белорусским режиссёром, взволнованно рассказывающим о минуте вдохновения: «Вдруг увидел, как спелые сочные грозди звёзд свисают с небес, словно с отяжелевших лоз, они склоняются ко мне, окунаются в озеро, вода которого и не вода вовсе, а всё то же, таинственное, бездонное небо. И нет грани между ним и землёй...»

Пейзаж у Натальи Советной несёт в себе не просто эмоциональную ноту, а предваряет или завершает событие, усиливая эффект воздействия на читателя. Это ярко показано в последней главе романа: «Зловещая, необыкновенно плотная, от самого горизонта – на полнеба, не туча, а огромная сливовая волна надвигалась на город с запада». Следом за тревожной картиной вечернего небосвода следует описание драматических событий, обрушившихся на Беларусь в 2020 году. Будто волна от цунами накрыла страну! Политические выступления против существующего режима с подачи западных сил взбудоражили столицу.

Как опытный публицист, писательница высвечивает социальную проблему: общество раскололось на тех, кто поддерживает существующую власть, и тех, кто хотел бы свергнуть её. Среди последних – Юлия, жена Вани, сына Александра Николаевича. Молодая женщина готова проводить дни и ночи на площади города, где идёт отчаянное противостояние власти и протестующих. Для Натальи Советной она – олицетворение одурманенной вражеской пропагандой молодёжи, получающей с Запада искажённую информацию о родной стране, молодёжи, не знающей истории, доверчивой к сладкоречию европейских моралистов, призывающих к сексуальной, нравственной и политической свободе. Трагичность описываемых событий подчёркивает название главы – «Рога йейла».

Это название уводит нас в древнеримскую мифологию, напоминая, что йейл – создание, похожее на оленя, с потрясающей суперсилой. Его рога, которые являются устрашающим оружием, могут повернуться в любую сторону, чтобы неожиданно напасть на врага. В западном мире является символом сатанизма. С рогами йейла сравнивает писательница беду, идущую на Беларусь со стороны Запада. Кажется, нет от неё спасения. Однако Наталья Советная, со свойственным ей оптимизмом, чётко показывает, что спасение есть. Оно – в людях. Таких, как её брат, продолжающий службу на благо Отечества; как Юра, вытащивший из полыньи друга; как Александр Николаевич, рвущий душу и жилы ради семьи; как Марина Степановна, во всём поддерживающая мужа; как их старший сын Ваня, хлебнувший горя во время болезни и знающий цену жизни; как их младший сын Вася, проходящий срочную службу и уже понимающий разницу между гнилым Западом и Отечеством.

Все эти люди, как и многие другие, составляют костяк общества и имеют силы, чтобы громко, во всеуслышание заявить: «Не отдадим Победу, завоёванную нашими дедами!» На этом роман заканчивается, вселяя в читателей уверенность в завтрашнем дне, ибо мы уже знакомы с его героями и видим, что такие люди слов на ветер не бросают.

Повесть «Дотянуть до весны»

И снова писательница рисует образ дороги. Внучка героини повести Наташа приехала из Москвы к бабушке Наталье Арсеньевне, чтобы найти бабушкины родовые места: Давыдёнки, Маслицы и погост. Бабушке более ста лет. Она хоть и слаба ногами и телом, но в ясной памяти, поэтому безошибочно указывает дорогу. Внучка и бабушка едут на машине по белорусской земле, разговаривая, вспоминая прошлое. Вокруг расстилаются заснеженные поляны, стеной встают леса, мелькают перелески, овраги, замёрзшие речушки, озёрца – родная Беларусь! Страна, которой выпало испытать все ужасы Второй мировой войны. Страна, где каждый клочок земли усеян костями погибших и осколками от снарядов. Именно об этом идёт речь в повести. Писательница продолжает осмысливать историю, ибо понимает: отмахнуться от неё нельзя. О ней должна знать современная молодёжь. В противном случае может произойти повторение чудовищной трагедии. В этом настоятельном желании Натальи Советной достучаться до людей, не дать им забыть о войне – основа её

гражданской позиции, которая предполагает социальную смелость и умение говорить об истории. Говорить языком фактов и образов.

И, как и в романе «Узлы», в повести происходит переключка времён. Только что мы видели порошенную снегом дорогу, только что перед нами была современная Беларусь, и вот – картина меняется и переносит нас в тридцать пятый год прошлого столетия, в деревенскую избу, где прощаются с уснувшей навеки матерью Наташи, тогда пятнадцатилетней девочки. Путь лежит неблизкий, поэтому вспомнилось Наталье Арсеньевне многое. Судьба её непроста. Вся жизнь, начиная с 1930 года, когда отец Натальи Арсеньевны бежал от раскулачивания, промелькнула перед глазами, пока машина петляла между деревьями. Обо всём хочется рассказать внучке, чтобы знала. Ведь больше никто не расскажет! Немногие встретили начало третьего тысячелетия, а ей вот Бог дал. Поэтому надо рассказывать: как пережила немецкую оккупацию, как видела расстрелы односельчан. Помнит, как вешали детей и сжигали деревни – такое не забывается. Такое прорастает в памяти и выходит наружу со слезами.

Наталья Советная соединяет в повести мир и войну, любовь и ненависть, дружбу и предательство, уточняя, что полицаи были зачастую более жестокими, чем немцы. Но любовь всё покрывает. В главе «Килька» писательница даёт почувствовать, насколько трогательной и беззаветной бывает любовь. Обычное человеческое чувство возвышает героев, в лихую годину придаёт им силы и терпение. Наталья Советная незримо входит в дом каждого героя, чтобы понять характеры своих персонажей. Она становится свидетельницей самых важных событий в их судьбах.

Автор засматривается на юную Наташу, сельского землеустроителя. Девушка квартировала перед войной у Прасковьи Макаровны, чей брат однажды принёс к обеду солёную кильку. Наташу позвали к столу. Так произошло знакомство с будущим мужем Трофимом, вместе с которым предстояло пережить оккупацию. Наталья Советная тонко передаёт атмосферу ласковости и нежности, царившей между супругами. Словно подчёркивает: такие отношения – редкость, дарованная Богом. «Трофим залюбовался женой. Тонкая, как вербочка, в лёгком платице с голубыми цветочками – сама сшила к свадьбе. Щёчки порозовели от ходьбы, солнышко их загаром прихватило. Губы вишенками налились... Волна щемящего тепла, смешанного с радостной гордостью, подкатила к горлу, и неожиданно защипало глаза». На эту любовь обрушилась война.

Писательница прочувствованно, как будто сама пережила то время, день за днём, событие за событием разворачивает повествование о первых часах войны и её продолжении. Вот объявили, что немцы нарушили границу: «Деревня шумела, словно улей с обезумевшими пчёлами, потревоженными прожорливыми шершнями. Новость... всколыхнула и в одно мгновение перевернула жизнь, расколов вдребезги мечты, планы, семьи». Вот началась мобилизация, а затем эвакуация людей, техники, архивов. Сначала думали, что война ненадолго, но готовились к худшему. Через две недели на Белоруссию посыпались бомбы. Огонь разрывал землю, уничтожал дома, жителей. Герои повести подались в партизаны. В главе «Беженцы» Наталья Советная с неподдельной болью за предков рассказывает, как спаслась Наташа с детьми от того, чтобы не быть угнанными в Германию. Как они бежали от немцев, как прятались по сараям и лесам, как спрятали Трофима, укрыв в куче тряпья...

Писательнице удалось в небольшой повести дать хронологический обзор жизни людей во время оккупации, а также показать психологический портрет деревенских жителей того времени, в котором отразились их страхи и надежды на победу. Портрет красив такими чертами, как простота и задушевность, мужественность и бесстрашие, патриотичность и любовь к ближнему. Осенью сорок четвёртого родная деревня Езерище была освобождена от фашистов советскими войсками. Наташа с детьми вернулась домой. Ей пришлось пережить тиф, потерю маленьких дочерей, скончавшихся от болезни, тяжкие месяцы ожидания встречи с раненым на фронте мужем. При этом она сохранила в себе доброту и любовь к ближним, когда принимала в своём доме сирот, делилась с ними последним куском хлеба.

Путешествие Наташи и Натальи Арсеньевны привело их к цели – на погост в Маслице, где покоились родители Натальи Арсеньевны. Душа старой женщины успокоилась. Домой возвращались с лёгким сердцем. Этой историей автор повести подчёркивает, насколько важна духовная связь с прошлым, осуществить которую без любви невозможно. Подчёркивает, насколько важно в любые годы верить в будущее и иметь надежду на продолжение жизни, как это делает Наталья Арсеньевна. Старая женщина вынесла из голодного детства трогательную любовь к яблокам, которые изредка приносил

отец, работавший перед войной у немца. Приносил, угощал, радовался, глядя на дочку, жующую редкий фрукт.

На обратном пути Наталья Арсеньевна проникновенно говорит внучке: «Теперь бы до весны дотянуть... Я по осени восемь яблонек высадила и три груши. Надо же глянуть, как листочки выпустят – ко дню Победы!»

С надеждой на будущую весну Наталья Советная завершает рассказ о своей героине.

Повесть «Кремень»

Произведение «Кремень» заканчивает переключку времён, начатую в романе «Узлы» и продолженную в повести «Дотянуть до весны», и останавливается на сегодняшнем дне. Перед нами разворачивается полотно, на котором умелой рукой мастера выбиты слова, очерчены образы людей и природы. Всё это складывается в продолжительное и увлекательное повествование, где основное место занимают описание судеб главных героев Павла Ефремовича, его жены Ефросиньи Ивановны, их сына Ивана, а также описание главных для Беларуси и России современных событий, связанных с Украиной. Эта повесть – исключительно о современном, с вкраплением в неё воспоминаний о военном прошлом.

Здесь настоящее (в качестве обусловленной объективности) вырастает из прошлого, как из семечка вырастает плод. Центральный персонаж, «Иван Павлович Хитько, заслуженный человек, доцент, известный художник-дизайнер...», служит связующим звеном между сороковыми годами прошлого века и первой четвертью двадцать первого века. Замысел писательницы – отобразить связь истории с настоящим и закономерность теперешних украинских событий – удался. Наталье Советной удалось под силу охватить огромный кусок времени, начиная с июня сорок первого года и заканчивая нашими днями. Не только охватить взглядом, но и осмыслить судьбы людей, втянутых в исторические процессы, которые изменили ход всеобщей истории, а не только России, Беларуси, Украины.

Наталья Советная делает акцент на основных событиях конца первой четверти двадцать первого века – мировой пандемии и Специальной военной операции, проводимой Россией на Украине. Прошло слишком мало времени, чтобы, отстранившись от этих событий, дать им анализ. Ведь, как правило, для понимания некоторых исторических фактов требуется временная и физическая удалённость от них, чтобы не пропустить ни малейшей детали. Однако Наталья Советная в данном случае действует как профессиональный журналист, ведущий репортаж из горячей точки. Такой точкой является сейчас и Россия, на которую нацелен блок НАТО, и Беларусь, где западные силы раскачивают ситуацию; и Украина, ставшая, по сути, плацдармом для военных действий между Россией и Америкой. Столь пристальное внимание Натальи Советной к людям, судьбы которых затронули упомянутые события, есть пример равнодушия писательницы и широты её души, могущей обнять мир. Наталья Советная ведёт свой художественный репортаж, показывая жителей России, Беларуси и Украины, втянутых в трагические события, а если не втянутых физически, то сопереживающих им и оказывающих всяческую поддержку.

Писательница в очередной раз выступает как профессионал-публицист и мастер художественного слова. В тексте две эти ипостаси соединяются столь тесно, что разделить их и сказать, где публицистика, а где вымысел, невозможно. Наталья Советная умеет так преподнести публицистику, что она воспринимается как художественный вымысел, и так показать вымысел, что он осознаётся как образец общественно-политического манифеста. Злободневность тем, поднимаемых Натальей Советной, говорит о внимании писательницы к тому, чем сегодня живут три страны, некогда бывшие единым целым: Россия, Беларусь, Украина.

Прочитав повесть, понимаешь, насколько трудно говорить о событиях в момент событий. Это весьма важно для понимания текущей обстановки и её перспектив. Когда мысли сконцентрированы и положены на бумагу, есть вероятность того, что они будут услышаны. Возможно, кто-то не согласится с писательницей в художественной оценке общественной ситуации, но главное сделано: проблема выхвачена и освещена светом духовной мудрости Натальи Советной. На мой взгляд, самое ценное в её творчестве – это то, что Наталья ко всему применяет одну меру – духовность, что делает её произведения достойными уважения и любви читателей.

Алла Ермилова

Научный сотрудник Феодосийского музея А. С. Грина.

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

«По улицам Петербурга шли запасные. Первые плакаты с карикатурными изображениями Вильгельма Второго расклеивали на домах и заборах. С Варшавского вокзала ежедневно отправлялись воинские эшелоны. Грин ожидал повестки, и она пришла. <...>

...Там он отыскал комнату, в которой переосвидетельствовали калек и больных. Грин разделся. Над ним принялись смеяться:

- Освободят! На такие ходули рейтуз не сядешь!*
- На войну идти не хочется, друг милый?*
- Пойду куда угодно, только я хочу с умом, с толком, а не так, куда старший писарь пожелает. <...>*
- Чего же вы хотите? – мягко спросил председатель комиссии.*
- Порядка и разума, – ответил Грин. – Я русский человек. Я люблю мою родную землю. Прошу отправить меня на фронт. Стрелять умею».*

Приведённой истории с Александром Грином в действительности не было: мы процитировали романтическую повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью». Но быть участником боевых действий писателю довелось – его призвали в 1919 году, когда ему было почти сорок, и некоторое время он служил в роте связи. Крепким здоровьем Грин действительно отнюдь не отличался, спустя полгода службу прервала тяжёлая болезнь, которая едва не закончилась самым печальным образом. Случись это, мир никогда не узнал бы «Алых парусов». Возможно, именно они и спасли писателя – рукопись феерии лежала в его вещмешке, «согревая душу, словно паутинкой неразорвавшейся связи со светлым миром мечты»!

Стрелять в людей ему, скорее всего, не пришлось. Всякое насилие и жестокость Александр Степанович ненавидел и всегда горячо протестовал против них, о чём свидетельствуют как его современники, так и произведения. И всё же Грин, нарисованный Борисовым, представляется вполне достоверным. Жестокости и насилию – твёрдое нет, когда они бессмысленны, когда их можно избежать. Но если для защиты правого дела не остаётся другого выбора – романтик первым бросится в бой.

Мастерство стрелка Грин освоил ещё в двенадцатилетнем возрасте. Но главным оружием, которым на момент начала военных действий в Европе он уже владел в совершенстве, было – перо. Это грозное оружие, лишь только в воздухе запахло дымом войны, он немедленно пускает в ход.

В отличие от многих своих товарищей по цеху, Грин останется в России. Думается – вполне осознанно: будучи лёгким на подъём, вполне мог это осуществить. Но не сделал. Более того, находясь в Финляндии зимой 1917 года (был выслан из Петербурга за непочтительное высказывание о царской фамилии) и узнав о начале Февральской революции, пешком отправляется в Петроград, желая быть в гуще событий. «Бытующий в нашей литературе взгляд, что Грин писал о жизни некоей выдуманной им страны, даже названной любителями территориальной точности – “Гринландией”, – взгляд этот в корне неверен, – пишет в своих воспоминаниях вторая жена писателя Нина Грин. – Люди Грина, мысли, дела, пейзажи волнуют старых его читателей и молодых. Может ли волновать живых людей выдумка, не связанная с источниками живой жизни? Такая выдумка может быть очень красива, но всегда будет холодна. Живым источником жизни была для Грина страна, где он родился, вырос, прошёл трудную, часто горькую жизнь, захотел стать писателем, стал им и умер, радуясь, что им был. И эта страна – Россия. Других стран он не знал и не видел». Подтверждает мысли Нины Николаевны и писатель Николай Вержбицкий, приводя следующие слова близкого друга Грина Александра Куприна: «Грин... уводит нас в какие-то несуществующие страны и знакомит с людьми неизвестной

национальности, но всё шито белыми нитками. Маскарад придуман для того, чтобы свободнее разговаривать».

С началом Первой мировой войны – будучи уже устоявшимся «романтиком» – писатель создаёт ряд реалистических рассказов на военную тему. Кроме того, в печати появляются яркие, страстные стихи патриотического характера за его авторством. Заметим, что сегодня Грин, известный как автор романтических романов, повестей и рассказов, практически незнаком широкому читателю своими стихотворными произведениями. Между тем он является автором немалого количества стихов и нескольких поэм – не менее интересных, не уступающих оригинальностью и глубиной содержания его широко известной прозе. Тематика и жанры – самые разные: от тончайшей любовной лирики до едкой политической сатиры. Особо выделяются стихи на военную и патриотическую темы. Как и всё, что создал писатель, – они очень необычны. Философское осмысление темы – главное, что объединяет их между собой, равно как и со всем остальным его творчеством.

Ещё в 1910 году свет увидело стихотворение «Заря», где говорится о некоем грозном «багряном рыцаре с мечом разящим», который «едет из-за гор». Истолковать определенно символизм картины, нарисованной здесь Грином, довольно трудно. Можно предположить, что зловещий всадник, который приближается, «плаща изгибом чёрным заметая белый день», – это та извечная угроза, символический образ потенциального Зла, существование и неотвратимое близкое проявление которого ощущал писатель-провидец. Это – о том, что является настоящей, глубинной причиной войны.

Небольшой цикл стихов «Военный узор» выходит в 1914 году. Он представляет собой ряд лаконичных зарисовок из военной жизни. Обладая поэтичностью того свойства, которой отличаются лучшие образцы «ратной» поэмы, эта более чем скромная по объёму стихотворная композиция действительно складывается в гармоничный, живописный «узор» и удивительным образом вмещает в себя содержание целой военной эпопеи: от «выхода стройных полков» до яркой картины «пламенного боя».

Ещё один стихотворный цикл объединён автором под названием «Своего рода анкета». В нём война показана глазами... зверей и птиц! Невинных Божьих созданий, которым выпало стать свидетелями страшных и странных, с их точки зрения, событий – противоестественных природе, таких, которых никак не должно быть. Грин, как всегда, нашёл удивительный психологический ход, неожиданный ракурс: посмотреть на феномен войны с точки зрения братьев наших меньших. Это позволило необыкновенно чётко показать предмет: мы видим всю уродливую сущность войны куда яснее, чем нашими собственными глазами.

Отдельные стихотворения Грина затрагивают разные аспекты войны: тему героизма, потери близких, среди них есть сатирические и прямо философские. И даже... немного волшебные. Таково стихотворение «Отставший взвод», герои которого, разыскивая путь, наблюдают чудесные явления, которые и помогают им остаться в живых. В стихе «Брат и сестра» поэт тонко показывает чувства тех, кто потерял близких. Удивительна его так называемая «Гидальго-поэма» – о благородных, хотя и немного наивных воинах, которые «как сердце человека в миллионах и веках», – и которых, как он, вероятно, заметил, немало среди русских людей.

Особо хочется отметить стихотворение «Король на войне», в основу которого положена история легендарного сербского короля Петра I, ходившего, будучи уже семидесятилетним стариком, вместе со своими простыми солдатами-крестьянами в штыковую атаку против австрийских агрессоров в известной «Колубарской битве» 1914 года. Произведение датировано следующим, 1915 годом – значит, написано под впечатлением живых событий. Грина всегда глубоко трогало любое проявление благородства в реальном мире – которое, кто бы что ни говорил, всегда в нём было. В 2017 году Иван Пайович из Белграда перевёл стихотворение на сербский язык.

Любопытна и неожиданна гриновская стихотворная сатира – о том, как военные условия выявляют суть натуры человека. Наиболее яркая в этом ряду – басня «Эстет и щи». Весьма забавны и остроумны, при этом злободневны до настоящего времени стихи о беседе с «немцем – патриотом очень ярым» («О чём пела ласточка») и покаянное «Письмо литератора Харитонов» – о тех, кто «сделал из искусства колючей проволоки ряд».

Самыми проникновенными, глубоко потрясающими произведениями Александра Грина на тему войны и мира представляются страстный, но оптимистичный «Реквием», а также философский «Спор» двух мудрецов о сути войны. В последнем один из полемистов, наблюдая поле смерти, приходит к выводу, что «человечеству потребны палки, а не любовь»... Второй мудрец, увидев умирающего, жестоко израненного воина, произносит лишь: «Отныне с нами он, / И в облаках пребудет, улыбаясь»...

Валерий Громак

Валерий Иванович Громак – родился в 1952 году на Украине. Срочную служил в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооружённых силах СССР и России прослужил 38 лет. Из них 14 лет – в Заполярье. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и ряда других. Автор книг: «Морская пехота Балтики. Слава и память», «Дороги памяти», «Курс норд-вест», «Ему салютовала Москва». Живёт в Калининграде.

О СБОРНИКЕ «АНТОЛОГИЯ СТОЯНИЯ ДОНБАССА»

Девятый год истекает кровью Донбасс. От рук бандеровских националистов, украинских нацистов и иностранных наёмников гибнут люди, которые не захотели больше с Украиной падать в социальную и экономическую яму, разрушаются некогда цветущие города и сёла. Война в Донбассе, длящаяся дольше, чем Великая Отечественная, вызвала мощный подъём у писателей и поэтов, противостоящих разрушению, и твёрдо верящих в победу над силами зла и тьмы.

К сожалению, сегодня этим писателям, поэтам и публицистам сложно пробиться на отечественный книжный рынок. Большинство книжных изданий России в погоне за прибылью печатают всякого рода «бестселлеры», мало задумываясь о воспитании патриотизма и показе истинных целей нынешнего противостояния на территории Украины. Подобное мнение я слышал от многих писателей и поэтов. Испытал это и на себе. В первый месяц военной операции подготовил рукопись «Украина: НАТО и культ палачей» и предложил её одному московскому изданию. Увы, издательство не удосужилось даже ответить и продолжает печатать книги иностранных авторов. Другое издательство ответило, что это не их тематика.

Но не перевелись ещё в России люди, которые во главу угла ставят не свои шкурные интересы, а интересы Родины и работу на патриотическое воспитание молодёжи.

Лидию Владимировну Довыденко, главного редактора литературно-художественного журнала «Берега», знают не только в Калининградской области, но и во всей читающей России. Она – автор 27 художественных и историко-публицистических книг, кандидат философских наук. Начиная с 2014 года в журнале под рубрикой «Берега Новороссии» публикуются произведения поэтов, писателей, публицистов Донбасса. Большинство из них вошли в сборник «Антология стояния Донбасса», автором идеи и составителем которого стала главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко.

«В сборник вошли произведения членов Союза писателей России и писателей Донбасса, созданные за последние восемь лет, включённые в рубрику “Берега Новороссии” литературного журнала “Берега”, – делится с читателями своим замыслом в предисловии к книге Лидия Владимировна. – “Антология стояния Донбасса” – феномен русской культуры первой четверти XXI века, так как это произведения на кровоточащую тему, раскрывающие правду борьбы за справедливость, энергию русского духа, величие и гармонию русской души».

Широкомасштабная презентация книги в конце января 2023 года состоялась в Семёновском полку, на которой присутствовали 600 солдат и офицеров. Позже Лидия Довыденко презентовала сборник для моряков Балтийской военно-морской базы и жителей самого западного города России. В офисе регионального отделения партии «Справедливая Россия – За правду» в Калининградской области Лидия Довыденко представила сборник молодёжи партии.

Объёмный труд (320 страниц) с фотографиями Лидии Довыденко и Алексея Полуботы издан в ИД «Академия Жуковского».

Раздел «Проза» открывает председатель Союза писателей России Николай Иванов героическим эпосом под названием «Саур-Могила. Песнь». Здесь же помещён рассказ Лидии Довыденко «Август 2022-го». В системе образов русскому Рэмбо – Леониду Тимофееву, 59-летнему ветерану войны в Донбассе – противопоставлен его антагонист полковник Суковатый по кличке «Скунс», берущий на войне всё для себя, как и укрофашисты. Конфликт приобрёл особо острый, непримиримый характер, повествование перемещается то в Калининград, то в Луганск, то в места ожесточённых военных действий.

Философский рассказ Виталия Даренского «Счастливые дни» – это пропущенные сквозь душу и сердце повествователя события войны в Донбассе. Герой рассказа Елены Дубровиной «Батюшка из Луганска», потеряв дом и имущество, обрёл себя в новой жизни в России, но постоянно жил воспоминаниями о войне, окормляя, утешая своих прихожан и молясь за них. Член Союза писателей России, кандидат филологических наук Галина Чудинова в повествовании «День пенсии» сфокусировала один день из жизни Натальи Павловны, проработавшей многие годы мастером по укладке асфальта в Луганске. Казалось бы, день получения более чем скудной пенсии радостен для пожилой женщины вниманием и заботой двух её невесток, но в памяти постоянно всплывают все ужасы лета 2014 года. Героиня рассказа выживает в надежде на мир и лучшую жизнь.

Галина Чудинова опубликовала детальную и подробную рецензию «Антологии стояния Донбасса». Есть там и абзац, касающийся моего труда: «Своего рода энциклопедией стала рукопись Валерия Громака “Украина: НАТО и культ палачей”, человека, ставшего “иноземцем” на Украине. Автор объехал её города – Киев, Мариуполь, Львов – с начала противостояния Нэньки с Россией, позже побывал в Донецке и Ростове-на-Дону, делясь с читателями живыми впечатлениями. Рукопись – это воспоминания о советском прошлом Украины, о встречах с друзьями и противниками, военнослужащими ВСУ, мнение которых приводит Валерий Громач: “Военный конфликт – прибыль для определенной группы лиц. И деньги немалые”. По убеждению автора, наркомания, коррупция, культ палачей и фальсификация истории захлестнули Украину: “Президент Зеленский сейчас сам на стороне тех, против кого воевал его дед. Это предательство, как и запрет на использование символа Великой Победы, говорит о том, что на Украине последовательно проводится фашизация общества”».

Диалогия Ирины Горбань «Червивое яблоко», рассказы Юрия Хобы «Спаси и сохрани», Ивана Донецкого «Киса», Андрея Авраменкова «Оля и снаряд» и других авторов, несомненно, понравятся читателям. Как и обширный раздел «Поэзия», в котором представлены стихи о подвигах былинных богатырей, князя Игоря, Александра Невского, героев Великой Отечественной войны и героев нынешней специальной операции на Украине. Никого не оставят равнодушным «Донбассские сказки» Марины Бережневой – это страшные сказки и пронзительные строки о погибших под обстрелами детях. В сборнике представлены стихи девятнадцати поэтов, которых объединила любовь к Донбассу и вера в победу героических жителей над врагами.

Интересен и ярк третий раздел сборника «Публицистика и критика», в котором представлены публикации семи авторов.

«Антология стояния Донбасса» постепенно становится учебным пособием по патриотическому воспитанию молодёжи. Недавно в Кимрах прошёл гала-концерт фестиваля «Серебряная псалтырь». Он был посвящён русскому воинству, защитникам Отечества. На гала-концерте прозвучали «Стихи о военной Горловке» Александра Савенкова из сборника «Антология стояния Донбасса». Игорь Агибалов, директор ИД Академии имени Жуковского книгу «Антология стояния Донбасса», сборники военно-патриотической поэзии Алексея Полуботы передал в дар библиотеке им. Ф. И. Тютчева в Баляшихе. Теперь жители города смогут познакомиться с бесценными изданиями.

Сборник читают в школах, на патриотических мероприятиях.

Берега мира

Вадим Терёхин

Генеральный координатор WPM в России и Азии.

ПРАЗДИК ВЕСНЫ И ПОЭЗИИ В СТАМБУЛЕ

В Стамбуле состоялся Международный весенний фестиваль поэзии, организованный администрацией района Мальтепе. В рамках мероприятия прошло заседание Координационного Совета международного поэтического движения (WPM – World Poetry Movement). Перед любителями литературы выступили 17 поэтов из 10 стран – Турции, Индии (Рати Саксена), Колумбии (Фернандо Рендон и Глория Чаватал), Нигерии (Аюо Амале), Непала (Кешаб Сигдель), США (Агнета Фальк-Хиршман), Португалии (Луис Сарменто), Кубы (Алекс Паусидис), Франции (Францис Комб). От России в форуме принял участие русский поэт, представитель Культурного Фронта России и генеральный координатор WPM в России и Азии Вадим Терёхин.

Основателями фестиваля являются мэр Мальтепе Али Кылыч и известный турецкий поэт Атаол Бехрамоглу. Публика бурно встречала гостей в культурном центре имени Яшара Кемаля.

Во вступительном слове Мэр Али Кылыч сказал: «Мальтепе – это муниципалитет, который осознаёт важность культуры и проводит множество фестивалей на международном уровне в различных её сферах – театральной, музыкальной, художественной. Сегодня, благодаря Атаолу Бехрамоглу и мировому поэтическому движению (WPM), мы проводим Первый фестиваль Поэзии, посвящённый 100-летию Республики. Зачем нам нужен такой фестиваль? Поэзия вносит свой вклад в историю! Поэзия – это революция! Поэзия – это весна, обновляющая землю с каждым новым своим приходом! Поэзия – это огромная армия, её оружие – язык! Поэзия – это надежда! Поэзия – это любовь! Любовь – это величайшая религия! Поэзия – это сама жизнь!» В заключение он прочитал два своих стихотворения, посвящённых недавнему трагическому событию – землетрясению в Турции.

Поэт Атаол Бехрамоглу пожелал, чтобы фестиваль стал традиционным: «Мы впервые проводим такой фестиваль. Поэзия весеннего призыва! Сегодня приехали мои друзья, поэты из многих стран мира. Они являются ведущими фигурами Мирового Поэтического Движения – WPM (World Poetry Movement), которое насчитывает тысячи представителей и последователей по всему земному шару. Весна подобна поэзии, поэзия подобна весне. Сейчас они вместе ходят по Стамбулу! Сегодня все будут читать свои стихи на разных языках. Прошу вас внимательно слушать, чтобы почувствовать, что же такое поэзия! Я хочу от вас громких аплодисментов нашим гостям и организаторам фестиваля!» Он поблагодарил мэра и его команду за отличную работу в организации фестиваля!

Колумбийский поэт Фернандо Рендон, генеральный координатор Мирового поэтического движения (WPM), заявил: «Как же существует поэзия, если мы живём в очень тяжёлых условиях? Как

будто миру снятся страшные сны. На самом деле поэзия не снаружи, а внутри всех нас. Поэзия – образ человечества и всего живого. И в свете, который преобразит нас самих, и в энергии, которая изменит мир. В каких бы проявлениях мы ни видели поэзию, она – самая большая надежда для человечества. Поэтому мы хотим, чтобы поэзия объединила всех под покровом любви, солидарности и братства. Мы желаем, чтобы все люди протянули друг другу руки дружбы ради справедливости и равенства».

Американская поэтесса Агнета Фальк-Хиршман обратилась к гостям на турецком языке с надеждой, что языковые барьеры будут преодолены поэзией.

Кубинский поэт Алекс Паусидис высказал свои чувства следующим образом: «Сегодня Мальтепе проливает много света на тьму мира. Благодаря Поэзии у каждого из нас есть эта возможность усилить свет!»

Непальский поэт Кешаб Сигдель утверждал, что в его стране нет моря. В ней есть только самые высокие горы, но он видит Стамбул, в котором море есть, и именно поэзия объединяет море и горы!

Турецкий поэт Невзат Челик отметил, что поэзия будет продолжаться вопреки королям вечно.

Нурдуран Думан, национальный координатор мирового поэтического движения в Турции, сказала: «Поэзия есть во всём! И включает в себя всё! Если мы примем во внимание силу слова, то поэзия – это очень мощная вещь. Таким образом, мы можем думать о политическом и поэтическом действии бок о бок, опираясь на силу поэзии. В этом отношении поэзия принесёт больше мира и покоя».

Другие приглашённые поэты выразили своё удовольствие от участия в фестивале и обратили внимание на объединяющую силу поэзии, её важность в приобретении друзей.

Также WPM в преддверии Первого Конгресса Поэтического мирового движения в Венесуэле и Колумбии (июль 2023) организовало специальную встречу, на которой генеральный координатор Фернандо Рендон и координаторы поэтического движения на континентах мира договорились о нескольких ключевых моментах:

1) составление континентальных бизнес-планов в единый большой стратегический план на 2023–2027 годы;

2) работать в единстве и гармонии при подготовке к Первому мировому Конгрессу WPM в Медельине (Колумбия) и Каракасе (Венесуэла) в июле 2023 года;

3) уважать разнообразие мнений, не допускать того, чтобы право на несогласие и критику решалось путём взаимного противостояния;

4) развитие глобального поэтического движения (WPM) в духе совместимости и мира;

5) обеспечить участие как можно большего числа делегатов в предстоящем Первом мировом поэтическом Конгрессе в Медельине (Колумбия) и Каракасе (Венесуэла);

6) подготовка и публикация нового издания поэтического периодического издания Poetry Planetariat в июле, посвящённого конференции Всемирного поэтического движения (WPM).

Валентин Баюканский

Валентин Баюканский – родился в 1959 году в Липецке в писательской семье, насчитывающей пять поколений литераторов. Прозаик, член Союза российских писателей, лауреат премии им. Е. И. Замятина, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор восьми книг. Его рассказы и повести печатались в журналах: «Берега», «Север», «Новая Немига литературная», «Подъём», «Тамбовский альманах». Его фантастические рассказы и повести печатались в журнале «Юность» и «Петровский мост». Возглавляет областной союз писателей «Воинское содружество».

СЛАВА, БОГАТСТВО И ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Сказка о том, как добиться успеха в жизни

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СОРОКА – глашатай важных событий.

МАГИСТРИУС – учёный алхимик, Гость.

КУЗНЕЦ.

МАРИЯ-ВЫШИВАЛЬЩИЦА – дочь Кузнеца.

ПИВОВАР – старший сын Кузнеца.

КУПЕЦ – средний сын Кузнеца.

Открывается занавес, появляется Сорока, её костюм напоминает фрак дирижёра.

Здоровается с залом.

СОРОКА. Здравствуйте! Бонжур! Гутен таг! – видите, какая я мудрая, сколько знаю языков. Но это ещё не всё, могу издавать стрекочущие звуки и крики. Некоторые называют меня балаболкой. Ой, извините, что-то я увлеклась... Однако меня считают одной из самых умных птиц. По крайней мере, я обладаю способностью узнавать себя в зеркале. *(Рукой-крылом показывает, что смотрится в зеркало)*. Многие пернатые воспринимают своё изображение как другую птицу. Но это их проблема... Ещё я могу передвигаться по земле прыжками, могу ходить. Недоброжелатели, уверяют, что я, сорока, могу принести на хвосте сплетни... Чушь, у меня красивый, я бы даже сказала, элегантный хвост... В любом случае я – главный глашатай важных вестей. Я знаю все предания и сказки. Знаю все интересные истории, которые когда-либо случались. Об одной такой истории, свидетелем которой я и была, сейчас расскажу. Хотя некоторые, скорее всего те же недоброжелатели, говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, поэтому – мы начинаем.

Сорока представляет действующих лиц, которые по очереди выходят на сцену.

СОРОКА. Многоуважаемый Магистриус, пожалуйста, на сцену. *(Показывает на него рукой-крылом)*.

МАГИСТРИУС. Я стараюсь себя не афишировать, так как слишком многое знаю, а это опасный капитал. *(Кланяется и уходит)*.

СОРОКА. Попрошу на сцену Кузнеца.

КУЗНЕЦ. С моей силой *(двигает плечами и как культурист сжимает руки)* я мог стать охранником короля, но имею трепетную душу, а это во дворце не поощряется *(кланяется и уходит)*.

СОРОКА. Прошу на выход сыновей. Сказать о них мало что могу, да вы, друзья, сами с ними познакомитесь по ходу пьесы *(сыновья кланяются и уходят)*.

СОРОКА. Если бы у Кузнеца было три сына, я бы культурно сказала, что младший из них, как и во всех сказках, был не от мира сего, но ему почему-то всегда фартило, но у этого Кузнеца было два сына и дочка – звали её Мария-вышивальщица.

МАРИЯ. От отца я переняла умение подмечать во всём красоту. Он переносит её в изделия из металла, я – на холсты и ткани (*кланяется и уходит*).

СОРОКА. Официальная часть закончена, теперь можно начинать!

* * *

Магистриус кого-то ищет. Сзади появляется Сорока.

СОРОКА. Этот учёный всю жизнь потратил на изобретение вещей, обладающих волшебными свойствами. Ему удалось создать удивительные эликсиры, дающие молодость, красоту и здоровье. Никто не знает, сколько этому Магистриусу лет, ибо он всегда хорошо выглядит. Хотя, честно говоря, увидеть его крайне трудно. Он годами не выходит из своей тайной лаборатории, где проводит свои тайные опыты.

Сейчас Магистриус приехал в небольшой городок к знаменитому на всю округу кузнецу.

Появляются Магистриус и Кузнец. Сорока уходит.

МАГИСТРИУС (*обращается к Кузнецу*). Бывал я во многих странах, видел многих искусных мастеров, но никто не смог выполнить мой заказ. Если ты сделаешь из металла цветок не отличный от живого, я одарю тебя великой наградой.

КУЗНЕЦ. Мне самому давно хочется «оживить» металл. Я постараюсь сделать такой чудо-цветок. Приезжай через год и оцени мою работу.

* * *

Комната Кузнеца. Стол украшает ваза с цветами, рядом стоят тарелка с супом и корзинка с пирожками. За столом Кузнец и алхимик.

Появляется Сорока.

СОРОКА. Прошёл год, и алхимик Магистриус приехал к Кузнецу. Однако Кузнец пригласил гостя к себе домой, чтобы угостить обедом, и лишь потом пообещал показать, как справился с работой.

Я думаю, что Кузнец ничего не смог сделать и пытается задобрить учёного едой и отдыхом.

МАГИСТРИУС (*отломил кусочек пирожка и нетерпеливо спрашивает*): Благодарю за угощение, но где цветок? Смог ли ты его сделать?

КУЗНЕЦ. Так вот он (*улыбаясь, показывает рукой на вазу с цветами и, вынув один из них, протягивает алхимику*).

МАГИСТРИУС. Ах ты, хитрец! (*С восхищением разглядывает железный цветок*). Ты настоящий мастер! Ты сумел вложить в металл свою душу. Даже я не отличил твой цветок от настоящего! Теперь дело за мной. Я попытаюсь оживить твой цветок, используя чудодейственные эликсиры. Если это получится – я изменю законы природы! (*Достаёт мешочек с деньгами, высыпает на стол*). Скажи, сколько хочешь в награду?

КУЗНЕЦ. Мне ничего не нужно. Я рад, что сумел сделать то, о чём мечтал долгие годы. Однако у меня есть два сына и дочь. Награди их тем, что они попросят.

Отец зовёт сыновей и просит их назвать свои сокровенные желания.

ПИВОВАР. Мечтаю о славе!

КУПЕЦ. Хочу стать богатым!

МАРИЯ-ВЫШИВАЛЬЩИЦА. Чтобы мои дети никогда не испытывали голода.

Услышав просьбы детей кузнеца, Магистриус вынул из саквояжа инкрустированную драгоценными камнями серебряную шкатулку. В ней орден, золотая монета и кусок хлеба.

МАГИСТРИУС. Когда тебе понадобится слава, надень этот орден – и станешь известным (*учёный, достаёт орден из шкатулки и передаёт его старшему брату*). Будет нужно богатство, зажди в руку эту монету – и озолотишься (*передает монету среднему брату. Затем кладёт дочери кузнеца на ладонь кусок хлеба*). Когда возникнет необходимость в хлебе насущном, отрежь от этого куска – и он вновь станет таким же, каким был прежде. (*Одарив детей кузнеца, Магистриус поясняет*) У меня есть золото самой высшей пробы. Я не стремился получить его любой ценой. Оно было лишь инструментом для моих задач и планов, а не целью. Полученные вами вещи не простые – магические. Если вы будете использовать их, потакая своим человеческим слабостям и эгоизму, они не принесут вам радости. Как и моё золото, они должны быть лишь инструментом, помогающим достичь благих целей. Тогда вы по-настоящему будете счастливы, как и ваш отец.

Магистриус ещё раз благодарит кузнеца и уезжает.

Старший сын кузнеца прибегает домой и радостно восклицает.

ПИВОВАР. Теперь-то уж я точно стану известным, как мой отец! Но чтобы узнали о его мастерстве, он работал в своей кузне много лет. Я же – пивовар, и мне нужна слава сейчас! Я не собираюсь, как отец, так долго и тяжело работать!

С этими словами он надевает на грудь полученный магический орден и подходит к зеркалу.

Его лицо сильно постарело, в волосах появилась седина, взгляд потерял прежнюю остроту.

На его сюртуке красуется несколько медалей и орден, подаренный алхимиком.

ПИВОВАР (с ужасом). Что это?

Раздаётся голос Магистриуса.

МАГИСТРИУС. Это цена славы, о которой ты мечтал!

Средний сын, проводив алхимика, тут же достал из кармана подаренную монету и крепко сжал её в ладони.

КУПЕЦ. Наконец-то я утру нос нашим соседям, которые считают себя богатыми и со мной не здороваются. Теперь я смогу купить такую же карету, как у этого заграничного гостя-алхимика.

Через несколько мгновений, он обнаруживает, что едет в дорогой карете к своему дому и соседи с подобострастием снимают перед ним шляпы. Оказавшись дома, он с ужасом обнаруживает, что сильно постарел.

Дочь Мария, получив кусок магического хлеба, аккуратно завернула его в чистую тряпицу и пошла домой.

МАРИЯ-ВЫШИВАЛЬЩИЦА. Зачем мне пользоваться магией, если я пока сама в состоянии заработать на кусок хлеба. Вот если наступят голодные времена, моей семье и моим братьям нечего будет есть, я воспользуюсь этим хлебом. А пока нужно улучшать своё мастерство и радовать своими вышивками людей. Надеюсь, что когда-нибудь создам такой же прекрасный цветок, как и отец. Только он будет не железный, а вышитый.

СОРОКА (выходит на сцену). После встречи с алхимиком жизнь братьев изменилась. Старший брат стал известным пивоваром. Его портрет красовался на многих пивных этикетках. Средний брат слыл самым богатым купцом в округе. Но чем больше становились их известность и богатство, тем быстрее они старели и вскоре превратились в дряхлых стариков. Мария-вышивальщица продолжала вышивать. Её изделия становились всё красивее и изящнее.

Неожиданно в стране наступил голод. Неурожаи продолжались в течение трёх лет. Старший и средний братья вскоре разорились, покупая хлеб втридорога. А Мария продолжала заниматься любимым делом – украшала вышивкой скатерти, полотенца, салфетки, наволочки, которые продавала почти за бесценок, но её семья не голодала и в доме всегда был хлеб. Она часто делилась хлебом не только с родственниками, но и с соседями.

На четвёртый год поля вновь заколосились хлебами. Люди приходили в себя после долгих тяжёлых испытаний и учились, как и прежде, радоваться жизни.

Дочь Кузнеца достигла в своём ремесле необыкновенных высот. Она вышила на холсте изумительный по красоте букет цветов, глядя на который, хотелось петь и сочинять стихи.

Однажды к ней приехал странный человек. Он всё время старался прикрыть своё лицо, чтобы его никто не увидел. Гость попросил продать ему эту вышивку.

ГОСТЬ. Мария, слава о твоём красочном букете достигла и моих ушей. Покажи мне его.

МАРИЯ. Вот полюбуйтесь (показывает холст в раме, на которой вышит букет).

ГОСТЬ. Я дам за него тебе столько золота, что ты сможешь купить себе новый дом и большую мастерскую, в которой будешь обучать своему искусству учеников (протягивает Марии увесистый кошелёк с деньгами). И насколько я понимаю творческих людей, тебе хочется вышить картину ещё лучше. Твоя задача дарить людям радость.

МАРИЯ. Да, вы правы. Мне хочется обучать учеников, чтобы и они могли дарить радость другим. «Когда человек ценит красоту, ему легче жить», – так говорил мой отец.

Получив вышивку, человек сел в карету и уехал.

МАРИЯ. Где же я могла видеть этого незнакомца. Его голос кажется мне знакомым.

Раздаётся голос Магистриуса.

МАГИСТРИУС. Твои внуки будут гордиться тобой так же, как ты гордишься своим отцом-кузнецом, сделавшим мне когда-то железный чудо-цветок.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргатак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка: 2202 2009 0582 4080